

Ю. Л. Бессмертный

Жизнь и смерть в средние века

„Наука“

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт всеобщей истории

Ю. Л. Бессмертный

Жизнь и смерть в средние века

Очерки
демографической
истории
Франции

Москва «Наука» 1991

Ответственный редактор
А. Я. ГУРЕВИЧ

Бессмертный Ю. Л.

- Б53 Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции.— М.: Наука, 1991.— 240 с.**
ISBN 5-02-009052-2

На материале истории Франции IX—XVIII вв. в книге анализируются формы брака и семьи, прослеживаются изменения взглядов на роль женщины в жизни средневекового общества, рассказывается о половозрастных проблемах, об отношении к детству и старости, о самосохранительном поведении в разных социальных слоях, воспроизводятся средневековые представления о болезни и смерти. Автор исследует изменения важнейших демографических параметров — брачности, рождаемости, смертности, естественного прироста населения. Книга снабжена иллюстрациями.

Для историков, демографов и более широкого круга читателей.

Б53 Bessmertny Yuri L.

- Life and Death in the Middle Ages. Essays on the Demographic History of France.— М.: Nauka, 1991.— 240 p.**
ISBN 5-02-009052-2

The book by Yuri L. Bessmertny is based on the historical material of France in the ninth to eighteenth centuries. It deals with medieval perception of such fundamental concepts as marriage, love, sex and family, the ages of man, life and death. It traces a change in the attitudes to the role of woman in medieval society, to childhood, illness and old age, as well as vital behaviour in different groups and classes. The book presents a picture of changes in the most important demographic phenomena, such as nuptiality rate, birth-rate, death-rate, and natural growth of population.

The book is richly illustrated and will be of interest not only to historians and demographers, but to the average reader as well.

Б 0503010000—138 47—91, I полугодие
042(02)—91

ББК 63.3(0)4

ISBN 5-02-009052-2

© Издательство «Наука», 1991

К читателю

Историческая наука на распутье. И не только наша, отечественная. После влета 60—70-х годов, когда исследования по истории в ряде стран Запада достигли, по общепринятому мнению, крупных успехов, заново пробудив интерес к прошлому в широких массах, в 80-е годы виднейшие западные специалисты забили тревогу. Выявились издержки, казалось бы, безупречных подходов. Исторические штудии все заметнее стали разделяться на плохо сообщающиеся между собой отрасли.

Увлечение отдельными экзотическими сюжетами вытесняло поиск целого. Растущую неудовлетворенность вызывала «расстыковка» анализа субъективного видения мира людьми прошлого и объективных процессов в этом прошлом. Заговорили о принципиальной невозможности понимания связи и взаимосвязи в истории. Все чаще стало звучать слово «кризис»: кризис исторической науки, кризис гуманитарного знания, кризис цивилизации...

Подобным пессимистическим потам, периодически звучавшим в западной историографии и раньше, долгое время противостоял бодрый тон советской (и вообще марксистско-ленинской) истории. Все наиболее высокопоставленные ее представители многократно писали о том, что разговоры о кризисе, вполне естественные в «буржуазной» науке, не имеют к марксистской истории никакого отношения: если в рамках «углубляющегося кризиса капитализма» история обречена на кризис, то, напротив, в социалистических странах эта наука не знает (и не может знать!) кризисов, так как владеет единственно верной методологией познания.

Сегодня подобные суждения вызывают лишь усмешку. Во всех наших научных и публицистических изданиях звучат призывы к коренному обновлению. Историкам предлагают как можно скорее ликвидировать «белые» (или «черные», «грязные», «кровавые» и т. п.) пятна в своей науке, открыть забытые страницы прошлого, восславить не-

заслуженно опозоренных, восстановить справедливость и т. п.

Все эти призывы в общем вполне оправданны. Дело, однако, в том, что даже самое тщательное их выполнение еще далеко не дает желанного возрождения истории. Историческая правда — это не только крайне необходимая реабилитация миллионов безвинных и столь же оправданное осуждение палачей. Задачи истории намного шире. Изучая прошлое и сообщая о нем новую «информацию к размышлению», она призвана формировать общественное самосознание, толкая к раздумьям о смысле жизни и помогая нам понять самих себя, свое место в цепи поколений, свой гражданский и человеческий долг. История достигает этого не провозглашением абстрактных формул, но умением раскрывать реальную жизнь человека, выявлением того, что составляло его беды и радости и что подспудно их определяло. Поэтому нелепо сводить историю к выполнению конкретного «социального заказа» — каким бы достойным он ни был. Такая история будет лишь безгласной служанкой, у нее не будет собственного лица.

Только освобожденная от очередных «указаний», историческая наука сможет стать поиском научной истины и если и не «научит» нас чему-то конкретному, то по крайней мере подтолкнет в нужном направлении. Правда истории не лежит запечатанная в заветном конверте. Ее надо суметь добыть. История жива умением искать истину и способностью отличить в памятниках прошлого истинное от ложного.

Достичь этого не просто. Чем обширнее и многообразнее наши конкретные знания, тем сложнее собрать их в систему, не потеряв путеводной нити и не смешав зерна с плевелами. Чтобы преодолеть очередной познавательный барьер, важно вовремя заметить его, приостановиться, собраться с силами, найти новый подход, сформулировать новый вопросник. Именно такой момент настал сегодня в мировой историографии. Неважно, как будет он назван — «кризис», «поворот», «перелом». Важно, что в это время каждый, причастный к науке «история», не может не искать свой способ преодоления эпистемологических и конкретно-исторических трудностей и свое место в этом всемирном поиске. Это, разумеется, не предполагает обособления историков или исторических школ друг от друга. Наоборот, любые исторические школы способны двигаться вперед, только постоянно обмениваясь между собой достижениями — так же как и отрицательным опытом. В этом живом обмене идеями, на-

ходками, неудачами и состоит приобщение к мировой науке, столь важное для советской историографии, оставшейся десятилетиями в изоляции.

Автору хотелось бы думать, что читатель найдет в этой книге хоть частицу того поиска, о котором только что говорилось. Подобный поиск не знает хронологических ограничений. Он может быть равно актуален и на материале современности, и на материале сверхдалекого прошлого. Важно лишь, чтобы он не превращался в поиск химер вроде пресловутых «всеобщих закономерностей», чеканная поступь которых долго заглушала в нашей истории дела и мысли живых людей.

В противоположность такому подходу в центре этой книги человеческая жизнь в ее извечном борении со смертью. Избранный исследовательский ракурс предполагает сосредоточение внимания на ключевых этапах жизни — от рождения и детства до создания семьи, старения и смерти.

В книге предпринята попытка уяснить прежде всего, как в разные периоды средневековья люди представляли себе, что такое брак, секс, семья, детство, болезнь, старость, смерть. (То или иное понимание этих явлений называют «демографическими представлениями общества».) Руководствуясь подобными представлениями (а иногда и отклоняясь от них), люди создавали супружеские пары и разводились, рожали детей, или предотвращали зачатие, ухаживали за больными и стариками, или пренебрегали такими заботами и т. п. То, как вели себя люди в борьбе за жизнь (и вообще в демографической сфере), воплощало стереотипы их «демографического поведения».

Одновременно с освещением в книге субъективного восприятия демографических феноменов эти последние будут рассматриваться в их объективной взаимосвязи с особенностями экологических ситуаций, экономических структур, политического устройства, культурной эволюции. При этом будет выясняться ход основных демографических процессов, в частности изменения в рождаемости, брачности, смертности, продолжительности жизни, демографический рост и т. п.

Исследуя переплетение всех этих элементов, так же как взаимосвязь субъективного и объективного, историк получает возможность охватить мысленным взором социальное целое. Не сулит ли этот подход разрешения по крайней мере некоторых из названных выше трудностей исторического синтеза? Не содержит ли такой демографический анализ возможности более продуктивного подхода к познанию прошлого в этой очень важной социальной сфере?

Отрасль истории, изучающая демографические представления, демографическое поведение и демографические процессы в их взаимодействии между собой и с другими социальными явлениями, не имеет вполне устоявшегося названия. Одни называют ее «историческая демография», другие — «демографическая история». Может быть, ее следовало бы именовать «историко-антропологическая демография» по образцу современной исторической антропологии? По отношению к докапиталистическим обществам эта отрасль знания не развита пока ни у нас в стране, ни за рубежом. Это придает исследованию поисковый характер и отчасти объясняет многие его трудности и лакуны.

Автор считает приятным долгом поблагодарить всех коллег, чьи замечания и советы помогли завершению многолетней работы. Особой благодарности заслуживают молодые коллеги автора — В. А. Блонин, П. Ш. Габдрахманов, С. И. Лучицкая и Е. А. Тушина, помогавшие в проведении ряда статистических подсчетов и в подготовке монографии к печати.

Автор посвящает книгу жене, другу и ближайшему помощнику — Ирине Михайловне Бессмертной.

Москва, октябрь 1990 г.

ГЛАВА 1

Проблема и метод

История народонаселения привлекает пытливым ум с давних пор. Ею интересовались Платон и Аристотель, Августин и Григорий Великий, гуманисты и философы Просвещения¹. Почти полтора-ста лет тому назад появился и термин «демография», символизируя обособление штудий, посвященных населению². И тем не менее современную историческую демографию можно с полным правом назвать одной из самых молодых гуманитарных наук: не так уж необоснованы утверждения, согласно которым в своем пылшем воплощении она родилась лишь 30—40 лет назад³.

Преимущественную связь этой отрасли исторического знания с предшествующей историей народонаселения отрицать не приходится⁴. Предметная сфера обеих этих дисциплин имеет немало общего. Так пылшие историки-демографы изучают в числе прочего сюжеты, которые рассматривались их предшественниками и в прошлом, и даже в позапрошлом веке — численность и размещение населения, смертность, рождаемость, брачность, историческую обусловленность этих феноменов и т. п. Однако глубоко обновлению исторической демографии это не противоречит.

В самом деле. Еще в первой половине нашего столетия при характеристике, скажем, динамики населения, ближних и дальних миграций или же продолжительности жизни, на первом плане было описание этих явлений, так сказать, с внешней точки зрения. Такое описание, несомненно, помогало уяснить ход социально-экономического развития, выступая в качестве важного,

хотя и *вспомогательного* источника знаний о прошлом. (Не случайно «статистика населения» — как нередко называли тогда демографические штудии — причислялась обычно к «вспомогательным» историческим дисциплинам.)

С 60-х годов историко-демографические исследования на Западе стали все реже ограничиваться подобными описательными задачами. Центр тяжести постепенно перемещался на раскрытие внутренних составляющих каждого демографического процесса, на анализ его взаимодействия с другими процессами в этой сфере и, главное, на понимание демографического развития как одного из воплощений движения общества в целом. Подоснову этого, поначалу спонтанного, сдвига составляло более глубокое, чем раньше, осмысление весьма важной черты исторического процесса: в нем неизбежно сопрягается действие объективных условий, в которых существует общество, и субъективных помыслов людей, действующих в его рамках³. Соответственно всякое историческое исследование, и в частности историко-демографическое, приобретает особый интерес, когда оно одновременно охватывает и объективную и субъективную стороны исторической действительности.

Последовательная реализация этого принципа заставила во многом изменить изучение демографических феноменов. Например, при исследовании рождаемости теперь не ограничивались выявлением ее общего уровня. Особое значение придавалось изучению отличий в рождаемости, характерных для разных социальных и возрастных групп, и связи этих отличий как со спецификой экономического и политического положения таких групп, так и со свойственными их членам представлениями о мире, человеке и нормах прокреативного поведения. В частности, учитывалось влияние представлений о смысле рождения себе подобных, о месте ребенка в семье и обществе, об оправданности родительской любви к детям, об отношении к больному ребенку, о задачах воспитания, о численности потомства, которую признавали «нормальной», и т. п. Не меньший интерес проявляли к изменениям во взглядах на детородный акт, на возможность, с точки зрения супругов, отделить соитие от зачатия, признав самоценность сексуального наслаждения. Подобное расширение проблематики изменяло самый характер изучения рождаемости. Узкодемографический подход уступал место комплексному. Социально-экономические, экологические или политические факторы колебаний в рождаемости переосмысливались как элементы субъективной картины мира, которые воздействовали на поведение людей разных социальных групп не «извне», но поскольку они были пропущены через сферу их сознания⁴.

Аналогичным образом преобразовывалось изучение смертности. Помимо того что установление ее общего уровня дополнялось анализом ее социальных, половозрастных, сезонных и других особенностей, явление смертности начали рассматривать в гораздо более широком контексте. Была поставлена задача связать исследование смертности с восприятием смерти и ее причин и с активностью самосохранительного (витального) поведения. А так как это поведение (как и восприятие смерти в разных социальных, имущественных и возрастных классах) могло существенно различаться, демографический анализ и здесь становился способом комплексного изучения объективной и субъективной сторон исторической действительности⁷.

В том же ключе начали строиться в 60—70-е годы исследования по истории брака и брачности, семьи и родства, статуса женщины, положения стариков, так же как и многих других феноменов демографической истории. В результате историческая демография как научная дисциплина претерпевала принципиальные изменения. Из вспомогательной отрасли социально-экономического анализа она стала превращаться в одно из направлений исторического синтеза. Ее перестройка выступала как проявление общей тенденции к интеграции исторического знания, и прежде всего к соединению двух трудно поддававшихся до сих пор интеграции подходов к изучению прошлого — того, который предполагает освещение объективных социальных процессов, и того, который раскрывает субъективное восприятие мира (и самих этих процессов) людьми прошлого⁸.

Еще не так давно историки гордились тем, что их наука перестала придавать первенствующее значение политическим событиям, описываемым на основе субъективных высказываний их участников, и что в центр внимания наконец-то попали «объективные» социально-экономические процессы и структуры⁹. Автор этих строк далек от того, чтобы недооценивать вклад, внесенный исследователями на базе этого подхода. Однако справедливость требует признать, что (как показала научная практика) структурный анализ социально-экономической сферы и в еще большей мере искусственное противопоставление объективной стороны исторического процесса его субъективному восприятию затрудняют или даже исключают адекватное воспроизведение прошлого. Ибо «„объективные“ предпосылки человеческой деятельности не действуют автоматически, люди должны так или иначе воспринять и осознать их для того, чтобы превратить в стимулы своих поступков. „Субъективные“ же эмоции, идеи, представления, верования оказываются мощными факторами общественного поведения человека»¹⁰. Именно поэтому поступки отдельных людей и действия человеческих общностей соотнобразуются в целом ряде си-

туаций не столько с «объективной реальностью», сколько с тем, какой она видится ее современникам.

Эти эпистемологические идеи, широко принятые в современной науке, оказали мощное влияние на развитие современной исторической демографии. Оплодотворив ее, они способствовали ее популярности и резкому увеличению числа историко-демографических исследований. Особенно заметным был рост этой отрасли в странах Запада в 60—70-е годы, когда в историко-демографической науке впервые начал широко использоваться тип источников, чуть ли не идеально отвечавший новым научным запросам. Речь идет о метрических записях в приходских книгах.

Специалистам было давно известно, что в позднее средневековье под эгидой церкви началась письменная регистрация браков, крещений и похорон. Книжки с этими записями сохранились во многих европейских странах начиная с XVII в. (а в некоторых областях — с XVI или даже с конца XV в.). Долгое время этими книжками интересовались лишь специалисты по истории церкви. Гражданские историки не видели способов использования этих памятников. Состоящие из десятков и сотен тысяч разрозненных записей, приходские книжки казались не только трудным, но и мало обещающим источником. Ситуация изменилась, когда, с одной стороны, обострилось внимание к повседневному поведению рядового человека, а с другой — появилась возможность машинной обработки массовых источников.

Разработанная в 50—60-е годы во Франции методика «восстановления истории семей» опиралась на использование математической статистики и компьютеров¹¹. С помощью этой методики и во Франции и в других странах были созданы обширные банки данных, включающие подчас многие миллионы записей¹². Стало возможным детально проследить историю тысяч и тысяч конкретных семей, даты их возникновения, сроки их существования, время рождения каждого ребенка, общую численность детей в семье, длительность жизни отдельных детей, промежутки между их рождениями, возраст смерти родителей, темп смены поколений и т. п. Опираясь на эти сведения, удалось выявить наиболее распространенный возраст первого брака, среднюю величину интергенетического интервала, сезонность браков и смертей, частоту добрачных зачатий (в случаях, когда рождение ребенка происходило, скажем, через 4—5 месяцев после заключения брака), среднюю продолжительность жизни взрослых, длительность детородного периода, фертильность женщин, применение контрацептивов (или иных средств планирования рождаемости), удлиняющих интергенетические интервалы или же приводящих к снижению возраста последнего материнства. Все эти данные легко дифференцировались по социальным подгруппам, выявляя различия в по-

ведении крестьян и ремесленников, малолетних и зажиточных, дворян и купцов и т. п. Не составляло также труда проследить особенности демографического поведения в крупных и мелких деревнях, малых и больших городах в разных географических зонах и т. п. Сухие статистические данные превращались таким образом в источник сведений о нормах поведения людей разного статуса в самых интимных сферах их жизни.

Комбинируя эти сведения с теми, которые содержались в нарративных памятниках эпохи, исследователи могли анализировать соотношение между идеалом и действительностью, между предписаниями морали и реальной практикой. Открывалась редкая по познавательной значимости возможность проследить воздействие массовой модели поведения на реальное поведение в разных социальных группах, сопоставить влияние на это поведение объективных условий существования и моральных императивов, выявить частоту индивидуальных отклонений и т. д.

Неудивительно, что введение в научный оборот приходских книг дало со своей стороны мощнейший толчок историко-демографическим исследованиям эпохи XVI—XVIII вв. Опираясь, кроме того, на материал налоговых описей и появляющихся несколько позднее региональных и национальных переписей населения, историческая демография 60—80-х годов нашего века оказалась способной в той или иной мере заимствовать методы и категориальный аппарат классической демографии, социологии, исторической антропологии, социальной психологии, других смежных наук.

В развитии исторической демографии нашла, таким образом, яркое воплощение характерная для последних десятилетий тенденция к междисциплинарному синтезу.

О размахе и содержании историко-демографических исследований написано немало¹³. Специалисты имели все основания говорить об историко-демографическом «буме» в странах Западной Европы и Америки с конца 50-х до начала 80-х годов¹⁴.

К сожалению, это научное движение — как и ряд современных ему веяний в западной историографии — почти полностью обошло советскую науку (и особенно те ее отрасли, которые заняты изучением истории Запада). Удивляться этому не приходится. Давняя и прочная традиция дореволюционной российской науки в изучении истории народонаселения была искусственно прервана еще в начале 30-х годов. Абсолютизация роли «производства материальных благ» (так же как и государственного регулирования общественного развития) побудила официальное обществоведение времен сталинщины отвести спонтанные демографические процессы к числу второстепенных и малозначущих¹⁵. Это предопределяло судьбу демографических исследований в

стране. Были закрыты научные учреждения в области демографии. На изучение демографической проблематики было наложено негласное табу.

Преодолеть сложившийся за долгие годы стереотип оказалось не просто. Лишь в 70-е годы в СССР возобновилась сначала историко-демографическая, а затем и исследовательская работа в области исторической демографии. Пионерами оказались эстонские ученые, первыми у нас применившие западноевропейскую методику «восстановления истории семей» (ВИС) при анализе демографических процессов в XVII—XIX вв. В 70—80-е годы историко-демографическое изучение затронуло центральные области России, Сибирь, Кавказ, Молдавию и другие районы СССР. Медленно всего возобновлялась исследовательская работа в области исторической демографии Запада: фактически она начала разворачиваться лишь во второй половине 80-х годов.

Общей особенностью отечественных демографических исследований было сосредоточение внимания на трех последних столетиях. Более ранние периоды до самого последнего времени не изучались у нас вообще. Впрочем, это время практически не исследовалось и за рубежом. Даже во Франции — признанном центре историко-демографических штудий — основное внимание и поныне уделяется периоду после 1670 г., когда дошедшие до нас метрические записи впервые оказываются достаточно репрезентативными. Уже предшествующие десятилетия XVII в., как и XVI в., считаются временем, демографический анализ которого может быть лишь частичным и неполным¹⁶. Что же говорить о длинной череде столетий, предшествующих XVI—XVII вв.?.. Приходится признать: несмотря на широкий размах историко-демографических исследований, они пока мало затронули средневековую эпоху, от которой, как известно, не сохранилось массовых источников.

Это не значит, что по этому периоду не существует ряда важных трудов. Наиболее капитальный из них — опубликованная в 1988 г. в Париже «История французского населения», первый том которой целиком посвящен древности и средневековью (до XV в.). И объем этого тома (около 600 стр.), и квалификация авторов (в нем участвуют такие известные историки и демографы, как Ж. Дюпакье, Ж. Бирабен, Р. Ботье, Р. Этьеп, А. Дюбуа, К. Клапш-Зубер и др.) придают этому изданию очень большой научный интерес. В томе нарисована широкая картина заселения французской территории: выявлены этнические особенности разных регионов, проанализированы миграции, охарактеризованы примерная численность и плотность населения и их эволюция. В ряде глав собраны новые данные о рождаемости и смертности, описаны некоторые формы брака и семьи. Предпри-

ния попытка связать демографическую динамику с социально-экономическим развитием, политическими катаклизмами, эпидемиями, изменениями в режиме питания, гигиеническими условиями и т. д.¹⁷

Особого внимания заслуживают сформулированные Ж. Дюпакье во «Введении» к первому тому общие подходы: приоритет «качественного» анализа над количественным; важность проникновения в картину мира древних и средневековых людей (в частности, в их понимание рождения или смерти); признание того, что историческая демография древности или средневековья может успешно развиваться лишь в симбиозе с социально-экономической и ментальной историей и должна быть целостным прочтением истории того или иного народа¹⁸.

К сожалению, эти принципы, предложенные Ж. Дюпакье авторскому коллективу, в целом не были реализованы. Несмотря на исключительное многообразие охваченных в томе сюжетов, в нем нет взаимосвязанного анализа демографического и ментального развития. Едва ли не важнейший из намеченных Ж. Дюпакье подходов — демографическая история «изнутри» (т. е. исходя из внутренней мотивации демографического поведения) — в «Истории французского населения» реально почти не представлен. Сколь бы ни был богат собранный в ней материал, она остается по своему типу ближе к традиционной демографической истории «извне», чем к работам, соединившим в себе анализ объективной и субъективной сторон исторического процесса.

Почти то же самое можно сказать об историко-демографических исследованиях, освещающих отдельные провинции Франции в период до XVI в., как и о трудах, в которых проблемы демографической истории средневековой Франции характеризуются попутно с историей других народов Европы. Во многих из этих исследований собран чрезвычайно ценный фактический материал, которым мы, естественно, будем широко пользоваться¹⁹. Но развернутого историко-демографического анализа в том его наиболее актуальном, с нашей точки зрения, ракурсе, который был отмечен выше, они не содержат.

Стремясь восполнить этот пробел, мы попытаемся исследовать демографическую историю средневековой Франции в нескольких планах. Наша ближайшая цель показать бегство жизни и смерти — двух подлинно ключевых феноменов в истории человечества в целом и каждого человека в отдельности. Сам по себе интерес к этой теме традиционен для демографических исследований. Отличие нашего подхода в том, что мы хотели бы рассмотреть противоборство жизни и смерти, как и все иные явления, воплощавшие демографическое развитие (браки и семьи; детство и старость; дихотомия полов; здоровье и болезнь и т. п.),

не только или даже не столько «извне» — как объекты стороннего наблюдения, но и «изнутри» — исходя из внутренней мотивации действий средневековых людей. Этот анализ составит как бы второй, еще более важный для нас план исследования. Он предполагает специальное внимание к восприятию современниками каждого демографического феномена. Очевидно, что это восприятие не обязательно было одинаковым у крестьян, сенсоров или горожан. Оно могло варьировать, кроме того, в зависимости от имущественного положения отдельных групп внутри этих сословий, от принадлежности человека к разным возрастным классам или половым группам и т. п. Во всех таких случаях демографическое и шире — социальное поведение членов этих групп, непосредственно обуславливавшееся различиями в их восприятии действительности, опосредованно выражало объективные различия их существования. Изучение этого поведения и его различных вариантов открывает, следовательно, путь к пониманию глубинного взаимодействия объективных социальных структур и их субъективного видения людьми изучаемой эпохи. Историко-демографическое развитие перестает при таком подходе выступать как фатально predetermined движение безликих масс, оно предстает перед нами как результат столкновения осознанных или неосознанных интересов и действий живых людей.

Именно в ходе такой борьбы интересов складываются характерные для каждого этапа средневековья тенденции объективного демографического развития. Их изучение составляет еще один — третий (по счету, но не по важности) — план нашего исследования. Реализуя его, мы попытаемся наметить взаимозависимость процессов в демографической сфере с теми, которые протекали в экономике, политике, культуре. Это позволит затронуть ряд специальных историко-демографических проблем. В их числе соотношение на разных этапах средневековья наличных человеческих ресурсов и потребностей общества в них. В принципе такое соотношение могло быть как «соразмерным», так и «несоразмерным» (т. е. таким, когда человеческих ресурсов либо не хватало, либо, наоборот, они были в избытке). Какой была эта ситуация в средневековой Франции? Насколько велики были тогда возможности демографической саморегуляции? Как она осуществлялась? Чем она отличалась от той, что известна для начала нового времени и современности?

Эти и подобные им вопросы важны не только с конкретно-исторической точки зрения. Как известно, современные демографы и социологи безуспешно ищут способы приостановить несбалансированный рост населения в странах «третьего мира», так же как и средства преодолеть отрицательную демографическую динамику в развитых странах. Не поможет ли в этих поисках

яснение механизма демографической саморегуляции в эпоху средневековья? В том же смысле может оказаться поучительным материал по истории брака и семьи — институтов, сложившихся в наиболее знакомой нам по повседневному опыту форме, как раз в средние века и именно сегодня оказавшихся на грани кризиса.

Подчеркивая научную актуальность широкого демографического исследования средневекового общества, следует отдать себе отчет в том, насколько таковое осуществимо. Как уже отмечалось, для периода, предшествующего XVI в., во Франции практически не сохранилось метрических записей. Весьма редки и фрагментарны для того времени и налоговые списки, и поземельные расследования. Демографические параметры в средние века трудно определить поэтому не только в масштабах страны, но и для отдельных областей. Нет в средневековых источниках и эксплицитного выражения массовых умонастроений; не найти прямого выражения представлений о браке, семье, жизни, смерти, детстве, старости и т. п. Мотивация демографического поведения или тем более ее изменение не раскрываются. Вопросы регуляции численности населения не затрагиваются.

Мыслимо ли в этих условиях воспроизвести демографическую историю французского средневековья в ракурсе, который намечен выше?.. Приходится признать: отсутствие в большинстве современных медиовистических исследований целостной характеристики демографических явлений не случайно; оно во многом объясняется крайней лаконичностью источников.

Известно, однако, что информативность исторических источников — величина непостоянная. Она возрастает с увеличением нашего умения поставить новые вопросы, найти более эффективный метод анализа. Выше отмечалась познавательная важность видения прошлого как взаимосвязанного единства субъективного и объективного, иначе говоря, как субъективного осмысления членами того или иного общества окружавшей их объективной реальности. Такое видение прошлого могло бы открыть новые возможности в изучении, в частности, демографической истории. Рассматривая демографические представления и демографическое поведение как результат восприятия людьми средневековья некоторых объективных процессов, протекавших в обществе, не получим ли мы — пусть опосредованное — отражение этих процессов? Иными словами, не поможет ли анализ демографических представлений и их изменения воспроизведению не только социокультурного пласта прошлого, но и инициировавших такие представления «грубых фактов жизни»? Конечно, подобное воспроизведение будет в той или иной мере искаженным и односторонним. Тем не менее оно могло бы стать исходной точкой для характеристики явлений, порою вовсе сокрытых от наших глаз.

Дело за «малым»: как воссоздать демографические представления, не нашедшие прямого отражения в средневековых текстах? При всей трудности этой задачи она не принадлежит к числу неразрешимых. В медиевистике накоплен немалый опыт использования косвенных данных источников. К числу таких косвенных данных относятся не только оговорки или «проговорки» в самом тексте источника, но прежде всего «подтекст» высказываний, их форма, их вариации в «нормативных» и «казуальных» пластах каждого памятника. Не менее поучительны умолчания и недомолвки: порой они выявляют характерные изменения, происходящие со временем в суждениях и оценках. Перспективны и морализирующие сентенции, высказываемые по тому или иному случаю; судя по ним, удается порой восстановить разрыв между нормой и действительностью, между предписываемым поведением и действующим обычаем. Генеалогические и просопографические материалы вместе с частью-хозяйственными описаниями и актами позволяют порой как бы «считывать» с описываемой в них реальности поведенческие нормы, укорененные в обществе, и даже давать примерную количественную оценку ряду демографических явлений²⁰. Разумеется, все это позволяет получить лишь самый общий абрис демографических представлений, стереотипов поведения и конкретных процессов. Различить на базе таких данных локальное и общее не удастся. Не всегда просматриваются и особенности демографического поведения крестьян, горожан и сеньоров. Многое остается лишь на уровне гипотез, требующих дальнейшей проверки.

Однако «в развитии науки бывают моменты, когда одна синтетическая работа, хотя бы она и казалась преждевременной, оказывается полезнее целого ряда аналитических исследований, иными словами, когда гораздо важнее хорошо сформулировать проблемы, нежели пытаться их разрешить»²¹. Эти слова, написанные в 1931 г. Марком Блоком об аграрной истории, невольно приходят на ум, когда встает вопрос о дальнейшей разработке демографической истории французского средневековья. Сознвая трудности такого исследования, мы избираем для него очерковую форму. Иными словами, мы заранее отказываемся от того, чтобы рассмотреть все без исключения аспекты демографического развития, определить путь решения всех основных проблем или тем более оценить познавательные возможности всех имеющихся источников. На данном этапе нам казалось полезным рассмотреть хотя бы часть ключевых вопросов, поддающихся решению на имеющемся в нашем распоряжении источниковом материале.

Отправным хронологическим рубежом исследования избран каролингский период, в течение которого Франция родилась как самостоятельное государство. Этот период (IX—X вв.), когда в

общественном строе Франции возобладали феодальные черты, и два следующих за ним — этап наивысшего торжества феодального строя во Франции (XI—XIII вв.) и переломный этап XIV—XV вв., в рамках которого назревали предпосылки кризиса средневекового общества — рассматриваются в трех основных главах книги. Последняя — 5-я глава, характеризующая демографические процессы во Франции в XVI—XVIII вв. — в период разложения феодализма и генезиса буржуазного общества, — нацелена прежде всего на выяснение форм и масштабов преемственности между демографическим развитием в этот новый период истории и в предшествующие столетия средневековья.

Учитывая интенсивность в последние десятилетия историко-демографического исследования Франции XVI—XVIII вв., мы ограничиваемся в 5-й главе преимущественно обобщением уже накопленных научных данных. В отличие от этого в основных разделах книги нам приходилось базироваться на собственных размышлениях. Здесь потребовалось параллельно разрабатывать методические и содержательные вопросы, так как без решения первых было невозможно осветить вторые.

Все основные разделы работы имеют сходную структуру. В них рассматриваются брачные модели и брачность, понятие семьи и семейные формы, восприятие детства и численность детей, познания на статус женщины и численное соотношение полов, отношение к старости и смерти и продолжительность жизни, представления об основных возрастах и возрастная пирамида, темпы прироста населения и демографическая динамика.

При изучении взаимосвязи демографической динамики с процессами в других общественных сферах специальное внимание уделяется совершенствованию категориального аппарата. Вызвано это тем, что современная наука пользуется при рассмотрении данной проблематики явно недостаточным кругом понятий. Ключевые из них на сегодня два: режим воспроизводства населения (РВН) и тип воспроизводства населения (ТВН). При этом под РВН подразумевается совокупность конкретных количественных характеристик воспроизводственного процесса, под ТВН — совокупность «наиболее важных качественных черт воспроизводства населения в более или менее сходных исторических, экономических, социальных и др. условиях»²².

Специалисты по исторической демографии — и советские и зарубежные — чаще всего исходят из последовательной смены в истории человечества трех основных, «устойчивых» ТВН и некоторого числа «промежуточных» ТВН, «не способных к длительному существованию». Наиболее древним («архетипом») считается тот, конкретно никем не описанный ТВН, который был характерен для общества присваивающей экономики²³. Второй,

исторически известный ТВН — «традиционный» — признается характерным для всех докапиталистических аграрных обществ, а также для ранних — доиндустриальных стадий капитализма²⁴. Третьим — «современным» («рациональным») называют ТВН, господствующий в развитых капиталистических обществах, а также в «обществах социалистического типа»²⁵.

Недостаточную понятийную разработанность трех исторических ТВН признают в общем виде все. Конкретизируя недостатки используемого ныне понятия ТВН, отметим прежде всего неопределенность общен исторических критериев разных ТВН. Она бросается в глаза по отношению к традиционному ТВН, связываемому и с феодальными, и с раннекапиталистическими, и с раннеклассовыми обществами. Столь же явна она и для современного ТВН, который признается типичным и для развитых капиталистических и социалистических стран.

Все это не значит, что выделение трех названных ТВН вовсе лишено смысла. Каждый из них, по-видимому, соответствует некоему этапу мирового воспроизводственного процесса. Советские исследователи уделяли до сих пор внимание преимущественно тому, каковы необходимые и достаточные критерии разграничения «основных ТВН», и сколько их сменилось в истории²⁶. Гораздо меньший интерес привлекал особенно важный с конкретно-исторической точки зрения вопрос о том, достаточна ли категория ТВН как таковая для осмысления всех качественно различавшихся между собой этапов демографического развития. Мы попытаемся рассмотреть этот вопрос применительно к «традиционному ТВН» на материале средневековой Франции.

Анализ основных дискуссий по каждому из периодов демографической истории средневековья содержится в главах. Там же дается характеристика привлекаемых письменных источников. В книге используется ряд иконографических материалов. Они позволяют конкретнее и глубже понять многие чуждые современному человеку демографические представления прошлого. Репродукция миниатюр и картин скопированы на наклейках по тематическому принципу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Roussel A. Histoire des doctrines démographiques. Illustrée par les textes. P., 1979; Dupâquier J., Dupâquier M. Histoire de la démographie: La statistique de la population des origines à 1914. P., 1985; Шелестов Д. К. Демография: история и современность. М., 1983; Он же. Историческая демография. М., 1987.

² Guillard A. Eléments de statistique humaine ou démographie comparée. P., 1855.

³ Вилинский А. Г., Кон И. С. Предисловие // Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979. С. 3; Dupâquier J. Introduction à la démogra-

- phie historique. P., 1974; *Idem*. Introduction // Histoire de la population française. P., 1988. T. 1. P. 2-3; *Imhof E.* Einführung in die Historische Demographie. München, 1977. S. 12-21.
- ⁴ См. об этом: *Шелестов Д. К.* Демография... С. 96.
- ⁵ Этим изменениям в историко-познавательном подходе к прошлому в 60-80-е годы посвящена огромная литература. Укажем здесь лишь несколько обзорных работ: *Дюби Ж.* Развитие исторических исследований во Франции в 1945-1990 гг. // Одиссей, 1991. М., 1991; *Гуревич А. Я.* «Школа» Анналов и проблема исторического спятева. М., 1992; *Он же.* Историческая наука и историческая антропология // ВФ. 1988. № 1; *Он же.* Социальная история и историческая наука // ВФ. 1990. № 4; *Бессмертный Ю. Л., Гуревич А. Я.* Идеология, культура и социально-культурные представления западноевропейского средневековья в современной западной историографии // Идеология феодального общества в Западной Европе. М., 1980; *Bromley J. V., Tishkov V. A.* Anthropology, Etnology, History: Two traditions // 17-е Congrès International des sciences historiques: Grands thèmes: Methodologie: Sections chronologiques I: Rapports et abrégés. Madrid, 1990; *Davies N. Z., Darnton R.* History and Anthropology // Ibid.; *Hutton P. H.* The History of Mentalities: The New Map of Cultural History // History and Theory. 1981. Vol. 20, N 3; *Ariès Ph.* L'histoire des mentalités // La Nouvelle Histoire Sous la dir. de J. Le Goff. P., 1978.
- ⁶ Одним из первых, кто продемонстрировал научно-познавательные возможности такого подхода к изучению детства, деторождения и рождаемости, был французский социолог и историк Ф. Ариес. См.: *Ariès Ph.* L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. P., 1973. Обзор последующих работ по этой проблематике см. в названном выше реферативном сборнике «Идеология, культура и социально-культурные представления...», а также в сборнике «Культура и общество в средние века» (М., 1982. Вып. 1; М., 1987. Вып. 2; М., 1990. Вып. 3).
- ⁷ *Гуревич А. Я.* Смерть как проблема исторической антропологии: О новом направлении в зарубежной историографии // Одиссей. 1989. М., 1990.
- ⁸ *Бессмертный Ю. Л.* Проблемы исторической демографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. М., 1989. Вып. 1.
- ⁹ *Бессмертный Ю. Л.* Школа «Анналов»: весна 1989 г. // Европейский альманах. М., 1991. Вып. 2.
- ¹⁰ *Гуревич А. Я.* К читателю // Одиссей, 1989. С. 6.
- ¹¹ *Fleury M., Henry L.* Des registres paroissiaux à l'histoire de la population: Manuel de dépouillement et d'exploitation de l'état civil ancien. P., 1956; *Fleury M., Henry L.* Nouveau manuel de dépouillement et d'exploitation de l'état ancien. P., 1965.
- ¹² О данных по Франции XVII-XIX вв. см.: *Dupâquier J.* Introduction // Histoire de la population française. P., 1988. T. 2. P. 3-6; *Idem.* Les sources et les institutions // Ibid. P. 10-23. Банки данных по Англии XVI-XIX вв. еще более обширны: известный труд Е. Ригли и Р. Скофилда о населении Англии в XVI-XIX вв. опирается на 3,7 млн метрических записей. См.: *Wrigley E. A., Schofield R. S.* The Population History of England, 1541-1871. L., 1981. P. 11.
- ¹³ *Вишневский А. Г.* Демографическая революция. М., 1976; *Шелестов Д. К.* Историческая демография. С. 213, сл.; *Самаркин В. В.* Историческая демография западноевропейского средневековья: Обзор // ВИ. 1977. № 2; *Бессмертный Ю. Л.* Историческая демография позднего западноевропейского средневековья на современном этапе // СВ. М., 1987. Вып. 50; Демография западноевропейского средневековья в современной зарубежной историографии. М., 1984; *Goubert P.* Ving-cinq ans de démographie historique // Sur la population française au XVIIIe et au XIXe siècle. P., 1973.

- P. 312–321; *Dupâquier J.* Dix ans de démographie historique // RH. 1982. N 544; *idem.* Population et famille // Metodi, risultati e prospettive della storia economica. Sec. XIII–XVIII. Prato, 1988. Издаваемый с 1978 г. ежегодная библиография по исторической демографии (*Bibliographie internationale de la démographie historique*) свидетельствует о неуклонном росте числа публикаций до 1981 г. и стабилизации этого числа в последующие годы (750–850 публикаций ежегодно). Лишь в 1989 г. это число несколько сократилось – 621 публикация.
- ¹⁴ *Hollingsworth T. H.* Historical Demography. N. Y., 1969. P. 53; см. также: *Perrenoud A.* Où va la démographie historique? Analyse de contenu de la «Bibliographie internationale de la démographie historique» // ADH. 1986. P. 251–272.
- ¹⁵ См. подробнее: *Bessmertny Y.* La démographie historique de l'Europe occidentale: l'état des recherches en URSS // ADH. 1990.
- ¹⁶ Специальный выпуск ежегодника по демографической истории за 1980 г. имеет заголовок «La démographie avant les démographes (1500–1670)» См.: *Annales de démographie historique.* 1980.
- ¹⁷ Особенно интересны в этом отношении главы: *Botier R. A.* Haut Moyen Age; *Dubois H.* L'essor médiéval; *Higouet-Nadal A.* Le relèvement.
- ¹⁸ *Dupâquier J.* Introduction // Histoire de la population... P. 4–6.
- ¹⁹ Среди таких работ назовем, в частности: *Fossier R.* La terre et les hommes en Picardie jusqu'à la fin du XIIIe siècle. P., 1968; La démographie médiévale: sources et méthodes. Nice, 1972; *Pournier G.* Le peuplement rural en basse Auvergne durant le haut Moyen Age. P., 1962; *Bocquet A.* Recherches sur la population de l'Artois et du Boulonnais. Arras, 1969; *Higouet-Nadal A.* Périgieux au XIVe et XVe siècle: Etude de démographie historique. Bordeaux, 1978; *Biraben J. N.* Les hommes et la peste en France et dans les pays européens et méditerranéens. P., 1975; *Lorcin M. Th.* Vivre et mourir en Lyonnais à la fin du Moyen Age. P., 1981; *Bois G.* Grise du féodalisme: Economie rurale et démographie en Normandie orientale. P., 1976; *Baratier E.* La démographie provençale du XIIIe au XVIe siècle. P., 1961; *Minois G.* Histoire de la vieillesse en Occident. P., 1987; *Goody J.* L'évolution de la famille et du mariage en Europe. P., 1985; *Herlihy D.* Medieval Households. Cambridge (Mass.); L., 1985; *Russell J. B.* The control of late ancient and medieval population. Philadelphia, 1935.
- ²⁰ В соответствии с этим мы привлекаем самые разные типы источников: теологические и правоучительные трактаты, проповеди, хроники, агиографические тексты, пенитенциалии, светское и церковное законодательство, сборники обычного права, акты, частнохозяйственные описи, генеалогические материалы, литературные произведения и др.
- ²¹ *Блок М.* Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957. С. 36.
- ²² Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 265; *Шелестов Д. К.* Историческая демография. С. 122, сл.
- ²³ Предполагается, что для него были типичны именно не ограничиваемая исключительно высокая рождаемость и крайняя ограниченность числа выживших в каждом поколении (число выживших могло едва превышать – или даже не достигать – числа родившихся).
- ²⁴ Его признаки: наличие известной сбалансированности между рождаемостью и смертностью за счет ограничений в брачности (запрет ранних браков, ограничение круга лиц, которым разрешен брак); преобладание положительной демографической динамики несмотря на высокий уровень смертности.
- ²⁵ Его связывают со «скачком» в развитии производительных сил, «с переходом от аграрной к индустриальной экономике». Этот ТВН предполагает: резкое сокращение смертности (особенно экзогамной), не менее

резкое сокращение рождаемости на основе всеобщего распространения внутрисемейного планирования и столь же резкое повышение выживаемости родившихся, обеспечивающее «устойчивость и экономичность воспроизводительного процесса». См.: Детерминанты и последствия демографических тенденций: ООН. Нью-Йорк, 1973. С. 181; Вишневский А. Г. Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее. М., 1982. С. 45-49, 201; Он же. Демографическая революция. М., 1976. С. 5-35, 132-133. Сходные взгляды на периодизацию мирового демографического процесса высказывают и такие известные специалисты по исторической демографии, как А. Ландри, Ж. Дюпакье, Е. Ригли. См.: Бессмертный Ю. Л. Историческая демография позднего западноевропейского средневековья на современном этапе // СВ. М., 1987. Вып. 50. С. 291, сл. См. также: Chaix P. Postface à Histoire de la population... T. 2. P. 562.

- 20 Рассматривая этот вопрос, ряд наших специалистов настойчиво предлагают положить в основу периодизации мирового демографического процесса пятичленную концепцию социально-экономических формаций. См., например: Пискунов В. Н. О периодизации мирового демопрцесса. Клев., 1982; Марксистско-ленинская теория исторического процесса. М., 1983. С. 468, сл.; Шелестов Д. К. Историческая демография. С. 124-126. К сожалению, данная точка зрения аргументируется обычно лишь общеметодологическими соображениями и не опирается на конкретный анализ типа воспроизводства населения в рамках каждой из формаций. Между тем для утверждения подобной периодизации необходимо доказать и принципиальную общность ТВН внутри каждой формации, и столь же принципиальное различие формационных ТВН между собой. То же касается различных концепций четырех-, пяти-, шести- и т. п. членного деления мирового демографического процесса. См.: Детерминанты и последствия демографических тенденций. С. 162. Сделав это можно только на базе углубленного изучения демографического процесса во всемирно-историческом масштабе, осуществить которое вряд ли удастся в ближайшем будущем.

ГЛАВА 2

Стагнация или рост?

(каролингское время)

1. Общая характеристика социальной и демографической ситуации

Как и большинство западноевропейских государств, Франция возникла на обломках империи Карла Великого. Отдаленное от нас более чем тысячелетием, это время плохо освещено дошедшими до нас источниками. Тем не менее ни один исследователь, стремящийся дать сколько-нибудь цельную картину французской истории, не может обойтись без характеристики каролингской эпохи. Оно и понятно: целостная трактовка не может существовать без понимания «начала». В полной мере это относится и к демографической истории Франции.

Ограниченность исторических свидетельств, относящихся к VIII—X вв., так же, вероятно, как и противоречивость и сложность протекавших тогда социальных и демографических процессов, во многом предопределила неоднозначность их истолкования в науке. Вот и в последние 10—15 лет, как не раз в прошлом, были выдвинуты новые концепции, решительно пересматривающие воззрения на социальное развитие Франции в то время в целом и на ее демографическую эволюцию в частности. Крупнейшие из современных французских медиевистов — Ж. Дюби, П. Тубер, Р. Фоссье и многие их последователи — противопоста-

вили господствовавшей долгое время на Западе концепции М. Блока о целостности раннесредневекового периода французской истории (VIII—XII вв.) новую теорию. Один из ее краеугольных камней — идея социальной («феодальной», или «сеньориальной») революции конца X — начала XI в. Эта революция, по мысли создателей новой теории, коснулась в первую очередь структуры власти во Франции и привела к переходу королевских прерогатив в руки новых властителей — («шателенов») владельцев судебно-политических («баналитетных») сеньорий. Переход власти в руки новых собственников рисуется при этом отнюдь не верхушечным явлением; он рассматривается как глубинная «социальная революция», имевшая объективные предпосылки. Необходимость в ней определялась потребностью «включить» в рамки сеньории и в сферу сеньориальной эксплуатации всю массу простого народа, оставшегося до этого, по мнению создателей этой концепции, в свободном состоянии. Эта революция, как они полагают, привела к расширению материальных ресурсов сеньоров, к укреплению правопорядка на локальном уровне, к сельскохозяйственному подъему, к демографическому росту и общему упрочению сеньориального строя¹.

Историографическая важность этой теории в том, что она предполагает пересмотр взглядов не только на события конца X — начала XI в., но и на предшествующий и последующий этапы развития Франции. Феодализм складывается, по мнению сторонников новых взглядов, не в каролингском обществе, но на его обломках; соответственно каролингское общество трактуется не как раннефеодальное, но как «предсеньориальное», сохраняющее важнейшие позднеантичные черты (или же, наоборот, элементы варварского строя, например, полукочевой образ жизни); преемственность между каролингским строем и феодализмом отрицается; наличие в каролингском обществе импульсов внутреннего роста либо вовсе ставится под сомнение, либо эти импульсы считаются сравнительно слабыми; подчеркивается сила стагнационных тенденций как в освоении земли и формах эксплуатации, так и в торговле и ремесле; соответственно акцентируется и идея демографического застоя, каковой и предполагал и обуславливал застой экономический и социальный².

При анализе этой концепции и в зарубежной и в отечественной историографии уже отмечалась недостаточная аргументированность ряда ее положений³. Не возвращаясь здесь ни к критике этой концепции, ни к характеристике того позитивного, что содержит новая теория для уточнения наших представлений о французском феодализме и его раннем этапе, отметим лишь некоторые особенности каролингского общества, заслуживающие особого внимания в свете современной науки. Это общество отличала зна-

чительная гетерогенность. И в пространственном, и во временном срезе господствовавшие в нем социальные отношения варьировали в значительных размерах — от отношений, близких к позднеантичным (на юге, в начале периода) или варварским (на крайнем севере и северо-востоке), до отношений, близких к зрелым феодальным (Нейстрия в конце периода). Не был однозначным и экономический тренд: тенденции подъема (и в земледелии, и в торговле) не раз пересекались тенденциями к стагнации или даже к упадку. Столь же неоднозначной характеристики заслуживает историко-культурная сфера: система традиционных представлений, унаследованных на юге от поздней античности, а на крайнем севере и северо-востоке главным образом от варварства, все более утрачивала свое влияние; складывался как бы вакуум, который лишь спорадически заполнялся вновь формировавшимися моральными и ментальными нормами. В целом это был переходный, «промежуточный» период, но его «переходность» уже получила достаточную выраженность, и феодальная «перспектива» становилась все более очевидной⁴.

Что отличало в этом обществе систему воспроизводства населения? Каким тенденциям в демографической динамике она способствовала? Ответить на эти вопросы тем более трудно, что дошедшие до нас источники не сохранили почти никаких прямых свидетельств о демографических процессах. Среди специалистов нет единодушия даже в определении общего характера демографической динамики. Так, наряду со сторонниками концепции «феодальной революции» конца X — начала XI в., утверждающими преобладание в каролингский период стагнации населения или даже его спада, не раз высказывались и противоположные суждения — о демографическом подъеме в то время⁵. Общий недостаток этих концепций — слабая увязка в них колебаний в демографическом тренде с изменениями в воспроизводственном механизме, т. е. с переменами в модели брака, в детородном и витальном поведении, в интенсивности естественного прироста и т. п.

Исключительная трудность изучения этих аспектов очевидна. Однако именно в посильном ее преодолении видим мы, как уже отмечалось, одну из целей предпринимаемого исследования. Ключевым моментом представляется в этом смысле анализ демографических представлений и демографического поведения. Выявляя припущенные в каролингское время модели брака и деторождения, воззрения на ребенка и женщину, представления о «нормальной» продолжительности жизни, идеалы семейной структуры и т. п., мы попытаемся найти в них косвенные данные о преобладающем векторе демографической динамики. Изучая дошедшие до нас частично-хозяйственные описи и содержащийся в них антропоними-

Таблица 2.1

Концентрация крестьянского населения в конце VIII и в IX в.*

Сеньория **	Число держания (мансов) по сохранившимся памятникам	Численность крестьян-держателей	Приблизительная доля сеньории, отраженная в сохранившихся памятниках	Примерное общее число держания (мансов) в сеньории	Расчетная численность крестьян-держателей при среднем коэффициенте 3 (для сеньории, где нет соответствующих данных)
Сен-Жерменское аббатство (Иль-де-Франс)	1683	10 026 на 1646 мансах	2/3	2200	10 026
Реймский монастырь св. Ремигия (Шампань)	693	2042 на мансах	1	693	2 042
Аббатство Монтье-ан-дер-рингия (Лотарингия)	733	?	1	733	2 199
Сен-Бертенское аббатство (Пикардия)	319	1154 на 165 мансах	2/3	450	1 154
Монастырь св. Вандрия (Нормандия)	4264	?	1	4264	12 792
Монастырь Сен-Рикье (Пикардия)	2500	?	1	2500	7 500
Аббатство д'Авенной (Шампань)	1150	?	1	1500	4 500
Монастырь Сен-Клод (Лотарингия)	857	?	1	857	2 571
Сен-Викторская церковь (Прованс)	267 колонок	1027 крестьян	?	?	?

* В таблицу включены данные по монастырям, чьею держанием в которых известно с достаточной определенностью. См.: Guyard В. Polyurque de l'abbé (triple) // *Prolegomena*. P. 184. P. 691. (2) (о Сен-Жерменском аббатстве); Шенелетто А. Н. *Формы феодального землевладения в Шампани IX-X вв.* // СБ. 1958. Вып. 12 (о монастыре св. Ремигия в Реймсе); Lalor Ch. *Polyurque de l'abbaye de Montier-en-Der*. P. 178. P. VI-VII; Foster R. *La terre et les hommes en Picardie jusqu'à la fin du XIIIe siècle*. P. 545. Louvain, 1968. P. 225 (о Сен-Бертенском аббатстве); Gesta abbatum Fontanellensium // Ed. S. Loewenfeld. Hannoverae, 1886. P. 545 (о монастыре св. Вандрия); *Harigui*. La chronique de Saint-Hilaire. P. 169. P. 367 (о монастыре Сен-Рикье); *Les trinitaires aux commandes de l'église de France au IXe s.* // *Bibliothèque de l'École des Chartes*. P. 1921. T. 85. P. 63-65 (о монастырях д'Авенной и Сен-Клода); Филиппов И. С. Церковная вотчина в Провансе начала IX в. // СБ. 1958. Вып. 13 (о Сен-Викторской церкви в Марселе).

** Указываются названия сеньории и местонахождение ее центра.

ческий, генеалогический и статистический материал, мы будем стремиться использовать его для проверки полученных иными путями данных об уровне брачности, численности выживших детей, детской смертности, преобладающем типе семейной организации и т. п.

Начать же анализ целесообразно с данных о степени концентрации населения на территории Франции каролингского времени. Это важно не только само по себе, но и с точки зрения проверки идеи одного из создателей теории революции X—XI вв., Р. Фоссея, по мнению которого для каролингского общества VIII—IX вв. наиболее актуален не вопрос, обсуждавшийся когда-то А. Допшем и Ш. Перреном о том, какая форма расселения победила — связанная с господством крупной собственности или, наоборот, мелкой, — но вопрос о том, сменился ли уже кочевой образ жизни населения (типичный для эпохи варварства) оседлым⁶.

С этой целью прежде всего очертим примерные масштабы концентрации заведомо «оседлых» зависимых крестьян-держателей земель. От VIII—IX вв. до нас дошло около десятка частных хозяйственных монастырских описей (или их фрагментов), сообщающих о числе зависимых земельных держаний.

Как видно из таблицы 2.1, даже если бы на каждом из принадлежащих монастырям земельных держаний жило лишь по одной супружеской паре крестьян и каждая из них имела лишь по одному ребенку (что, несомненно, преуменьшает и размер семейной ячейки, и число держателей на одном мансе), численность только крестьян-держателей в каждом из учтенных монастырей колебалась бы примерно от 1,5 тыс. (Сен-Бертепское аббатство) до 12,8 тыс. (монастырь св. Вандрия), а в среднем составляла бы около 5 тыс. крестьян и 1,5 тыс. мансов на монастырь.

В том, что этот расчет не преувеличивает численность монастырских крестьян-держателей, убеждает анализ полиптиков, где имеются прямые данные о составе проживавшего на мансах населения⁷. Так, на землях Сен-Жерменского аббатства, опись которого была составлена около 814 г. аббатом Ирминоном, только на мансах, чьи держатели поименно перечислены в полиптике (1646 мансов), зафиксировано 10 026 взрослых и детей (в среднем более шести на мансе); на землях реймского монастыря св. Ремигия — несмотря на включение в эту опись в ряде случаев лишь глав семей — на 693 мансах числилось 2042 крестьянина (около трех на мансе); на 165 мансах Сен-Бертепского аббатства, население которых нам известно, было 1154 взрослых (около семи взрослых на мансе); в известной нам части владений Марсельского аббатства св. Виктора проживало 1027 держателей (около четырех взрослых и детей на мансе)⁸.

О населенности в VIII—IX вв. светских сеньорий до нас до-

шло еще меньше известий, чем о населенности церковных. Тем не менее не вызывает сомнений, что и в этих сеньориях проживало по многу сотен крестьян-держателей⁹. Так, согласно одному из капитуляриев конца VIII в., рядовой королевский вассал мог иметь 200 держаний, графы — вдвое больше¹⁰. О значительной величине светских сеньорий свидетельствуют также многочисленные дарения светских собственников, измерявшиеся подчас не только десятками, но и сотнями мансов и сотнями зависимых крестьян.

И с демографической, и с социально-экономической точки зрения было бы весьма важно определить, насколько типичными были для Франции конца VIII — начала IX в. подобные крупные сеньории, концентрировавшие большие массы крестьян-держателей. Отсутствие всеобщего земельного кадастра не позволяет ответить на этот вопрос достаточно определенно. Некоторые предположения можно, однако, сделать, опираясь на классификацию церковных сеньорий, содержащуюся в статутах Лахенского церковного собора 816 г. Согласно этим статутам, к числу владельцев «наибольших состояний» (*maiores facultates*) следовало относить церковные учреждения, имевшие 3, 4, 8 «и более» тысяч мансов; средними (*mediocres*) предлагалось считать собственников 1—1,5 тыс. или 2 тыс. мансов, малыми (*minores*) — собственников 200—300 мансов; меньшие владения именовались «крайне скудными» (*permodicae*)¹¹. О возможной величине этих последних позволяют судить встречающиеся в капитуляриях и полиптиках данные о числе держаний наименее крупных вассалов; так, некоторые королевские вассалы имели лишь по 30—50 мансов¹²; минимальное число мансов, возлагавшее на их собственника обязанность конной военной службы, составляло 12¹³; монастырские бенефициарии владели нередко еще меньшим числом мансов. Огромный диапазон колебаний в размерах сеньорий выступает из этих данных с полной очевидностью. Даже при использовании минимального семейного коэффициента (три человека на семью) получается, что наряду с сеньориями, насчитывавшими лишь по несколько десятков крестьян, существовали владения с 10—20 тыс. крестьян и более.

Нельзя ли определить — хотя бы самым приблизительным образом — долю крестьянства, постоянно проживавшего в IX в. в таких сеньориях среди всего населения Франции? Если учесть все имеющиеся в полиптиках, картуляриях, хрониках и житиях начала IX в. упоминания монастырей в пределах «Francia» и «Burgundia» (т. е. примерно на одной четвертой — одной пятой нынешней территории Франции), их число будет близко к 250. О некоторых из них, наиболее известных и влиятельных, говорится особенно часто. Хотя их величина и не указывается, мож-

но с известной вероятностью предполагать, что большинство знаменитых аббатств того времени были и самыми богатыми. Для «Francia» и «Burgundia» Ф. Лот насчитал 17 таких аббатств¹⁴. Доля крупных монастырских вотчин составляла, следовательно, в этом регионе около 7% по отношению к общему числу монастырских сеньорий.

Если допустить, что на всей территории Франции крупные монастырские сеньории были распространены примерно так же, как в областях «Francia» и «Burgundia», т. е. что всего на территории Франции в первой половине IX в. было 70—80 крупных монастырских вотчин и что число крупнейших епископств, взятое вместе с числом крупных светских сеньорий (к которым отнесем лишь крупнейшие графства), было хотя бы таким же, как число крупных монастырей (на самом деле оно было намного больше)¹⁵, то общее число крупных вотчин (не считая королевских) окажется не менее 150. Даже если каждая такая крупная сеньория насчитывала лишь по 1,5 тыс. мансов (см. табл. 2.1) и по 5 тыс. крестьян-мансуариев (из расчета 3,3 человека на манс), то в целом у крупных собственников было не менее 750 тыс. зависимых держателей. Приняв же вместо явно заниженного семейного коэффициента 3,3 более реальный (хотя также заниженный) коэффициент 4, получим, что число таких крестьян достигало 900 тыс. человек. Между тем, кроме владельцев мансов, в состав постоянных держателей земли в крупных вотчинах входили также владельцы отдельных дворов (curtiles) и малоземельные доменальные работники. Они составляли минимум 15—20% от числа держателей мансов¹⁶. Это означает, что общее число стабильных владельцев земли только в крупных частных сеньориях превышало 1 млн.

Следуя более осторожным оценкам примем условно численность населения Франции в первой половине IX в. за 5 млн человек¹⁷. Вполне «оседлые» крестьяне одних только крупных частных сеньорий составляли бы тогда немногим более четверти населения страны. В совокупности с такими же крестьянами королевских владений, а также средних и мелких частных сеньорий они, по всей видимости, охватывали очень большую часть трудового люда.

Все это свидетельствовало не только об «оседлости» населения, но и о его концентрации внутри освоенных к тому времени регионов¹⁸. Такая концентрация не могла не способствовать стабилизации и упрочению поведенческих стереотипов, в том числе и в демографической сфере. Изучая эти стереотипы, мы и попытаемся прояснить характер воспроизводственного механизма и демографических процессов в целом.

2. Модель брака и брачность

Едва ли не ключевым моментом демографического поведения был в ту пору брак. Нет нужды доказывать, что в условиях почти полного отсутствия внутрисемейного планирования уровень рождаемости наиболее непосредственно зависел от возрастных, правовых, социальных и иных форм регулирования брака. Рассмотрим последовательно брачные традиции, а также различные формы регламентации брака, конкурировавшие в каролингском обществе, и очертим затем реальную практику брака, уровень брачности и социальные различия в этой сфере.

Сопоставление брачных традиций, унаследованных Каролингами от предшествовавших обществ — позднеантичного и германского, — со всей ясностью обнаруживает глубокие различия между ними в самом понимании брака и семьи. Д. Херлихи, опубликовавший несколько лет назад книгу о средневековом домохозяйстве, не без оснований констатировал его несопоставимость в частности с позднеантичным. Их различие — в отсутствии в древнем мире той «соизмеримости» между собой всех домохозяйств, которая была характерна для средневековья, когда их организующей ячейкой повсеместно выступала та или иная семейная общность (по мнению Д. Херлихи, малая семья). Так, *familia*, существовавшая в высших классах Рима, в которой под властью *paterfamiliae* объединялись подчас сотни людей, по самому принципу своей организации, пишет Д. Херлихи, не имела ничего общего с другими, существовавшими в Римской империи домохозяйственными ячейками, например с хозяйствами «мизинных» римских граждан («ютившихся в жалких хижинах») или же с «тайными сожителствами» римских рабов, сплыв да рядом вовсе лишенных права на домохозяйство¹⁹. Несмотря на существование этих наблюдений Д. Херлихи (не во всем, правда, подтверждающихся), они, на наш взгляд, лишь косвенно затрагивают ключевой для понимания домохозяйственной структуры того времени вопрос о своеобразии семьи и брака.

Как известно, и позднее в Риме было несколько видов брака. Свидетельством этому служит, в частности, многозначность самого этого понятия в позднеримском праве. Так, термин «*nuptiae*» в зависимости от контекста может обозначать, во-первых, «сочетание мужчины и женщины» на основе «соединения божеского и человеческого права» (т. е. некую идеализированную архаичную форму брака)²⁰, во-вторых, «юридический» («заключенный») брак позднеримского типа (*nuptiae iustae*), именуемый супружеством (*matrimonium*) и ставящий целью рождение потомства²¹, и, в-третьих, «неюридический» брак, заключаемый свободными людьми ради долговременного, публично признанного сожительства

ства (*consuetudinis causa*). Эта последняя форма прямо противопоставляется не только «блуду», но и «конкубинату» как форме внебрачной связи. Ученик Ульпиана Модестин формулирует в Дигестах статус этого варианта брака очень четко: «Сожительство со свободной женщиной ради долговременной связи (*consuetudinis causa*) нужно рассматривать не как конкубинат, а как брак (*nuptiae*)...»²² Кроме этих форм брака, в позднеримской правовой традиции признавалась и особая форма длительного полового союза свободных мужчины и женщины или же свободного человека с чужой отпущенницей — *concubinatus*, противопоставляемая простому «блуду» (*stuprum*)²³, а также половой союзу рабов — *contubernium*. Поучительно, что рабыня, вступившая в такой *contubernium*, именовалась *ихог* (жена)²⁴, иными словами, даже половой союз рабов как бы вписывался в систему признанных (а не «тайных», как думает Д. Херлихи) форм брачных союзов.

Все это значит, что в правосознании позднего Рима моногамия отнюдь не представлялась единственно нормальной формой. И неюридический брак, и даже конкубинат не обязательно воспринимались в пейоративном ключе. По крайней мере вариант неюридического брака, описанный Модестином, выглядел в глазах современников как вполне достойный и признанный. Его никак не отождествишь с «незаконным» союзом. Таким образом, система понятий, применявшихся в позднеримское время для характеристики длительных половых союзов, отличалась от привычной нам христианской модели качественным своеобразием. В применении к этой системе нельзя говорить не только о моногамии, но по существу и о полигамии или полигинии, так как все эти три понятия осмысливаются лишь в сопоставлении друг с другом: «моральность» или «аморальность» позднеримской семьи не могут измеряться критериями иной эпохи²⁵. Поэтому в известной реплике наследника императора Адриана (II в.) Элия Вера, адресованной законной жене: «Ясно, что я удовлетворяю свои страсти с другими; ведь понятием „жена“ обозначается почет, а не удовольствие», — нет нарочитой оскорбительности или «издевки»: просто Элий Вер исходит из представлений непривычного для нас типа²⁶.

В рамках этих представлений не находилось даже слова, адекватного современному понятию «семья»²⁷. Не было и такого явления. Примерно то же следовало бы сказать и о браке: привычный для нас смысл этого института лишь формировался; латинские понятия *matrimonium*, *nuptiae*, *coniugium* могли в чем-то приближаться к нему, не совпадая, однако, по существу. Неудивительно, что заключение или расторжение брака в поздней империи (даже брака «юридического») происходило вне обычных

для последующего времени рамок. Никакие официальные учреждения участия в этом не принимали: достаточно было присутствия семи свидетелей²⁸. Условием создания полового союза считалось согласие тех, кто в него вступает, и тех, «в чьей власти они находятся»²⁹.

Это условие, как мы увидим, вновь будет осваиваться в каролингское время. Аналогично при Королингах будут восприняты заложенные уже в римском праве ограничения на половые союзы с родственниками до четвертого колена и санкции за супружескую измену для участников «юридических браков» (особенно жеп). Позднеантичные традиции наложили свой отпечаток и на некоторые другие стороны раннесредневековой брачной практики, такие, как запрет мезальянсов, обычай заблаговременного выбора брачной партии (помолвка), разрешение для девушек очень ранних браков — с 12 лет³⁰.

Переходя теперь к германским брачным традициям, отметим, что при всем их своеобразии они имели то общее с позднеримскими, что, как и эти последние, противостояли принципу моногамии. Почти во всех дошедших до нас известиях о франкском браке признается существование двух его моделей: *muntehe* и *friedelehe*. Обе они представляют обычно-правовое (а не публично-правовое) установление и не обладают особой четкостью. Очевидно лишь, что первая из них, видимо, престижнее второй. Тем не менее и *friedelehe* («свободный брак») не был чем-то однозначным; он четко противопоставляется конкубинату и явно возвышается на нем³¹. По своему месту на шкале ценностей *friedelehe* франков имел, вероятно, нечто общее с римским «неюридическим» браком.

Развод при *muntehe* исключен не был, особенно если его домогался мужчина. При *friedelehe* расторжение союза вообще не регламентировалось; длительность союзов этого вида, вероятно, сильно варьировала и в целом была меньшей. Дети от браков этого типа обладали относительно скромными наследственными правами. Следует, однако, учитывать, что даже дети, прижитые от конкубин, не подвергались в варварском обществе жесткой дискриминации. Им не был закрыт путь к наследованию отчих прав и привилегий (включая порой и права на королевский престол). Понятие «незаконнорожденный» не накладывало пензгладного «клейма», не препятствовало совместному проживанию с «законными» детьми, не исключало ли их легитимации, ни социального возвышения³². Не имея статуса брака, варварский конкубинат выступал, следовательно, как еще один — третий вариант длительного полового союза, принятый в германском обществе.

Своеобразие брака у германцев ярко проявлялось и в обстоятельствах его заключения. Участие церкви или королевских долж-

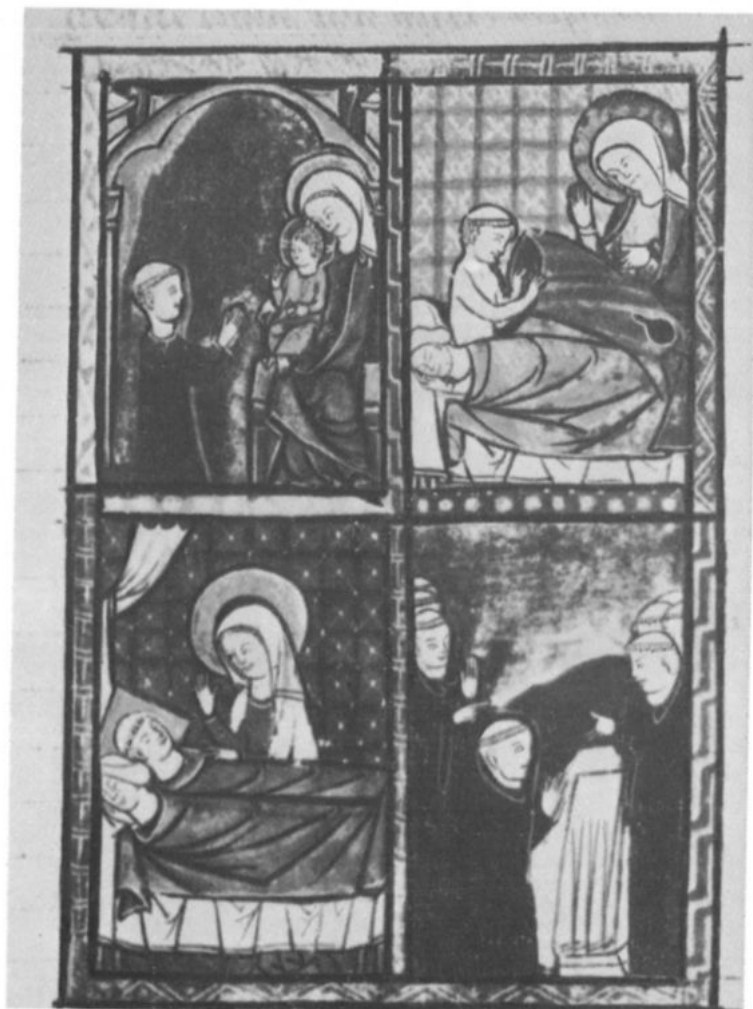
ностных лиц в процедуре бракосочетания не предусматривалось. Тем не менее для обеих форм брака предполагался некий ритуал, за его соблюдением следили сами соплеменники³³. Включая известную уже в Риме contemporaneous помолвку, этот ритуал предписывал роду жениха довольно значительные подарки невесте накануне брака (*dos ex marito*) и наутро после свадьбы (*Morgengabe*) — в качестве награды за целомудрие³⁴.

Без этого «утреннего дара» брачная процедура не считалась завершённой и брак не признавался действительным. Поскольку же «утренний дар» исходно обуславливался девственностью невесты, подтверждавшейся при соитии, это последнее оказывалось конституирующим моментом брачной процедуры. Не следует ли отсюда, что в социокультурном плане половой акт выступал как самоценность, не нуждающаяся в оправдании ни возможностью зачатия, ни предварительным согласием на брачный союз (как позднее будет определено в церковной доктрине)? Весьма показательно в этом смысле, что франкский обычай широко допускал умыкание невесты, при котором и ее воля, и отношение родственников к будущему браку могли полностью игнорироваться³⁵. Ключевым элементом брачной процедуры оказывался половой акт как таковой.

Франкская традиция была терпима и к бракам среди родственников³⁶. Единственное предписываемое ею ограничение касалось союзов с несвободными: они строжайше карались, по крайней мере в ранний период³⁷.

Что касается возраста вступления германцев в первый брак, то данные о нем в источниках практически отсутствуют. Отметим лишь, что Салическая правда признает «совершеннолетними» уже двенадцатилетних мальчиков. Возможно, и брак разрешался для лиц мужского пола в этом раннем возрасте. Тогда и разрешенный возраст вступления в брак девушек также не мог превышать 12 лет. Отсюда, конечно, не следует, что этот же возраст считался *приматым* для заключения первых браков. Тем не менее нам не кажется доказанной точка зрения Д. Херлихи о преобладании у германцев почти столь же поздних браков, что и в Римской империи (в 25—29 лет)³⁸. Объясняя феномен поздних браков, характерных, по мнению Д. Херлихи, для варваров, он ссылается на возможность существования у германской знати нескольких жен и наложниц, из-за чего для основной массы мужчин якобы «не хватало» женщин. Чтобы подтвердить эту гипотезу, потребовалось бы доказать существование у германской знати обширных «гаремов», способных сконцентрировать в своих стенах массу молодых женщин³⁹.

Не помогает, на наш взгляд, и ссылка Д. Херлихи на главу XX «Германии» Тацита, в которой американский исследователь

Предубеждение против брака в церковной доктрине.

Миниатюра из рукописи конца XIII в.:

Gautier de Coinci. La vie et les miracles de Notre Dame (Л. 87).

Ленинград, ГПБ.

Пораженный красотой статуи Богоматери, некий юноша поклялся ей в верности (слева вверху). Когда, забыв о своей клятве, он женился, Богоматерь, явившаяся к ложу молодоженов, обвиняла его в том, что он предпочел земную любовь небесной (слева внизу). Пристыженный юноша согласился принять постриг (справа вверху). Он убедил стать монахиней и молодую жену (справа внизу)

Представление о верховенстве церкви в брачных делах.

Миниатюра из рукописи: Gautier de Coinci. La vie et les miracles de Notre Dame. (Л. 105). Ленинград, ГПБ.

Ревнивая жена тщетно молилась Богоматери о погибели соперницы (слева вверху). Так как о том же молилась и ее соперница, Богоматерь внушила каждой из женщин желание повиниться друг перед другом (слева внизу и справа вверху). Это примирило обеих (справа внизу)

Мирская любовь. Резные шкатулки начала XIV в.

Вверху: Любовники. Коллекции в Турине и Париже. Внизу: Супруги. Лондон Британский музей и Музей Виктории и Альберта

Мирская любовь.

Миниатюра XV в. Шантийи. Музей Кондэ.

Благородная дама перед зеркалом и восхищенный супруг.

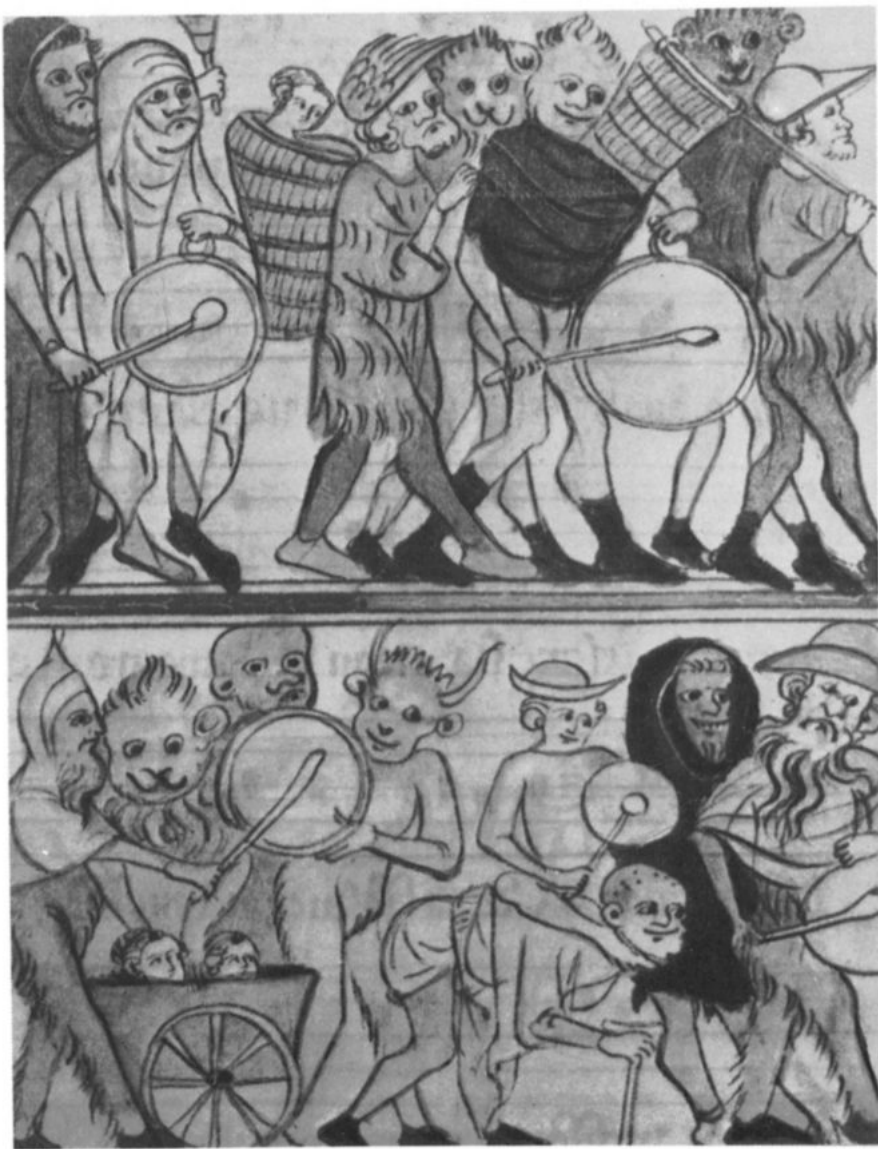

Клирики и мирские соблазны.

Миниатюры к рукописи декреталий XII в. Грациана (XII в.?).

Муниципальный музей в Труа.

Мирянин отдает малолетнего сына в монастырь (слева сверху). Обвинение епископа, который вопреки обету безбрачия совершил плотский грех (справа сверху). Отлученный за грехи от церкви архиепископ посвящает в сан клириков (слева внизу). Церковный суд (справа внизу)

*Шаривари («Кошачий концерт»). Миниатюра XIV в.
Париж. Национальная библиотека.*

Развод.

Миниатюра XIII в. Библиотека Св. Женевьевы в Париже.

Объявление епископом брака недействительным (из-за родства супругов?)

*Бракосочетание в отсутствие священника.
Миниатюра начала XIV в. Библиотека Дижона.*

*Похоть. Шут и блудница.
Медь. Середина XV в. Дрезден.*

Куртуазная любовь.

Миниатюра середины XIII в. Париж. Национальная библиотека.

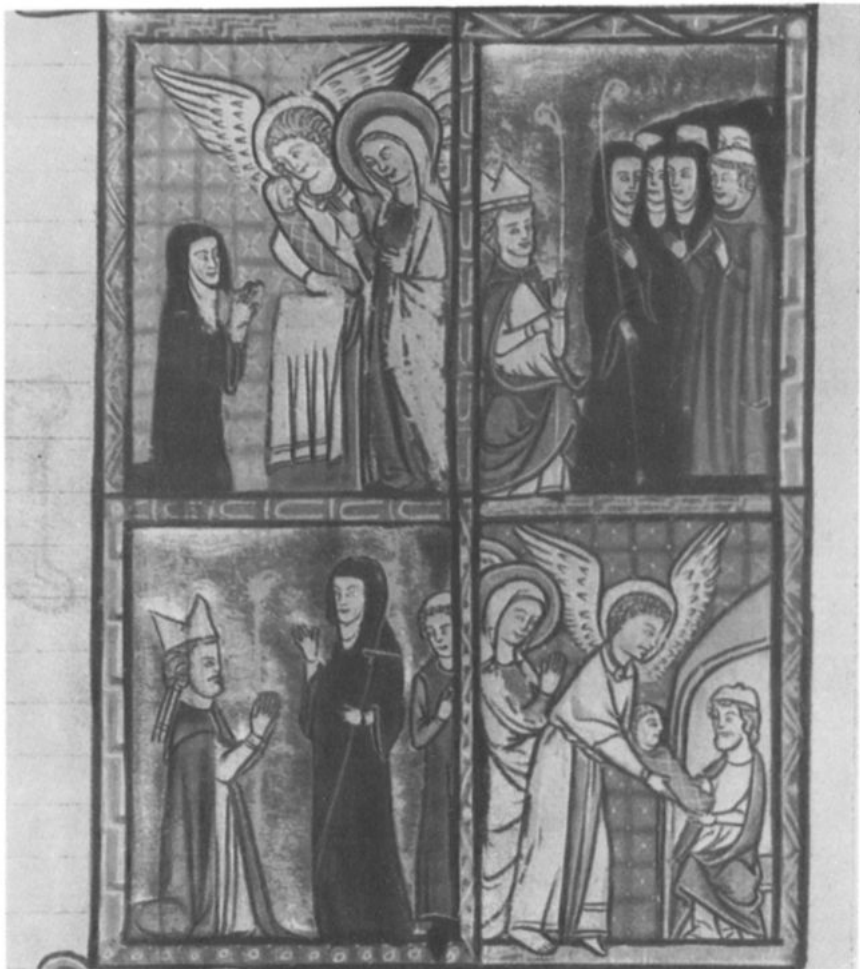
Вверху: Дама врачует раненого рыцаря. Внизу: Проводы на турнир

Плотские утесы.
Миниатюра начала XV в. Париж. Национальная библиотека.

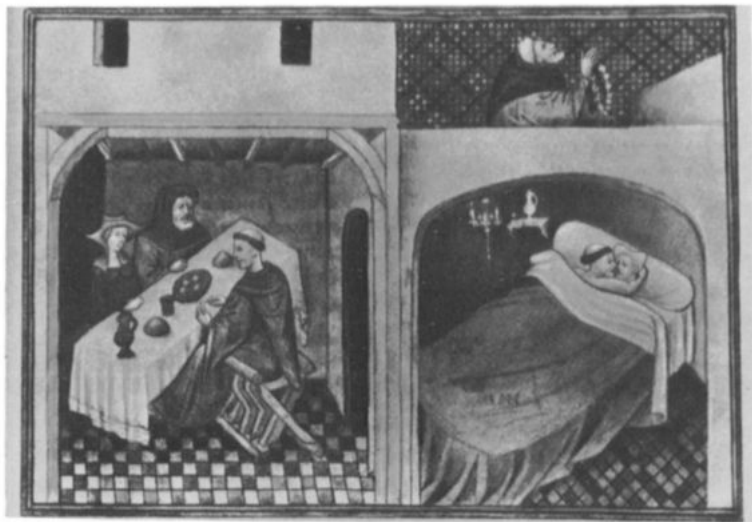
Публичный дом.
Миниатюра начала XV в. Париж. Национальная библиотека.

Клирики и celibат.

*Миниатюра из рукописи XIII в.; Gautier de Coinci. La vie... (Л. 84 об.).
Ленинград, ГПБ.*

Родившая внебрачного младенца аббатиса молит у Богоматери прощения (слева сверху). Богоматерь прощает аббатису; архангел Гавриил передает младенца на воспитание отшельнику (справа внизу). Епископ журит монахинь за злословие в адрес аббатисы (справа сверху)

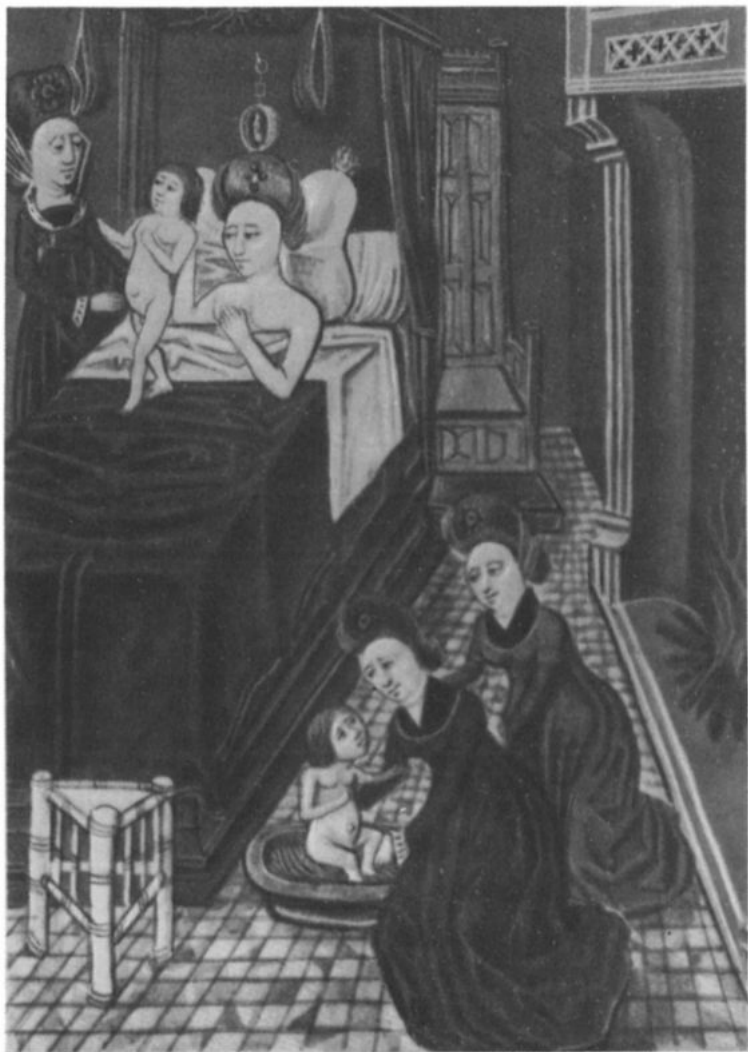

*Развратный монах.
Миниатюра к «Декамерону». Рукопись 1432 г.
Париж. Библиотека Арсенала.*

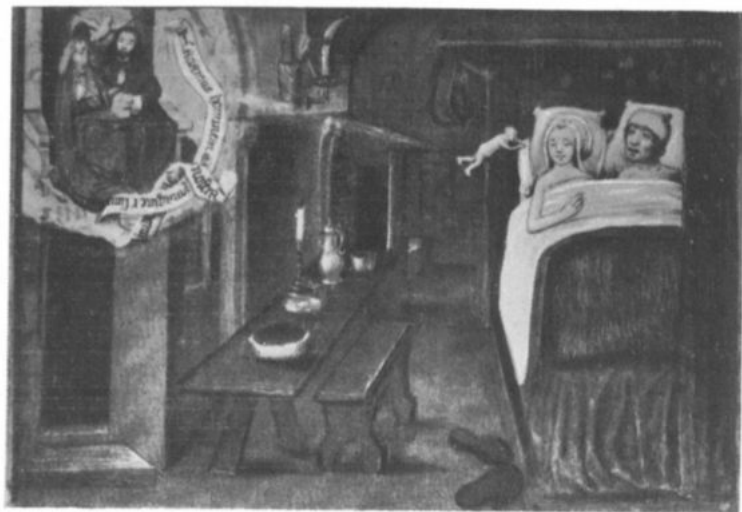

*Кастрация прелюбодея.
Миниатюра XIII в. Париж. Национальная библиотека.*

Дети

*Новорожденный в зажиточной семье.
Рисунок конца XV в. Шантийи. Музей Кондэ.*

*Зачатие ребенка
и творение его души.*
Миниатюра XV в.

Париж.
Национальная библиотека.

Соитие.
Миниатюра
к «Декамерону».
Рукопись 1432 г.

Париж.
Библиотека Арсенала.
Лохань с водой, приготовлен-
ная у постели, свидетельст-
вует, возможно, о намерении
предпринять меры к предот-
вращению зачатия

видит свидетельство преобладания у германцев поздних браков. В действительности же в этой главе содержится лишь туманное замечание: «Sera iuvenum venus, eoque inexhausta pubertas. Nec virgines festinantur; eadem iuventa, similis proceritas: pares validaeque miscuntur, ac robora parentum liberi referunt». В подчеркиваемой здесь добропорядочности поведения юношей (которые «не истощают» понапрасну свою мужскую силу) трудно не увидеть обычный для Тацита назидательный намек на превосходство германских нравов над римскими. То же касается и оценки равной «телесной крепости» мужчин и женщин, способных передать детям силу и здоровье. Единственное, что в тексте Тацита связано с вопросом о возрасте брака, — это замечание о девушках, которых «не торопят» — то ли с замужеством, то ли с помолвкой («Nec virgines festinantur»). Допустимо ли, однако, строить на этом сколько-нибудь широкие выводы?

На наш взгляд, в приведенном суждении Тацита можно увидеть свидетельство лишь одной тенденции — *близости брачных возрастов* мужчин и женщин. Эта черта брачной модели германцев подтверждается и рядом более поздних нарративных текстов, собранных Д. Херлихи⁴⁰. Но если брачный возраст мужчин не отличался принципиально от брачного возраста женщин и притом был сходен со временем замужества последних в позднеримское время, то тезис Д. Херлихи о женитьбе «в конце третьего десятилетия» придется отвергнуть: как свидетельствуют римские надгробные надписи 250—600 гг., средний возраст замужества женщин в те столетия неизменно оставался ниже 20 лет⁴¹.

Кроме германских и позднеримских брачных традиций, на формирование брачной модели, принятой в каролингской Франции, не могли не наложить свой отпечаток церковь и каролингское государство. Взаимодействие этих двух сил во многом определило форму официально признанного брака и заметно повлияло на эволюцию массового поведения в этой сфере. Оба эти аспекта интенсивно обсуждались в средневековой 70—80-х годов, и мы ограничимся здесь в основном обобщением и осмыслением полученных научных результатов⁴².

Как показано в ряде работ, борьба двух основных течений теологической мысли по вопросу о браке, одно из которых рассматривало его как несовместимый с душевным спасением (Иероним, Григорий I), а другое — как допустимое для мирян состояние (Августин), завершилась в VIII—IX вв. возобладанием последнего. Это предопределяло резкое усиление внимания церковных теоретиков и практиков ко всему, что связано с супружеской жизнью, браком и брачной процедурой. В постановлениях церковных соборов и королевских капитуляриях VIII—IX вв. (принимавшихся, как известно, при участии не только светской,

но и церковной верхушки) все чаще формулируются и уточняются основные каноны христианского брака: цель — предотвращение соблазнов и разврата, предназначение — рождение себе подобных, условия — нерасторжимость, моногамия, публичность, церковное благословение, согласие обеих брачующихся сторон, исключение родственных союзов и т. п. Что касается девственности и безбрачия, то они, хотя и продолжают считаться высшими христианскими добродетелями, все чаще рассматриваются как идеал, достижимый даже не для всех клириков⁴³.

Новая доктрина брака открывала невиданные раньше возможности для усиления влияния церкви. Отказываясь от нереалистической программы всеобщей девственности и предлагая взамен более доступные для мирян формы брачного поведения, церковь могла приступить теперь к овладению важнейшим бастионом древних народных традиций, каковым являлась сфера брачно-семейных отношений. До какой степени непростой была эта задача, видно, в частности, по тем компромиссам, на которые церковь приходилось идти и в каролингское время, и позднее.

В противовес упоминавшимся выше жестким законодательным установлениям памятники, сохранившие свидетельства повседневной практики — пенитенциалии, хроники, биографические и агиографические материалы, — обнаруживают живучесть ряда давних традиций. В борьбе с ними труднее всего пробивала себе дорогу идея моногамного нерасторжимого брака. Об этом позволяют говорить материалы, касающиеся прежде всего знати. Так, судя по хронике Фредегара (VII в.), король Дагоберт I имел одновременно с королевой Нантхильдой еще двух жен «на положении королев» (*ad instar reginas*); аналогично у Пипина Геристальского, согласно «Продолжению Псевдо-Фредегара» (VIII в.), кроме официальной жены Плектруды, имелась и «*altera uxor*». В памятниках IX в. хронисты избегают столь откровенной фразеологии. Хотя реальная ситуация изменилась в то время, по-видимому, лишь частично: автор панегирических «Деяний Дагоберта» (первая треть IX в.), говоря о том же Дагоберте I, опускает упоминания хрониста-предшественника о «трех королевах»; он именует «женой» короля лишь одну из них. Это не исключает, однако, существования конкубин: одновременное обладание женой и конкубиной не встречает осуждения хрониста IX в., воспринимается им как нечто обыденное и принятое. Об этом же свидетельствуют и биографии Карла Великого и Людовика Благочестивого, составленные в IX в. Наличие у каждого из этих королей одной или нескольких конкубин и внебрачных детей не мешает клирикам — авторам этих сочинений — относить своих героев к числу «благочестивых» и «праведных мужей»⁴⁴. Панегирическому тону не препятствовало и упомина-

ние о добрачных связях (*ante legale connubium*) и детей от этих союзов⁴⁵. Эйхард не стесняется подробно рассказывать о konkубинах Карла, причем повествование о них ведется по той же схеме, что и об официальных женах: называются имя konkубины, ее этническое происхождение, имена рожденных ею детей. Думается, прав В. К. Ронин, видящий в этом подходе хронистов IX в. отражение компромиссной брачной модели, признававшей *существование* официального брака с некоторыми другими формами супружеского союза, в первую очередь с «моногамным konkубинатом»⁴⁶.

Об обычности такого сосуществования свидетельствуют как церковные, так и светские памятники. Характерны, в частности, высказывания септиманской герцогини Дуоды, продиктованной в 841—843 гг. «Поучение сыну Вильгельму». Как о само собой разумеющемся говорит Дуода о возможности того, что муж «оставит» ее и сына; такое поведение, по словам Дуоды, «в обычае» в ее время⁴⁷. (Супруг Дуоды, живший при дворе, и в самом деле почти 15 лет продержал ее в далекой Септимании, вернувшись в семью лишь после смерти своего покровителя Людовика Благочестивого⁴⁸.) Ради того, чтобы сохранить хоть какую-то связь с мужем, Дуода за счет собственных средств беспрекословно покрывала все его расходы, а когда этих средств не хватило, не колебалась залезть в долги, с которыми не надеялась рассчитаться до самой смерти. Вряд ли можно сомневаться, что Дуода делала это в надежде противостоять длившимся долгие годы внебрачным союзам своего супруга⁴⁹. Быть может, в утешение самой себе Дуода цитирует Алкуина, констатирующего, что целомудрие — достоинство лишь ангелов...⁵⁰

Косвенное подтверждение сосуществованию в IX—X вв. разных видов супружеских союзов нетрудно встретить и у других церковных писателей, помимо Алкуина. Так, реймский архиепископ Гинкмар (806—880 гг.), будучи последовательным сторонником ортодоксально-церковных взглядов, тем не менее имплицитно признавал сосуществование разных вариантов брака, среди которых «законный» (*connubium legitimum*) был главным, но не единственным. Аналогичный подход встречаем в пенитенциалии Бурхарда Вормского (первые годы XI в.): брак и konkубинат фигурируют в нем как две параллельные формы полового союза, хотя и неравные между собой, но равно возможные⁵¹. Что касается добрачных связей, то они рассматриваются Бурхардом как явление еще более обычное, не препятствующее последующему супружеству⁵².

Рассматривая каролингские воззрения на брак в исторической ретроспективе, можно было бы сказать, что по сравнению с предшествующими моделями — римской или германской — различие

в престижности официального (церковного) брака и противостоящих ему традиционных форм еще более выросло. Увеличились и различия в наследственных правах детей от официальных жён и от concubinae. Тем не менее знакомая по христианским канонам нового времени непроходимая пропасть между церковным браком и неоформленными в церкви союзами еще не возникла. Понятие брака не стало однозначным, оно охватывало разные виды супружества, оно не было еще тождественным моногамии. Соответственно и союз, фигурирующий в источниках этого периода под именем concubinatus, еще не всегда отождествлялся с позднейшим понятием «внебрачной связи». До некоторой степени и он оставался пока что формой брака, хотя и менее престижной и прочной. Неофициальные супружества IX—X вв. никак нельзя таким образом рассматривать как простое отклонение от господствующей нормы⁵³.

Незавершенность формирования представления о браке как о моногамном нерасторжимом союзе не только раскрывает историчность и изменчивость данного понятия и специфику социокультурного развития, но и имеет немалое историко-демографическое значение. Ясно, что, поскольку официальный церковный брак далеко не обязательно был действительным началом половой жизни, своих первых детей женщина могла рожать задолго до брака. Отсюда необходимость критического подхода к определению уровня брачности и возраста первого брака. Эти параметры для каролингского времени (и не только для него) надо оценивать исходя не из числа официальных (церковных) браков и возраста вступления в них, но с учетом всех иных форм длительных половых союзов.

Незавершенность процесса формирования церковного брака сказывалась и на его процедуре. Постановления церковных соборов и королевское законодательство с конца VIII в. предписывали священникам проводить перед свадьбой расследование родственных связей брачащихся с целью предупреждения incestus. В одном из капитуляриев Карла Великого оговорено даже, что благословение на бракосочетание, как и самое бракосочетание может последовать только после такого расследования⁵⁴. Однако эти расследования и особенно непосредственное участие священника в процедуре бракосочетания в практику пока не вошли. (Исключение составляли браки в королевских семьях.). Так, судя по Гипкмару Реймскому, ритуал бракосочетания включал согласие на брак отца невесты, достижение договоренности о приданом, публичную пирушку, наконец, coemptio (coemptio sexum), реализующее брак. Однако, как подчеркивает специально изучавший этот сюжет Ж. Дюби, в тексте трактата Гипкмара нет упоминаний ни о богослужении, ни хотя бы о чтении

молив при бракосочетании. Неясно даже, обязательным ли было присутствие священника⁵⁵. Церковная формула, согласно которой невеста «передается» жениху ее родителями «с благословения» священника, складывается только в следующем, X в. В реальной жизни ее стали соблюдать еще позднее. Не случайно Бурхард Вормсский считает возможным не слишком строго наказывать тех, кто женился без церковного благословения⁵⁶. Что касается неофициальных браков, то в их оформлении церковь, естественно, и вовсе не участвовала. Арбитром и гарантом подобных браков у знати была вероятно местная аристократия, у простолюдинов — соседи, родичи, сеньор или его министриалы.

К сожалению, конкретные формы бракосочетания в пародной среде нам почти неизвестны. Имеющиеся памятники позволяют лишь констатировать, что понятия «брак» и «семья» в среде простолюдинов обладали не меньшей спецификой, чем в среде знати. В сохранившихся из IX в. поместных описях, перечисляющих подчас десятки тысяч крестьян вместе с их женами и детьми, нет даже термина, адекватного термину «семья»⁵⁷. Та же картина в актовом материале⁵⁸. Естественно, что и понятие брака, отличающееся, как мы видели, принципиальным своеобразием, не находит эксплицитного раскрытия в текстах, касающихся простолюдинов⁵⁹.

Зато в этих текстах удастся на массовом материале проверить сохранение одной из древних брачных традиций — запрета мезальянсов. В целом эта традиция сохраняется и даже закрепляется. И это понятно: чем явственнее шел процесс феодализации, углублявший раскол между благородными и простолюдинами, тем непродолимее становились социальные барьеры в сфере брака.

В то же время внутри трудящегося населения ситуация изменяется по-иному. По мере того как разнородные слои галло-римского и германского сельского люда начинают сливаться в единый класс, социальные барьеры, препятствующие бракам между потомками рабов, колонов, свободных, вольноотпущенников и т. п., ослабевают (хотя и не исчезают): смешанные брачные союзы крестьян зафиксированы и в хозяйственных описях, и в актах. Не исключено, что в возникновении таких союзов могли иногда играть роль личные склонности брачащихся. Однако чаще в их основе лежали, видимо, более прозаические соображения. Предполагать это заставляет та особенность смешанных браков в среде крестьян, что во многих из них социальный статус жены выше статуса мужа. Так, колол предпочитает брак со свободной, серв — с женщиной из колонов⁶⁰. Поскольку в каролингской Галлии статус детей от смешанных браков чаще определялся по матери, есть основания думать, что браки дан-

ного типа заключались мужчинами со специальной целью улучшить юридическое положение детей. Эти браки были, так сказать, «запрограммированы» социально. Преимущественные же возможности мужчины в выборе брачной партии связаны с приниженностью женщины, что характерно не только для аристократической, но и для крестьянской среды.

Эта приниженность подтверждается рядом свидетельств, включая и косвенные данные о воззрениях на женщину в среде крестьянства. Среди таких данных результаты антропонимического анализа некоторых каролингских памятников, и в частности анализа имен, которые крестьяне давали своим детям — как мужского, так и женского пола. (Церковь в наречении новорожденных тогда не участвовала.) Изучение детских имен, которые в каролингское время включали элементы имен родителей и других старших родичей, обнаруживает более высокий престиж отца, чем матери: элементы имени отца чаще, чем имени матери прослеживаются и у сыновей и у дочерей. Парадально выясняется некоторая общая дискриминация новорожденных девочек, чьи имена чаще имеют менее престижную (и более короткую) форму, чем имена их братьев. Это порождало порой парадоксальные ситуации: например, крестьянин-сери, обладающий по сравнению со своей женой из колонов менее высоким юридическим статусом, мог пользоваться внутри семьи большим престижем, чем его более высокородная жена (аналогичная ситуация могла складываться в семьях колонов, женатых на свободных). При равном юридическом статусе жены и мужа более высокая престижность отца выступала еще последовательнее⁶¹.

Социальную приниженность женщины в каролингском обществе не следует, конечно, абсолютизировать. Исследования последних десятилетий во многом реабилитировали эту эпоху, выявив, что женщина обладала тогда немаловажными прерогативами в семье и домохозяйстве⁶². Однако, на наш взгляд, не оправдан и противоположный крен. Вряд ли можно сбрасывать со счетов тот факт, что идея господства мужчины (выросшая из его реального верховенства во всех ключевых сферах жизни) пронизывала систему представлений и практику средневековых людей уже с самых ранних времен⁶³. Выражением этого и являлась известная дискриминация всех лиц женского пола. Как видно из только что приведенных данных, эта дискриминация — вопреки утверждениям некоторых специалистов — отчасти охватывала и сферу семейных отношений⁶⁴. Начинаясь она уже с младенчества, когда новорожденной девочке нередко уделялось меньше забот, чем мальчику; она сказывалась и на положении взрослой женщины, вынужденной мириться с преимущественными правами мужчины на выбор брачной партии⁶⁵ и обреченной

в дальнейшем на бесконечные беременности и мучительные роды, которые сплошь да рядом угрожали самой жизни". Социальная приниженность женщины имела, таким образом, самый непосредственный демографический отзвук.

Особое значение с историко-демографической точки зрения имеет принятый в каролингской Галлии возраст вступления в первый брак. Прямые сведения об этом в источниках отсутствуют полностью. Но, как и для предшествующего этапа, имеются данные о возрасте, в котором брак считался допустимым. Эти данные содержатся, в частности, в высказываниях церковных писателей и ближе всего отражают точку зрения церкви. Думается, однако, что, добиваясь христианизации брачных отношений и ведя борьбу против их неупорядоченности, клирики не были склонны записывать принятый возраст брака; скорее они могли стремиться к предотвращению слишком ранних союзов. Вот почему называемый ими возраст вряд ли можно считать преуменьшенным.

Согласно высказыванию одного из приближенных Карла Великого, аббата Рабана Мавра, «второй возраст» человека (*pueritia*), длящийся до 14 лет, отмечен двумя особенностями: «чистотой» и «способностью к деторождению»⁶⁷. Поскольку для ортодоксального клирика деторождение было возможно лишь в рамках официального брака, ясно, что Рабан Мавр считал нормальным явлением брак в 14 лет. Опираясь на подобные и некоторые другие свидетельства, Г. Лепуан в 40-е годы и П. Ришо в 60-е отмечали, что в ранне-средневековые времена брак считалось для юношей 14 лет, для девушек 12 лет⁶⁸. Почти этот же возраст — 15 и 12 лет — признается возрастом совершеннолетия (и допустимости брака) в некоторых капитуляриях начала IX в.⁶⁹ Он подтверждается при исследовании северофранцузских актов VIII—X вв.⁷⁰, а также некоторыми археологическими материалами, свидетельствующими о захоронениях молодых матерей 15—16 лет вместе с их новорожденными детьми⁷¹. В известном полнотексте Марсельской церкви (начало IX в.) категория юношей и девушек, способных вступить в брак или уже вступивших в него, но проживающих совместно с родителями (*baccalarii*), включала молодых людей начиная с 12 лет⁷². Брак в 12—18 лет зафиксирован у ряда детей шампанского графа Герберта II (начало X в.), генеалогические данные о семье которого сохранились в «Анналах» Флоарда⁷³.

В пользу преобладания ранних браков (до 20 лет) свидетельствуют и другие косвенные данные. Так, по подсчетам Ж. Поли, в среде провансальских крестьян IX в. очень многие матери уже к 22—23 годам имели по пять детей; их детородный период из-за болезней, ранней смерти и других причин часто

заканчивался к 25—30 годам⁷⁴. Раннее завершение детородного периода (после рождения нескольких детей) предполагают П. Тубер, исследовавший французские и итальянские источники, и К. Лизер, использовавший материалы о саксонской аристократии X в.⁷⁵ К 14—15 годам относит принятый в крестьянской среде возраст первого брака Ж. Девруй, по-своему истолковывающий сведения политика Марсельской церкви о «бакаларах»⁷⁶. К этой точке зрения присоединяется и П. Тубер в обобщающем труде по истории семьи⁷⁷.

Против мнения о преобладании в каролингской Франции ранних браков определеннее других высказался Д. Херлихи, утверждающий, что в то время сохраняется близкая к Тацитовой модель бракосочетаний в 25—27 лет. Американский исследователь придает этому весьма большое значение, полагая, что таким образом предотвращался демографический рост, для которого не было тогда возможностей из-за ограниченности пахотных площадей⁷⁸. Приходится, однако, признать, что фактический материал, мобилизуемый Д. Херлихи в подтверждение этого взгляда, не выглядит убедительным. Абсолютно преобладают разрозненные отсылки на Аристотеля, Августина, Исидора Севильского, Вестготскую правду, Липутранда, патриарха Константинопольского Евтихия, Фома Аквинского и т. п. При этом нетрудно убедиться, что в большинстве цитируемых текстов речь идет отнюдь не об обычном возрасте вступления в первый брак, но об отдельных случаях. Собственно к каролингскому времени относятся только цитаты из упомянутого «Поучения сыну» герцогини Дуоды (IX в.) и из постановления церковного собора во Фрежюсе (796—797 гг.), в которых констатируется, что браки должны совершаться не между малолетними детьми, но между совершеннолетними. Выше, однако, уже отмечалось, что совершеннолетними считались тогда подростки с 12—14 лет.

Кроме того, Д. Херлихи использует материалы Сеп-Нерменского политика (начало IX в.), чтобы подтвердить, исходя из не слишком большой, с его точки зрения, разницы в числах вдов (133) и вдовцов (86), примерное равенство брачного возраста для мужчин и женщин (о самом этом возрасте политик ничего не сообщает). В политике же Марсельской церкви (начало IX в.) Д. Херлихи обращает внимание на возраст уже упоминавшихся выше «бакалариев», произвольно приравнивая его к 16 годам (большинство исследователей определяют его в 14—15 лет; И. С. Филиппов показал, что их возраст составлял 12 лет.) Затем, постулируя, что бакаларии «не торонились» вступать в брак, американский исследователь несколько неожиданно заключает отсюда, что можно считать «неопровержимым» факт откладывания браков зависимыми людьми этого монастыря

до конца третьего десятилетия своей жизни⁷⁹. В общем попытку Д. Херлихи доказать преобладание в каролингское время поздних браков нельзя считать удачной⁸⁰. Ее тем более придется отвергнуть, если будет принято во внимание сосуществование разных брачных моделей. Очевидно, что неофициальные браки в среде знати (так же, вероятно, как и среди простолюдинов) могли *предшествовать* официальным. Соответственно брачный возраст и начало детородного периода еще более понижались.

Преобладание ранних супружеств создавало благоприятные предпосылки для высокого уровня брачности. О его примерной высоте у крестьян можно получить представление по каролингским полиптикам, позволяющим оценить долю холостых среди крестьян-держателей (табл. 2.2).

Как видно из таблицы (стб. 5), доля холостых мужчин ведала стабильна — около пятой (или четвертой) части взрослых лиц мужского пола. Примерно та же картина вырисовывается и при массовом анализе актового материала VIII—X вв.⁸¹

Данные полиптиков и актов пугают, однако, в том уточнении, что в них учтены только официальные браки. Супружеские союзы иного типа благочестивые монахи — составители описей или грамот, — как правило, игнорировали. Есть и еще одно обстоятельство, позволяющее предполагать, что в действительности доля холостяков была меньшей, чем свидетельствуют поместные описи. Ведь в них фигурировали, как правило, только зависимые от данной сеньории. Мужчина, женатый на свободной жепцине или на зависимой от другого вотчинника, мог выступать как холостяк (во всяком случае, если у него еще не появилось детей). Его жена в данной поместной описи упоминалась не обязательно⁸². Учитывая все это, можно полагать, что реальная доля холостяков среди мужчин не составляла и 20—25%. Что касается незамужних молодых женщин, то их доля — за счет более ранних браков — была еще скромнее.

В общем уровень брачности в крестьянской среде был достаточно высоким и достигал 75—85%. У нас нет данных, чтобы измерить уровень брачности у знати. Можно лишь предполагать, что в этой среде, где неофициальные браки пользовались особенно широким распространением, он был во всяком случае не меньшим.

3. Ребенок, женщина, половозрастная структура.

Проблема прироста населения

Высокая брачность, раннее начало супружеской жизни, возможность повторных браков — все это создавало предпосылки для высокой рождаемости. Известно, однако, что в изучаемое время

Таблица 2.2

Холостки в церковных помещениях IX в.*

Сеньория	Учено- зависа- мил людей	В том числе						
		всего варослых мужчин	варослых холостых мужчин		всего варослых мужчин колоннов	варослых холос- тых колоннов		всего варослых мужчин сервов
			абсолют- ное число	%		абсолют- ное число	%	
Сен-Жерменское Аббат- ство (начало IX в.)	9267	2355	530	22,5	1912	427	22,3	226
Аббатство св. Ремигия (середина IX в.)	907	890	209	23,4	—	—	—	—
Марсельское аббатство св. Виктора (начало IX в.)	—	575	112	19,5**	170	39	22,9	209
								47
								23,4
								—
								22,4

* Составлена по материалам кандидатской диссертации В. А. Блюмина «Крестьянская семья во Франции IX в.», выполненной под нашим руководством (Горький, 1984), и по нашим собственным подсчетам.

** Расхождение с данными А. Арманто и его соавторов, оценивавших долю холостого населения во владениях Марсельской церкви в 32% (Reinhard M., Armand A., Durquier J. Histoire générale de la population mondiale. P., 1988. P. 65), объясняется тем, что в наших подсчетах не учтены «бакалари», в число которых входили, как отмечалось выше, и под-
ростки (начиная с 12 лет), не являвшиеся холостиками в собственном смысле слова.

число выживших детей, обеспечивавшее естественный прирост, зависело не только от рождаемости, но и от гораздо более широкого круга обстоятельств. Среди них материальные условия жизни людей разных классов, поведенческие стереотипы (в том числе стереотипы — более или, наоборот, менее, — нацеливающие на выхаживание потомства), уровень медицинских знаний, влиявший на исход родов, выживание детей, судьбу больных и старых и т. п. Все эти и им подобные условия, как и во все времена, были определенным образом взаимосвязаны между собой и с общим характером социальной системы. Не касаясь всех сторон этой проблемы, сосредоточим вначале внимание на характерном для каролингского времени стереотипе отношения к ребенку.

В формировании принятых тогда воззрений, естественно, сыграли свою роль унаследованные от прошлого традиции. Некоторые из них предписывали взгляд на ребенка, совершенно чуждый не только современному, но и средневековому сознанию более поздней поры. Так в учениях авторитетных раннехристианских ортодоксов — Августина, Григория Великого, Исидора Севильского — нетрудно встретить суровое осуждение детской природы. Ребенок грешен от рождения; его шалости, неусидчивость, непредсказуемость его действий — неизбежное следствие (и подтверждение) его греховности; даже первый крик новорожденного не что иное, как крик «высвобожденной злобы», отзвук первородного греха, довлеющего над каждым человеческим существом, включая и ребенка⁸³.

Эти высказывания были так или иначе связаны с оценкой брака, в котором ранняя церковь видела прежде всего повторение первородного греха. Неудивительно, что и детская судьба рассматривалась под этим углом зрения. Считалось, что в ребенке как бы отмишались грехи родителей. В соответствии с одной из древнейших догм Ветхого завета признавалось, что сын отвечает за отца. Даже рождение в браке не мальчика, но девочки истолковывалось в церковной доктрине (а позднее и в обыденном сознании) как кара родителям за нарушение сексуальных табу или иных церковных предписаний. Что же касается появления на свет больных, слабых или увечных детей, то оно воспринималось как возмездие за прегрешения предков не только в раннее средневековье, но и значительно позднее⁸⁴. Этот подход предполагал, что ребенок не самоценность, но лишь средство «наградить» или «наказать» его родителей.

Подобное отношение к детям питалось и некоторыми римскими традициями. Как известно, римское право наделяло отца семейства чрезвычайно широкими правами по отношению к детям. Сохранение во Франции вплоть до VII в. римского права налогообложения, предписывавшего фискальные взима-

ния с каждого новорожденного, не могло не поощрять негативное отношение к ребенку, особенно у людей малоимущих.

Неудивительно, что проявления беспечности или даже жестокости родителей к детям зафиксированы многими раннесредневековыми памятниками. В них констатируются умышленное убийство новорожденных, небрежность по отношению к ним, приводившая к придушению малышей в родительской постели, подкидывание детей, отсутствие должной заботы об их выхаживании⁸⁵. Даже делая скидки на риторические преувеличения в высказываниях раннехристианских писателей, невозможно только ими объяснить повторяющиеся пассажи о родительской беспечности. Пенитенциалий Бурхарда Вормсского предписывает исповеднику спросить у молодой матери, не клала ли она ребенка близ очага или печи, так что кто-либо вновь вошедший мог печально обварить его, опрокинув кипящий котел с водой⁸⁶. Аналогичным образом сория каролингских пенитенциалиев предполагает возможность непредумышленного и умышленного придушения детей в родительской постели, так же как и возможность со стороны матери прямого детоубийства⁸⁷. (Характерно, что для малоимущей матери наказание в этом случае сокращалось вдвое; потребность в такого рода уточнении говорит сама за себя⁸⁸.) Приходится допустить, что естественная привязанность родителей к детям могла в раннесредневековой Франции пересиливаться иными побуждениями, которые если и не обязательно приводили к эксцессам, тем не менее существенно снижали силу психологической установки на выхаживание ребенка.

Это не означало, однако, общей неразвитости родительских эмоций. Те же раннесредневековые писатели, которые упрекали мирян за недостаточную заботу о детях, констатировали «любовь» к ним и родительское пристрастие, заставлявшие баловать ребенка, прощать ему шалости, забывать за мирскими заботами о последних о божественном. Каролингские авторы признают пылкую привязанность к детям даже у царственных особ и обсуждают, насколько она прощительна и в каких случаях превращается в греховное чадолюбие⁸⁹. Дошедшие до нас редкие свидетельства о реальных взаимоотношениях родителей с их детьми с очевидностью говорят и о нежной любви к ребенку, и о горячем стремлении уберечь его от жизненных невзгод.

Характерны в этом отношении высказывания уже упоминавшейся герцогини Дуоды. В ее «Поучении...», обращенном к сыну, которому пришлось уехать заложником ко двору Карла Лысого, все материнские чувства и чаяния звучат с удивительной силой: «Большинству женщин дано счастье жить вместе со своими детьми, я же лишена этой радости и нахожусь далеко от тебя, сын мой. Тоскуя о тебе, я вся переполнена желанием помочь

тебе и потому посылаю этот мой труд...» «Хотя и многое меня затрудняет и обременяет, первая моя забота увидеть когда-либо тебя, сын мой... Мечтаю, чтобы господь наградил меня этим... и в ожидании чахну...» «Сын мой перворожденный, у тебя будут учителя, которые преподадут тебе уроки, более страшные и полезные, чем я, но ни у кого из них не будет столь горячего сердца, что бьется в груди твоей матери...»⁹⁰ и т. д. и т. п.

Своеобразие поведенческого стереотипа состояло, следовательно, не в том, что люди каролингского времени были лишены родительских чувств, но лишь в их специфике: пылкая любовь к детям совмещалась с фатализмом, со смирением перед судьбой, с пассивностью в преодолении беды, грозившей ребенку. Отсюда и ослабление установки на выхаживание, а порой и пренебрежение родительскими заботами⁹¹. До некоторой степени это предопределялось неспособностью справиться со многими опасностями для ребенка и непониманием специфики детского поведения, в частности физических и психологических особенностей детства и отрочества. Известное значение имело также то обстоятельство, что при частых родах и не менее частых детских смертях родители не всегда успевали достаточно привязаться к новорожденному, достаточно ощутить его продолжением собственного «я».

Все это не могло не сказываться на уровне детской смертности, сокращая численность детей или даже приводя в ряде семей к полной бездетности. Как ни сложны количественные оценки этих параметров для рассматриваемого периода, некоторые прикидки возможны. Так, соотношение рождаемости и смертности детей у зависимых крестьян отчасти может быть измерено частотой упоминания бездетных семей в полиптиках. Конечно, бездетность супружеских пар могла обуславливаться не только высокой детской смертностью, но и бесплодием. Цезарий Арелатский отмечал, что среди его прихожан встречаются и те, кто вследствие «дьявольских смертоносных напитков» (имеется в виду контрацептивное питье) довели себя до искусственно созданного бесплодия, и те, кому «господь вовсе отказал в детях». Разграничить эти виды бездетности нет возможности. Но оценить ее общие масштабы иногда удается. Соответствующие подсчеты по каролингским поместным описям IX в. обобщены в табл. 2.3. По ней видно, что доля бездетных составляла среди жепатых крестьян примерно 15—20%. Она возрастала вместе с повышением социального статуса, обнаруживая тем самым связь с общим ухудшением качества жизни.

Оценивая надежность приведенных цифр, отметим, что их можно было бы считать несколько заниженными исходя из двух обстоятельств. Так как в монастырских полиптиках отражались,

Таблица 2.3
Доля бездетных супругов *

Сеньория	Учено супру- жеских пар	В том числе б бездетных		Супружеских пар					
				у колонов			у сервов		
		абсолют- ное число	%	всего	абсолют- ное число	%	всего	абсолют- ное число	%
Сен-Жерменское аббатство	1936	369	19,0	1567	269	17,1	185	47	25,5
Реймское аббат- ство св. Ремигия	354	52	14,7	273 **	41	15,0	27	8	29,6
Марсельская цер- ковь св. Виктора	116 ***	16	13,8	43	4	9,3	48	7	14,6

* Составлено по материалам диссертации В. А. Влоница «Крестьянская семья во Франции IX в.»

** Вместо колонов здесь *ingenui*.

*** Учено только старшее поколение взрослых.

очевидно, лишь церковно оформленные браки, приведенные циф-
ры, видимо, не включают бездетных супругов, брак которых не
получил монастырского признания. Кроме того, давая «момен-
тальный» статический срез, полиптики не позволяют учесть без-
детность тех супружеских пар, которые потеряют своих, ныне
малолетних, детей в недалеком будущем. Но, с другой стороны,
приведенные цифры, возможно, завышают долю бездетных из-за
невключения в опись детей «чужаков» (т. е. некоторые крестья-
не, фигурирующие в качестве бездетных, могли в действитель-
ности иметь детей). Эта возможность была не слишком частой:
составители описей могли и вовсе игнорировать браки с чужа-
ками. Тем не менее она хотя бы до некоторой степени компен-
сировала заниженность полученных цифр. Вероятно, в целом в
них можно видеть нижний предел колебаний в уровне бездет-
ности крестьянских браков.

В этом убеждают наблюдения, сделанные по северофранцуз-
скому актовому материалу VIII—XI вв. Из примерно 500 брач-
ных пар, описанных в исследованных северофранцузских актах,
детей не имели менее 100 (т. е. менее 20%) **. Учитывая, что
составители частично-правовых грамот были еще менее последо-
вательными в описании крестьянских детей, чем составители полип-
тиков, приведенную оценку бездетности можно было бы считать

завышенной. В то же время нет уверенности, что крестьянские семьи, отраженные в частно-правовых грамотах, вполне типичны. Среди них могли преобладать более состоятельные и многодетные, чаще других превращавшиеся в объект домогательства и отчуждения. Из-за этого можно было бы говорить о некоторой завышенности оценки бездетности в приведенных грамотах. В целом же и по актовому материалу 20% бездетных крестьян представляется нижним уровнем бездетности, вызванной бесплодием и детской смертностью.

В поисках путей количественной оценки детской смертности в каролингской Франция исследователи вынуждены не пренебрегать и еще более гипотетичными прикидками. Так, Р. Фоссье выдвинул идею использовать с этой целью расчетные показатели, полученные на основе изучения различий между наивысшей гипотетической рождаемостью и реальной численностью детей в той или иной местности²². Мы попытались реализовать эту идею, опираясь на данные полиптика аббата Ирминона о владениях Сен-Жерменского аббатства.

Из полиптика Ирминона известны число замужних крестьянок, проживавших в каждом из монастырских имений, а также общая численность в них крестьянских детей. Пусть число замужних женщин в имении равно $Ж$, а число наличных детей — $Д$. Если допустить, что длительность детородного периода составляла 20 лет — с 15 до 35 (фактически из-за частой смерти при родах или патологии беременности он мог быть намного короче)²³, а интервал между рождениями составлял 2 года (фактически, он бывал большим из-за длительного периода кормления грудью) и что, следовательно, теоретическая плодовитость женщины (завышенная!) достигала 10 детей, то нетрудно будет рассчитать примерный уровень детской смертности в его минимальном варианте для каждого из описанных в полиптике имений.

Общее число детей, которое могло бы родиться в имении, составит $\frac{10Ж}{2}$. (Предполагая, что замужние женщины каждого имения равномерно распределены по всем возрастам, мы допускаем, что в момент составления описи числа женщин, уже родивших десятерых детей, было равным числу замужних женщин, еще не успевших родить ни одного ребенка, т. е. что общее число рожденных детей составляло половину произведения 10 $Ж$). Число умерших детей будет тогда равно $5Ж - Д$. Их доля от общего числа детей, выраженная в %, составит

$$100 \left(\frac{5Ж - Д}{5Ж} \right) = 100 \left(1 - \frac{Д}{5Ж} \right).$$

Результаты наших подсчетов по этой формуле сведены в табл. 2.4.

Как видно по таблице, если исходить из прямых данных полиптика аббата Ирминона, расчетный уровень минимальной детской смертности в Сен-Жерменском аббатстве следовало бы считать близким к 55%. Полученные цифры, разумеется, сугубо ориентировочны. Поучительно, однако, что они подтверждаются некоторыми другими материалами. Так, судя по полиптику марсельской церкви св. Виктора, в год его составления в описанных в нем владениях у крестьян появилось 30 новорожденных. В то же время среднее число детей в возрасте от года до трех лет составляло в тех же владениях в расчете на каждый из этих трех возрастов 18 человек, среднее число детей в возрасте от четырех до шести (опять-таки в расчете на каждый из возрастов) — 21 человек, среднее число детей в возрасте от семи до девяти лет (вместе с так называемыми *infantes ad scola*) в расчете на каждый из возрастов — 12 человек. Иными словами, ни один из детских возрастов не приближался по численности к новорожденным, уступая им в полтора-два и более раз. Конечно, число 30 новорожденных не обязательно достигалось ежегодно. И тем не менее различие приведенных цифр нельзя вовсе сбрасывать со счетов. Оно согласуется с предположением о том, что смерть могла уносить в течение первых 10 лет жизни около половины детей.

Косвенно о высокой детской смертности свидетельствует и средняя численность выживших (т. е. доживших по крайней мере до подросткового возраста) детей в крестьянских семьях. Этот показатель важен, кроме того, для оценки перспектив прироста населения.

Остановимся на нем подробнее.

По полиптику марсельской церкви, на одну детную семью у крестьян старшего поколения приходится 3,8 ребенка, у молодых крестьян, в семьях которых детородный период еще в разгаре, — по 2,3 ребенка. (В среднем на малую семью — соответственно 3,3 и 1,0⁹³.) Оценивая эти данные, следует учитывать, что марсельский полиптик единственный, где указывается возраст ребенка и где среди детей фигурируют безымянные «грудные» (*ad ubor*). Не исключено, что относительное обилие детей у крестьян этого аббатства объясняется учетом и самых маленьких — от грудных до 3—4-летних, очень значительная часть которых не доживает до взрослого возраста. В других каролингских полиптиках, в которых упоминаются крестьянские дети, полнота их описания явно ниже. Младенцы отсутствуют полностью. Преобладают дети, пережившие наиболее уязвимый период раннего детства, их число ближе соответствует числу

Таблица 2.4

Уровень детской смертности в основных владениях Сен-Жерменского аббатства
(минимальный вариант)

Имя (№ в политике Ирмиона)	Общее число всех детей	Общее число замужних женщин	Уровень детской смертно- сти (в %)	Имя (№ в политике Ирмиона)	Общее число всех детей	Общее число замужних женщин	Уровень детской смертно- сти (в %)
6	125	40	49	15	213	107	60
8	72	27	47	16	171	75	55
9	784	386	60	19	241	94	49
11	42	16	48	Итого по учтенным владениям	2128	918	54
13	480	164	42				

«выживших» детей. Неполнота описания детей в этих политиках обуславливается, однако, не только игнорированием младенцев. Старшие дети, создавшие собственные семьи или же хотя бы приобретшие статус совладельцев по отношению к своим родителям, как правило, выпадают из описания. Они фигурируют в политиках в качестве самостоятельных хозяев. Их родственную связь с родителями удастся восстановить лишь с помощью специального антропонимического анализа⁹⁶ и далеко не во всех случаях. Поэтому прямые данные этих политиков характеризуют явно заниженное число выживших детей. Так, по политикку Ирмиона в среднем на семью приходилось примерно по 1,6 ребенка (причем, как и в отношении бездетности, этот показатель ухудшался вместе с понижением социального статуса крестьянина)⁹⁷. Если же учесть старших отделившихся детей, это число, по нашим подсчетам, следовало бы увеличить минимум на 0,5⁹⁸. В том, что при этом не будет допущено преувеличения средней численности выживших детей, удостоверяют подсчеты среднего числа детей в детных семьях. По политикку Ирмиона, оно составляет 2,9, по реймскому политикку — 2,8 ребенка⁹⁹. Скорректированная нами с учетом отделившихся старших детей средняя численность детей на малую семью — 2,1 явно уступает этим показателям.

Явно заниженную оценку численности детей содержат и суммарные данные Сен-Жерменского и Реймского политиков о соотношении детей и взрослых. По первому из этих политиков число детей составляло 105,7% числа взрослых, по второму — 105,1%. Поскольку отделившиеся от отчих семей старшие дети включены в число взрослых, последнее явно преувеличено, а число детей

соответственно преуменьшено. Какому ежегодному приросту населения соответствует это преуменьшенное соотношение поколений? Принимая за длину поколения интервал в 25 лет¹⁰⁰, получаем ежегодный естественный прирост в 0,2—0,22%. Эти данные не позволяют согласиться с предпринимавшимися в течение последних 10—15 лет попытками констатировать, основываясь на материалах использовавшихся выше полиптиков, стагнацию или даже спад населения в каролингской Франции IX в.¹⁰¹ Необоснованность этих попыток тем более явна, что они не предусматривали необходимой дифференциации разных поколений «взрослых».

Выявленные по каролингским полиптикам IX в. данные о средней численности детей на семью подтверждаются и некоторыми другими, в первую очередь актовыми, материалами. Судя по ним, можно предполагать небольшое увеличение средней численности выживших детей в семье в период с VIII по X в. с 2,2 в VIII в. до 2,8 в IX в. и до 3,0 в X в. С учетом же неполноты описания детей в актах можно предполагать, что общее число детей у крестьян составляло (на детную семью) в VIII в. около трех, в IX в. более трех, в X в. около четырех, из которых до взрослого возраста доживали в VIII—IX вв. около двух, а в X—XI вв. около трех детей¹⁰². Аналогичны наблюдения А. Делеажа, изучавшего бургундские памятники IX—X вв.: из 169 учтенных крестьянских домохозяйств семейные пары были в 135 (79%) из них; из числа женатых бездетными были лишь 7 (5%) крестьян; среднее число детей (на детную семью) около трех детей¹⁰³. Примерно ту же цифру — 2,8 — называет М. Делови, подсчитавший число детей в 762 семьях, упоминаемых в Реймском картулярии¹⁰⁴. Сходные оценки дают Ф. Лот, Ж. Дюби, П. Гийом и Ж. Пусу и другие исследователи¹⁰⁵. Как видим, есть немало оснований оспорить чересчур пессимистические оценки демографической ситуации IX—X вв., которые были предложены в 70—80-х годах Ж. П. Брежи, Ж. Вердоном, Ж. П. Поли, Д. Херлихи, Р. Фоссье и др.

Все это, однако, не значит, что реальное число выживших детей на семью было во всей Франции таким же, как в только что приведенных случаях. Уже отмечалось, что дошедшие до нас полиптики, картулярии и иные описания в своей основной массе отражают ситуацию главным образом в наиболее интенсивно развивавшихся местностях. Социально-экономический и демографический рост в целом во Франции VIII—X вв. был, несомненно, ниже. Но даже если прирост населения составлял в среднем хотя бы половину той заведомо заниженной цифры, которую мы приводили, — не 0,2% в год, но лишь 0,1% в год, — то и в этом

случае можно констатировать известный прогресс. Видимо, уровень выживаемости детей в целом все же превышал уровень детской смертности, сколь бы последний ни был значителен.

Что касается среднего возраста смерти взрослых, то его определение для каролингского времени наталкивается на почти непреодолимые трудности. Это же следует сказать и о средней продолжительности жизни. Не располагая серийными данными, исследователь, стремящийся определить абсолютную величину этих параметров, обречен на произвольные допущения¹⁰⁶. Источники информируют нас — и то весьма ненадежно — о возрасте смерти отдельных представителей знати, да о редкости среди них людей старше 45—50 лет. Так, известно, что из 28 меровингских королей (от Хлодвига до Теодорика IV) перевалили за 50-летний рубеж лишь трое¹⁰⁷. Каролингские короли жили как будто бы дольше; неясно, однако, отражал ли этот факт общее увеличение продолжительности жизни или же только упорочение политической стабильности, помогавшее каролингским королям чаще умирать в собственной постели. Еще менее достоверны раннесредневековые данные, касающиеся церковных иерархов, якобы доживавших благодаря «праведной жизни» до совершенно сказочного возраста¹⁰⁸.

Отказываясь от установления продолжительности жизни в каролингское время в абсолютных цифрах, как и от точного измерения некоторых других демографических параметров, мы считаем более продуктивным выявлять хотя бы заведомо заниженную величину таких показателей. Именно этому служило сделанное выше определение минимальной численности детей, минимального соотношения детского и взрослого поколений, минимального ежегодного прироста. Подобную же цель преследует обзор косвенных данных о продолжительности жизни и ее различиях у мужчин и женщин.

Обратим прежде всего внимание на тот факт, что люди каролингского времени мало говорят о своих внуках (*nepotes*), дедах или бабках. Более того, самое понятие «первоз» сохраняет явную амбивалентность и, по мнению, например, Д. Бартелеми, подразумевает чаще племянника, чем внука. Не свидетельствует ли это о том, что внуки вообще сравнительная редкость? Вероятно, не случайно деды и бабушки упоминаются преимущественно в качестве покойных прародителей. (Это характерно, в частности, для памятников повседневной практики — актов, поместных описей, дидактических сочинений.) Видимо, дожить до собственных внуков (и стать дедом или бабушкой) удавалось тогда очень немногим¹⁰⁹.

Этот факт в сочетании с тем, что известно о возрасте первого брака, позволяет ориентировочно оценить обычную длитель-

ность жизни. Если, вступая в брак около 15—20 лет, люди, редко доживали до внуков, значит, они столь же редко умирали позднее 35—40 лет. Естественно, что Беда Достопочтенный в свои 60 лет казался современникам древним старцем, а то, что Карл Великий достиг 72-летнего возраста, представлялось его биографу Эйнхарду просто чудом.

Что касается различий в продолжительности жизни мужчин и женщин, то на первый взгляд сведения об этом выглядят более конкретными. И в актах, и в описях, и в генеалогиях VIII—X вв. обнаруживается преобладание числа вдов над числом вдовцов: в ряде местностей оно оказывается двукратным¹¹⁰. К сожалению, однако, это соотношение парадоксальным образом не согласуется с численностью в тех же местах взрослых мужчин и женщин, так же как и с соотношением мальчиков и девочек: в обоих последних случаях обнаруживается явное преобладание лиц мужского пола¹¹¹. Констатация этого противоречия и анализа его истоков побудили специалистов отказаться от того, чтобы видеть в превышении числа вдов над числом вдовцов свидетельство большей продолжительности жизни женщин. Это превышение связывают как с более ранним вступлением женщин в брак (вследствие чего жены были, как правило, моложе своих мужей), так и со сравнительной сложностью для многих вдов вступить в повторный брак. Действительное же соотношение уровня смертности лиц разного пола считается более обоснованным определять по сопоставлению их численности в том или ином возрастном классе. Так явное преобладание мужчин среди взрослых специалисты связывают преимущественно с высокой смертностью женщин при родах и с их гибелью во время военных раздоров¹¹².

Не оспаривая влияния этих моментов на среднюю продолжительность жизни женщин, мы тем не менее не считаем их достаточными для характеристики половозрастных различий в смертности и особенно для их объяснения. Обратим прежде всего внимание на тот факт, что численное неравенство полов в крестьянской среде обнаруживается уже в детском возрасте. Судя по ряду поддающихся статистической обработке памятников, число мальчиков намного превышает число девочек. Видеть причину этого только в недоучете девочек трудно (хотя он, несомненно, имел место). Такой недоучет можно предполагать, например, в актах или хрониках, где при описании семей женское потомство подчас просто игнорируется. Гораздо менее вероятен он в полиптиках, где лица женского пола выступали как субъекты обложения специфическими повинностями, так что недоучет девочек угрожал землевладельцу фискальными потерями. Между тем именно в полиптиках доля девочек среди детей особенно часто

уступает (порой в полтора и более раза) доле мальчиков. Численное неравенство полов в крестьянстве закладывалось, таким образом, в детстве.

Американская исследовательница Э. Коулмен предложила в свое время объяснять это недостаточной заботой родителей о выхаживании новорожденных девочек, что могло обрекать их на смерть¹¹³. Уязвимость использованной Коулмен методики и ошибки в подсчетах вызвали справедливую критику ее построений. Не подтвердились и тезисы Коулмен о прямой зависимости доли мальчиков в крестьянских семьях от земельной обеспеченности семьи, числа детей в ней или же обширности домохозяйства¹¹⁴. Тем не менее мысль о различии родительских забот о новорожденных мальчиках и девочках находит подтверждения.

Так, в ряде владений, фигурирующих в каролинских описях, обнаруживается (вопреки Коулмен!) обратная зависимость между долей в семье мальчиков и общим числом детей в семье¹¹⁵. Подобная зависимость могла сложиться при условии, что в молодых семьях берегли прежде всего новорожденных мальчиков; лишь по мере того как они подрастали, семья проявляла достаточную заботу и о девочках, добиваясь их выхаживания; соответственно доля девочек оказывалась выше в семьях с большим числом детей. В дальнейшем же соотношение численности полов в крестьянских семьях несколько изменялось; при переходе во взрослый возраст доля лиц женского пола, судя по некоторым описям, увеличивалась¹¹⁶. Видимо, это отражало более высокую на данном возрастном этапе смертность мужчин, чем женщин; в результате разрыв в численности женщин и мужчин сокращался, хотя и не исчезал.

Итак, в крестьянской среде можно предполагать повышенную смертность девочек во младенчестве и, наоборот, более высокую смертность лиц мужского пола во взрослом возрасте. Не исключено, следовательно, что смертность женщин при родах могла по величине до некоторой степени «перекрываться» смертностью взрослых мужчин (из-за участия в военно-политических конфликтах, особо тяжелого труда, меньшей сопротивляемости ряду болезней и др.). В целом же продолжительность жизни крестьянок, видимо, уступала продолжительности жизни крестьян-мужчин, что и отражалось в превышении доли этих последних среди зависимого населения¹¹⁷. Что касается знати, то разрыв в возрасте смерти между мужчинами и женщинами в этой среде был, возможно, еще меньшим, чем у крестьян. Угроза гибели мужчин в военных столкновениях была еще выше; отказ от выхаживания новорожденных девочек менее вероятен; условия родов лучше.

Гипотетический характер этих суждений очевиден. Базы для каких бы то ни было абсолютных оценок они явно не создают.

Подчеркнем, однако, что мы заведомо предпочитаем мало надежным абсолютным цифрам, относительные величины, характеризующие *соотношение демографических показателей* (или тенденций). Не претендуя на точность, подобные соотношения дают тем не менее возможность хотя бы в самых общих чертах обрисовать режим воспроизводства населения (РВН) в каролингское время.

Соотношение главных составных элементов РВН — брачности, рождаемости, смертности — обеспечивало, как мы видели, в целом положительную демографическую динамику (хотя и крайне медленную). Можно предполагать, что этому в первую очередь способствовали очень высокая брачность, низкий возраст первого супружества, ничем не ограничиваемая рождаемость. Огромная детская смертность сводила репродуктивные потенции общества почти на нет. Малая продолжительность жизни усугубляла ситуацию.

В основном это соотношение между главными элементами РВН было, видимо, характерно для всего каролингского времени. Нельзя, конечно, исключить некоторых частных изменений внутри этого периода. Они могут быть выявлены при более углубленном сопоставлении его отдельных этапов, которым мы, исходя из общей задачи, вынуждены были пренебречь.

Отметим лишь, что на нынешнем уровне знаний меньше всего оснований предполагать сокращение в течение VIII—X вв. уровня смертности. Так, мы не располагаем свидетельствами, которые позволили бы констатировать какие бы то ни было изменения в подходе к детству и ребенку, в навыках выхаживания детей, в отношении к смертности и в витальном поведении.

Известный прогресс можно допустить лишь в области брачно-семейных отношений. О некоторых предпосылках их изменения уже говорилось выше. К сказанному следовало бы добавить, что упорядочению этих отношений, вероятно, способствовала и социальная перестройка VIII—X вв. Стаповление сеньории, подъем и ней земледелия, упрочение земельных прав несвободного и полусвободного населения благоприятствовали укреплению семейных ячеек в среде трудящегося населения. Эти же факторы, прямо или косвенно, влияли и на упрочение патрилинейных родственных групп знати. Брачно-семейные структуры выступали, таким образом, в качестве одного из связующих звеньев социального и демографического развития.

4. Семья и демографические процессы

В собственно демографическом плане уяснение характера семейной организации важно с нескольких точек зрения. Во-первых, оно необходимо для оценки численности населения и его измене-

ния. Как известно, средневековые источники если и содержат информацию по этому вопросу, то лишь в виде данных о числе «очагов», «домов», «родов», «держаний» в той или иной местности (см. выше). Любой перевод таких данных в цифры населения возможен при условии, что предварительно будет выяснен численный состав подобных образований. Естественно, это требует понять структуру домохозяйственных ячеек и их соотношение с семьями и другими родственными группами.

Во-вторых, специфика семейной организации существенна для понимания демографического поведения. Выше уже отмечалась связь моделей брака и семьи. Эта связь — естественное следствие взаимозависимости типа брака и структуры семейной ячейки, складывавшейся на его базе. Сходным образом тип супружеских ячеек был взаимосвязан со спецификой отношений внутри них и всей системой социально-психологических установок в семейной сфере. Поэтому структура семьи так или иначе соотносилась с восприятием ее членами детства, старости, ролевых различий между полами; соответственно она сказывалась на подходах к ребенку, женщине, старикам, больным и на самосохранительном поведении. Неудивительно, что проблемы семьи, интересующие, вообще говоря, историков самых разных специальностей, привлекают большое внимание исследователей-демографов.

Что касается специально семьи в каролингское время, то она в последние 10—15 лет была предметом оживленных дискуссий, в которых участвовали медиэвисты разных школ. Хотя обсуждались самые различные темы, острее всего дебатировался вопрос о соотношении двух типов семьи: «большой» и малой¹¹⁸. Традиция в изучении этой проблемы уходит в прошлое столетие, когда в переходе от патриархальной семьи (из нескольких поколений) к малой (включавшей, кроме родителей, только их лежачих детей) видели одно из важнейших отражений процесса классовообразования. Тогда же сформировалось традиционное для историков-марксистов представление, что одним из исходных пунктов социального развития варварских государств в Западной Европе VI—VIII вв. была земледельческая община, состоявшая из патриархальных больших семей¹¹⁹. Новый фактический материал (особенно археологический) и новые методы его анализа побудили исследователей (в том числе и тех, кто разделял раньше эту концепцию) отказаться от нее: ни земледельческую общину, ни патриархальную семью, по мнению подавляющего большинства современных специалистов, в источниках VI—VIII или тем более IX в. обнаружить невозможно¹²⁰.

Уяснение этого вопроса отнюдь, однако, не положило конца спорам о составе семейных ячеек в каролингское время. Ведь рамки семьи определялись не только ее генезисом; не менее (если

не более) заметно влияла на них текущая социальная практика. Автор этих строк несколько лет назад предпринял попытку прояснить по материалам каролингских полиптиков состав домохозяйственных ячеек у зависимых крестьян IX в.¹²¹ Вместе с параллельно проведенными исследованиями северофранцузских актов VIII—X вв.¹²² такой анализ позволил обнаружить широкое распространение на территории Франции многосемейных объединений, соседствовавших, впрочем, с не менее многочисленными обособленными хозяйствами малых супружеских семей¹²³. Представляя новообразования, многоячейные домохозяйства (объединявшие несколько братьев, или родителей с их женатыми сыновьями, или просто соседей) не имели ничего общего с патриархальными большими семьями¹²⁴. Тем не менее по составу это были подчас весьма крупные образования, включавшие в некоторых случаях по 20—30 человек (в среднем 8—9 человек)¹²⁵.

Пожалуй, еще определеннее против представления об однолинейной эволюции родственных структур каролингского времени в сторону нуклеарной семьи свидетельствует материал по истории знати. В исследованиях, начатых еще М. Блоком и вновь умножившихся в последние десятилетия, убедительно показаны широта и сложность аристократических родственных ячеек. Неодинаковые ни по названиям, ни по составу, ни по функциям, все они имели то общее, что супружеская пара с детьми была в них лишь одним — и притом не самым главным — составным элементом. Ее обособление — в хозяйственном, военно-политическом или же юридическом плане — не было сколько-нибудь полным (или даже вовсе отсутствовало). Домохозяйства знати включали поэтому, как правило, большие группы людей, не ограничивавшиеся только членами какой-либо супружеской ячейки¹²⁶.

С демографической точки зрения все это представляет интерес прежде всего по той причине, что позволяет уточнить данные о численности и размещении населения в каролингское время. Очевидно, что приведенные в § 1 оценки численности и концентрации населения на территории Франции следует считать еще более заниженными, чем это можно было предположить. В частности, количество заведомо «оседлых» зависимых крестьян — так же как и степень их сосредоточения в ведущих регионах страны — было существенно выше приведенных ранее оценок. Это характеризует интенсивность сеньориального развития во Франции IX в., явно недооцениваемую сторонниками феодальной революции XI в. Параллельно это подтверждает наличие благоприятных условий для стабилизации и упрочения среди кучно живущего населения поведенческих стереотипов, в том числе и в демографической сфере.

Однако численность населения и особенно его динамика (вплотную связанная с нормами демографического поведения!) могут быть освещены на основе данных о составе и рамках домохозяйственных ячеек и родственных образований лишь частично. Для более глубокого их понимания очень важно уяснить существовавший в этих структурах социально-психологический климат, складывавшееся в них соотношение центристических и центробежных сил, взаимодействие супружеских ячеек с другими родственными группами. Без этого не раскрыть ни стереотипы демографического поведения, ни стабильность семейной ячейки (и ее величины). Для того же чтобы все это стало доступным нашему анализу, необходимо принципиально расширить традиционную постановку вопроса о семье. Не ограничиваясь сопоставлением роли малой («простой», «супружеской», «нуклеарной») и большой («многоячейной», «неразделенной») семьи, следует исследовать своеобразие самого феномена семьи в каролингское время. Это, в частности, означает, что надо выявить представления о семье как таковой, свойственные современникам, и роль этих представлений в реальной действительности.

К сожалению, решить эту задачу весьма непросто. Конечно, своеобразие раннесредневековой семьи по сравнению с повоевропейской предположить нетрудно. В общей форме такое своеобразие признавалось многими специалистами¹²⁷. Намного сложнее это своеобразие конкретизировать. Здесь мешает, во-первых, трудно преодолимый стереотип нашего собственного мышления, подспудно толкающий к истолкованию феноменов прошлого в рамках известной нам понятийной сетки, что побуждает неосознанно «подтягивать» характеристику таких феноменов к их современным аналогам. Второе же препятствие — чрезвычайная скудость каролингских источников, в которых практически игнорируется понятие семьи.

Разумеется, составители дошедших до нас памятников не раз упоминают о супружеских парах, их детях, об имуществе, которым они владеют, об их наследственных правах, о местах их проживания и т. п. Однако по крайней мере до XI в. в высказываниях современников не удается найти попыток осмыслить эти супружеские ячейки как некие специфические родственные структуры или же вообще как образования *sui generis*. Так, составители полиптиков IX в., фиксирующие одну или несколько супружеских пар на каком-либо земельном держании, обходятся при их описании простым перечислением: «*isti duo*», «*isti tres*», «*omnes isti*», «*isti*» и т. п. При этом может сообщаться, кто является чьим мужем или чьей женой, от какой женщины прижиты те или иные дети, живет ли здесь кто-либо из старших родичей в пр. Но совокупность всех этих людей никакого обозначения не получает¹²⁸.

Аналогичным образом поступают авторы частных актов. Перечисляя зависимых (или свободных) крестьян, живущих на передаваемых владениях, контрагенты сделок упоминают «*hii qui ad ipsum pertinent*», «*heredes*», «*sui omnes*», «*homo uxor et infantes*»¹²⁹. Понятия, объединяющего членов каждой из этих ячеек, у составителей актов опять-таки не находилось.

И в полиптиках, и в грамотах крестьян объединяют, кроме того, по признаку совместного проживания или совместного выполнения каких-либо повинностей; такие группы крестьян обозначаются как *focus*, *ignis*, *domus* или же *una sagitta*, *unus manus*, *curtis* и т. д. Можно не сомневаться, что каждая из таких групп включала одну или несколько супружеских пар. Однако и в этом случае понятие, осмысливающее единство каждой такой ячейки, не всплывает.

Нет такого понятия и в памятниках, касающихся знати. Характерные для нее родственные структуры, как уже отмечалось, отличались в VIII–X вв. особым многообразием. В основе их лежали разные формы родства по отцовской и материнской линиям. Внимание, которое уделяли современники таким родственным объединениям, свидетельствовало об их высокой социальной роли¹³⁰. Ячейка же, складывавшаяся на основе брака, и здесь как бы игнорировалась. В отличие от этого в применении к крестьянству, так же как и по отношению к знати, современники не затруднялись в обозначении родственных структур, основывавшихся на происхождении от общих предков. В различных памятниках можно встретить упоминания о крестьянских *progenies*, *genus*, *prosapia*, *parentella*. Состав таких групп мог быть достаточно широким, в них включались подчас и весьма отдаленные, давно умершие родичи¹³¹. На этом фоне понятийное игнорирование супружеских объединений, создававшихся ныне живущими людьми, оказывается особенно поразительным.

Не объясняется ли оно тем, что в представлениях современников все «таксономическое пространство», отводимое для родственных структур, было как бы заполнено структурами, базировавшимися на общности происхождения их членов? Иначе говоря, не следует ли считать, что «родовое сознание» до такой степени доминировало пока еще в умах людей, что им представлялось немислимым поставить на одну доску кровнородственные и брачные структуры?

В пользу этого предположения, помимо приведенных фактов, говорит и эволюция понятия «*familia*». В рассматриваемый период, как и во времена классической латыни, оно в первую очередь подразумевало совокупность лиц, живущих под одной крышей, либо объединение людей, подчиненных некоему конкретно-

му собственнику, или же население, зависимое от какого-либо верховного господина¹³².

Ситуация изменяется лишь в XI в. В эту более позднюю эпоху совместно проживавшие люди — будь то родственники по происхождению, будь то члены супружеской ячейки — начали рассматриваться как familia; параллельно стали исчезать терминологические различия при обозначении кровных родственников и родственников по браку¹³³. Видимо, в представлениях современников статус и авторитет брачного союза поднимается в то время до уровня, присущего кровнородственным группам. Это и создает в более позднее время базу для осмысления супружеской ячейки как одной из полиоправных родственных структур.

Такой перелом произошел не вдруг. Он постепенно подготавливался спонтанным укреплением престижа брачных структур в предшествующее время. Следы этого процесса в источниках IX—X вв. видны там, где супружеская ячейка выступает в качестве обособленной домохозяйственной единицы (владее, например, отдельным держанием), или же в качестве самостоятельного юридического субъекта (приобретая и отчуждая имущество), или же как средоточие специфических родственных связей (обеспечивая преемственность между родителями и их детьми). Своеобразие периода IX—X вв. состояло, однако, в частности, в том, что подобная «автономия» супружеской ячейки не стала пока ни полной, ни повсеместной. Как отмечалось выше, многие супружеские пары входили в качестве составных частей в те или иные многоячейные родственные структуры. (В этих случаях их обособленность как бы перекрывалась включением в более обширные и более авторитетные родственные сообщества.) Там, где прямая их интеграция в такие сообщества отсутствовала, последние могли сохранять свое влияние по традиции¹³⁴. Сходным образом родственные связи между родителями и детьми в большей или меньшей мере могли как бы «растворяться» среди традиционных кровнородственных связей по отцовской или материнской линиям.

В общем брачные ячейки каролингского периода, выступая в качестве одного из субъектов хозяйственных, юридических и родственных отношений, испытывали пока что мощную конкуренцию со стороны кровнородственных ячеек. И поскольку до XI в. ни в одном из аспектов брачные структуры еще не стали эквивалентными по престижу кровнородственным (или тем более доминирующими), трудно говорить о завершении процесса формирования семьи как ведущей родственной, домохозяйственной и юридической ячейки в одно и то же время. Взятая в этом смысле семья находилась еще в стадии становления¹³⁵.

Естественно, что это придавало определенное своеобразие нормам демографического поведения внутри супружеской группы. Начиная с отношения к детям, отметим, что они были предметом внимания не только их собственных родителей, но и более широкого круга кровных родственников. Это отнюдь не обязательно означало усиление заботы о каждом ребенке. Могло быть и наоборот. С родителей как бы снималась полнота ответственности за жизнь их отпрыска; эту ответственность, по крайней мере частично, принимал на себя род в целом; он же считал себя вправе определять судьбу ребенка в экстремальных обстоятельствах, ограничивая до некоторой степени родительские права.

Когда, например, герцогиня Дуода родила своего второго сына, сподвижники и близкие ее супруга поспешили увезти младенца подальше от дома, не сообщив матери даже имени, которым его нарекли¹³⁶. Это было сделано исходя прежде всего из соображений политических: близкие Бернгарда — мужа Дуоды — опасались, что Карл Лысый, против которого бунтовал тогда Бернгард, захватит новорожденного как заложника и свяжет этим своих противников. По поводу судьбы младенца существуют разные предположения¹³⁷. В любом, однако, случае ясно, что для окружающих он был не только (или даже не столько) сын Дуоды и Бернгарда, но и член некоей родственной и вассальной группы, которой заботы о здоровье ребенка представлялись делом второстепенным по сравнению с реализацией ее социально-политических планов.

В чем-то сходная ситуация складывалась, по-видимому, в любом многосемейном крестьянском домохозяйстве, испытывавшем недостаток рабочих рук. Интересуясь благополучием домохозяйства в целом, его члены, как мы видели, не всегда способствовали выхаживанию молодыми матерями поворожденных, особенно если дело касалось девочек. В обоих приведенных случаях родители были до некоторой степени скованы в своих заботах о детях, ибо супружеская семья и ее конкретные интересы еще не приобрели самодовлеющего характера. В то же время признание за кровнородственной группой возможности влиять на судьбу детей, как и передача такой группе части ответственности за них, усиливало у самих родителей настроение фатализма в отношении к детям¹³⁸.

Нечто аналогичное легко предположить по поводу отношения членов семейной ячейки к больным, немощным, старым. Известная «разомкнутость» семьи мешала возникновению внутри нее эмоционального климата, способного стимулировать должный уход за этими людьми. Соответственно не было необходимых условий и для интенсивного самосохранительного поведения. Таким образом, своеобразие семейной организации в каролингскую эпо-

ху накладывало свой отпечаток на демографическое поведение и определенным образом сказывалось на режиме воспроизводства населения.

5. К типологии воспроизводственного процесса

Как уже отмечалось, принятая типология демографических процессов прошлого разработана недостаточно. Объединение всех вариантов демографического гомеостаза в классовых докапиталистических обществах в рамках единого «традиционного» типа воспроизводства населения (ТВН) вызывает неудовлетворенность не только в силу излишней обобщенности. Такое объединение предполагает расплывчатость используемых типологических критериев; оно лишает понятие ТВН необходимой эвристической эффективности. Что, скажем, дает нам признание преобладания на территории Франции VIII—X вв. «традиционного» ТВН? Отправляясь от этой констатации, мы можем представить лишь самые общие черты демографической ситуации в это время; уяснению ее специфики внутри более чем тысячелетнего периода господства традиционного ТВН данная констатация не помогает.

На наш взгляд, для осмысления демографических феноменов прошлого и уяснения своеобразия их связи с социальными явлениями на разных этапах общественного развития необходимо выделение внутри каждого из трех исторических ТВН более «дробных» категорий. Говоря выше о режиме воспроизводства населения на территории Франции VIII—X вв. (см. § 3), мы уже отметили несколько отличительных особенностей демографической регуляции. Теперь можно констатировать ее взаимосвязь с такими социальными процессами и явлениями, как формирование малой семьи, признание экономических и социальных прерогатив этой последней, влияние становления сеньории на укрепление и расширение таких прерогатив, растущая дифференциация — в ходе складывания иерархической структуры средневекового общества — родственных структур знати и крестьянства.

Конкретно проследить воздействие всех этих социальных процессов на демографические явления достаточно сложно. Но сам факт их взаимозависимости представляется несомненным, свидетельствуя об их системном единстве. Системную общность черт воспроизводственного процесса, взятого в его взаимозависимости с совокупностью социальных явлений, мы рассматриваем как категорию «вида воспроизводства населения» (ВВН). От ТВН каждый из входящих в него ВВН отличается меньшей масштабностью, большей конкретностью, относительноной определен-

ностью форм взаимосвязи между демографическими и социальными феноменами. Чтобы уяснить конкретно-исторические и логические отличия ВВН, преобладавшего в каролингской Франции, необходимо его сопоставление с последующими и предыдущими. К такому сопоставлению мы попытаемся обратиться в заключительном разделе работы. Но и своей описательной характеристикой каролингский ВВН позволяет, как нам кажется, вычленить некоторый логический подтип воспроизводственного процесса и соответствующий ему конкретно-исторический вариант.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Подробнее см.: Бессмертный Ю. Л. Феодалная революция X–XI вв.? // ВП. 1984. № 1; Он же. Французское крестьянство в X–XIII вв. // История крестьянства в Европе. М., 1986. Т. 2, гл. 4.
- ² Последовательнее всего эту концепцию сформулировал Р. Фоссье. См.: Fossier R. Les tendances de l'économie: stagnation ou croissance? // *Nascita dell'Europa ed Europa Carolingia*. Spoleto, 1981; *Idem*. Enfance de l'Europe: Aspects économiques et sociaux. P., 1982. Т. 1–2; *Idem*. Le Moyen Âge. P., 1982. Т. 1–2; *Idem*. La fortune historiographique des thèses d'Henri Pirenne // *Archives et bibliothèques de Belgique*. Bruxelles, 1986. N 28.
- ³ Бессмертный Ю. Л. Une «révolution féodale» des Xe–Xe siècles? // *Sciences sociales*. Moscou, 1985. N 2; Werner K., Ewig E., Riché P., Grierson Ph. Interventions: La discussion: Les tendances de l'économie // *Nascita dell'Europa ed Europa Carolingia*. P. 275–288; Duby G. Le Moyen Âge, 987–1460. P., 1987. P. 77–82.
- ⁴ Подробнее см.: Бессмертный Ю. Л. Франкское государство // История Европы с древнейших времен. М., 1991. Т. 2, гл. 6.
- ⁵ Такова, в частности, точка зрения Р. А. Ботье — автора главы об этом периоде в «*Histoire de la population française*» (Р., 1988. Т. 1). В отличие от некоторых его предшественников автор справедливо различает демографический тренд в конце VIII — начале IX в. (рост населения), в конце IX — начале X в. (спад) и во второй половине X в. (рост).
- ⁶ Fossier R. *Enfance...* P. 142.
- ⁷ Как уже отмечалось, сомнения, высказанные Р. Фоссье в отношении надежности ряда сведений каролингских политиков, не дают оснований вовсе отвергать их научное значение. Ведь система держаний, описанная в них, как и данные о конкретных крестьянах, не могли быть пустой фантазией составителей (см.: Бессмертный Ю. Л. *Op. cit.* P. 145).
- ⁸ Как эти, так и многие другие данные (см. § 4) позволяли бы считать, что на одном мансе проживало в среднем не по три крестьянина (из чего исходят расчеты в табл. 2.1), но минимум четыре-пять. Однако для историка, исследующего демографию раннего средневековья, всего опаснее допустить какую бы то ни было абсолютизацию отдельных цифровых сведений. Их фрагментарность позволяет высчитать лишь приближенные масштабы демографических показателей. Именно такими — сугубо ориентировочными и относительными — следует считать все приводимые ниже цифровые данные. При этом осторожность требует избирать их по минимальному варианту, с тем чтобы избежать особенно опасной в данных условиях тенденции преувеличить численность населения.
- ⁹ Р. Фоссье полагает, что в пределах владений светской знати в IX в. было сосредоточено еще больше крестьян, чем в церковных сензориях (Fossi-

- er R. La terre et les hommes en Picardie jusqu'à la fin du XIIIe siècle. P., 1968. P. 205).
- ¹⁰ Capitularia regum Francorum. T. 1 / Ed. Boretius. Hannoverae, 1881. N 21. P. 52.
 - ¹¹ Concilia aevi Karolini / Ed. A. Werminghof. Hannoverae, 1908. T. 2. P. 401. Cap. 122.
 - ¹² Capitularia... T. 1, N 21. P. 52.
 - ¹³ Ibid. T. 1, N 44, cap. 6.
 - ¹⁴ Lot F. Les tributs aux normandes // Bibliothèque de l'Ecole des Chartes. P., 1924. T. 85. P. 78.
 - ¹⁵ По данным О. Лонгона (*Longnon Au. Atlas historique de la France*, P., 1885. P. 210), на территории каролингской Галлии в X в. было около 300 графств (в том числе 99 наиболее крупных) и 103 епископства и архиепископства.
 - ¹⁶ См., например: Coleman E. R. People and property: The structure of a medieval seignury // Journal of European History. 1977. T. 6.
 - ¹⁷ Существует несколько сильно различающихся между собой оценок населения Франции в IX в. (в современных границах): Ф. Лот оценивал его в 15–40 млн человек, Е. Левассер – в 8–10 млн, Ж. Донд – в 3 млн, Дж. Рассел, П. Гийом и Ж. Пусу – в 5 млн человек (см. об этом: *Rouche M. L'accumulation primitive // Le Moyen Age*, P., 1982. T. 1. P. 460–461; *Guillaume P., Poussou J. P. Démographie historique*, P., 1970. P. 47; *Dhondt J. Le haut Moyen Age (VIIIe–XIe siècles)*, P., 1976. P. 99; *Bottier R.-H. Haut Moyen Age // Histoire de la population française*, P., 1988. T. 1. P. 194; *Dupâquier J. Introduction // Ibid.* T. 2. P. 1). Сознательно отдавая приоритет минимальным оценкам и используя их преимущественно для определения соотношений между различными параметрами, мы избрали в качестве более надежной цифру, принятую Дж. Расселом, П. Гийомом и Ж. Пусу.
 - ¹⁸ Эти данные по-своему перекликаются с возражениями Ж. Дюби против тезиса Р. Фоссе о поздне – лишь с конца X в. – овладении крестьянскими семьями земель (encellulement). Ж. Дюби подчеркивает, что во всех регионах Франции, в которых удается провести соответствующие исследования, преемственность земельных владений прослеживается уже с VII–VIII вв. См.: *Duby G. Moyen Age*, P., 1987. P. 78.
 - ¹⁹ *Herlihy D. Medieval households*. Cambridge (Mass.), L., 1985. P. V, 4–5. 59–61. См. также нашу рецензию: ВИ. 1988. № 2.
 - ²⁰ Эта формула юриста II в. н. э. Модестина (Дигесты Юстиниана. М., 1984, 23, 2, 1), как обоснованно, на наш взгляд, замечает вслед за историками-правоведами В. М. Смирин, подходит лишь к раннеримскому браку (см.: *Смирин В. М. Патриархальные представления и их роль в общественном сознании римлян // Культура Древнего Рима*, М., 1985. T. 2. С. 55). В отличие от этого П. Гишар и некоторые другие современные французские историки трактуют ее как применимую к позднеантичному времени (*Histoire de la famille/Sous la dir. A. Burguière et al.*, P., 1986. P. 286–288).
 - ²¹ *Institutiones*, I, 10, pr.; UI., 3.3. Судя по Dig., 38, 11, понятие «matrimonium» может и не иметь квалификации iustum (*Смирин В. М. Указ. соч.* С. 46, 55–56).
 - ²² Dig., 23, 2, 24; против этого возражает Марциан (старший современник Модестина), объединяющий эту форму сожителства с «блудом» (stuprum). См.: Dig., 25, 7, 3.
 - ²³ Dig., 25, 7, 1; Dig., 25, 7, 4–5.
 - ²⁴ *Смирин В. М. Указ. соч.* С. 46.
 - ²⁵ Ср., *Guichard P. Fondements romains de la conception de la famille dans la haut Moyen Age // Histoire de la famille*, P. 286–287.

- ²⁸ Ср.: *Смирин В. М.* Указ. соч. С. 54 (реплика воспроизведена в компиляции IV в. и, видимо, отражает расхожие представления того времени). См. аналогично: *Псевдо-Демосфен*. Против Неэры, 122 (цит. по: *Алексидас А. Д.* Мир греческого рыцарского романа. Тбилиси, 1979. С. 94): «Мы имеем гетер, чтобы они дарили нам наслаждение, мы имеем наложниц, чтобы они ублажали нас, мы имеем жен, чтобы они давала нам законное потомство».
- ²⁹ *Шмалльфельд*. Латинская синонимика. М., 1890. С. 75. § 65. Термин *familia* употребляется лишь как обозначение составной части рода (*gens*).
- ³⁰ Dig., 24, 2, 1; Dig., 24, 2, 9.
- ³¹ Dig., 23, 2, 2.
- ³² Dig., 23, 2, 4; Dig., 25, 7, 1. Помолвки разрешались уже с 7 лет (Dig., 23, 1, 14).
- ³³ *Toubert P.* Le moment carolingien // L'Histoire de la famille. P. 352; *Duby G.* Le chevalier, la femme et le prêtre: Le mariage dans la France féodale. P., 1981. P. 47; *Rouche M.* La rénovation carolingienne // Le Moyen Age. T. 1. P. 439.
- ³⁴ *Cuvillier J. P.* L'«Urfamille» germanique: peuple, clan, maison // L'histoire de la famille. P. 302.
- ³⁵ *Ронин В. К.* Брачно-семейные представления в нарративных памятниках каролингского времени // Историческая демография докапиталистических обществ Западной Европы. М., 1988. С. 92.
- ³⁶ *Cuvillier J. P.* Op. cit. P. 302, 325; *Tessier G.* Le baptême de Clovis. P., 1964. P. 267; *Lepoint G.* La famille dans l'ancien droit. P., 1947. P. 63 etc.; *Chénou E.* Histoire générale du droit français public et privé. P., 1926. T. 1. P. 383, etc.
- ³⁷ Об умыканиях и безуспешной борьбе с ними говорится едва ли не во всех раннесредневековых памятниках, начиная с варварских правд и кончая королевскими капитуляциями, постановлениями церковных соборов, пенитенциалиями и житиями.
- ³⁸ Хорошо известны, в частности, близкородственные браки в среде меровингской знати. См.: *Tessier G.* Op. cit.; *Guichard P., Cuvillier J.-P.* Fondement romain de la conception de la famille dans le haut Moyen Age // L'Histoire de la famille. P. 292.
- ³⁹ *Нуссманн А. И.* Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI–VIII вв. М., 1956. С. 144–145.
- ⁴⁰ *Herlihy D.* Medieval households. P. 19, 73–74, 78.
- ⁴¹ Против это свидетельствует, кроме всего прочего, цитируемое самим же Херлихи замечание Тацита из гл. 18 «Германии», где говорится, что германцы «довольствуются одной женой, за исключением очень немногих, которые имеют несколько жен».
- ⁴² *Herlihy D.* Medieval households. P. 20.
- ⁴³ Ibid. P. 19; см. также: *Cuvillier J. P.* Peuples germaniques et peuples romano-barbares au temps des lois // L'histoire de la famille. P. 311.
- ⁴⁴ Помимо уже называвшихся выше работ Ж. Дюби, Ж. Кювье, Р. Туберта, Н. Гишара, П. Рише, Д. Херлихи, а также работ В. А. Блопина, В. К. Рониной, Н. С. Филиппова, П. Ш. Габдрахманова и наших собственных упомянем: *Konechny S.* Die Frauen des karolingischen Königshauses. Wien, 1976; *Idem.* Eherecht und Ehepolitik unter Ludwig dem Fromen // Mitteilungen des Institut für österreichische Geschichte. 1977. Bd. 85; *Famille et Parenté dans l'Occident médiéval*. Roma, 1977; *La femme dans les civilisations des X–XIII siècles*. Poitiers, 1977; *Il matrimonio nella società altomedievale*. Spoleto, 1977; *Women in medieval society*. Philadelphia, 1976; etc.

- ⁴³ Как отмечается в пенитенциалии Бурхарда Вормского, пренебрежение исповедью или проповедью только на том основании, что священник занят, влечет наказание годичным постом (Вит., IX, 89).
- ⁴⁴ См. подробнее: *Ронин В. К.* Указ. соч. С. 102–103.
- ⁴⁵ Любопытно, что папа Евгений II (824–827 гг.) рассматривал брачный союз Карла Великого с Гемльтрудой, заключенный еще до первого официального брака короля, как законный, и не ставил под сомнение наследные права на власть Пипина, родившегося в этом союзе.
- ⁴⁶ Здесь уместно напомнить, что в раннем христианстве церковный брак и конкубинат вообще не были разделены непреходимой пропастью. Как подчеркивалось, например, в постановлениях Толедского собора (398 г.), нельзя лишать причастия только на том основании, что человек «имеет в качестве жены конкубиню (*non habet uxorem et pro uxore concubinam habet*)», важно лишь, чтобы он жил с одной женщиной, а не с многими (гл. LXIX). Эта формула могла сложиться в условиях, когда господствующий стереотип брачного поведения исключал дискриминацию конкубината, т. е. когда конкубинат был такой же (или даже более распространенной) нормой, что и церковный брак. За 500 лет, прошедших после Толедского собора, позиция официальной церкви по отношению к конкубинату изменилась кардинально. Изменения же в массовом сознании были, видимо, намного менее глубокими, что и породило противоборство церковной и светской моделей брака.
- ⁴⁷ *Liber manualis Dhuodane quem ad filium suum transmisit Wilhelmum.* P., 1975. X, 4, 39–43.
- ⁴⁸ См. подробнее: *Бессмертный Ю. Л.* Мир глазами знатной женщины IX в. // *Художественный язык средневековья.* М., 1982. С. 83–107.
- ⁴⁹ По распространенным тогда слухам, муж Дуоды Бернгард был одно время близок с самой императрицей Юдифью. См.: *Riché P.* Introduction // *Liber manualis...* P. 17–21.
- ⁵⁰ *Ibid.* IV, 6, 48.
- ⁵¹ *Burch.* I, 23–24.
- ⁵² *Ibid.* XX, 118–119; XVII, 107–108, 112.
- ⁵³ Мы расходимся в трактовке этого вопроса с Р. Ботье, по мысли которого уже в IX в. в Галлии полностью побеждает модель церковного брака (ср.: *Bautier R.-H.* *Haut Moyen Age.* P. 192–194; *Guerreau-Jalabert A.* *La parenté dans l'Europe médiévale et moderne* // *L'Homme.* 1989. T. 29. P. 78. Ниже будет показано, что даже в XIII в., несмотря на причисление к тому времени брака к числу основных христианских таинств, понятие брака в обыденном сознании не до конца обретет однозначность, не полностью соотвечает с понятием официального церковного брака.
- ⁵⁴ *Capitularia.* T. 1, N 33. С. 35, а. 802. Требование «публичных» браков как для *nobiles*, так и для *ignobiles* сформулировано уже в капитулярии Пипина Короткого (755 г.).
- ⁵⁵ *Duby G.* *Le chevalier...* P. 39–40. В то же время, как справедливо отмечает П. Тубер, брак представляется Гинкмару Реймскому сакральным актом, создающим союз, подобный мистическому браку Христа и церкви. Тем показательнее, что реальная процедура бракосочетания еще не предусматривала участия церкви.
- ⁵⁶ *Burch.*, § 958; см. также: *Duby G.* *Le chevalier...* P. 58.
- ⁵⁷ *Бессмертный Ю. Л.* Структура крестьянской семьи во франкской деревне IX в. // *СВ.* 1980. Вып. 43. С. 50.
- ⁵⁸ *Габдрахманов И. Ш.* Структура крестьянской семьи на территории Северной Фландрии в VIII–XI вв. // *ФЕ.* 1985. М., 1987. С. 156–161.
- ⁵⁹ Не исключено, что в описях церковных поместий, которые одни только и дошли до нас, стабильность крестьянских супружеских пар искус-

ственно акцентирована в угоду благочестию церковных землевладельцев. Ср.: *Duby G. Le chevalier...* P. 55.

- ⁶⁴ По подсчетам Э. Коулмэн, в полиптике Ирминона зафиксирован 251 неравный брак, из числа которых в 130 случаях (75,6%) юридический статус жены был выше статуса мужа (*Coleman E. R. Medieval Marriage Characteristics: A Neglected Factor in the history of medieval serfdom // Journal of Interdisciplinary History. 1971. Vol. 2. P. 210-211*). По подсчетам Ж. Вердона, в реймском полиптике из 19 смешанных браков, которые удается выявить (данные по этому вопросу здесь крайне фрагментарны), в 13 браках (69%) статус жены выше, чем мужа (*Verdon J. La femme dans le milieu du IX siècle // Mémoires de la Société d'agriculture, commerce, sciences et arts du département de la Marne. Châlon-sur-Marne, 1976. T. 91. P. 132*).
- ⁶⁵ Подробнее см.: *Бессмертный Ю. Л.* К вопросу о положении женщины во франкской деревне IX в. // СВ. 1981. Вып. 44; *Он же.* К демографическому изучению французской деревни IX в. // СЭ. 1981. № 2.
- ⁶⁶ Кроме библиографии, указанной в статьях, названных в предыдущем примечании, см. библиографические списки: *L'Histoire de la famille. T. 1. P. 618-649; Ennen E. Frauen im Mittelalter. München, 1988. S. 260-281; Interdisziplinäre Studien zur Geschichte der Frauen in Frühmittelalter / Hrsg. von W. Affeldt. Düsseldorf, 1988.*
- ⁶⁷ Перефразируя выражение П. Тубера о статусе лангобардской женщины, можно было бы сказать, что в правосознании средневековой женщина выступала как «вечно несовершеннолетняя». См.: *Toubert P. Les structures du Latium médiéval. Rome, 1973. P. 769.*
- ⁶⁸ Ср.: *Fossier R. La femme dans les sociétés occidentales // La femme dans les civilisations des XIe-XIIe siècles. Poitiers, 1976; Idem. Enfance de l'Europe. P., 1982. P. 928-950; Herlihy D. Life Expectancies for Women in medieval society // The Role of Women in the Middle Ages. Albany, 1975. P. 7-10, 16.*
- ⁶⁹ Эти преимущества связывались и при попытках развода, правом на который пользовался фактически лишь мужчина; обширный материал об этом, содержащийся в формулах VIII-IX вв., постановлениях церковных соборов, пенитенциалиях и нарративных памятниках, воспроизводится в упоминавшихся выше работах В. А. Блонина и В. К. Ронина, а также Р. Манселли, Ж. Мак-Намары, П. Тубера, Ф. Вемиль и др.
- ⁷⁰ Именно с этим, в частности, связывают более высокую смертность женщин по сравнению с мужчинами.
- ⁷¹ *Hrabanus Maurus. De rerum naturalis vel de Universo libri XXII, Liber VII, 1.* Рабан Мавр следует здесь за Исидором Севильским (*Etimologiae, IX, 2*).
- ⁷² *Lepoint G. Op. cit., P. 63; Riché P. Education et culture dans l'Occident barbare. 3e ed. P. 1972. P. 277; Idem. Problèmes de démographie historique du Haut Moyen Age // Annales de démographie historique. 1966. P. 4.*
- ⁷³ Согласно капитулярию от 819 г., девушка может покинуть отчий дом с целью заключения брака в 12 лет (Сар. I, N 84, С. 21; см. также: № 33, С. 2, а. 802). Согласно распоряжению Карла Великого, обязанность приносить присягу на верность распространялась на всех лиц мужского пола начиная с 12 лет (Сар. I, № 26, С. 4, а. 786), т. е. 12 лет считались возрастом «совершеннолетия».
- ⁷⁴ *Габдрахманов П. III. Демографическое развитие северофранцузского крестьянства в раннесредневековый период. М., 1988. С. 60 и след.*
- ⁷⁵ *Sasse B. Demographische-soziale Untersuchungen // Interdisziplinäre Studien zur Geschichte der Frauen in Frühmittelalter. Düsseldorf, 1986. Bd. VII. S. 68.*

- ⁷² Как показал И. С. Филиппов, к бакалавриям причислялись подростки с 12, а не с 15 лет, как это предполагалось раньше. См.: *Филиппов И. С.* Средиземноморская Франция в раннее средневековье. М., 1991.
- ⁷³ *Bur M.* La formation du comté de Champagne. Lille, 1977. P. 507–513.
- ⁷⁴ *Poly J. P.* Régime domanial et rapports de production «féodalistes» dans le Midi de la France // Structures féodales et féodalisme dans l'Occident méditerranéen. P., 1980. P. 57–84.
- ⁷⁵ *Touber P.* Le moment carolingien... P. 341; *Leyser K.* The German aristocracy from the ninth to the early twelfth century // Past and Present. 1968. N 41. P. 25–53.
- ⁷⁶ *Devroey J. P.* Les méthodes d'analyse démographique des polyptyques de haut Moyen Âge // Acta Historica Bruxellensia. 1981. T. IV. P. 71–88.
- ⁷⁷ П. Тубер считает данную оценку брачного возраста в каролингской Франции «средней» между точками зрения М. Зернер и автора этих строк (L'histoire de la famille. P. 340). В действительности, в статье «Les structures de la famille paysanne dans les villages de la Francia au IXe siècle» (Moyen Âge. 1984. N 2. P. 181) мы констатировали лишь то, что, судя по ряду памятников раннего средневековья, браки «étaient autorisés à partir de 12 à 13 ans et demi pour les garçons...».
- ⁷⁸ *Herlihy D.* Medieval households. P. 77–78.
- ⁷⁹ *Ibid.* P. 77.
- ⁸⁰ Не выглядит достаточно аргументированной и точка зрения Р. Ботье (Histoire de la population... T. I. P. 192–193), полагающего, что возраст первого брака у мужчин был «относительно поздним» из-за того, что для приобретения приданого им нужна была «экономическая самостоятельность». Между тем известно, что женитьба сыновей сплошь да рядом экономически обеспечивалась их родителями. Правда, Ботье признает, что церковному браку мог предшествовать кокубинат; последний рассматривается, однако, лишь как «грех молодости». С нашей точки зрения, в каролингской Галлии (да и позднее) своеобразие модели брака отнюдь не сводилось к признанию свободы добрых связей как «греха молодости»; оно предполагало гораздо более сложное сосуществование разных форм супружеских союзов.
- ⁸¹ *Габдразманов И. Ш.* Демографическое развитие... С. 52–54.
- ⁸² Эту особенность поместных описей подчеркивает в своих работах Ж. Девруй. См. подробнее: *Бессмертный Ю. Л.* Демографический анализ... С. 97.
- ⁸³ *Кон И. С.* Ребенок и общество. М., 1988. С. 216 и след.; *Riché P.* Education et culture dans l'Occident barbare. P. 501 et s.; *Batainy J.* Regards sur l'enfance dans la littérature moralisante // ADH. 1973. P. 125; *Flandrin J. P.* Familles. P., 1976. P. 134–135.
- ⁸⁴ *Подраева М. К.* Брак и семья по проповедям Цезария Арелатского // Историческая демография докапиталистических обществ... С. 66; *Batainy J.* Op. cit. P. 127; *Flandrin J. P.* Op. cit. P. 153.
- ⁸⁵ *Riché P.* Op. cit. P. 501 et s.; *Подраева М. К.* Указ. соч. С. 72.
- ⁸⁶ *Bur.* XLI, § 174.
- ⁸⁷ *Бессмертный Ю. Л.* Об изучении массовых социально-культурных представлений каролингского времени // Культура и искусство западноевропейского средневековья. М., 1981. С. 67; *Блония В. А.* К изучению брачно-семейных представлений во франкском обществе VIII–IX вв. // Историческая демография докапиталистических обществ... С. 84.
- ⁸⁸ В некоторых пенитенциальных бедность женщины вдвое сокращала и церковную элиту за попытки предупреждения зачатия. С.: *Riché P.* L'enfant dans le Haut Moyen Âge // L'enfant et société. P., 1973. P. 95.
- ⁸⁹ *Eginhard.* Vita Karoli Magni, 19: «Смерть сыновей и дочери [Карл], при всей отличавшей его твердости духа, переносил недостаточно стойко и...»

- не в силах был сдерживать слез... О воспитании сыновей и дочерей он проявлял такую заботу, что, находясь дома, не обедал без них никогда и никогда без них не путешествовал...». См. также: *Ронин В. К.* Брачно-семейные представления в каролингской литературе... С. 98.
- ⁹⁰ *Liber manualis Dhuardane... In nomine Sanctae Trinitatis*, 4-8; Praefatio, 29, 1, 7, 20-23.
- ⁹¹ Косвенное подтверждение негативных тенденций в выхаживании детей в раннее средневековье можно видеть в постепенном усилении критического отношения к таким тенденциям со стороны церкви. Следует иметь в виду, что по мере изменения церковных воззрений на брак, эволюционировал и общий подход церкви к детям. Постепенно акцентировалась амбивалентность их социальной роли, в ребенке начинали видеть не только плод греха, но и воплощение невинности. Соответственно и в воспитательной доктрине церкви появлялись рекомендации развивать врожденные достоинства ребенка, проявлять к нему мягкость, видеть в нем «божьего избранника». См.: *Riché P.* Les écoles et l'enseignement dans l'Occident chrétien. P., 1979. Одновременно церковные писатели все реже порицают родительскую жестокость («...pessima et impia... consuetudo pro qua plures homines sobolem suam interire quam nutrire non studebant».- *Vita Bathildis* // MGH. SRM, II, 488. Цит. по: *Riché P.* Education et culture dans l'Occident barbare. P., 1962. P. 506), а церковные соборы принимают постановления, резко осуждающие невыполнение родительского долга.
- ⁹² *Габдразманов П. Ш.* Демографическое развитие... С. 79.
- ⁹³ *Fossier R.* La terre et les hommes en Picardie. Louvain; P., 1968. T. 1.
- ⁹⁴ *Verdon J.* La gynécologie et l'obstétrique au IXe-XIe siècle // *Revue française de gynécologie et d'obstétrique*. 1978.
- ⁹⁵ *Блохин В. А.* Указ. соч. С. 243.
- ⁹⁶ О методике этого анализа см. нашу статью: Структура крестьянской семьи во франкской деревне IX в.: Данные антропониимического анализа Сен-Жерменского полиптика // СВ. 1980. Вып. 43. Усовершенствованную методику предложил В. А. Блохин (см.: К изучению динамики численности населения на территории Франции IX в. // СВ. 1984. Вып. 47), констатировавший, однако, что применение такой методики дает результаты, в целом не отличающиеся от полученных нами.
- ⁹⁷ См.: *Бессмертный Ю. Л.* Структура... С. 43. Табл. 6.
- ⁹⁸ Там же. С. 38-39.
- ⁹⁹ *Блохин В. А.* К изучению динамики... С. 122.
- ¹⁰⁰ Чтобы избежать преувеличения демографического роста, мы избираем длину поколения по ее наивысшей оценке. См.: *Fossier R.* La noblesse picarde au temps de Philippe le Bel // *La noblesse au Moyen Âge*. P., 1976. P. 122; длина поколения для знати 20 лет; *Renouard Y.* La notion de generation en histoire // RH. 1953. N 1; длина поколения в среднем 25 лет, аналогично: *Fossier R.* L'enfance... P. 102.
- ¹⁰¹ Рефераты работ, в которых выдвигалась эта точка зрения, см. в наших обзорах: Демография западноевропейского средневековья в современной зарубежной историографии. М., 1984; см. также: *Fossier R.* La fortune historiographique... P. 54, et s.
- ¹⁰² *Габдразманов П. Ш.* Демографическое развитие... С. 85-97.
- ¹⁰³ *Déléage A.* La vie rurale en Bourgogne jusqu'au début du XIe siècle. Mâcon, 1941. P. 576.
- ¹⁰⁴ Цит. по: *Lerousseur E.* La population française. P., 1889. T. 1. P. 133.
- ¹⁰⁵ См. об этом: *Бессмертный Ю. Л.* Структура... С. 35 (примеч. 10).
- ¹⁰⁶ Д-р. Рассел приводит таблицы средней продолжительности предстоящей жизни для шести возрастов (0-6, 7-13, 14-19, 20-39, 40-59, 60 и старше), рассчитанные им по казуальным данным для Западной Европы в

целом. См.: *Russell J. C. The control of late ancient and medieval population*. Philadelphia, 1985. P. 136–137, 162, 175, 190. Разные таблицы характеризуют периоды 1–542, 542–750, 750–1000, 1000–1348, 1348–1500 гг. Обращает на себя внимание тот факт, что в этих таблицах, по необходимости абсолютизирующих фрагментарные показания источников, относящиеся к разным странам и регионам, длительность предстоящей жизни оказывается для ряда возрастов либо почти неизменной, либо изменяющейся совершенно необъяснимым образом. Так, длительность предстоящей жизни для второго возраста детства (7–13) остается практически одинаковой и в 542–750 гг., и в 650–1000 гг., составляя соответственно 11,5 и 12 лет. Зато в следующем, особо благоприятном периоде – 1000–1348 гг., – она сокращается (!) в 1,5 раза, до 7–8 лет. Более реалистичны оценки, постулируемые для VII–IX вв. М. Румем (длительность предстоящей жизни при рождении – 30 лет, средний возраст смерти у взрослых – 45 лет, рождаемость – 45‰, смертность – 45‰) (см.: *Rouche M. Les premiers frémissements de l'Europe // Le Moyen Age*. T. 1. P. 456) или же Г. Гетцем (длительность предстоящей жизни при рождении – 25–32 года, детская смертность 40%, средний возраст смерти у мужчин – 47 лет, у женщин – 44 года. См.: *Goetz H. W. Leben im Mittelalter vom 7. bis zum 13. Jh. München, 1986. S. 28*). К сожалению, однако, оба эти автора не приводят аргументов в подтверждение своих суждений.

¹⁰⁷ *Bouvier-Ajam M. Dagobert*. P., 1980.

¹⁰⁸ Так, папа Агафон (678–681 гг.) будто бы стал римским первосвященником в возрасте 103 лет и пребывал им до 107-летнего возраста.

¹⁰⁹ *Barthélemy D. Parenté // L'histoire de la vie privée*. P., 1985. P. 100; *Goetz H. W. Op. cit. S. 28; Minois G. Histoire de la vieillesse en Occident*. P., 1987. Chap. V; *Габдрахманов П. Ш. Демографическое развитие...* С. 112–113.

¹¹⁰ *Блохин В. А. Крестьянская семья...* С. 124, 239, 244; *Габдрахманов П. Ш. Демографическое развитие...* С. 114.

¹¹¹ Об этом свидетельствуют, в частности, подсчеты индекса пола по Сен-Жерменскому полиптику (*Бессмертный Ю. Л. К вопросу о положении женщины...* С. 107; ср.: *Herlihy D. Op. cit. P. 63–70*), а также по Реймскому и марсельскому полиптикам (*Блохин В. А. Крестьянская семья...* С. 237, 241) и по северофранцузским грамотам (*Габдрахманов П. Ш. Демографическое развитие...* С. 113–114).

¹¹² *Herlihy D. Life expectancies for women...* P. 1–16; *Fossier R. La femme dans les sociétés occidentales*. Poitiers, 1977. P. 96–97; *Idem. Enfance de l'Europe...* P. 929–931. В одной из более поздних работ Д. Херлихи предложил объяснить повышенную численность мужчин в Сен-Жерменском полиптике случаями их дублированного описания. Однако предпринятые им подсчеты показали, что даже если принять во внимание все подобные казусы, на 100 женщин все-таки будет приходиться 119 мужчин (*Herlihy D. Medieval households*. P. 66–70).

¹¹³ *Coleman E. R. L'infanticide dans le haut Moyen Age // Annales*. E. S. C. 1974. N 2.

¹¹⁴ *Бессмертный Ю. Л. Демографический анализ деревни IX в. на территории Парижского бассейна // Демография западноевропейского средневековья...* С. 87–101.

¹¹⁵ *Бессмертный Ю. Л. К вопросу о положении женщины...* С. 109–110; *Блохин В. А. Крестьянская семья...* С. 111, 134, 144.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Авторы некоторых работ последнего времени склонны списывать различия в численности мужчин и женщин в каролингских сензориях за счет различий в их миграции (см.: *Devroey J. P. Les méthodes d'analyse*

- démographique des polyptyques du haut Moyen Âge // *Acta Historica Bruxellensia*. 1981. T. 4. P. 72–88; *Herlihy D. Medieval households*. P. 66). Не отрицая влияния этого фактора, приходится, однако, констатировать, что оно пока что не получало необходимого статистического подтверждения.
- ¹¹⁸ См.: *Duby G. Guerriers et paysans*. P. 1973. P. 44–45; *Toubert P. Les structures du Latium médiéval*. Rome, 1973. P. 707, et s.; *Heers J. Le clan familial au Moyen Âge*. P., 1974; *Flandrin J. P. Familles*, P., 1978; *Fossier R. Enfance de l'Europe*. P. 906–915; *L'histoire de la famille*. Ch. 7–10; *Herlihy D. Medieval households*. P. 70–78; *Burguière A. Pour une typologie des formes d'organisation domestique...* // *Annales E. S. C.* 1986. N 2 etc.
- ¹¹⁹ *Пегушкин А. И. Возникновение зависимого крестьянства...* С. 9–11.
- ¹²⁰ История крестьянства в Европе. 1985. Т. 1. С. 128, след.; 237–238.
- ¹²¹ Недостаток места вынуждает ограничиться характеристикой лишь результатов проделанного анализа. См. подробнее: *Бессмертный Ю. Л. Структура семьи...* С. 32–52; *Он же. К демографическому изучению французской деревни IX в.: (Люди и имена)* // СЭ. 1981. № 2; ср.: *Серовский Я. Д. Сообщество крестьян – держателей надела в Сев.-Иерменском аббатстве: (К вопросу о структуре крестьянской семьи во франкской деревне IX в.)* // СВ. 1985. Вып. 48; *Блохин В. А. К вопросу о типологии крестьянской семьи во франкской деревне IX в.* // СВ. 1988. Вып. 51; *Габдрахманов П. Ш. Семейные структуры крестьян Шампани IX в.: (По материалам реймского полиптика)* // Из истории социально-политической и культурной жизни античного мира и средневековья. М., 1985.
- ¹²² *Габдрахманов П. Ш. Структура крестьянской семьи...* С. 156–168.
- ¹²³ Однако доля крестьянских семей, проживавших в рамках многосемейных объединений, достигала порой 85% от общего числа семей; в среднем крестьяне таких объединений составляли около 40%. См.: *Coleman E. H. Medieval marriage...* P. 208. Как свидетельствуют изученные П. Ш. Габдрахмановым акты, в течение IX–XI вв. доля крестьянства, сосредоточенная в многосемейных объединениях, не сокращалась. См.: *Габдрахманов П. Ш. Структура крестьянской семьи...* С. 163 (табл. 1).
- ¹²⁴ Этот папш тезис, изложенный также в статье «*Les structures de la famille paysanne dans les villages de la Francia au IXe siècle*» (*Le Moyen Âge*. 1984. N 2), был поддержан П. Тубером (*Le moment carolingien // L'histoire de la Famille*. T. 1. P. 338), но был без должных оснований воспринят Р. Гетцем как предполагающий «обратное движение» к «*Großfamilien*» (*Goetz H. W. Leben im Mittelalter vom 7. bis zum 13. Jh.* S. 131, 270).
- ¹²⁵ История крестьянства... Т. 1. С. 237.
- ¹²⁶ *Histoire de la vie privée / Sous la dir. Ph. Ariès, G. Duby*. P., 1985. Ch. 2; *Guerreau-Jalabert A. La désignation des relations et des groupes de parenté en Latin médiéval* // *Archivum Latinitatis Medii Aevi*. 1988. T. 46/47. P. 66–100; *Goody J. L'évolution de la famille et du mariage en Europe*. P., 1985. Ch. 2; см. также: *Les domaines de la parenté: Filiation – alliance – résidence / Sous dir. M. Augé*. P., 1975.
- ¹²⁷ *Bloch M. Société féodale*. P., 1989. T. 1–2; *Duby G. Féodalité et pouvoir privé* // *Histoire de la vie privée*. P. 32–47; *Convivialité* // *Ibid.* P. 49–95; *Barthélemy D. Parenté* // *Ibid.* P. 96–99; *Guerreau-Jalabert A. Op. cit.* P. 84, 100.
- ¹²⁸ *Бессмертный Ю. Л. Структура семьи...* С. 50.
- ¹²⁹ *Габдрахманов П. Ш. Демографическое развитие...* С. 23 и след.
- ¹³⁰ *Guerreau-Jalabert A. Op. cit.* P. 67–89.
- ¹³¹ *Габдрахманов П. Ш. Демографическое развитие*. С. 26–27 (примеч. 20, 25).
- ¹³² *Guerreau-Jalabert A. Op. cit.* P. 90–91.

- ¹²³ Ibid. P. 99; *Toubert P.* Les structures... P. 708–709; *Габбразманов П. Ш.* Структура крестьянской семьи... С. 161 и след.
- ¹²⁴ *Бессмертный Ю. Л.* Структура семьи... С. 47–51.
- ¹²⁵ Отсутствие четкости в критериях становления семьи порождает порой курьезные расхождения во мнениях. Так, каждый из авторов трех следующих друг за другом глав капитальной «Истории семьи» — главы о варварах, главы о Каролингах и главы о XI–XIII вв. — утверждает, что малая семья возникла именно в описываемое им время (*Histoire de la famille*. T. 1. P. 324, 338, 361).
- ¹²⁶ *Liber manualis...* Praef. P. 15–22.
- ¹²⁷ *Wollasch J.* Eine adlige Familie des frühen Mittelalters // *Archiv für Kulturgeschichte*. 1957. T. 39, 2. P. 185–186.
- ¹²⁸ Не эти ли, в частности, особенности семьи консервировали катастрофическую детскую смертность?

ГЛАВА 3

Демографический рост XI—XIII вв.

1. Постановка вопроса

О демографическом переломе в Западной Европе XI—XIII вв. медиевистам известно уже с прошлого столетия¹. В нашем веке исследователи многократно подтверждали сам факт этого перелома, выразившегося в редком ускорении роста населения, и уточняли его масштабы и региональные особенности². В трудах последних десятилетий при изучении демографического роста в XI—XIII вв. все чаще отказываются от использования случайных, географически разбросанных данных, составлявших базу прежних работ. Вместо этого привлекаются массовые материалы, выявляющие особенности отдельных этапов внутри этого периода, так же как и своеобразие различных стран и областей³.

К сожалению, и новые материалы недостаточны для надежного установления абсолютных цифр. Однако относительные изменения в численности населения и демографической структуре определяются сегодня куда лучше, чем раньше. Многие исследователи сходятся, например, в том, что в XII в. ежегодный естественный прирост населения (т. е. выраженное в процентах отношение естественного прироста за год к средней численности населения в течение этого года) составлял в Западной Европе примерно 0,4%⁴. Много это или мало? Подобный прирост пред-

полагает, что население увеличивается каждые 25 лет приблизительно на 10% и удваивается за два с половиной века. Для сравнения напомним, что в наши дни средние темпы прироста составляют в мире в целом около 1,8% в год, вызывая удвоение населения за 35—37 лет. В странах Африки ежегодный прирост населения измеряется 2,9% в год (удвоение примерно за 24 года). И даже в развитых капиталистических странах, по отношению к которым говорят порой об угрозе депопуляции, прирост населения достигает 0,8—1,0% в год. Ежегодный прирост в 0,4% в Западной Европе XI—XIII вв. сам по себе не означал, как видим, очень уж быстрого демографического подъема. Но по сравнению с крайне медленным ростом населения — или даже периодической стагнацией в VIII—X вв. — этот прирост недооценивать не приходится.

Франция принадлежала к странам, в которых рост населения в XI—XIII вв., как правило, не опускался ниже средних для Западной Европы цифр, а в течение некоторых периодов даже превышал их. Это имеет том большее значение, что Франция в отличие от Англии или Германии принадлежала к числу давно обжитых стран. В таких, например, районах, как Парижский, некоторые сельские территории были уже в IX в. столь густо заселены (около 30—40 человек на кв. км) ⁸, что при тогдашних экономических условиях их дальнейшее «уплотнение» в течение ряда столетий наталкивалось на непреодолимые трудности ⁹. Если, несмотря на это, естественный прирост населения в XI—XII вв. по стране в целом достигал по некоторым оценкам 0,4% в год ⁷, то очевидно, что в ряде районов он должен был намного превышать этот показатель.

Так, в Пикардии среднегодовой прирост населения в 1175—1200 гг. составлял 0,72% (правда, в предшествующее и последующее 25-летия он был ниже — соответственно 0,28 и 0,12%, но в середине XIII в. — в 1225—1250 гг. — вновь поднялся до 0,64%) ⁸. Сходная картина была в Восточной Нормандии: за 100 лет — с 1240 по 1347 г. число сельских очагов выросло здесь в 1,7 раза (ежегодный рост около 0,7%) ⁹. В Провансе за тот же примерно период число очагов удвоилось (ежегодный прирост около 1%) ¹⁰. В результате в ряде французских областей плотность населения достигла, согласно имеющимся оценкам, цифр, соизмеримых с началом нового времени: в нормандском диоцезе Байе в конце XII — начале XIII в. она поднялась до 71 человека на кв. км, в области Шартра в середине XIII в. — до 39 человек, в Артуа в конце XIII в. — до 50 человек, в области Безье (Нижний Лангедок) в начале XIV в. — до 80 человек ¹¹, в некоторых сельских районах Иль-де-Франса в начале XIV в. — до 86 человек на кв. км. По общей численности населе-

пия Франция обогнала к началу XIV в. все западноевропейские страны и насчитывала — в современных границах — по минимальным оценкам 10 млн, а по оценкам самого последнего времени даже 20 млн человек¹².

Демографический подъем во Франции XI—XIII вв. с давних пор рассматривается специалистами в тесной связи с рядом социально-экономических процессов. Так, исследователи XIX и начала нынешнего столетия (Э. Левассер, М. Блок, В. Абель, М. Беннет и др.) подчеркивали связь роста французского населения в рассматриваемый период с внутренней колонизацией, основанием новых деревень и городов, улучшением агрикультуры, ростом городов и торговли — словом, с экономическим подъемом. Современные медиэвисты (Ж. Дюби, П. Тубер, Г. Фуркан, А. Ботье, Ж. Жеспико, Дж. Босуелл и др.) остаются в общем верны этой точке зрения. Попытки подвинуть экономический подъем Франции XI—XII вв. демографическому росту (в духе демографического детерминизма) сегодня столь же редки, как и попытки объяснить демографический рост только экономическими факторами (в духе экономического детерминизма)¹³.

В то же время современная наука задается целью раскрыть конкретную взаимосвязь этих двух исторических феноменов и уяснить их взаимодействие со всеми иными общественными сферами: экологией, политикой, идеологией, ментальностью и т. д. Так, ряд медиэвистов обращают внимание на роль в экономическом и демографическом подъеме XI—XII вв. крупных социально-политических перемен, именуемых «феодальной революцией». При этом имеются в виду укрепление власти местных шателенов, расширение их судебнополитических прерогатив, усиление эксплуатации крестьян, принуждение к более интенсивному труду. По мысли сторонников этой концепции, в ходе феодальной революции растет сельскохозяйственное производство, консолидируется семья, улучшается питание, уменьшается смертность, увеличивается численность населения¹⁴.

Другие специалисты, объясняя этот подъем, связывают его с широким использованием железа и улучшением сельскохозяйственного инвентаря, что облегчало подъем новых земель и создавало ресурсы для роста населения¹⁵. Третьи сосредоточивают внимание на экономическом и культурном влиянии Востока в период крестовых походов: в этом влиянии видят мощный импульс всего общественного развития¹⁶. Четвертые придают особое значение благоприятным для Западной Европы в целом и Франции в частности изменениям во внешнеполитических условиях (прекращение внешних вторжений) и в действии внутренних импульсов социально-экономического развития (усиление стимулов экономического роста)¹⁷. Пятые усматривают истоки подъема

XI—XIII вв. в долговременном улучшении климата (сокращение числа влажных — «гнилых» — лет), что благоприятствовало и сельскохозяйственному росту¹⁸. Наконец, встречаются высказывания в пользу того, что в основе экономического и демографического роста XI—XIII вв. лежало формирование малой супружеской семьи, обеспечившее перестройку всех форм жизни, включая и условия воспроизводства населения¹⁹.

Недостаточность — или неудовлетворительность — ряда подобных трактовок отмечалась неоднократно. Не повторяя высказывавшихся критических замечаний²⁰, остановимся лишь на двух-трех общих недостатках, характерных для некоторых концепций демографического подъема во Франции XI—XIII вв. Отметим прежде всего необходимость больше учитывать исключительное многообразие тех исторических связей, которыми был обусловлен данный демографический сдвиг. Его не случайно пытаются вывести из самых разных сфер общественной жизни. Он и в самом деле имел предпосылки и в экономике, и в политике, и в культуре, и в экологии. Понять его происхождение можно поэтому лишь при системном, целостном подходе к изучению тогдашнего общества. Но это только одна сторона дела.

Быть может, еще важнее другое обстоятельство. Рассматривая историческое место роста населения в XI—XIII вв., исследователи ограничивались обычно изучением предпосылок (и последствий) самого этого количественного роста. Тем самым данный демографический феномен сводился к некоему одномерному количественному явлению и в качестве такового включался в контекст прочих исторических процессов. Между тем одно и то же увеличение численности французского населения могло быть в XI—XIII вв. результатом самых разных демографических явлений (или самых разных их комбинаций). Так, оно могло быть вызвано и ростом общей рождаемости, и сокращением детской (или общей) смертности, и уменьшением доли холостяков (т. е. ростом брачности), и снижением возраста первого брака (т. е. удлинением детородного периода) и т. д. и т. п. Иными словами, демографический рост XI—XIII вв. (как, впрочем, и любой демографический сдвиг) сам представлял в высшей степени сложное, неоднородное явление. Чтобы понять его, необходимо увидеть за однозначным количественным итогом совокупность перекрещивающихся процессов, каждый из которых мог иметь свои объективные и субъективные причины и результаты. Выявление подлинных исторических предпосылок и последствий этого роста упирается, таким образом, в раскрытие его внутреннего механизма, в исследование стереотипов демографического поведения и их социально-психологической мотивации.

Как видим, историк, стремящийся к целостному воспроизведению демографических процессов прошлого, никоим образом не может ограничиться выявлением динамики населения или даже общим анализом связей этой динамики с социально-экономическим и политическим развитием²¹. В его задачу обязательно входит изучение демографических процессов в их «человеческом измерении», т. е. выяснение того, какие конкретные перемены в демографическом поведении индивидов изменяли численность популяции и какие новые импульсы порождали самые эти изменения. В применении к Франции XI—XII вв. это означает, что происходивший в ней тогда демографический рост может быть должным образом объяснен и оценен лишь при всестороннем исследовании его конкретных демографических слагаемых и их социальных и социально-психологических импульсов и последствий.

К сожалению, такое исследование наталкивается на огромные, порой непреодолимые трудности. Как известно, ни один из демографических феноменов, связанных с ростом населения во Франции XI—XIII вв., не получил прямого отражения в источниках. Мы тщетно искали бы массовые данные о величине смертности или рождаемости, об изменениях в возрасте брака или доле холостяков, о длительности жизни или половозрастной структуре и проч. Еще безнадежнее поиски прямых данных о мотивах, побуждавших человека того времени изменять демографическое поведение. Приблизиться к выяснению подобных моментов удастся лишь через изучение косвенных свидетельств источников. В соответствии с нашим общим замыслом мы будем искать такие косвенные свидетельства в материалах, характеризующих демографические представления и их эволюцию (т. е. в принятых моделях брака, нормах отношения к женщине, к ребенку, к старикам и больным), так же как в текстах, позволяющих сопоставлять демографические стереотипы с их реализацией в социальной практике. С этой целью нам придется использовать самые разные памятники: пенитенциалии, теологические и назидательные трактаты, хроники, «истории», дидактическую литературу, сборники обычного права, акты, фрагменты хозяйственных описей, генеалогические материалы, литературные произведения.

Начнем с едва ли не ключевого аспекта демографической динамики — брака. Его модель, распространенность, возрастные и иные ограничения играют очень большую роль в определении возможностей роста населения.

2. Модель брака и брачность

Что понимали под браком люди того времени? Насколько единым состоянием он им рисовался? Одним из косвенных ответов на эти вопросы можно было бы считать суждения современников о разных видах супружеских союзов.

«Много споров возникает между детьми одного и того же отца, который имел нескольких жен (*qui a eues plusieurs femmes*), — пишет Филипп Бомануар в известных «Кутюмах Бовези». — При этом обсуждается, кого именно надо считать законным наследником, а кого нет, так как он рожден в плохом браке (*en mauvais mariage*) и является бастардом»²². Такими бесспорно «плохими» союзами Бомануар считает сожителство замужней женщины и женатого мужчины. Их дети незаконнорожденные в полном смысле слова (*fors bastards*), не имеющие никаких формальных прав на наследование²³. «Плохие браки» вызывают осуждение не только церкви, но и «общественного мнения» (*commune renommée*)²⁴. Они имеют место, например, в тех случаях, когда благородная замужняя женщина «телесно близка» со многими мужчинами («что становится известным, когда видят, как они разговаривают и встречаются»); рожденные этой женщиной дети считаются законными, поскольку не исключено, что они рождены от законного супруга; но из-за таких греховных связей может статься, что брат женится на сестре, не зная об этом; так случилось, например, после смерти некоего барона, который имел детей от своей жены и одновременно от другой замужней женщины²⁵. Столь же «плохим» называет Бомануар случай, когда барон имеет в своем доме, кроме жены, еще и другую женщину «на виду и на слуху у соседей» (*a la vue et a la sene des voisins*)²⁶; при такой ситуации жена может требовать отделения от мужа.

В отличие от таких явно нетерпимых ситуаций Бомануар констатирует наличие и иных, гораздо менее однозначных. Это касается прежде всего тех супружеских отношений вне церковного брака, которые в дальнейшем — после смерти одного из законных брачных партнеров — получают церковное освящение. «Некий мужчина имел ребенка от замужней женщины, с которой он был в отношениях *soignantage*. После смерти мужа этой женщины он сделал ее своей законной супругой (*espouse*). Если их ребенок родился во время их законного брака или же был зачат (или родился), когда женщина уже стала вдовой, он считается законнорожденным. В отличие от этого ребенок, зачатый или родившийся, пока эта женщина была супругой другого, не является законным»²⁷. Под понятием «суаньяж» Бомануар в приведенном пассаже подразумевает супружеский союз холостого

мужчины с замужней женщиной. Дети от такого супружества, даже если они родились до его оформления в церкви, могут, как мы видели, считаться законными. Соответственно и самое супружество типа «суаньяж» оказывается в числе признанных и дозволенных не только с точки зрения «общественного мнения», но и светского права.

Дополнительное подтверждение этому находим в другом установлении, приводимом Бомануаром. «Если некий мужчина (дворянин) имел от некоей женщины, с которой он жил en *soignantage*, сына, а потом женился на другой, от которой тоже имел сына, а впоследствии, после смерти супруги, он сочетался законным браком с той, от которой имел en *soignantage* сына... то старшим его наследником по правам на наследство будет его младший сын, рожденный в первом законном браке»; если же в этом первом браке родился не мальчик, но девочка, то старшим наследником по правам на наследство будет сын, рожденный en *soignantage*²⁸. Статус суаньяжа вырисовывается из этих установлений более ясно. Это отнюдь не отвергаемое обществом (и правом) случайное сожительство с низкородной женщиной. Конкубинат не могла бы стать «женой» благородного, а ее дети ни при каких обстоятельствах не могли бы претендовать на права законных наследников. Суаньяж — брачный союз равных. Он отличается отсутствием церковного оформления и не идет в сравнение с церковным браком ни по правам, которые приобретают супруги и их дети, ни по своему престижу. Тем не менее в светском праве и шире — в светской модели мира суаньяж не отвергается. Он существует как бы на грани принятого и допустимого. На практике он явным образом конкурирует с церковным браком²⁹.

К трактовке этого факта мы вернемся ниже. Пока же познанием с тем, как оценивала отношения вне законного брака официальная церковь. Вот что говорится, например, в пенитенциалии Аллена Лилльского (первые годы XIII в.). При расследовании случаев сожительства мужчин и женщин, не освященных церковным браком, следует «привлечь во внимание, являлась ли женщина супругой кого-либо или нет... *Если женщина незамужняя или если тот, кто ее познает, холост, то это меньший грех, если женат — больший грех.* Если же женатый познает замужнюю — тяжелейший грех. Если же холостяк познает незамужнюю, учечь, лишил ли он ее девственности. Если же он познал невесту, учечь сколько раз он ее познал, ибо это увеличивает грех...»³⁰.

Казалось бы, в высказываниях теолога и светского судьи нет ничего общего: первый признает только церковный брак и относит все, что вне его, к «блуду»; второй же допускает существо-

вание супружеских союзов разного типа. Однако более вдумчивое чтение обнаруживает и некоторое сходство: оба резко осуждают сожитительство женатого мужчины и замужней женщины и противопоставляют ему отношения, в которых хотя бы один из партнеров холост³¹ (т. е. отношения, включающие в светском праве и суахьяж). Это в определенной степени подтверждает относительную терпимость массового правосознания к некоторым, не освященным церковью вариантам супружеских союзов.

Внецерковные союзы были, видимо, особенно характерны для молодежи. Их не стыдились не только юноши, но и девушки. «Ныне можно найти много матерей,— говорил в своей проповеди „К женатым“ Жак де Витри (начало XII в.),— которые учат своих дочерей сладострастным песням, распеваемым хором... Когда же такая мать видит, что ее дочь сидит между двумя молодыми парнями, один из которых положил ей руку на грудь, а другой пожимает ей ладонь или обнимает за талию, она ликует, говоря, смотрите, каким вниманием пользуется моя дочь, как любит ее молодые люди, как восхищаются они ее красотой... Когда же месяцев через шесть у дочери вырастает живот.. такая мать говорит: „Счастливы бесплодные, которые не беременеют“...»³² Правоучительный «пример», рассказанный Жаком де Витри, не банальная риторика. Ситуации, в которых юноши и девушки вступают до церковного брака в половые союзы, фиксируются во многих «диалогах», хрониках, фаблио, соти, лэ, фарсах и т. п.³³ Не менее часты упоминания о таких союзах, а также о союзах, существовавших параллельно с законным браком, в рыцарских романах, хрониках, картуляриях XI—XIII вв.³⁴

Еще обширнее свидетельства о внецерковных брачных союзах, создававшихся клириками. Не будучи, как правило, церковно оформленными, эти союзы нередко отличались прочностью и длительностью. Тот же Жак де Витри упоминает священника, который, будучи поставлен епископом перед выбором, сохранить либо приход, либо конкубину, предпочел покинуть приход³⁵. В известной истории Абельяра и Элоизы благочестивая и учнейшая Элоиза, уже имевшая от Абельяра сына, настойчиво отказывалась от оформления существовавшего союза церковным браком. «Хотя наименование супруги (uxor),— писала она Абельяру,— представляется более священным и достойным (sanctius ac validius), мне всегда было приятнее называться твоей подругой (amica) или, если ты не оскорбишься, твоей сожительницей (concubina) или любовницей (scorta)»³⁶. Сопротивляться церковному браку Элоизу заставляли и справедливые опасения, что он отразится на карьере Абельяра как магистра богословской школы. В конечном счете Абельяр и Элоиза сочетались, как известно, браком тайно.

О внебрачных союзах клириков говорится и в других правоучительных произведениях XI—XIII вв.³⁷ Обширнейший материал по этому вопросу содержится в пенитенциалиях: в них упоминается о «блуде» священников или епископов со своими прихожанками, а также с монахинями, отмечается недопустимость исповедовать женщин, «познанных» исповедником, констатируются попытки клириков всех рангов «вытравить» плод у своих сожительниц³⁸. Обычай у клириков конкубин и незаконнорожденных детей фиксируется и в частно-правовых актах³⁹. Словом, вводимый клянийской реформой celibat приживался плохо⁴⁰. Не случайно в дипломах французских королей еще и в начале XII в. ряду младших чинов церковной иерархии официально разрешался — во избежание «разврата» — законный брак⁴¹.

Внецерковные половые союзы встречались и в среде простолюдинов. По словам Алена Лилльского, грех сладострастия (как, очевидно, и вытекающие из него «внебрачные» связи) простительнее богатому и знатному, чем простолюдину и бедняку. Ведь богатые и знатные куда чаще, чем бедняки, измученные и обесиленные тяжким трудом, впадают в искушение. Поэтому, полагает Ален, поддавшийся похоти бедняк должен наказываться строже, чем богатч (подобно тому как живущий в достатке богатч должен строже караться за кражу, чем неимущий)⁴². Это косвенное свидетельство внебрачных отношений среди простолюдинов находит прямые подтверждения как в нарративном, так и в актовом материале. Так мы узнаем о беременных крестьянках, не имеющих «законных» супругов, и о «назначении» им таковых сеньором. В грамотах упоминаются крестьянские дети, рожденные от «законных» (*legitimi*) или же от «тайных» (*furtivi*) брачных союзов⁴³.

Еще выразительнее собственно крестьянские свидетельства. Как известно, жители пиренейской деревни Монтайю, обвиненные в конце XIII в. в катарской ереси, на протяжении многих лет давали показания местному епископу. Их матримониальное поведение само по себе не грозило им обвинением в ереси: катары, как известно, вовсе отрицали брак, и потому факт супружества скорее снимал с крестьян подозрения в ереси, чем навлекал их. Естественно, что откровенные рассказы жителей Монтайю о выборе брачной партии, о деталях жизни в браке, как и о случаях внебрачного сожительства, меньше всего можно заподозрить в искажениях с целью снять обвинение в ереси. Тем показательнее довольно многочисленные упоминания о более или менее длительных неофициальных супружеских союзах крестьян. Особенно характерны они для пастухов, составлявших предельно влиятельную группу среди населения этой деревни, занятой отгон-

ным животноводством. Не владея постоянным домохозяйством, пастухи почти все имели сожительниц, сопровождавших их на горные пастбища. Среди крестьянских девушек также не все выходили замуж. Некоторые из них, особенно из более бедных семей, поступали в услужение в богатые дома, где довольно быстро становились конкубинами главы семьи или других взрослых мужчин. Что касается местного катарского кюре, то, несмотря на претензию принадлежать к числу так называемых «совершенных» катаров (*parfaits*), он фактически завел целый гарем наложниц. Самое, однако, интересное в этих неофициальных браках в Монтаяу заключается в том, что бывшие конкубины, как правило, позднее вступали в церковный брак, причем не было случая, чтобы официально замужеству препятствовал конкубинский статус женщины или же прижитые ею в конкубинате дети: внецерковное супружество явным образом не ущемляло престижа женщины⁴⁴.

Для более раннего времени в нашем распоряжении нет материалов, подобных крестьянским допросам в Монтаяу. Поучительно, однако, что данные о внецерковных половых союзах, содержащиеся в «Наставлении» Бурхарда Вормского (начало XI в.), мало отличаются от только что приведенных сведений конца XIII в. Здесь та же относительная мягкость наказания (10 дней поста) за связь между холостыми людьми, те же «льготы» в наказаниях для холостяков вообще, та же констатация существования супружеских союзов без церковного оформления⁴⁵. Не означает ли это, что в данной сфере за 200—250 лет изменилось не очень много?

Совместимость в правосознании многих мирян церковного брака с иными формами супружества отражала, на наш взгляд, своеобразие самого представления о браке в это время. Древние представления о нем, видимо, еще не были изжиты. Понятие «брак» не приобрело однозначного смысла, не сузилось до обозначения одной-единственной формы полового союза.

Даже ученнейший аббат Сугерий — советник Людовика VI — мог назвать помолвку своего господина «браком», хотя хорошо знал, что эта помолвка (с Люсьенной де Рошфор) была расторгнута, а невеста не успела покинуть отчий дом. Для менее образованных современников смысл понятий «брак» и «жена» оставался еще менее ясным: например, автор жести об Эмери Нарбоннском (конец XII в.) называет невесту героя «*esrouise*» сразу же после договоренности о будущем бракосочетании и задолго до его реализации⁴⁶.

И это не простая терминологическая путаница. Не только в светской литературе, но и у церковных авторов еще далеко не сложилось ясное представление о том, что именно следует счи-

тать сутью брака — «согласие» на него (как полагал парижский епископ Петр Ломбардский) или же сочетание такового согласия с плотским союзом (как утверждал Грациан). Знаменитый богословский спор по этому поводу (завершившийся в 60—80-е годы XII в. декретами папы Александра III⁴⁷) был возможен именно потому, что самый феномен брака еще не получил однозначного определения. В мирской же практике брак, как и в прошлом, еще долгое время ассоциировался прежде всего с соитием⁴⁸.

Все еще не полная завершенность понятийного оформления христианского брака сказывалась и в его процедуре: несмотря на включение в XII в. брака в число основных христианских таинств (sacramenta), участие самой церкви в бракосочетании оставалось достаточно скромным. Церковное оглашение на паперти во Франции до XIII в. не практиковалось; представ перед священником, жених и невеста сами, без его посредства, соединяли в знак своего союза правые руки; кольцо невесте вручал жених, а не священник; видимое место в брачном ритуале занимали проводы новобрачных к супружеской постели, во время которых ведущую роль играл отец жениха, но опять-таки не священник⁴⁹.

На фоне незавершенности процесса понятийного осмысления брака становится понятнее терпимость массового правосознания к сосуществованию разных видов супружеских союзов. Как мы видели, нарушение церковного канона брака не приобрело пока в глазах современников той степени однозначности, когда такого нарушения стыдятся и стараются его скрыть. Моногамный христианский брак не стал непререкаемым идеалом ни для апатов, ни для крестьян и горожан.

Отсюда, впрочем, не следует, будто можно недооценивать изменения, происшедшие в XII—XIII вв. в модели брака по сравнению с каролингским временем. Тогда идея моногамного брака вообще лишь складывалась; самое противопоставление супружеских отношений в рамках церковного союза или же вне их еще не стало обычным; к нему не всегда и прибегали. В XII—XIII вв. эта дихотомия ни у кого не вызывала сомнений. Но ее признание не означало ее всеобщего признания⁵⁰.

На наш взгляд, все это недостаточно учитывается теми исследователями, кто считает, что в XII—XIII вв. произошел решающий перелом в истории брака⁵¹. Ни включение в XII в. брака в число основных христианских таинств, ни распространение так называемой компромиссной его модели (учитывающей и теологические, и светские традиции его истолкования) еще не означали превращения канона христианского брака во внутренний императив для всех мирян. О подобном превращении можно говорить лишь в применении к следующим — XIV и XV — столетиям, когда церковный брак становится, как мы увидим ниже,

единственной общепринятой формой супружеского союза. К этому более позднему времени и относится, на наш взгляд, подлинный перелом в становлении моногамного брака. В XII—XIII вв. до этого было еще довольно далеко.

Соответственно не приходится удивляться тому, что во Франции этого периода наряду с церковными браками бытовали — особенно в среде неженатых — и иные виды супружеских союзов. Их статус и их терминологическое обозначение не были, как мы видели, тождественными. В среде рыцарства и знати эти союзы (суаньтажи), допускаемые светским правом, могли охватывать чуть ли не всю жизнь — от молодости (когда они чаще всего возникали) до зрелости или старости (когда, скажем, после смерти «законной жены» к ним вновь возвращались). Для клириков такие союзы (конкубинаты) получали правовое признание лишь изредка (преимущественно по отношению к младшим членам клира и лишь до XIII в.). Тем не менее и они бывали достаточно длительными и прочными. Что касается простолудинов, то в их среде подобные союзы подвергались, вероятно, наименьшей социально-правовой регламентации. И быть может, именно поэтому мы о них реже всего слышим.

Параллельное существование в XI—XIII вв. разных форм супружеского союза побуждает изменить так же, как это было сделано выше в применении к каролингскому времени, подход к определению общего уровня брачности (т. е. доли взрослых, состоящих в браке) и возраста первого брака. Что конкретно известно о возрасте первого брака в XII—XIII вв.? Каноническое право допускало браки с 12 лет для лиц женского пола, с 14 лет для лиц мужского пола⁵². Эта правовая норма, конечно, не означала, что все вступали в брак в столь раннем возрасте, хотя трудно допустить, чтобы она не имела никакой связи с реальностью.

Об этом свидетельствуют и те случаи, когда в источниках прямо указывается возраст вступления в законный брак. Упомянем вначале данные казуального характера. Дочь графа Монпелье Гийома VIII (конец XII в.) Мария была выдана первый раз замуж в 11 лет, через несколько месяцев овдовела, в 16 лет была выдана замуж вторично; через 4 года, после рождения двоих детей, вновь осталась без мужа (в результате акта *repudatio*); в 23 года сочеталась третьим браком⁵³. В 11 же лет была выдана первый раз замуж сестра Генриха II Плантагенета Матильда (первого ребенка она родила, когда ей было 16 лет)⁵⁴. Бомануар рассматривает казус, при котором опекун богатой наследницы (оставшейся сиротой) сочетался с ней законным браком, когда ей было 10 лет. При разбирательстве возникшего затем судебного спора вопрос о допустимости столь раннего брака не

возникал, хотя и подчеркивалось, что совершеннолетней и дееспособной девушка считается лишь с 12 лет. В случае более раннего выхода замуж ее имущество переходит под опеку (bail) ее мужа⁵³. Что касается юношей, то для них, согласно бовезийской кутюме, возраст совершеннолетия — полных 15 лет, согласно «кутюме Франции», — полных 20 лет. При вступлении в брак в этом возрасте молодой человек обретает и все имущественные права. Бомануар специально оговаривает это, так как ему известны случаи и более ранних браков, когда жениху было менее 15 лет: при таких браках сохраняется опека над имуществом, составляющим приданое невесты, со стороны ее старшего родича⁵⁴. Тут же констатируется, что возраст совершеннолетия одинаков и у благородных, и у простолюдинов — полные 15 лет для юношей, полные 12 лет для девушек (вопреки специально опровергаемым Бомануаром утверждениям, что простолюдины считаются совершеннолетними и дееспособными в любом возрасте)⁵⁵. Еще раньше — в 12 лет — считают юношей «взрослыми» многие трубадуры⁵⁶. О случаях раннего выхода замуж сообщает и Гвиберт Ножанский (середина XI в.), матери которого было 12 лет в момент брака⁵⁷ и по словам которого в ряде известных ему случаев невестами становились еще очень юные (juvencula) девушки.

Как отмечается в житии св. Марии Мелакской (начало XIV в., Тур), она была выдана замуж, когда ей было 12 лет. Св. Флора (Прованс, начало XIV в.) стала женой в 14 лет, в том же возрасте, что и св. Хильдеберга из Шартра⁵⁸. Фигурирующие у Гийома Лориса в Романа о Розе девушки и подростки «флиртуют» уже с 12 лет, а в 15 лет у них начинаются «годы любви»⁵⁹.

Судя по конкретным случаям, описываемым в фэблио, лэ и рыцарских романах того времени, крестьянские девушки считались «поспевшими к замужеству» в 13—15 лет⁶⁰. Крестьянские подростки и девушки в Монтаню в конце XIII в. признавались «разумными» (совершеннолетними) с 12 лет и взрослыми с 18 лет. Девушки считались здесь невестами с момента первых регул (с 12—13 лет), и их сразу же старались выдать замуж⁶¹.

Фрагментарность приведенных данных очевидна. К тому же среди них немало таких, которые касаются необычно ранних браков. Тем не менее некоторые сведения, позволяющие представить, так сказать, «точку отсчета» в оценке брачного возраста, в цитированных фрагментах содержатся.

В этом же плане интересны и тексты, встречающиеся в современных правоучительных трактатах. Прочитаем прежде всего трактат середины XIII в. «О четырех возрастах». Его автор —

Филипп Новарский — известный знаток феодальной практики и феодального права Иерусалимского королевства, где правовые традиции французского рыцарства были в то время еще достаточно сильны. Как известно, тема о возрастных делениях в жизни человека — одна из излюбленных в средневековой (да и античной) литературе. Многочисленные сочинения на эту тему в период до XIII в. малоинтересны с демографической точки зрения: они перенасыщены штампами и стереотипными делениями человеческой жизни на 3, 4, 6, 7 или 12 периодов⁶⁴. Трактат Филиппа Новарского — один из первых в этом жанре, где, помимо общей характеристики основных жизненных этапов, дается и оригинальная трактовка возрастных границ между ними. Вот что пишет в этой связи Филипп о возрасте законного брака: «Не следует добровольно женить дитя мужского пола, пока ему не исполнится 20 лет, если только этого не требует необходимость не упустить богатое наследство, или особо благоприятную брачную партию, или же из-за опасения греха, который может случиться из-за особой пылкости, горячности и темпераментности. Дочерей же желательно выдавать замуж, когда им исполнится 14 лет. Те сыновья и дочери, которые достигли указанных возрастов, уже достаточно разумны и могут лучше оценить и понять жизнь, а их дети будут крепче и лучше»⁶⁵. Этот пассаж выпадает из шаблонной фразеологии более ранних трактатов о человеческих возрастах. В нем явственно слышится отзвук наблюдаемой автором реальности. Тем поучительнее звучащее в тексте Филиппа Новарского признание того, что женитьба знатных юношей может происходить (и, видимо, нередко происходит) и до их двадцатилетия. По-видимому, еще чаще соблюдается правило выдачи замуж благородных девиц на 15-м году их жизни.

С суждениями Филиппа Новарского о возможном возрасте брака в среде рыцарства в общем совпадают сообщения и некоторых других авторов. Так, в пенитенциалии Алена Лильского возрастом совершеннолетия юношей называются полные 14 лет⁶⁶. Робер де Блуа в поэме, широко распространенной в середине XIII в., высказывается в том духе, что знатный юноша, достигший 15 лет и остающийся холостяком, повинуется в грехе гордыни⁶⁷.

Суммируя приведенные материалы, можно довольно уверенно говорить о сравнительно равном возрасте первого брака и для юношей и тем более для девушек. Ведь если законный церковный брак заключался юношами в 15—21 год, а девушками на 15-м году, то вторая — неофициальная — форма полового союза, господствовавшая в добрых связях, охватывала и вовсе очень юных. Не слишком велик был и разрыв в возрасте первого бра-

ка у юношей и девушек, особенно с учетом возможности внецерковных («добрачных») половых союзов.

В свете этих данных представляется неприемлемым распространное в историографии мнение о весьма высоком брачном возрасте в Западной Европе XI—XIII вв. в целом и во Франции того времени в частности. Ссылаясь на необходимость для мужчины откладывать брак до момента «жизненного устройства» и неправомерно абсолютизируя отдельные экстраординарные факты, ряд специалистов относят возраст первого брака у мужчин — как знатных, так и простолюдинов — к последним годам их третьего (!) десятилетия⁶⁸.

Пожалуй, особенно неоправданны подобные суждения по отношению к простолюдинам. В их среде «жизненное устройство» молодых семей вследствие бурного роста в XI—XIII вв. новых деревень и городов не было проблемой. Крестьянские подростки очень рано начинали участвовать в хозяйственной деятельности. Как показала на массовых английских материалах В. Ханевельт, к работам в земледелии и животноводстве крестьянские дети привлекались чуть ли не с 8—9 лет. Отдельные наблюдения того же рода Р. Фоссье делают и для Франции⁶⁹. К 14—15 годам крестьянские дети овладевали едва ли не всеми хозяйственными премудростями. В эти же годы, как уже говорилось, их начинали считать совершеннолетними. Даже если допустить, что обстоятельства препятствовали их вступлению в церковный брак, вряд ли можно думать, что созревшие физиологически и социально подростки откладывали создание полового союза еще на 14—15 лет. Если бы это было так, т. е. если бы они вступали в брак лишь в 27—30 лет, то возглавлять семейное хозяйство после перехода родителей в преклонный возраст (в 45—50 лет) пришлось бы их очень молодым неженатым детям. (Ведь, женившись в 27—30 лет, крестьянин приобрел бы работоспособного наследника 14—20 лет — даже если бы им смог стать первенец — лишь к моменту своего физического угасания.) В сочетании с казуальными данными о брачном возрасте крестьян, приведенными выше, все это побуждает думать, что и в деревне мужчины создавали свои первые брачные союзы, вероятно, в возрасте 15—18 лет. Их женами становились крестьянские девушки примерно 13—15 лет⁷⁰.

Проанализировав прямые и косвенные данные о браке и его формах во Франции XI—XIII вв.⁷¹, мы можем теперь лучше представить некоторые стороны демографического механизма, который обеспечивал рост населения в то время. Высокая брачность — еще более высокая, чем можно было бы думать на основании сведений о церковных браках, — ранний возраст первых половых союзов, обеспечивающий очень раннее начало детород-

ного периода у женщин, частота повторных браков, заключавшихся порой вскоре же после прекращения предыдущего брака⁷², — вот те черты брачного поведения, которые создавали весьма благоприятные предпосылки для интенсивного воспроизводства населения во Франции XI—XIII вв. Ясно, однако, что реализация этих предпосылок во многом зависела от принятых в обществе взглядов на деторождение, ребенка, женщину.

3. Ребенок, женщина, половозрастная структура. Масштабы простота населения

Уясним вначале представления современников о том, какой тип рождаемости и какой тип отношения к детям следует считать идеальным, «предустановленным свыше» и какой — обычным, расхожим. Начиная с официозно-церковных взглядов, напомним, что по ним рождение потомства представлялось важнейшим (или даже единственным) оправданием брачного союза. Какое бы то ни было регулирование этого процесса в семье абсолютно исключалось: различные церковные установления пестрят соответствующими предписаниями⁷³.

Однако сам факт, что эти предписания многократно повторяются, побуждает думать, что паства знала средства такого регулирования, включая и способы предупреждения зачатия, и способы прерывания беременности. И те и другие, видимо, находили применение на практике, иначе трудно было бы понять, почему исповедникам предписывалось не только интересоваться подобными прегрешениями как таковыми, но и дифференцировать санкции к совершающим их — то ли из-за невозможности прокормить ребенка, то ли по неразумию, то ли с целью скрыть «блуд»⁷⁴. Поучительно и изменение строгости церковной эпитимьи: до XI в. за использование контрацептивов полагалось пожизненное отлучение, в начале XI в. оно было заменено десятилетним покаянием, на рубеже XII—XIII вв. срок такого покаяния сокращается до трех лет⁷⁵. Не отражало ли такое смягчение наказаний косвенного признания церковью невозможности справиться с проступками такого рода?..

Единственная форма регламентации супружеских отношений, которую признавали церковные ортодоксы, касалась установления периодов, запретных для брачного соития. Со времени раннего средневековья эти периоды охватывали не только основные религиозные праздники (пасху, троицу, рождество и др.), воскресные дни, среду, пятницу, субботу, но и периоды регул, значительную часть срока беременности и кормления. При строгом соблюдении всех этих запретов для соития ежегодно оставалось лишь несколько десятков дней (в среднем 5—6 дней в месяц)⁷⁶.

Хотя это и могло уменьшить брачную плодовитость, она, по расчетам Ж. Фландрена, могла, несмотря на указанные запреты, теоретически достигать чрезвычайно высокого уровня (до 0,75—0,5 на одну женщину в год)⁷⁷. Однако как раз в XI—XII вв. церковная регламентация супружеских отношений смягчается. Руководства для исповедников, известные для этих столетий, предписывают более краткие сроки воздержания в период праздников; почти исчезают запреты соития в субботу, среду и пятницу⁷⁸. Поэтому связывать с церковной регламентацией какое бы то ни было реальное ограничение рождаемости в XI—XIII вв. не приходится⁷⁹. Более того, сохраняющиеся в XI—XIII вв. меры по регулированию супружеских отношений в период беременности и кормления новорожденного, если бы они соблюдались, объективно способствовали улучшению условий деторождения и выхаживания младенцев.

Такое же значение имели и церковные предписания о повышенной ответственности родителей за сохранение жизни малолетних детей⁸⁰. В основе подобных предписаний лежали, однако, не столько заботы церкви о детях как таковых, сколько вероучительные мотивы, имевшие целью укоренить общее представление о неприкосновенности каждого «божьего создания».

«Чрезмерная» привязанность родителей к детям, наоборот, осуждалась церковными ортодоксами. Авторы XII—XIII вв. порицают ее с еще большей настойчивостью, чем это делалось в IX в., видя в ней ущерб всепоглощающей любви к Богу, и даже источник различных прегрешений. «Дети приносят зло,— писал в конце XII в. рейнский епископ Этьен Фужер, обращаясь к простояудинам.— Так как их надо кормить и одевать, родители становятся скупыми, решаются на обман, забывают о Боге»⁸¹. Хотя хорошо иметь детей, особенно когда они попятливы и зпаючи, говорит Фужер в другом месте, обращаясь к знатным, «противно смотреть» на матерей и отцов, которые доходят до безумия, целуя и обнимая своих отпрысков, и которые готовы ради них воровать и грабить, брать в долг и забывать о его возврате. «Имющие детей-наследников скопидомствуют... не имеющие же подают бедным... Графиня Гайрефорт... у которой все дети умерли, возносила за это Богу молитвы...»⁸²

Обычность подобных пассажей у церковных моралистов и проповедников XII—XIII вв. делает понятным лейкоративную тональность их высказываний о детях вообще. Когда дети маленькие, читаем у светского автора середины XIII в., обращающегося к горожанам, они не дают родителям спать ночью, а днем надоедают тем, что необходимо постоянно заботиться об их кормлении; когда они подрастут, они носятся по улицам и приходится все время следить, чтобы они не попали под лошадь или

повозку; когда они становятся взрослыми, то требуют от родителей богатого наследства и, кроме того, приходится расплачиваться за их долги в тавернах⁸³. Еще резче пишет о детях Филипп Новарский: «Малые дети грязны и надоедливы, когда же они подрастают — они становятся такими шалопаями и капризулями, что забота о них — не в коня корм...» Вместо того чтобы следовать божественным примерам, «они уподобляются бессловесным тварям — диким оленям, неразумным птицам и живут как животные». Неудивительно, что «очень многие (*trop grand quantité*) дети — скверные, гадкие, с дурными наклонностями — неожиданно заболевают и умирают⁸⁴.

Обилие критических оценок детства у средневековых писателей XII—XIII вв. побудило ряд современных медиевистов поддерживать одно время известную концепцию Ф. Ариеса об относительной неразвитости в средние века родительских чувств к детям⁸⁵. Некоторые исследователи заговорили даже об общей нелюбви и презрении к ним в это время⁸⁶. Если бы такая нелюбовь (или тем более презрение) действительно были характерны для отношения к детям в то время, это не могло бы не наложить сильнейший отпечаток как на условия их существования, так и на возможность выживания для многих из них.

Касаясь этого вопроса, отметим, что анализ текстов подтверждает уже сложившуюся в медиевистике последних лет тенденцию отказаться от распространения точки зрения Ариеса на рассматриваемый период средневековья⁸⁷. Людям того времени отнюдь не была чужда ни материнская, ни отцовская любовь. Мы специально процитировали выше из числа «антидетских» высказываний церковных ортодоксов те, в которых заметнее разрыв между богословским назиданием и действительностью. Как мы видели, епископ Фужер открыто признает существование матерей и отцов, «до безумия» любящих своих детей. Родительскую любовь и заботу о детях признают и другие авторы XII—XIII вв. Согласно Бомануару, случается, что дети до такой степени ненавидят мачеху, что их совместное проживание становится невозможным. Если в этой ненависти повинна сама мачеха, отцу детей следует куртуазно предложить жене «любить и почитать (*aint* — в некоторых рукописях: *aide, aime — et honneur*) пасынков»; во всяком случае отец не должен соглашаться на удаление детей из своего дома, памятуя, что они и так уже с потерей родной матери утратили материнскую любовь (*amour*) и что его собственная любовь к детям (*l' amour qu'il a vers ses enfants*) не должна пропадать втуне⁸⁸. Признает Бомануар и родительские чувства к незаконнорожденным детям. Он, в частности, оправдывает передачу им по наследству не только движимости или благоприобретенной недвижимости, но даже доли родового

имущества⁸⁹. Это тем более показательно, что в конце XIII в., когда писал Бомануар, социальный статус незаконнорожденных в целом ухудшился⁹⁰.

Еще более, чем высказывания Бомануара, впечатляют некоторые житийные сцены. Вот как описывается купание св. Идой Лувенской являвшегося к ней маленького Иисуса: посаженный в таз с теплой водой, младенец, «как все разыгравшиеся дети, хлопал обеими ручонками по воде и, как это свойственно младенцам, вертелся, плескался и брызгался, забрызгав все вокруг еще до того, как его успели помыть... Когда же купанье окончилось, Ида посадила его, обернутого в полотно, на колени и играла с ним нежно, словно мать». Хотя в данном случае речь идет о дитяти Иисусе, очевидно, что вся сцена списана агнографом с натуры и что сам он несколько не сомневался в естественности и общности материнской любви⁹¹. Такая любовь распространялась отнюдь не только на малышей: прощаясь с сыном, отправляющимся на поиски своей возлюбленной, мать принца Флуара «успевает его сто раз поцеловать. Биенье в грудь, потоки слез и пряди вырванных волос — вот горьких проводов картина... Король в слезах...»⁹². «Безумную» любовь к детям матерей, отцов, дедов и бабок констатирует и Филипп Новарский, отличавшийся, как отмечалось, суровой оценкой детского «несовершенства». Несмотря на детские капризы и шалости, нишет этот автор, «любовь (l'amor) к детям со стороны тех, кто их воспитывает, особенно со стороны отца и матери, деда и бабуки изо дня в день лишь растет и крепнет (*croist et anforce toz jors*)»⁹³. Из-за бед, которые, по мнению Филиппа, может натворить эта слепая любовь, он считает оправданным называть ее «смертной ненавистью»: «Когда отец и мать готовы слепо выполнять любое желание своего чада, они, сами того не желая, воспитывают из детей гордецов, богохульников, воров и даже убийц...»⁹⁴. Не менее горячи родительские чувства и в крестьянской среде: ради спасения умирающего ребенка крестьянка готова на «грех»; отец умершего младенца в «слезах» заявляет, что потерял вместе с сыном «все, что имел» (*ego perdidit omnia que habebam morto filii mei*)⁹⁵.

В общем можно смело утверждать, что не только материнская, но и отцовская любовь к детям в XII—XIII вв. представляла непреложный факт⁹⁶.

Острота родительских эмоций не была в XII—XIII вв. неким изолированным феноменом. В ней оправданно видеть одно из проявлений общей социально-культурной перестройки, в ходе которой обострился интерес ко всем сферам внутренней жизни человека. Среди мотивов человеческих поступков выросла роль душевных импульсов⁹⁷. Естественно, что родительские эмоции

могли теперь чаще модифицировать поведение матерей и отцов по отношению к детям.

Не с этим ли, в частности, связано уменьшение числа брошенных детей, отличающее XII—XIII вв. от предшествующего времени⁹⁸? Случайно ли к этим же столетиям относится обилие находимых при раскопках детских игрушек — глиняных кукол, свинойкой игрушечной посуды? Археологические данные подтверждают также использование с XII—XIII вв. специальных детских люлек, отводивших от малышей угрозу быть придушенными в родительской постели⁹⁹.

Изменение отношения к детям побуждало к раздумьям над особенностями детского поведения, над возрастными различиями в детской среде. В свое время Ф. Ариес отрицал интерес к вопросам такого рода на протяжении большей части средневековья. По его мнению, перелом в социально-культурном осмыслении детства и главных возрастных стадий, разделявших ребенка и взрослого, намечается на Западе лишь в XIV в., с началом «индустриализации», а завершается только в XVIII в., с крахом всего «старого порядка»¹⁰⁰. Эта точка зрения была принята рядом исследователей, полагающих, например, что «детства как такового» средневековое сознание XI—XIII вв. осмыслить не смогло¹⁰¹. Ребенок воспринимался тогда лишь как «маленький взрослый», отличавшийся от «больших» лишь размерами. Соответственно детское поведение воспринималось как необъяснимое, непредсказуемое, даже нечестивое.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют несколько скорректировать эти утверждения. Так, в трактате Филиппа Новарского (середина XIII в.) констатируется, что младенцам свойственны три вида специфического «понимания» (*connaissance*) и «естественной любви» (*amor naturel*). Это, во-первых, любовь к матери (или кормилице), которая кормит его грудью, во-вторых, любовь к тем, кто с ним играет, нянчится, ласкает и «переносит» с места на место, и, в-третьих, к тем, кто его содержит и охраняет¹⁰². Определяемое этими чувствами поведение младенца приобретает свое собственное обоснование. Что же касается ребенка, вышедшего из младенчества, то его действия выступают в трактате Филиппа как закономерный результат воспитания, которое дают ему отец с матерью. Дурные склонности детей — следствие попустительства родителей и особенно их неумелой любви. Между тем одно из основных «божественных» требований к воспитанию ребенка — умеренность и в ласках и в наказаниях¹⁰³. Довольно четко формулирует Филипп и основные цели воспитания. Помимо укоренения в благочестии, воспитание должно обеспечивать обучение детей «ремеслу» родителей — будь то рыцарское дело или хотя бы ремесло

галантерейщика (aguillier). Именно в этом смысле детство — «фундамент жизни», а благопомеренность и «соразмерность» воспитания в детстве определяют все¹⁰⁴.

Сходным образом связывал поведение ребенка с особенностями его воспитания Рамон Лулий. Он, в частности, призывал к умеренности в кормлении детей в богатых семьях, советовал «не кутать» детей, не допускать чрезмерности в ласках, но и предостерегал против суровости, вынуждавшей детей плакать, так как это «вредно сказывается на их умственном здравье»¹⁰⁵. «Что природа теряет на детях богатых, — писал Рамон Лулий, — она приобретает на детях бедных»¹⁰⁶. В целом же и Рамон Лулий, и Филипп Новарский исходили объективно из представления о детстве как о периоде активного формирования человека, в котором родительское воспитание имеет решающее значение. Тем самым поведение ребенка получало свое закономерное объяснение.

Одновременно с этим новым подходом к сути детства писатели XIII в. несколько по-иному, чем их предшественники, периодизируют детство и переход от него к зрелости. Так, Филипп Новарский, помимо традиционного со времен Исидора Севильского выделения младенчества и раннего детства (до 7 лет), в течение которого ребенок требует тщательного надзора (из-за особой подверженности «шалонайству», опасности упасть, упасть в огонь или в воду¹⁰⁷), четко обозначает еще два возрастных рубежа. Первый из них — 10 лет, когда дети уже могут «различать добро и зло» и несут ответственность за свои поступки¹⁰⁸. Второй различен для лиц мужского и женского пола. Это возраст вступления в брак. Как уже отмечалось, для девушек Филипп считает таким возрастом 14 лет, для юношей — 20 лет.

Еще детальнее определяет возрастные грани взросления Бомануар. Совпадая с Филиппом Новарским в признании гранью раннего детства 7 лет, он солидарен с ним и в оценке 10-летнего возраста как рубежа судебной ответственности¹⁰⁹. При этом Бомануар уточняет, что с 10 лет начинается ответственность за особо тяжкие преступления, например за убийство. Более широкая правоспособность предоставляется с 12-летнего возраста, когда разрешается приносить судебную клятву, выступать гарантом в сделках купли-продажи и залога¹¹⁰. Те же 12 лет для девушек, полных 15 лет для юношей считал Бомануар рубежом совершеннолетия и полной правоспособности¹¹¹. Примерно в том же возрасте — в 14 лет — считал подростков правомочными приносить судебную клятву Алан Лильский¹¹². Сходным образом — в 13—15 лет — определяется переход от подросткового возраста к зрелости — в латинских рассказах о «чудесах», в старофранцузских воспитательных трактатах¹¹³, в материалах о времени

посвящения в рыцари¹¹⁴; в песнях трубадуров подростки признавались «варослыми» уже в 12 лет¹¹⁵. Еще раньше завершались детство и отрочество в крестьянской среде. Хотя возраст юридической ответственности наступал здесь, почти как и для рыцарских отпрысков, в 12 лет¹¹⁶, к участию в труде дети крестьян привлекались еще за 3—4 года до этого или даже раньше (см. § 2).

Как видим, вопреки Ф. Ариесу, который считал типичным для большей части средневековья «слияние воедино» детства, отрочества и юности¹¹⁷, во Франции уже на рубеже XII—XIII вв. процесс взросления разграничивается на несколько разных стадий. Наиболее дробны они в господствующем классе. Здесь, помимо младенчества и раннего детства, выделяются, во-первых, 10-летний рубеж — начало судебной дееспособности и одновременно конец собственно детства и переход в подростковый возраст; во-вторых, 12-летний рубеж — предоставление более широкой правоспособности, а также начало участия в ратных делах юношей и возраст брака и совершеннолетия для девушек; в-третьих, 15 лет — совершеннолетие юношей и конец подросткового периода в целом¹¹⁸. Этот прогресс в осмыслении стадий взросления детей был связан, как уже отмечалось, с рядом социокультурных процессов (в том числе с ростом интереса к взаимоотношениям между родителями и детьми, с углублением родительских эмоций и т. п.). Однако на нем могли сказаться и демографические факторы, в частности увеличение роли детей в обществе. В какой мере выросла в эти столетия доля детей? Что лежало в основе такого роста?

Обращаясь к этим проблемам и начиная с изменения численности детей, остановимся прежде всего на тех данных, которые можно почерпнуть из просопографических материалов. Как известно, до нас дошло довольно много французских анналов и хроник.

Так, сохранились анналы и хроники, исходящие из Шампани, Нормандии, Бретани, Анжу, Артуа, Фландрии, Аквитании, Бургундии, Лангедока и др. В каждом из таких произведений фигурируют десятки и сотни персонажей, причем не только мифических или же живших в отдаленные времена, о которых хронист не мог иметь никакого конкретного представления, но и вполне реальных, известных хронисту лично или через третьих лиц, или — на худой конец — описанных непосредственными предшественниками составителя хроники. Говоря об этих людях, хронист нередко упоминает их детей, женов, родителей, впуюков, других ближайших родственников. Сведения такого рода могли, конечно, быть столь угодно неполны, но *сознательные* искажения здесь не слишком вероятны. В связи с этим каждая хрони-

ка, каждые анналы оказываются прямо-таки неисчерпаемым кладом просопографических материалов.

Чтобы показать, какие возможности открывает их изучение, мы проанализировали известную нормандскую хронику Ордерика Виталия «*Historia Ecclesiastica*»^{119—120}. Составленная в начале XII в., она, как известно, затрагивает самые разные исторические сюжеты, в том числе и очень далекие от истории Франции. В то же время в ней очень много материала о конкретных участниках событий, происходивших в самой Франции в течение трех-четырех последних десятилетий XI и первых десятилетий XII в. Для просопографического анализа были привлечены все действующие в хронике лица, за исключением клириков (о незаконных детях которых ортодоксальный Ордерик, естественно, не сообщал) и королей (чья семья отличалась обычно от других по своей структуре). Жены и родители описаны Ордериком далеко не у всех. Делать из подобных умолчаний какие бы то ни было выводы, разумеется, нельзя: хронист мог просто не иметь сведений о семейном положении ряда своих персонажей или же не имел повода на нем останавливаться. Мы обследуем состав семей лишь тех лиц, о которых хронист сообщает прямые данные. Так, в кн. 3—12 (т. II—VI) упомянуто 296 отцов семейств («шателенов», «графов», «вице-графов», «вассалов», «рыцарей» и т. п.), имеющих детей. В составе этих семей, помимо главы семьи и его детей (сыновей и дочерей), могли быть названы жепы, отцы и матери главы семьи и другие родичи. Всего в этих 296 семьях упомянуто более 1000 человек (табл. 3.1).

Возможность неполноты описания и этих семей очевидна. Никаких суждений об их реальной численности вынести, естественно, нельзя. Перед нами явно записанные данные о числе детей и других родственниках. С уверенностью можно говорить лишь об одном: число членов семей не могло быть меньшим, чем указано в хронике. Соответственно, по имеющимся данным, примерно определить лишь наименьший предел детности (точнее, «продуктивности брака»). При этом будут учтены далеко не все родившиеся в той или иной семье дети, но лишь дожившие до такого возраста, в котором они могли попасть в поле зрения хрониста, т. е. подросткового (10—15 лет) или более старшего. Иными словами, наш просопографический анализ способен выявить только выживших детей, и то не всех. По этим данным можно приблизительно оценить лишь минимальное соотношение двух следующих друг за другом поколений — отцов и детей. Но именно такой минимальный уровень естественного прироста представляет для нас наибольшую познавательную ценность, так как позволяет избежать опасности преувеличить интенсивность демографического подъема.

Таблица 3.1

Соотношение детей и взрослых в аристократической среде
(по данным «Церковной истории» Ордерика Виталия)

Упомянуто в томе	Дет- ных отцов	У них		В том числе имеют		Расчетная оценка общей численности	
		сыно- вей	доче- рей	более 3 детей	более 4 детей	взрослых	детей
II	50	118	23	9	4	150	236
III	85	166	32	22	7	255	332
IV	80	110	41	8	5	240	220
V	36	57	12	4	1	108	114
VI	45	62	30	6	5	135	124
Во всех томах	296	513	138	49	22	888	1026

Как известно, в демографии принято измерять поколения по числу матерей и дочерей, непосредственно обеспечивающих воспроизводство населения. В нашем случае это оказывается невозможным. По обстоятельствам, связанным со спецификой социального статуса женщины, в хрониках вообще и в «Церковной истории» Ордерика в частности число упоминаемых хронистом отцов и матерей, а также сыновей и дочерей несоизмеримо. Например, на 284 сына в тексте II и III томов названо лишь 55 дочерей (соотношение 5:1); такое же соотношение числа взрослых женщин с числом мужчин. В наших расчетах придется поэтому отталкиваться от числа детных отцов (всего 296) и числа их сыновей (всего 513).

Общее число выживших детей — и сыновей и дочерей — определим по удвоенному числу взрослых сыновей — 1026 (см. табл. 3.1). В действительности общее число детей в воспроизводимой Ордерином совокупности детных семей было выше данной цифры, так как нам известны не все взрослые сыновья, а также потому, что, хотя число новорожденных мальчиков обычно превосходит число новорожденных девочек, со временем число лиц мужского пола из-за повышенной смертности заметно сокращается. Заниженность численности детей соответствует принятой нами установке на выявление заведомо заниженного соотношения двух следующих друг за другом поколений.

При оценке родительского поколения, по данным Ордерика Виталия, мы имеем возможность исходить лишь из числа детных отцов. При всей недостаточности этого показателя он обладает немалой познавательной ценностью, если ограничиться выявлением минимального прироста и соответственно удовлетвориться

исчислением заведомо завышенной оценки родительского поколения. Покажем это на конкретном подсчете.

Отправляясь от числа детных отцов, нетрудно установить численность отцов и матерей в семьях, имеющих детей. Она равна удвоенному числу детных отцов — 592. Эта цифра, вероятно, несколько завышена, так как далеко не все фигурирующие у Ордерика семьи, имеющие детей, были полными. Для определения общей численности родительского поколения к числу отцов и матерей, имеющих детей, следует приплюсовать тех родителей, кто остался без потомства — то ли вследствие бесплодия, то ли вследствие смерти всех отпрысков. Оценим суммарную численность двух этих категорий с тенденцией к ее завышению в 30% от численности отцов и матерей в детных семьях (178 человек). Включим далее в состав родительского поколения холостяков (и в том числе клириков и монахов). Несмотря на выявленный выше высокий уровень общей брачности (с учетом существования разных форм супружеского союза), оценим долю холостого населения в 20% от числа отцов и матерей, сохранивших детей (118 человек). Таким образом, общая доля бездетных оценивается в 50% от числа взрослых в детных семьях. Мы допускаем, следовательно, что в среде аристократии каждый третий не имел потомства. Вряд ли можно сомневаться, что это допущение уменьшает соотношение детей и взрослых и, следовательно, позволяет выяснить минимальную оценку естественного прироста. Согласно данному допущению, в совокупности аристократических семей, упоминаемых Ордериком Виталием, заниженная оценка числа детей составит 1026, а завышенная оценка числа взрослых — 888 (592+178+118).

Исходя из этих цифр, нетрудно подсчитать минимальные оценки, во-первых, для соотношения детского и родительского поколений: 1,15 (1026 : 888), во-вторых, для среднего числа выживших детей на детную семью: 3,5 (1026 : 296) и, в-третьих, для естественного прироста за поколение: 13,5% [(1026 — 888) : 1026]. Примем длину поколения в 25 лет. Тогда заведомо заниженный коэффициент (темп) ежегодного естественного прироста в среде аристократии составил бы 0,54%, или 5,4 промилле. Это несколько выше средней цифры естественного прироста для всего французского населения, составлявшего в то время, как мы уже знаем, 0,4%, и не так далеко от цифры максимального естественного прироста в конце XII — середине XIII в. — 0,6—0,7%.

Между тем конкретные высказывания Ордерика Виталия подтверждают, что полученное в качестве среднего число детей в среде аристократии (3,5 ребенка на детную семью) действительно занижено. «Обильным» (*copiosam*) Ордерик называет лишь

Сотворение мира и человека.

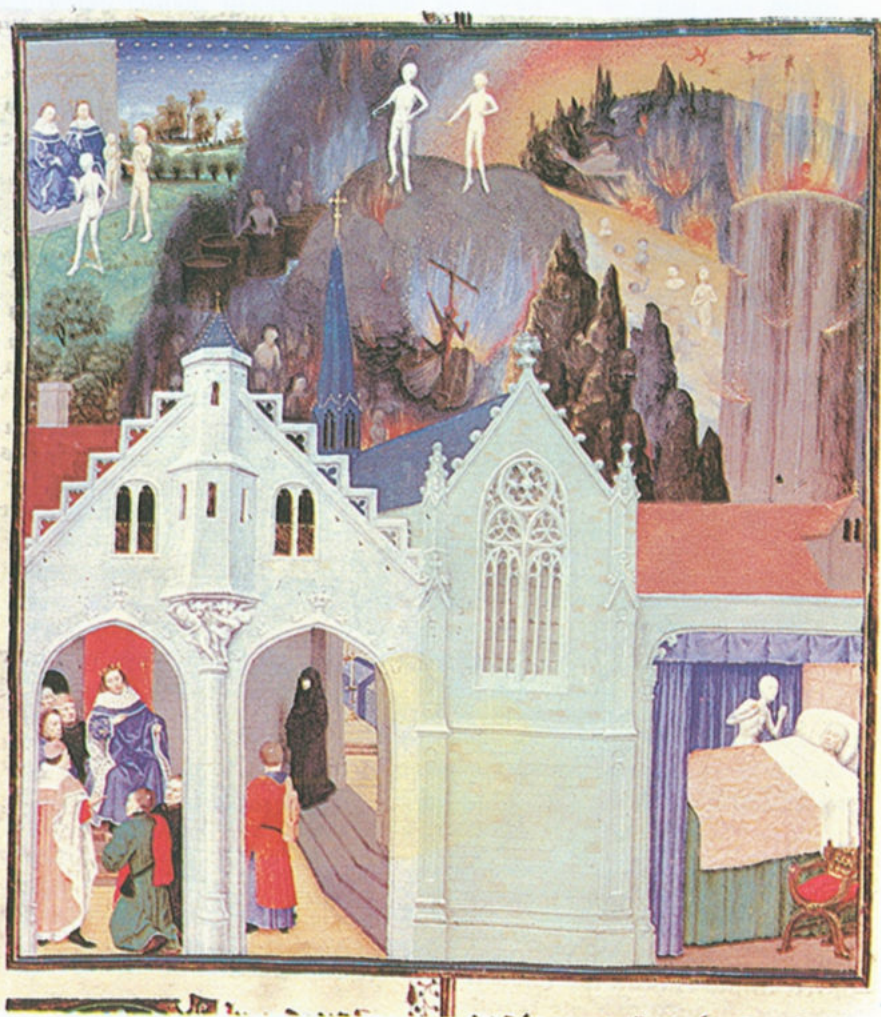
Миниатюра из рукописи конца XIII в.: *Missel à l'usage de Saint-Nicaise de Reims*.
Ленинград, ГПБ. (Л. 20).

Смерть Карла Великого.

*Миниатюра из рукописи «Больших французских хроник». XV в.
Ленинград, ГПБ (Л. 159 об.).*

Поскольку «добрые дела» Карла Великого «перевесили» на весах Страшного суда, состоявшегося у его смертного одра, его «грехи», «ангелы смогли взять его душу и передать ее в руки Царя Царей». 160 об. Душа Карла, покинувшая его тело вместе с последним дыханием, изображена в виде младенца

*Видения Карла Лысого и его посмертное волеизъявление.
Миниатюра из рукописи «Больших французских хроник», XV в.
Ленинград, ГПБ (Л. 208 об.)*

Во сне Карлу явилось «нечто белое» (внизу справа). Дав Карлу конец нити, белое существо привело короля на высокую огненную гору посреди ада, где Карл встретил и своего отца, погруженного в чан с кипятком (вверху в центре). Затем Карл был отведен в рай, где встретил своего дядю Лотаря с сыном (вверху слева). После смерти Карла Лысого двум клирикам привиделось, что со ступеней церкви Сен-Дени спускался его призрак в монашеском одеянии, приказавший похоронить его тело именно в этой церкви (внизу слева)

потомство семьи, насчитывавшей 10 детей¹²¹; из ряда воп выходящей представляется ему семья Ричарда Кулонса (Richard de Coulonces, умер 15 сентября 1125 г.), имевшая 15 взрослых детей — 11 сыновей и 4 дочерей¹²²; специально останавливается Ордерики также на семьях Ансольда Моли — 7 сыновей и 2 дочери и Вильяма Мулэна — 4 сына¹²³. Судя по генеалогии рода Géroie, воспроизводимой Ордерики в трех последующих поколениях, соотношение детей и родителей составляло: 25 : 11; 11 : 18; 18 : 16, т. е. в среднем 2,66 (против 1,15 по нашему подсчету)¹²⁴.

Было бы весьма интересно проверить численность детей в аристократических семьях по данным других французских хроник. Не располагая пока такими материалами, отметим, что имеющиеся для ряда областей Франции генеалогические данные об отдельных аристократических родах, как правило, превышают наши оценки. Так, в области Шартра среднее число детей на семью в таких родах составляло 4,2 ребенка в XI в., 4,7 в XII в.¹²⁵; в Шампани XII—XIII вв. и в Намюре XI—XIII вв. — 4,0—5,0¹²⁶; в Лотарингии XII в. — 3,6—5,0; в XIII в. — 3,9—4¹²⁷; в Пикардии в 1190—1210 гг. — 4,1; в 1210—1230 гг. — 5,5; в 1230—1290 гг. — 4,3; в 1250—1270 гг. — 3,4; в 1270—1290 гг. — 3,8 ребенка¹²⁸. Видимо, сокращалась и доля бездетных семей¹²⁹. Продуктивность брака и естественный прирост в среде французского рыцарства XII—XIII вв. были, как видим, довольно интенсивными.

Насколько отличалась от этой картины продуктивность брака (во всех его моделях) среди крестьянства? Для Иль-де-Франса и Фландрии XI—XII вв. решение этого трудного вопроса заметно продвинуто исследованием П. Ш. Габдрахманова¹³⁰. Ему удалось собрать около 50 крестьянских генеалогий, охватывающих до пяти-шести следующих друг за другом поколений общей численностью в несколько сот человек. (Для сравнения отметим, что по всей Северной Франции и Фландрии известно не более 20 рыцарских генеалогий этого же времени.) Крестьянские просопографические материалы отличаются неполнотой сведений о мужчинах, особенно в более ранних поколениях. По основательному мнению П. Ш. Габдрахманова, это объясняется тем, что феодальные собственники определяли социально-правовой статус своих зависимых крестьян преимущественно (или даже исключительно) по матери. Именно женская линия генеалогий оказывается здесь наиболее достоверной. Судя по ней, среднее число выживших дочерей, рожденных крестьянкой в течение жизни, было близко к двум, а общее число детей — соответственно к четырем. С учетом бездетности (или бесплодности) примерно 40% женщин, П. Ш. Габдрахманов оценивает отношение общей численности

взрослых детей к родительскому поколению в 1,2, т. е. чуть выше, чем исчисленное нами соотношение этих же поколений в рыцарской среде, а коэффициент (темп) ежегодного прироста — в 0,6—0,7% (или в 6—7‰) в год против наших оценок для знати в 0,54% (или 5,4‰) в год.

С этими данными полностью согласуются материалы по другим областям Франции. Так, в середине XII в. число выживших детей в крестьянских семьях составляло в Макона 4—6, в Нижнем Лангедоке 3—4; в конце XIII — начале XIV в. в пиренейских деревнях крестьяне имели в среднем по 4,5 выживших ребенка, в Нижнем Лангедоке — примерно столько же ¹³¹.

Приведенные здесь данные зондажей, касающиеся рождаемости в среде знати и крестьянства, разумеется, не следует абсолютизировать. Важно, однако, что эти зондажи дали примерно те же оценки, которые были получены для других областей Франции при использовании иных источников и иной методики их обработки. Тем самым подтверждаются и достоверность полученных результатов, и надежность использовавшихся методических приемов.

Касаясь нерешенных в этой сфере вопросов, упомянем прежде всего о недостаточной ясности социальных различий в рождаемости и выживаемости детей. Думается, в частности, что почти полное совпадение приводившихся выше цифр естественного прироста в среде аристократии и в среде крестьянства вряд ли отражает реальную картину. Наши подсчеты, касающиеся рыцарей и знати по данным Ордерика Виталия, воспроизводят, как подчеркивалось, заведомо заниженные показатели. Вполне вероятно, что в действительности рождаемость и выживаемость рыцарского потомства были выше, чем у крестьян: преимущества условий жизни детей аристократии не нуждаются в доказательствах.

Тем не менее было бы недопустимым упрощением напрямую связывать численность выживших детей с социальным статусом. Материальные преимущества сословного положения могли сплошь да рядом дополняться влиянием самых различных обстоятельств: экономических, политических, генеалогических, социально-политических и иных. Хорошо известны препопы, мешавшие в XI—XII вв. младшим отпрыскам рыцарей создавать семью ¹³². Им приходилось довольствоваться внецерковными браками. Эти последние — как и всякие менее престижные формы полового союза — были, вероятно, и менее продуктивными ¹³³, так что общая рождаемость оказывалась в этой прослойке более низкой. Но и в крестьянской и в городской среде брачная продуктивность и естественный прирост также не были везде сходными. Сильнее всего сказывался здесь, видимо, уровень зажиточности. На-

пример, в Фореze средние по имущественному положению крестьянские семьи имели 2—3 выживших ребенка, названных в заветах, а зажиточные — 7—8 детей¹³⁴. В Пикардии, судя по 3000 актам (отражающим, правда, не только крестьянские семьи), среднее число детей на детную семью возросло с 4,5 в 1100—1125 гг. до 5,0—5,2 в 1250—1300 гг.; с учетом же холостых и бездетных семей среднее число детей на «очаг» составляло на рубеже XIII—XIV вв. 2,25 ребенка (что соответствует соотношению, при котором детское поколение составляло в целом 125% родительского)¹³⁵.

Сравним все эти данные с теми, которые были получены для IX в. (см. гл. 2). Соотношение детского и взрослого поколений (взятое в обоих случаях в минимальной оценке) изменилось самое малое на 10—20% (достигнув 115—125% против 105%). Среднее число выживших детей на детную семью увеличилось (опять-таки по минимальным оценкам) с 2—3 до 3,5—5,2 ребенка. Ежегодный естественный прирост поднялся (по таким же оценкам) с 0,1 до 0,5—0,7%. Эти цифры говорят, что называется, сами за себя.

Анализируя связь демографического роста XI—XIII вв. с конкретными условиями воспроизводства населения, обратим прежде всего внимание на величину интервала между рождениями очередных детей (так называемый интергенетический период). Как отмечалось выше, в раннее средневековье этот интервал и у крестьян, и у знати составлял не менее двух лет¹³⁶. Не связан ли высокий уровень брачной продуктивности в XII—XIII вв. с сокращением интергенетического периода? По отношению к знати на этот вопрос следует ответить утвердительно. Известно, что с XI в. распространяется практика использования в аристократических семьях кормилиц¹³⁷. Это не только сокращает период аменореи для матерей, но и улучшает возможности выхаживания новорожденных. Ведь если очередной младенец родился, когда его предшественник еще не был отнят от груди, то жизнь обоих оказывалась под угрозой. Использование кормилиц, несмотря на связанные порою с этим опасности, во многом решало проблему. (Случайно ли средний интергенетический период у Бланки Кастильской — матери 12 детей — составлял 15 месяцев, а у ее невестки Маргариты Провансальской, родившей 11 детей, — 19 месяцев вместо обычного интервала 24—36 месяцев в раннее средневековье?¹³⁸) Использование кормилиц вряд ли было доступно в XII—XIII вв. кому-либо, кроме знати. Во всяком случае увеличению числа выживших детей у основной массы крестьян и горожан следует искать иное объяснение.

О роли изменений во взглядах на ребенка и в родительской заботливости уже говорилось. Рассмотрим теперь влияние изме-

нений в социальном статусе женщины. Специфика ее общественного положения в XI—XIII вв. интенсивно обсуждалась в медиевистике последних десятилетий.

Одним из начальных импульсов дискуссии стала гипотеза, выдвинутая американской исследовательницей Э. Коулмен. Согласно Коулмен, рост сельскохозяйственного производства в XI в. именно потому обеспечил рост населения, что, сняв проблему «лишних ртов», покончил с искусственным ограничением численности лиц женского пола и тем обеспечил увеличение рождаемости¹³⁸.

По мнению другого американского специалиста Д. Херлихи, все полуторычелюлетие с VIII по XII в. отмечено в Западной Европе тенденцией к укреплению социального положения женщины. Эта тенденция сказывалась во всех социальных классах и затрагивала многие социальные сферы; в основе ее лежала повсеместная численная нехватка женщин, вызванная меньшей продолжительностью их жизни; но лишь в XIII—XV вв. по мере сокращения частных войн и разбоя (особенно губительных для женщин) и вследствие развития в городе и деревне хозяйственных отраслей, в которых женщины могли участвовать, не подвергая себя физическому перенапряжению, уменьшается риск ранней смерти для женщин, увеличивается продолжительность их жизни и возрастает их общая численность. Однако в судьбе женщины этот численный рост сыграл, по мнению Херлихи, роковую роль: повсеместно произошло падение их социального престижа и резко ухудшилось их правовое положение¹³⁹.

Иную концепцию выдвинул Р. Фоссье. По его мнению, укрепление социального престижа женщины начинается лишь с феодальной (сеньориальной) революции XI в. и усиливается по мере роста населения и обособления малой семьи в XII — первой половине XIII в. Исчезновение в то время остатков полукочевого быта, прочное оседание на землю и главное — становление и укрепление таких социальных и хозяйственных ячеек, как «дом», «деревня», «приход», «община» (так называемое *l'encelulement*), предполагало закрепление за женщиной ряда ключевых хозяйственных и культурных функций — как у апат, так и у крестьян; в числе этих функций: «ведение дома», непосредственное распоряжение питанием семьи и обеспечение ее одеждой, воспитание малых детей, культ умерших предков, сохранение родовых реликвий, поддержание в семье необходимого морально-психологического континуума¹⁴⁰. В течение XI — первой половины XIII в. численность женщин заметно уступала численности мужчин: на 100—110 мужчин приходилось лишь 90—95 женщин; свидетельством такого перевеса служит меньшая частота упоминаний о женщинах в источниках XI—XIII вв.; причина же чис-

ленного неравенства полов — в повышенной смертности женщин при родах¹⁴². Все это, вместе взятое, повышало престиж женщины, позволяло ей играть главную роль в цементировании супружеской семьи, обуславливало ее важное значение в формировании цивилизации XI—XII вв. в целом. В итоге Фоссье считает возможным говорить о «тайном матриархате» во Франции XI—XII вв.¹⁴³ Как полагает Р. Фоссье, лишь в середине (или конце) XIII в. численность женщин «обгоняет» численность мужчин, что одновременно ухудшило их социальный статус.

Еще одну трактовку эволюции женского статуса содержат работы некоторых урбанистов. По их мнению, улучшение общественного положения женщины в Западной Европе всего заметнее не в X—XI и не в XII — начале XIII в., но к концу XIII в.; объяснялось оно тем, что в быстро растущих городах того времени заметно расширилась правоспособность женщин; им предоставлялись права наследования недвижимости, права свидетельствования, возможность быть членами цехов и магистратов¹⁴⁴.

Все охарактеризованные концепции рождает решительный пересмотр преобладавшего в предшествующей историографии представления о всеобщей дискриминации и принижении женщины в раннее и классическое средневековье. Известная оправданность этой тенденции (совпадающей с общей тенденцией мировой историографии к отказу от недооценки роли женщины в истории) не дает, однако, оснований пройти мимо явной противоречивости приведенных концепций. Попробуем самым кратким образом очертить наиболее достоверно устанавливаемые изменения в статусе женщины и его оценке современниками во Франции XI—XIII вв.

В начале рассматриваемого периода — в XI в. — во всех слоях французского общества явственно проступала дискриминация женщины. В сочинениях богословов безраздельно господствовали антифеминистские суждения, подчеркивалась особая приверженность женщины к греху, отмечалась необходимость мужской опеки над ними; непричастность клириков к повседневному общению с женщинами рассматривалась как одно из свидетельств их превосходства над всеми мирянами¹⁴⁵. В светской модели мира приниженность женщины в XI в. также не вызывает сомнений. И в рыцарской, и в крестьянской среде почти повсеместно победил тогда агнатический счет родства, земля наследовалась преимущественно по отцовской линии. Для социокультурной оценки женщин поучительно, что с появлением второго имени (prenom) и жена, и дети нарекаются «фамилией» мужа и отца; в грамотах, касающихся крестьян, имя жены все чаще вовсе опускается¹⁴⁶. Что касается аристократии, то здесь падение женского престижа усугубляется ограничениями на браки для младших

отпрысков разросшихся родов: рост числа благородных девиц, не находивших равной партии, увеличивал число внецерковных браков, усиливая чувство неполноценности у самих женщин и пренебрежительное отношение к ним со стороны окружающих.

Подобные оценки женщины в рыцарской среде начали уступать место более позитивным лишь в следующем XII в., в частности в связи с резким ростом числа церковных браков рыцарей. Этому способствовало, с одной стороны, более широкое использование при обзаведении семьей рептных фьефов, а с другой — укрепление престижа церковного брака, обеспечивавшее женщину большую надежность семейного союза. Не случайно, в ла Марии Французской превозносится именно эта форма брака, которая открыто противопоставляется «бесстыдному» конкубинату или куртуазной любви¹⁴⁷. И хотя ни в XII, ни в XIII в. последним не суждено было исчезнуть, все большее распространение формально нерасторжимого церковного брака и связанной с ним моногамной семьи, несомненно, стабилизировало положение женщины. Особенно это касалось ее положения внутри семьи. Обширные права хозяйки дома, справедливо подчеркивавшиеся Р. Фоссе, приобретали отныне особую важность и стабильность, которые, конечно же, повышали престиж женщины. Естественным следствием этого могло быть изменение психологического климата в семье, благоприятное для осуществления материнских функций женщины, и в конечном счете улучшение условий для выхаживания малолетних детей.

Этот же процесс повышения престижа женщины — хозяйки дома затронул и крестьянство. Помимо распространения церковного брака, этому способствовали внутренние колонизация, облегчавшая обособление новых семей, а также освобождение крестьянства. Поскольку оба эти процесса охватывали не только XII, но и XIII столетие, относительное укрепление статуса женщины в крестьянской семье могло стать более длительным и надежным.

Сакрализация брака и общепризнанность воспитательных функций женщины в семье сказались и на суждениях авторов дидактических сочинений XII в.¹⁴⁸ Несмотря на сохранение в них антифеминистских высказываний¹⁴⁹, появляются, например, попытки рассматривать самые недостатки женщины как исполненное богом средство нравственного совершенствования мужчин. Эта идея центральная в доктрине созданного в начале XII в. во Франции ордена Фонтевро. Основатель ордена Робер д'Арбрисель предписывал совместное существование мужских и женских монашеских общин и подчинение первых вторым¹⁵⁰. По мысли д'Арбриселя, это должно было стать для мужчины школой подавления плоти, школой аскезы и искупления греховности. В этой

доктрине исходным мотивом оставалась забота о душевном спасении мужчины, но и оценка социально-культурной роли женщины здесь имплицитно повышалась.

В еще большей мере то же самое можно сказать о куртуазном культе дамы в XII в. Как бы ни оценивать общекультурный подтекст куртуазной литературы XII в. — в плане ли свидетельства явного улучшения социального статуса благородной женщины¹⁵¹, в плане ли «сублимации мужского презрения» к ней (как к объекту «завоевания» мужчиной)¹⁵², — ведущей линией рыцарского поведения, отраженного в этой литературе, является нравственное самоусовершенствование рыцаря, измеряемое степенью благосклонности дамы. Но признание за женщиной роли формального судьи мужских деяний не могло не подразумевать утверждение ее авторитета, хотя бы в «мире воображения», воплощавшемся в рыцарской литературе того времени¹⁵³. Впрочем, и за пределами «мира воображения», в реальной действительности XII в. благородная дама могла порой выступать как сюзерен и даже посвящала иногда юных воинов в рыцари¹⁵⁴.

Констатируя отдельные благоприятные для женщины изменения, не следует терять общей перспективы; дальше отдельных, более или менее частных нововведений дело в XII в. не пошло. Ни в светской, ни тем более в церковной модели мира не было и речи об уравнивании мужчины и женщины. Несовершенство женской природы и заложенное «от века» верховенство мужчины над женщиной остаются общепризнанными во всех общественных слоях и подчеркиваются и церковными и светскими писателями. Именно общеприятность дискриминации женщины делала особенно заметными отдельные сдвиги. Почти все они касались сферы «частной жизни» и потому могли оказать лишь небольшое влияние на оценки современниками общественного статуса женщины. Ожидать в этих условиях равномерного отражения в современных памятниках деяний мужчины и женщины не приходится. Соответственно нет оснований видеть в частоте их упоминаний адекватное отражение их численности. Но и предполагать открыто пренебрежительное отношение к сохранению жизни поворожденных девочек в семьях, где женщина-мать пользовалась ныне возросшим авторитетом, вряд ли правомерно.

Что изменялось в XIII в.? Пожалуй, наиболее заметно усиливающееся столкновение противоположных тенденций в подходе к статусу женщины. С одной стороны, продолжают выступать против крайностей в социально-культурной дискриминации женщин. Так, в правоучительном диалоге отца и сына (середина XIII в.) констатируется: «Женщина не должна быть ни головой (*la teste*) для мужчины, ни его подножием (*ni des piez*); она должна быть наравне с ним; не надо превращать ее ни в госпожу

над ним (*dame par desus lui*), ни в его подчиненную (*sa baasse*), которой можно помыкать»¹⁵⁵. Еще резче выражает эту мысль Рамон Лулий, подчеркивающий, что «муж должен служить (*servir*) своей жене, как жена служит (*serve*) мужу и как они оба служат Богу». Правда, тут же оговаривается еще особая «служба» жены своему супругу, для плоти которого она играет ту же роль, что и другие его органы (*aussi con les membres sont estruments ordenez a servir ton cors, aussi ta femme est ordenee a servir le tien cors*)¹⁵⁶. Сходным образом Робер де Блуа, писатель середины XIII в., в поэме, обращенной к благородным мужчинам, призывает их не говорить о жепщинах плохо, не хулить их зря, не забывать, что все люди рождены и вскормлены ими и т. д.¹⁵⁷ Даже если считать нелед за Р. Фоссье, что все благосклонные по отношению к жепщинам высказывания писателей XIII в. представляют лишь «исключение», сам факт их существования вряд ли может быть сброшен со счетов¹⁵⁸. Это же касается и усиления в XIII в. маринских культов¹⁵⁹, и появления лародийных текстов, в которых мужчины рожают, а жепщины коюют, так что функции тех и других в перевернутом виде как бы отождествляются¹⁶⁰. Полностью признается трудовая деятельность жепщины. В некоторых руководствах для исповедников, составленных на рубеже XII—XIII вв., даже проституция трактуется как вид «труда», хотя и постыдного¹⁶¹.

С другой стороны, тенденция противопоставлять мужчин и жепщин по их общественным правам и функциям в XIII в. сказывается еще резче, чем в предыдущем столетии. Тот же Робер де Блуа рассматривает припженность и несовершенство жепщины как непереложный факт, влияние которого можно уменьшить, но не устранишь. Этим, собственно, и объясняется создание им двух параллельных воспитательных трактатов: одного для мужчин, другого для жепщин. В первом, именуемом «Обучение господ», трактуются основные вопросы бытия и важнейшие добродетели и пороки, во втором — «Целомудрие дам» — перечисляются конкретные формы дозволенного и недозволенного поведения жепщин. Видимо, автор исходит из того, что сами жепщины (в отличие от мужчин) не имеют никакого представления о дозволенном и недозволенном и не обладают никакими сдерживающими центрами. Чего, например, стоят рекомендации жепщинам не «оголяться», не разрешать другим прикасаться к их телу и губам, не слишком много есть и пить, не останавливаться перед окнами чужих домов, не «завираться» и т. д.¹⁶²

В том же духе построены и советы Филиппа Новарского по воспитанию девушек. В отличие от юппей девушек не следует, например, учить чтению и письму (если только им не уготована судьба монахини), так как это ведет лишь к греховным увлече-

ниям. Если мужчине нужны и куртуазность, и храбрость, и ум, и *largesse*, то для благополучия женщины, пишет Филипп, достаточно плотской и нравственной чистоты¹⁶³. Общеизвестна анти-феминистская направленность монашеских сочинений XIII в.¹⁶⁴ Ничего подобного монашескому ордену Робера д'Арбриселя теперь не могло бы существовать.

Не исчезает в XIII в. и правовая дискриминация женщины. В правилах наследования имущества агнатический принцип владел и для крестьян, и для благородных¹⁶⁵. Даже по отношению к собственным родителям взрослые сыновья и дочери обладали разными привилегиями¹⁶⁶. Вдовы отец или мать были обязаны подчиняться старшему из сыновей¹⁶⁷. В общем, несмотря на противоречивые тенденции в изменении статуса женщины в XI—XIII вв., в течение всего этого периода в той или иной форме сохраняется уничижительный подход к женскому полу в целом. Это важно иметь в виду, в частности, при оценке количественной информации, содержащейся о женщинах в ряде памятников того времени. Не только в «Историях» или хрониках, но и в актах и даже в поминальных документах нет какой бы то ни было равномерности в описании мужчин и женщин. Последние упоминаются гораздо менее последовательно¹⁶⁸. Поэтому выводы о меньшей численности лиц женского пола, опирающиеся на такие источники, нельзя считать сколько-нибудь надежными.

Однако социокультурная дискриминация женщины не ставила под сомнение их расширившиеся привилегии в домохозяйствах. Соответственно увеличивались и возможности женщины-матери в выхаживании младенцев (обоих полов!), в удовлетворении их потребностей, в обеспечении их здоровья и жизни.

Как видим, улучшение выживания детей (столь важному для роста населения во Франции XI—XIII вв.) способствовал ряд обстоятельств. Среди них — помимо более благоприятных, чем раньше, материальных условий — постепенное укрепление брачно-семейных структур, упрочение статуса женщины внутри семьи, прогресс в осмыслении детства и родительских обязанностей.

4. Смерть и смертность. Продолжительность жизни

На рост населения в XI—XIII вв. могло влиять, естественно, не только сокращение детской смертности, но и увеличение продолжительности жизни взрослых. Обращаясь к изучению этого вопроса, остановимся вначале на представлениях современников о старости и смерти¹⁶⁹. «Не надо страшиться смерти, — писал в

конце XIII в. Рамон Лулий. — Предвидеть, когда она придет, невозможно; избежать ее нельзя; заботиться надо лишь о спасении души, ибо страшна не смерть тела, но погибель души»¹⁷⁶. Тот же мотив находим в поучении Людовика IX своему сыну Филиппу III: «Если Господь пошлет тебе болезнь или иное испытание, переноси их с достоинством и благодари Господа, ибо ты должен знать, что это дается тебе во благо»¹⁷⁷.

Смирение перед болезнью и смертью — общее место и во многих других сочинениях ортодоксального христианского толка. Их авторы — богословы и теологи — подчеркивали ничтожность любых земных событий — включая старость или смерть — на фоне вечности и неподвижности небесного времени¹⁷⁸. В некоторых богословских комментариях к библейским псалмам воззрения такого рода определяли отношение и к длительности человеческой жизни. Так, по словам Анонима из монастыря Лонгмани (около 1300 г.), человек не должен мечтать о долгой жизни: ведь в старости немощность мешает должным образом служить Богу¹⁷⁹.

Отличие рассматриваемого периода состоит, однако, в том, что наряду с подобными представлениями, отражавшими некий традиционный пласт в христианской картине мира, даже в теологических текстах XII—XIII вв. обнаруживаются порой и совсем иные суждения. Так, в комментарии Ива Шартрского (середины XII в.) на псалом 54—24, как и в ряде других французских экзегетических текстов того времени акцентируется мысль о связи длительности жизни и праведничества: господнее благоволение проявляется в ограничении невзгод старости; наоборот, у тех, кто грешит, кто не спешит покаяться, жизнь укорачивается¹⁸⁰. Здесь иная логика, чем в приведенных выше высказываниях: земная жизнь выступает не столько как преддверие потустороннего вечного блаженства, сколько как самоценность, которую можно продлить праведным поведением. Это предполагает возможность и оправданность забот о сохранении жизни.

Видимо, не случайно в церковных предписаниях XII—XIII вв. усиливается внимание к больным. Так, согласно постановлениям некоторых северофранцузских провинциальных соборов XII—XIII вв., на священников возлагается обязанность строже следить не только за тем, чтобы ни один христианин не умер без покаяния и последнего причастия, но и за тем, чтобы ни один «лежачий больной» не остался без должного пастырского утешения и наставления, как и поддержки всего прихода. Перед тем как надолго уехать, кюре предписывается навещать больных своего прихода¹⁸¹. Узнав о заболевшем, священник обязан исповедать его, затем созвать колоколом прихожан, отслужить молебен, при котором каждый пришедший произносит по спасение

больного те молитвы, «которые он знает», а затем возглавить «крестный ход»¹⁷⁶.

На первом плане остаются, разумеется, врачевание духовное и забота о душевном спасении. Но сам факт специальных забот о больных, разрешение для них повторного миропомазания¹⁷⁷, привлечение к их судьбе внимания всех прихожан обнаруживают, что болезнь, выздоровление, жизнь, смерть все заметнее обретают в церковных воззрениях как бы двойной смысл; они выступают не только как явления, подготавливающие уход в «лучший мир», но и как очень важные события посюсторонней жизни. В этом сказывалось, вероятно, «давление» на церковные воззрения соответствующих умонастроений самих прихожан.

Другое свидетельство таких умонастроений — эволюция взглядов на загробное существование. Как известно, в XII в. «строение» загробного мира, каким оно предстает в сочинениях церковных писателей, заметно «уточняется», в частности за счет признания чистилища особым его «отсеком». Сам этот факт уже получил должную оценку в литературе. Отмечалась его связь и с общей социальной перестройкой, и с традиционными и новыми элементами обывденного сознания¹⁷⁸. Меньшее внимание привлекало осмысление этого факта с точки зрения демографических представлений. Между тем укоренение веры в чистилище опосредованно предполагало не только обостренное внимание рядовых прихожан к возможности справедливого «возмездия» за земные дела. В этом явлении могли, кроме того, отражаться усиление рефлексии над самым фактом смерти, рост смутения перед ней. Думается, не было случайным совпадение во времени упадка монашеского идеала ухода из мира, усиления страха перед телесной смертью и увеличения внимания к земным радостям. Все эти явления, так или иначе запечатленные в вероучительных произведениях XII в., были, вероятно, порождением одной и той же тенденции — усиливающегося признания самоценности жизни. Но эта тенденция неразрывно связана с растущим отказом от пассивного, фатального восприятия смерти, смирение перед ней уступает место идее активного противодействия и ей, и вообще всякому телесному страданию.

Особенно это заметно в светской модели мира. Так, уже в XII—XIII вв. — задолго до массовых эпидемий XIV в., с которыми связывают обычно обострение интереса к теме смерти, — она все чаще обсуждается в литературных произведениях. Рождаются новые литературные жанры. Один из них — «стихи о смерти». Непосредственным поводом для создания этого жанра послужили крестовые походы. Размышления над судьбами их участников заставляли поэтов сопоставлять две концепции смерти: традиционную церковную, согласно которой земная жизнь есть

лишь приготовление к телесной смерти и душевному спасению, и противостоящую ей — светскую, получающую в то время особенно явную поддержку в среде городского населения.

Суть этой второй концепции, обсуждаемой, в частности, в стихах о смерти *Hélinant de Froimont* (конец XII в.), — в акцентировании земных радостей: чувственной любви, светских развлечений, запятый искусством и литературой. Автор — трувер, прижавший монашеский постриг, — призывает отказаться от этих «преходящих» радостей ради «вечных». Но его аргументация выдает больший интерес к земной судьбе индивида, чем к потустороннему миру¹⁷⁸. Особенно ясно выступает это из сочинений *Jean Bodel* и *Baude Fastoul* (рубеж XII—XIII вв.) — аррасских труверов, знавших, что из-за неизлечимой болезни (проказы) их дни сочтены. Противопоставление немощи больного тела и недоступных ныне земных радостей, воспроизводимых памятью поэта, выступает в таких стихах очень остро: «В моем сердце переплетены печаль и радость / Смех и [тягостные] вздохи, песнь и плач. / В уме и в мыслях / я поглощен то тем, что [здесь] внизу, то тем, что [там]верху. / Тело мое исчезает, душа — переживает...»¹⁸⁰ Еще определеннее позиция французского поэта Адама из Халле (конец XIII в.). Его главную душевную драму составляет не реализуемая, но тем не менее неискоренимая приверженность к куртуазной любви¹⁸¹. Думается, вполне прав Ж. Байен, констатирующий, что французские «стихи о смерти» XII—XIII вв., особенно те, что принадлежат городским писателям, пронизаны «ностальгией по земному счастью»¹⁸².

Сходные настроения характерны и для произведений другого литературного жанра — погребальных плачей, создававшихся во Франции с начала XIII в. в связи с все более усложнявшейся процедурой похороں вельможных особ. Само возникновение таких сочинений означало своего рода вызов давней традиции ограничивать время траура (поскольку смерть телесная открывает дорогу к загробному блаженству)¹⁸³. Правда, тенденции к превращению траура по умершему в пожизненный для его родственников модус побеждает лишь в XIV в., но уже в предыдущем столетии в погребальных плачах и произведениях «на смерть» того или иного вельможи обнаруживается характерная тенденция. Смерть изображается не столько как предвестник (или «момент свершения») последнего суда¹⁸⁴, сколько как момент расставания с земными радостями. Поэтому, по наблюдениям Кл. Тири, в рассуждениях авторов XIII в. о смерти порою громче, чем страх перед ней, звучит печаль, которую испытывают к ней живые¹⁸⁵. Появляется даже мотив подчеркивать бессилие смерти перед человеческой памятью, способной предотвратить забвение усопшего и в этом смысле «победить» смерть.

На базе этих новых представлений формируется и зрительный образ смерти. Со второй половины XII в. она изображается в виде вооруженного косой безобразного полусгнившего мертвеца или скелета, пешего или конного; этот образ, вызывающий и страх, и отвращение, обособляется, однако, от изображения смертных грехов, каждый из которых обретает собственную символику¹⁸⁶. Видимо, прав К. Блюм, видящий в этой иконографической эволюции свидетельство превращения смерти из «зеркала греха» в «зеркало самой себя»¹⁸⁷. В результате наступало некое «азаемление» смерти, которую переживали теперь в большей мере как конец земных радостей, чем как богоустановленный переход в лучший мир.

Все это свидетельствует о растущем признании самоценности земной жизни. Укореняясь в обыденном сознании, подобные умоастроения накладывали свой отпечаток и на семантику светских и церковных сочинений, и на непосредственное поведение масс. Подтверждением этого служит и завещательная практика. Раньше всего составление завещаний распространяется в Южной Франции — «стране писаного права». Здесь завещания обычны не только для зажиточных горожан и аристократов, но и для крестьян и даже для людей, официально числившихся нищими или бродягами¹⁸⁸. Первые завещания известны с конца XII в., массовый же характер они приобретают, например, в Провансе, в период с 1270 до середины XIV в., т. е. еще в предчумное время¹⁸⁹.

Анализ завещательных распоряжений этого периода, составленных в Провансе, убедил Ж. Шифолё в заметном изменении восприятия смерти по сравнению с периодом IX — начала XI в. (для которого были, как известно, типичны массовые дарения «во спасение души»). Текст завещаний обнаруживает прежде всего возросшую независимость индивида, решающего судьбу своего имущества без характерного для раннего средневековья «*landatio parentium*». Традиционный похоронный обычай, которому старались следовать раньше, вытесняется ныне конкретным волеизъявлением завещателя. Оно касается и имущественных вопросов, и места захоронения, и ритуала похорон. И хотя яснее всего такие изменения обнаруживаются в завещаниях послечумного периода, их предвестники заметны и до его начала. Судя по подтексту завещательных распоряжений, человек того времени больше боялся внезапной смерти, лишаящей возможности должным образом уладить земные дела, чем Страшного суда. Уже в 30-е годы XIV в. в завещаниях становятся обычными упоминания о факельных похоронных процессиях, об использовании особых погребальных тканей (преимущественно, белых), о привлечении в похоронные шествия возможно большего числа кли-

риков и «бедных»; еще раньше — в 1180—1220 гг. — получает распространение обычай строить семейные гробницы¹²⁰.

Внимание, которое уделяется в этих завещательных распоряжениях похоронному ритуалу, отражает, на наш взгляд, изменение не только в восприятии смерти. Оно явным образом связано с изменениями в общей системе ценностей. Земные почести бренному телу теснят ныне заботы о потустороннем блаженстве. Подобный сдвиг, выступающий, правда, пока лишь как тенденция, определялся рядом обстоятельств. Очевидна его зависимость от роста самооценности земной телесной жизни¹²¹. Сложнее уловить его связь с перестройкой родственных структур, на что справедливо обращает внимание Ж. Шифолё: все более глубокое обособление малой семьи лишало ее поддержки широкого круга родичей; особенно заметно сказывалось это в городах, где значительная часть населения состояла из недавних иммигрантов, лишенных родственных корней; городская супружеская семья не могла рассчитывать на посмертные (или иные) заботы родственников. Распад прежних структур родства был в этом смысле и предпосылкой, и следствием индивидуалистических тенденций¹²². А рост этих последних *ipso facto* концентрировал внимание на телесной жизни индивида.

Очерченные представления о жизни и смерти во Франции XII—XIII вв. (при всей их фрагментарности) проливают некоторый свет, в частности, на особенности самосохранительного поведения. Фатализм и пассивность по отношению к болезни и смерти явным образом не были ныне господствующими. Если убеждение в самооценности телесной жизни все чаще проникало даже в церковные тексты, если оно находило эксплицитное выражение в текстах юридической практики (завещания) и в светской литературе, то вряд ли можно сомневаться, что и в повседневном обиходе люди разных слоев и классов стремились в меру сил сберечь и продлить жизнь, победить болезнь, избежать смерти. Это обнаруживает очевидную неприемлемость тезиса Ф. Ариеса о «безмятежном» принятии смерти людьми древних эпох¹²³. Но дело не только в этом. Рассмотренные выше данные позволяют, на наш взгляд, говорить об определенной активизации в XII—XIII вв. самосохранительных настроений¹²⁴.

Эта тенденция особенно показательна, поскольку складывалась она в период относительного экологического оптимума. Время массовых эпидемий, как и векового ухудшения климата, еще не наступило. Видеть в распространении самосохранительных умонастроений реакцию на подобные катаклизмы не приходится. Рост этих настроений во Франции XII—XIII вв. имеет совсем иные корни. Он мог быть связан с реальным улучшением возможностей для prolongации жизни, для предотвращения летального

исхода болезней, для борьбы с преждевременной смертью. Иными словами, рост отмеченных настроений, возможно, отражает реальное увеличение продолжительности жизни. Ведь в конкретных условиях XII—XIII вв. (т. е. в период отмеченного экологического оптимума) представлениям об оправданности самосохранительного поведения могло, кроме всего прочего, способствовать и само сокращение смертности, вселявшее надежду на возможность благоприятных сдвигов в этом отношении.

Гипотетичность высказанного суждения очевидна. Обратимся к его проверке. (Не упустим, однако, из виду, что без соответствующих умонастроений борьба за увеличение продолжительности жизни не смогла бы стать реальностью.)

Первое, что отметим, — это наличие в источниках XII—XIII вв. более обширной информации о болезнях и попытках их лечения. Как известно, именно в эти столетия во Франции получает распространение обряд «исцеления» королями золотушных больных¹⁹⁵. Золотуха (скрофулез) — одна из наиболее часто упоминаемых средневековых болезней. Под этим названием фигурирует широкий круг заболеваний, общими для которых были кожные нарушения: диатез, туберкулез кожи, экземы, фурункулез, лимфатические заболевания и др. Судя по контингенту золотушных больных, совершавших паломничество к «королям-целителям», можно предполагать, что эти болезни особенно часто поражали простолюдинов. С середины XIII в. «исцеление» золотухи становится одной из обязательных функций Капетингов¹⁹⁶. М. Блок справедливо видел в этом как следствие немаловажных изменений в народных представлениях о правах и возможностях королей, так и результат их социально-политического усиления¹⁹⁷. Не исключено, однако, что, объясняя возникновение этой королевской прерогативы в XII—XIII вв., надо принять во внимание и изменение массовых воззрений на болезни. Хотя физическая сила (и здоровье) всегда высоко ценились, представление о возможности и необходимости борьбы с золотухой не было извечным. Не объяснялось ли использование «чудотворной силы» королей против золотухи общей активизацией противодействия болезням в это время?

Обращает на себя внимание и тот факт, что современники — и хронисты, и романисты, и простолюдины — пристально вглядываются в болезни, описывают их симптомы, приводят их названия¹⁹⁸. Начиная с рубежа XI—XII вв. уделяется специальное внимание святым, «помогающим» при исцелении от той или иной болезни — лихорадки, эпилепсии, а также чудодейственному избавлению от врожденных заболеваний¹⁹⁹ и т. п. Одновременно предпринимаются попытки использовать предписания древних о необходимом соотношении в человеческом организме

«холодных и горячих», «твердых и жидких» консистенций; развиваются идеи так называемой гуморальной патологии²⁰⁰. На этой основе вырабатываются рекомендации о лечении больных, об использовании различных настоек и сиропов²⁰¹. Одним словом, в XII—XIII вв. прослеживается своеобразный «медицинский» бум. Укореняется представление о возможности и необходимости лечения заболевшего человека²⁰². Наоборот, внезапная смерть воспринимается как нечто подозрительное: поэты считают ее символом проклятия; умерших такой смертью порой лишали церковного погребения²⁰³. Не имело ли все это своей подоплекой какие-то сдвиги в уровне смертности среди взрослых, в обычной продолжительности жизни?

Одним из свидетельств таких сдвигов следует, возможно, считать усиление в XI—XIII вв. внимания к старости, старческим недугам и старым людям вообще. Как отмечалось выше, в VIII—IX вв. мало кому удавалось дожить до внуков. Деда, бабки и вообще старики упоминались в источниках того времени редко. В XII—XIII вв. положению до некоторой степени изменяется. Выше уже приводились тексты, в которых говорится как о само собой разумеющемся о наличии в семьях знати бабок и дедов, об их участии в воспитании малышей, об их «чрезмерной любви» к внукам и т. п.²⁰⁴ Тема старости становится обычной и в правоучительной, и в художественной литературе. Вырабатывается определенный стереотип изображения стариков. Он предполагает сочетание двух противоположных оценок. С одной стороны, признается необходимость уважительного отношения к старым людям, с другой — констатируется их немощность, и притом не только физическая, но и интеллектуальная.

Так, Филипп Новарский называет среди обязательных достоинств «молодости» (*jovent*), начинающейся с 20 лет, умение прислушаться к совету более опытных и мудрых; ссылаясь на роман о Ланселоте, он призывает молодых следовать совету одного из героев этого произведения Кретьена де Труа и не высказывать в Совете своего мнения, пока не высказались «самые мудрые и самые старшие» (*sages et li plus meür*)²⁰⁵. Однако этой сентенции Филипп Новарский предпосылает текст, в котором констатируется, что уже среди людей среднего возраста (*moien age* — от 40 до 60 лет) встречаются частично утратившие то, за что ценят зрелого человека (*cil dou moien aage sont ja ampirie, et auques resceü et remeis en partie de ce qu'il sorent et valurent*); это, продолжает Филипп, люди, выжившие из ума, потерявшие память, забывшие то, что знали, впавшие в детство (*revenu en enfance*). Они плохо сознают, что делают, и не понимают, где добро, а где зло²⁰⁶.

Еще более отталкивающий образ старости (без уточнения ее

возрастных границ) встречается в Романах о Розе, в повести Оксен и Николлетта и других произведениях XIII в.²⁰⁷ Особенно часто обсуждается в них тема старческого сладострастия. Так, в известном трактате Андрея Капелана «О любви» (около 1185 г.) отмечается, что мужчины после 60 лет и женщины после 50 лет неспособны к любви: они «утрачивают естественное тепло своих тел и свои силы... что вызывает различные расстройства здоровья и разные болезни»²⁰⁸; у них не остается в жизни никаких радостей, кроме еды и выпивки. Столь же резко высказывается и Рамон Лулий. Осуждая все формы сластолюбия и похоти, он замечается, что этот порок тем отвратительнее, что не может сам собой умереть в старости. «Некоторые старики остаются сластолюбцами, несмотря на то что они не могут из-за немощности тела и старости удовлетворять свои сладострастные желания»²⁰⁹.

Думается, что само внимание к проблемам старости в трактатах XII—XIII вв. намекает на увеличение доли пожилых. Видимо, пожилые люди — 50- и 60-летние — не были тогда абсолютным исключением. Иначе зачем бы потребовалось обсуждать (и осуждать) грехи и недуги стариков?

Случайно ли, что в ряде памятников XI—XIII вв. встречается немало данных об активно функционирующих людях пожилого возраста? Материалы этого рода собраны в недавней работе молодого французского исследователя Г. Минуа. Оспаривая мнение М. Блока и некоторых современных медиевистов, автор доказывает неоправданность чересчур пессимистических суждений на этот счет. Минуа ссылается, в частности, на относительное обилие 60-летних и даже 70-летних людей в среде высшей церковной иерархии и клира в целом, на преклонный возраст едва ли не всех наиболее авторитетных теологов и богословов того времени (Аллен Лильский умер в возрасте 75 лет, Гийом из Шанпо — в 71 год, Гийом Конинский — в 74, Гийом де Сеп-Амур — в 70 лет; среди римских первосвященников XI—XIII вв. большинство также перевалило за 60—70 лет)²¹⁰. Сходной была картина и среди светской аристократии. Так, по генеалогическим данным, собранным О. Форст-де-Баталья, среди 82 предков Людовика IX, возраст которых известен, 30 человек достигли 60-летнего возраста или даже намного превзошли его²¹¹. Средний возраст королей из династии Капетингов достигал 56 лет²¹².

Вправе ли мы, однако, распространять эти наблюдения за пределы высшего эшелона светской и церковной аристократии? Конкретные данные о продолжительности жизни во Франции XI—XIII вв. встречаются чрезвычайно редко. Найти их удастся, в частности, в просопографических материалах о рыцарстве. Они касаются, естественно, только взрослого населения. Но именно

оно нас здесь и интересует. Какова была средняя длительность предстоящей жизни у рыцарей, достигших 15—20 лет? Изучая этот вопрос, мы проанализировали просопографические материалы об участниках Четвертого крестового похода, собранные Ж. Лоньоном²¹³.

Точное число участников Четвертого крестового похода, как известно, не установлено. В первый «перевалочный пункт» на пути к Константинополю — Венецию — прибыло из областей, ныне входящих во Францию, примерно 1500—1800 рыцарей. До Константинополя добрались далеко не все, хотя некоторые крестоносцы прибыли туда и минуя Венецию. Лоньону удалось установить данные о 271 французском крестоносце, включая выходцев из Иль-де-Франса, Нормандии, Пикардии, Фландрии, Шампани, Прованса и Бургундии. Это число почти вдвое превышает число рыцарей, прямо упомянутых в известных мемуарах Жоффруа Виллардуэна и почти в 5 раз — число рыцарей, описанных Робером де Клари. Тем не менее по отношению к общему числу участвовавших в походе французских рыцарей оно составляет малую ($\frac{1}{2}$ или даже $\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{12}$) часть²¹⁴.

В первую очередь сохранившиеся просопографические данные охватывают, естественно, более крупных сеньоров, уцелевших вплоть до взятия Константинополя и создания Латинской империи. Члены этой социальной элиты имели несомненные преимущества перед остальной массой и при обеспечении оборонительным оружием, и при передвижении, и при удовлетворении потребностей в питании; они пользовались привилегиями, которые, несомненно, предохраняли их от многих опасностей по сравнению с рядовыми крестоносцами. В то же время, исходя из специфики тогдашней военной тактики, именно крупные сеньоры, действовавшие во главе военных отрядов, подвергались в сражениях или стычках наибольшему риску. Не были застрахованы члены феодальной элиты и от заразных болезней, скосивших немалую часть крестоносцев. В общем смертность в рядах крестовосной аристократии (шире всего представленной в просопографических материалах Ж. Лоньона) вряд ли была намного ниже, чем в среде остальных рыцарей-крестоносцев. Быть может, она не всегда уступала даже смертности сельского и городского населения Франции, не участвовавшего в крестовосном движении и не подвергавшегося риску быть убитым или раненым в сражениях.

К сожалению, прямые сведения о продолжительности жизни рыцарей, участвовавших в этом походе, немногочисленны. Из 271 французского участника, вошедшего в сводку Ж. Лоньона, такие сведения сохранились лишь о 18 (7%). Среди них половина (9 человек) умерли (или были убиты) до 40 лет, а другая

Таблица 3.2

Продолжительность жизни крестоносцев — участников Четвертого крестового похода *

Строка	Всего изучено крестоносцев	Число крестоносцев	Всего		В том числе умерло в возрасте									
			число	%	от 21 до 30		от 31 до 40		от 41 до 50		от 51 до 60		после 60	
					число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
1	271	дата рождения и смерти которых прямо указана в источниках	48	100	3	17	6	33	—	2	11	7	39	
2		дата рождения и (или) смерти которых установлена по косвенным данным	79	100	16	20	23	29	21	26,5	14	18	6	7,5
3		дата рождения и смерти которых известна по прямым или косвенным данным	97	100	19	20	29	30	21	22	16	12	12	12

* Составлено по: Longnon J. Les compagnons de Villehardouin. Genève, 1978. В таблице учтены рыцари, прибывшие из Французского королевства, а также Шампанни, Бургундии, Энно, Амьенна, Фландрии и Прованса.

половина — после этого возраста, причем 7 человек — после 60 лет (табл. 3.2, строка 1). Как известно, люди того времени плохо знали свой возраст. Переоценивать познавательный смысл приведенных данных, естественно, не следует. Но и недооценивать обнаруживающуюся долю «стариков» (людей старше 40) было бы неосторожным.

Попытаемся расширить исследование за счет рыцарей, возраст которых можно было бы приблизительно установить по косвенным данным. С этой целью включим в подсчеты всех тех участников похода, по отношению к которым достоверно известна хотя бы дата их смерти, а также дата их первого упоминания в источниках. Условимся, что, если при таком первом упоминании рыцарь выступает как рядовой свидетель в какой-либо имущественной сделке между сеньорами (или как прибывший в крестоносное войско в чьей-либо сноте), его возраст 15 лет. Подобное допущение в целом будет «омолаживать» наших рыцарей. Можно ведь не сомневаться, что далеко не все рыцари начали военную службу на Востоке уже с 15 лет или стали пользоваться своим правом свидетельствования сразу же после наступления совершеннолетия, т. е. в 15 лет. (Бомануар, правда, допускал свидетельствование в сделках еще до совершеннолетия — с 12 лет, однако вряд ли такого рода случаи были слишком частыми.) Еще существеннее, что дошедшие до нас источники отражают лишь часть (и притом не слишком большую) общей массы актов или общей массы хроникальных упоминаний, в которых могли так или иначе фигурировать интересующие нас рыцари: вполне вероятно, что многие из них начали активную деятельность задолго до известного нам первого о них упоминания, т. е. достигли 15-летнего возраста задолго до принимаемого нами момента.

Сознательно «омолаживая» возраст, с которого начали действовать рыцари, известные нам по дате своей смерти, мы избегаем опасности искусственно завысить продолжительность их жизни в тех случаях, когда известна только дата их смерти²¹⁵. Иначе говоря, наша методика предполагает выяснение явно заниженной длительности жизни взрослых рыцарей. Старше 15 лет мы считаем лишь тех крестоносцев, в первом упоминании о которых в источниках они фигурируют как женатые люди или же как королевские приближенные: в этих случаях мы считаем дату первого упоминания соответствующей 20-летнему возрасту. Очевидно, что и в этих случаях мы преуменьшаем реальный возраст рыцаря: ведь не все женатые люди сочетались церковным браком уже в 20 лет и тем более не все королевские приближенные были при первом упоминании 20-летними. Наконец, мы допускаем, что человек, обладающий при первом о нем упоминании в источниках саном аббата или епископа, находился в

25-летнем возрасте. Ясно, что и это допущение рассчитано на некоторое преуменьшение реального возраста человека.

В отдельных случаях просопографические данные содержат вместо даты смерти дату последнего упоминания рыцаря в источниках. Мы отождествляем такую дату с годом смерти и этим также искусственно сокращаем продолжительность жизни.

Используя все подобные косвенные сведения о возрасте смерти участников Четвертого крестового похода, удастся увеличить число рыцарей, продолжительность жизни которых может быть приблизительно оценена, с 18 до 97 человек (т. е. в пять с лишним раз). Результаты подсчетов сведены в табл. 3.2. Отметим прежде всего, что они в принципе мало расходятся с теми, которые были получены при анализе продолжительности жизни тех рыцарей, о возрасте которых имеются прямые данные: примерно половина переваливает сорокалетний рубеж, многие умирают после 50 лет. В целом средняя продолжительность жизни 97 учтенных рыцарей 48,5 года. Отдельно можно подсчитать среднюю длительность предстоящей жизни для тех, кто достиг взрослого возраста и преодолел 20-летний рубеж: она составляет 22,7 года. (Иначе говоря, те из крестоносцев, кто прибыли на Восток в возрасте около 20 лет, в среднем доживали до 42,7 года²¹⁶.) Как видим, по заведомо преуменьшенным данным начала XIII в. средняя длительность жизни взрослых в социальной категории наибольшего риска оказывается в абсолютных цифрах не столь уж малой.

Результаты проведенных подсчетов в общем совпадают с представлениями людей XIII в. о возрастных границах в среде взрослых. Выше, например, уже упоминались предписания областных французских синодов об обязательном посещении священником, надолго покидавшим приход, всех лежащих больных. Во включенном в Парижский статут 1225 г. установлении Эда Сюлли специально оговаривается, что священник должен в этом случае миропомазать тех больных, которым исполнилось 40 лет²¹⁷. Именно этот рубеж считался, следовательно, некой гранью, за которой начинался возраст повышенного риска. Тот же возраст — 40 лет — был избран в качестве начального при определении категорий старых вдов, принимавшихся в специально основанный для них в 1283 г. в Париже монастырь Сен-Авуа (Sainte-Avoüe)²¹⁸.

Чуть более конкретно высказывается Филипп Новарский. Как уже говорилось, он называет весь промежуток от 40 до 60 лет «средним возрастом», однако делит его на две неравные половины. Возраст от 40 до 50 лет Филипп считает несравненно лучшим, чем от 50 до 60. Ибо от 40 до 50 лет человек может еще в полной мере пользоваться всеми благами и всем «совершенством» «среднего возраста». О возрасте от 50 до 60 лет

этого уже сказать нельзя. Когда же исполнится 60 лет, продолжает Филипп, наступает старость; в это время полагается оставлять службу, жить «со своими» и для себя — «если только есть с чего жить». В эту пору с каждым годом старость все заметнее, особенно после 70 лет. Если же кто доживает до 80 лет, замечает Филипп Новарский, то он «должен молить Бога о скорейшей смерти и добром конце»²¹⁹. Хотя в этих высказываниях Филиппа чувствуется явный отпечаток библейских «норм» и формулировок о 80-летнем сроке человеческой жизни, неверно считать их лишь отвлеченным доктринерством. Стоит обратить внимание на полное совпадение называемого здесь Филиппом Новарским возраста ухода со службы (60 лет) с тем, что устанавливалось юридическими нормами иерусалимских ассиз: вассал, честно служивший своему сеньору, получал в 60 лет право прекратить выполнение вассальных обязанностей, сохраняя в то же время свой фьеф²²⁰. Достижение феодалом 60-летнего возраста выглядит, следовательно, в глазах людей XIII в. как нечто реальное. Но дожить до этого возраста удавалось, разумеется, очень немногим (см. табл. 3.2).

К этим представлениям людей XIII в. о возрастных границах в среде общественной верхушки отчасти близки оценки, касающиеся крестьян. Так, жители Монтаяю считают лучшим возраст Христа (33 года), а мужчину в 40 лет называют еще вполне крепким (*robuste*). После 40 лет положение начинает изменяться, а после 50 крестьянина решительно причисляют к старикам. Из 60 мужчин, фигурировавших в расследованиях Фурнье, только двое достигли 60-летнего рубежа. Женщины-крестьянки этого возраста встречались чаще. Не исключено, что крестьяне Монтаяю старели быстрее, чем их современники-рыцари. Однако и здесь 40-летние и 50-летние люди не представляли в преддверный период особой редкости²²¹.

Наконец, еще одно подтверждение достоверности приведенных выше суждений содержат материалы пикардийских архивов, изученных Р. Фоссье. Изредка в них встречаются акты, свидетели которых указывают и свой возраст. Так, в акте 1236 г. из Монте-рея фигурирует 10 свидетелей, из них трое в возрасте от 50 до 60 лет, трое от 60—70, один в возрасте 76 лет и еще трое старше 80 лет. Р. Фоссье не без оснований замечает, что эти данные не следует воспринимать буквально: возраст свидетелей, вероятно, завышался с целью придать их показаниям больший вес. Тем не менее вряд ли можно сомневаться, что большинству из них перевалило за пятьдесят. То же следует из расследования 1316 г. в Бетюне, где было привлечено 39 свидетелей. Из них менее 40 лет было лишь троим, 16 мужчин и женщин указали возраст от 48 до 50 лет, 15 человек — от 50 до 60, трое — более 70 лет²²².

Все это, вместе взятое, заставляет думать, что в XII—XIII вв. во всех социальных классах и особенно внутри общественной верхушки существовала не слишком малочисленная прослойка людей, доживших по крайней мере до 45—50 лет. Наши данные не позволяют определить ее удельный вес во Франции XII—XIII вв., но некоторые прикидки возможны.

Как видно из табл. 3.2, среди взрослого населения (т. е. населения старше 20 лет) люди до 40 лет составляли примерно половину. Если допустить, что доля молодежи и детей достигала примерно 50% всего населения²²³, то прослойка людей старше 40 лет не будет превышать примерно 25% общей массы, а людей старше 50 лет окажется еще вдвое меньше. Это не имеет, конечно, ничего общего с современной возрастной структурой²²⁴, но тем не менее означает, что 40- и 50-летние мужчины и женщины составляли в XII—XIII вв. относительно заметную группу.

Ее расширение в XII—XIII вв. предполагает увеличение средней продолжительности жизни взрослых и сокращению смертности в их среде. Оба эти феномена полностью согласуются с отмеченной выше тенденцией к активизации самосохранительного поведения и взаимно подтверждают друг друга.

Для такого поведения, как и для иных форм, обеспечивавших демографический рост в рассматриваемый период, сложилось немало благоприятных условий. Экологический оптимум, внутренняя колонизация, социально-политическая стабилизация были в то время тесно взаимосвязаны с общим экономическим подъемом, интенсификацией обмена, увеличением массы сельскохозяйственной продукции. Эволюция сеньориальной организации в сторону продуктовой и продуктивно-денежной ренты увеличивала свободу распоряжения продуктами земли не только для аристократии, но и для массы крестьянства. Улучшение питания не могло не создавать материальных предпосылок и для увеличения продолжительности жизни, и для сокращения смертности.

Таким образом, интенсификация самосохранительного поведения была одним из результатов взаимодействия ряда социально-культурных, социально-экономических и собственно демографических процессов. Все они были так или иначе связаны с эволюцией семьи.

5. Несколько замечаний об эволюции семьи и виде воспроизводства населения

Выше уже отмечалось, что в XI в. происходят немаловажные изменения в представлениях современников о родственных ячеях. Кровное родство все заметнее испытывает конкуренцию со

стороны брачно-семейных связей. Растет престиж брачных структур. Малая супружеская семья получает в сознании современников более глубокое осмысление и более высокую оценку. Именно в малой семье видят средоточие и родственных, и домохозяйственных связей.

В XII—XIII вв. процесс социального возвышения супружеской семьи продолжается. Она все определеннее выступает в качестве основного субъекта в хозяйственных, юридических и родственных отношениях. Об этом свидетельствуют разные виды памятников. Так, составители поземельных описей XIII в. сосредоточивают свое внимание не на многосемейных объединениях — даже там, где таковые встречаются, — но непосредственно на малых семьях, которые в них входят²²⁵. В частно-правовых грамотах все чаще фигурируют самостоятельные хозяйственные акции супругов или одного из них, тогда как случаи санкционирования таких акций со стороны старших или боковых родичей (*laudatio parentium*) становятся все более редкими²²⁶. Малая семья — главный субъект права и в составленных в XII—XIII вв. областных судебныхниках²²⁷. Она же в центре внимания в церковных правоучительных трактатах и светской литературе. О ее преобладании в деревне косвенно свидетельствует типичный размер жилых построек того времени: обычная площадь дома 70—90 кв. м, что (с учетом хозяйственных нужд) достаточно лишь для малой семьи²²⁸.

Такое укрепление нуклеарной семьи в XII—XIII вв. было подготовлено рядом процессов, охарактеризованных выше. Несмотря на незавершенность понятийного осмысления брака, моногамное супружество постепенно становится нормой. Повысившийся статус церковного брака сказался во всех классах. В каждом из них в XII—XIII вв. складываются, помимо этого, те или иные специфические условия, благоприятствующие созданию малых семей. Так, развитие феодальных отношений облегчало браки в рыцарской среде, где младшие сыновья были раньше лишены возможности создать законную семью из-за стремления феодальных родов предотвратить дробление земельных достояний. Одновременно в связи с интенсивной внутренней колонизацией были сняты немаловажные препоны для обособления молодых семей в среде крестьянства. Основание новых городов способствовало возникновению не связанных с прежними родовыми структурами супружеских ячеек горожан. Определенное влияние на дробление многосемейных сообществ оказывало, вероятно, и повсеместное вытеснение барщинной системы, консервировавшей в прошлом крупные домохозяйства²²⁹.

Укрепление престижа малой семьи, все более частое высвобождение ее из рамок сложных родственных структур заметно

сказывались на психологическом климате в семье и положении отдельных ее членов. Как мы видели, изменился статус женщины-хозяйки дома, она обрела более широкие возможности в выхаживании младенцев, в уходе за больными и немощными²³⁰. Вместе с другими социально-культурными изменениями это могло способствовать сокращению детской смертности, увеличению продолжительности жизни взрослых, интенсификации самосохранительного поведения. Все это позволяет говорить, что рост детности, сокращение смертности взрослых шли до известной степени рука об руку с обособлением малой семьи. Поскольку же укреплению супружеской семьи способствовало, в частности, распространение церковного брака, можно констатировать определенную взаимосвязь всех этих явлений между собой.

Напомним, однако, что, судя по памятникам, обособление малой семьи и в XII—XIII вв. не стало ни повсеместным, ни окончательным. Речь не идет, разумеется, о сохранении древних «патриархальных» общностей. Мы уже отмечали несостоятельность концепции «большой семьи» для многих периодов средневековья. Свообразие этой эпохи состояло тем не менее в том, что едва ли не на всех его этапах, включая и XII—XIII вв., распад крупных семейно-родовых структур сплошь да рядом сопровождался их воссозданием на новой основе. Например, обособившиеся малые семьи в деревнях нередко воссоединялись в многосемейные родственные сообщества или же соседские консортерии. В XII—XIII вв. подобные многосемейные объединения «новой генерации» не были, видимо, слишком частым явлением, особенно по сравнению с предшествующим и последующими периодами. Но все же они находят отражение в источниках²³¹. Памятниками XII—XIII вв. зафиксировано существование крупных родовых образований и в среде знати и рыцарства²³². Их отличие — в отсутствии прямых домохозяйственных связей при сохранении некоторых имущественных прав, а также прав на военно-политическую взаимопомощь. В частности, сохранялись и были юридически закреплены предпочтительные права на выкуп имуществ для ближних и дальних родственников и на опеку сирот²³³, суровые наказания за преступления против родичей до четвертого колена²³⁴ и т. п. Было бы, следовательно, упрощением абсолютизировать процесс обособления малой семьи во Франции XII—XIII вв. Несмотря на достаточную интенсивность, он не был всеобщим, а иногда пересекался встречной тенденцией к воссозданию более крупных структур.

Поскольку, однако, регенерация многосемейных объединений, как и консервация крупных родовых структур знати, лишь изредка предполагала совместное проживание и домохозяйственную общность, психологический климат внутри малой семьи при этом

не изменялся и его благоприятные в демографическом плане особенности сохраняли свое значение.

Возвращаясь теперь к поставленному в начале главы вопросу о демографическом механизме, обеспечившем рост населения в XI—XIII вв., мы должны констатировать, что этому росту способствовали, хотя и не в равной мере, почти все элементы режима воспроизводства населения. Изменилось брачное поведение, увеличилась рождаемость, сократилась детская смертность, повысилась продолжительность жизни. Среди этих феноменов до некоторой степени выделяется роль брачной модели. Именно она обуславливала сравнительно низкий возраст первого брака, высокий уровень брачности, относительную малочисленность молодых холостяков. Изменения в брачной модели, происшедшие в XI—XIII вв. и приведшие к большей распространенности церковных браков, благоприятствовали росту брачной плодovitости. Вместе с улучшениями в выхаживании детей и ростом забот о здоровье взрослых это и обеспечило демографический подъем. Брачная модель выступала, таким образом, как особенно заметное звено в демографической регуляции.

Общее изменение режима воспроизводства населения (РВН) было взаимосвязано с глубокой социальной перестройкой того времени. Экологический оптимум, характерный для всей Западной Европы в X—XIII вв., создавал благоприятные предпосылки аграрно-культурного роста. Реализация этих предпосылок стала возможной благодаря интенсивному развитию сеньории и политической стабилизации, способствовавших расширению освоенных земельных площадей и основанию новых сельских и городских поселений. Сложившаяся общественная структура, несмотря на ее иерархический характер, не исключала в то время социальной мобильности, что благоприятно сказывалось на психологическом климате. Социально-культурное обновление, изменения в массовой картине мира предполагали обострение интереса к внутренним переживаниям, увеличение роли душевных импульсов во всех сферах жизни, включая, естественно, и демографическое поведение. Демографическая эволюция выступала, следовательно, как органическая часть социального развития в целом.

Пытаясь обобщить все эти наблюдения, мы вновь оказываемся перед необходимостью уточнить припаятые до сих пор неопределенные категории. Используемое для описания взаимосвязи социальных и демографических процессов в средние века понятие традиционного ТВН явно недостаточно для передачи своеобразия ситуации XI—XIII вв. Отсюда потребность во введении более конкретного понятия, которое смогло бы передать социально-демографическую специфику данного периода и ее отличие от того,

что характерно для более раннего и более позднего времени. Таким понятием мы считаем «вид воспроизводства населения» (ВВН), суммирующий в себе отличия рассматриваемого периода.

Основные конкретно-исторические характеристики ВВН во Франции XI—XIII вв. достаточно очевидны и сопоставимы с тем, что учитывалось выше при описании ВВН каролингского времени. Это уровни брачности, рождаемости, смертности (т. е. РВН), взятые в сочетании с основными тенденциями в социально-экономическом и социально-культурном развитии, т. е. со сравнительными характеристиками экологической эволюции, динамики хозяйства, типа социальной структуры, социальной мобильности, социально-психологической и социально-культурной эволюции. Мы надеемся проверить продуктивность применения такого понятия ВВН, сопоставляя в дальнейшем ВВН, характерные для разных периодов демографической истории Франции.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Еще Карл Лампрехт констатировал, что за 187 лет — с 1050 по 1237 г. — население в бассейне Мозеля увеличилось во столько же раз (в 2,5 раза), во сколько в дальнейшем оно возросло примерно за 600 лет. См.: *Lamprecht K. Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter*. Leipzig, 1886. Bd. 1. S. 162—164; Bd. 2. Karten 1—6). Известный труд Э. Левассера, вышедший почти одновременно с трудом К. Лампрехта, содержал примерно ту же констатацию по отношению к Франции: во второй половине XI в. численность населения росла здесь столь бурно, что к началу XIV в. достигла цифр, сопоставимых с началом XVIII в. См.: *Levasseur E. La population française*. P., 1883. T. 1. P. 153. См. также: *Heloch J. Die Bevölkerung Europas im Mittelalter* // *Zeitschrift für Socialwissenschaft*. B., 1900. S. 405—433.
- ² *Bennet M. K. The world's food*. N. Y., 1954. P. 6—14; *Russell J. C. Late ancient and medieval population control*. Philadelphia, 1985; *Hertlihy D. Medieval households*. Cambridge (Mass.). 1985; *Delort H. La vie au Moyen-âge*. 3 ed. Lausanne, 1982. P. 21, 29—32, 42—43, 58; *Fossier R. Enfance de l'Europe*. P., 1982. P. 95 etc.; *Genicot L. Le XIIIe siècle européen*. P., 1984. P. 49 et s.
- ³ В числе наиболее ярких исследований этого типа: *Fossier R. La terre et les hommes en Picardie jusqu'à la fin du XIIIe siècle*. P.; Louvain, 1968; *Baratier E. La démographie provençale du XIIIe au XVIe siècle*. P., 1961; *Bois G. Crise du féodalisme: Economie rurale et démographie en Normandie orientale*. P., 1976; *Wrigley E. A., Schofield R. S. The population history of England, 1541—1871*. L., 1981; *Dubois H. L'essor médiéval* // *Histoire de la population française*. P., 1988. T. 1.
- ⁴ *Russell J. B. British medieval population*. Albuquerque, 1948. P. 71—131; *Abel W. Geschichte der deutschen Landwirtschaft vom frühen Mittelalter*. Stuttgart, 1962. S. 25—26; *Genicot L. Le XIIIe siècle européen*. P. 51 et s.; *Fossier R. Enfance...* P. 104. В отличие от других исследователей В. Робинсон оценивает ежегодный рост населения в это время в 0,2% (см.: *Robinson W. C., Money, population and economic change in late medieval Europe* // *Economic History Review*. 1959. Vol. 12).
- ⁵ *Lot F. Conjectures démographiques sur la France au IXe siècle* // *MA Année*, 1921. P. 18; *Wervecke H. van. De bevolkingssichtheid in de IX eeuw* // *Anna-*

- les de XXXe Congrès de fédération archéologique de Belgique, 1936; *Fossier R.* Peuplement de la France du Nord entre le Xe et le XVIe siècles // *ADH.* 1979. P. 79.
- ⁶ *Duby G.* L'économie rurale et la vie des campagnes dans l'Occident médiéval. P., 1962. P. 213. Многие другие области Франции, однако, оставались в IX в. совершенно не обжитыми. См.: *Fourquin G.* Histoire économique de l'Occident médiéval. P., 1969. P. 58.
- ⁷ *Fossier R.* Enfance... P. 104.
- ⁸ *Fossier R.* La terre... P. 284.
- ⁹ *Bois G.* Crise... P. 51.
- ¹⁰ *Baratier E.* Op. cit. P. 84.
- ¹¹ *Dubois H.* L'essor médiéval. P., 1988. P. 242 et s.; *Fourquin G.* La population de la région parisienne aux environs de 1328 // *MA.* Année, 1956; *Chadeveille A.* Chartres et ses campagnes. P., 1973. P. 79 etc.; *Bocquet A.* Recherches sur la population de l'Artois et du Boulonnais. Arras, 1969. P. 141 etc.; *Gramain M.* Un exemple de démographie méridionale // *La démographie médiévale: Sources et méthodes.* Nice, 1972. P. 38. Стремясь избежать завышения демографического роста, мы всюду приводим минимальные варианты имеющихся цифровых оценок. С той же целью «семейный коэффициент» в приведенных случаях принимается 4,5, а не 5. Минимальность приведенных цифр обуславливается также тем, что мы, как и другие исследователи, не в состоянии учесть численность так называемых маргинальных слоев (бродяг, беглых, «лесных людей» и т. п.).
- ¹² Основным источником при определении численности французского населения на рубеже XIII–XIV вв. служит широко известная опись: *L'état des paroisses et des feux de 1328* // *Bibliothèque de l'École des Chartes.* P., 1929. T. 90. При истолковании ее материалов исследователи (Дюро, Деламаль, Левассер, Лот, Блок, Рассел, Дюби, Чипола, Мулье, Леруа Ладюри, Девез, Ботье, Дюбуа) предлагали оценивать население Франции (в современных границах) цифрами от 10 млн до 34 млн человек. В последние годы все чаще предлагается вернуться к оценке Ф. Лота – около 20 млн человек. См.: *Dubois H.* L'essor... P. 283; *Le Roy Ladurie E.* Postface: Démographie et histoire rurale en perspective // *L'histoire de la population française.* T. 1. P. 515.
- ¹³ См., например: *Fossier R.* Peuplement... P. 82–83; *Sivéry G.* Saint Louis et son siècle. P., 1983. P. 53; *Fourquin G.* Histoire économique... P. 172; *Dubois H.* L'essor... P. 207–242.
- ¹⁴ Анализ этой концепции см. выше: гл. 2, § 1, а также: *Бессмертный Ю. Л.* Феодалная революция X–XI вв.? // *ВИ.* 1984. № 1.
- ¹⁵ См. об этом: *История крестьянства в Европе.* М., 1986. Т. 2. С. 96.
- ¹⁶ Критику этой точки зрения см.: *Бессмертный Ю. Л.* Проблема западноевропейской торговли IX–XIII вв. в современной западной медиэвистике // *СВ.* 1963. Вып. 23. С. 253–254.
- ¹⁷ См.: *Duby G.* Guerriers et paysans. P., 1973.
- ¹⁸ *Fossier R.* Enfance... P. 1071–1073.
- ¹⁹ *Fossier R.* La fortune historiographique // *Archives et bibliothèques de Belgique.* 28, 1986. P. 57: «C'est la structure du groupe familial qui m'apparaît donc le ressort essentiel du changement, le passage d'une forme clanique ou tribale à une forme conjugale qui conditionne désormais l'habitat, la genre de vie, la production, probablement aussi les mentalités...»
- ²⁰ См. выше: примеч. 14–16, а также: *Fossier R.* Enfance... P. 1069–1070.
- ²¹ Ср.: *Dubois H.* L'essor... P. 235–242.
- ²² В, 578.
- ²³ В, 599; см. также: В, 600.
- ²⁴ В, 581.
- ²⁵ Ibid.

- ²² В, 1629.
- ²⁷ В, 599. Впервые этот термин встречается в произведениях нормандского поэта Васа в середине XII в. Этимология этого термина: от французского глагола *sûnçon* — заботиться, обеспечивать, беспокоиться, опекать (*Dictionnaire de l'ancien français* / Par A. Greimas. P., 1968). отождествление суантжа с ковкубинатом, постулируемое А. Грейма, не представляется обоснованным.
- ²⁸ В, 601.
- ²⁹ Бомануар хорошо сознает, что самый фант обсуждения того, какие из браков являются законными, противоречит церковной доктрине, признающей только церковный брак. Однако действительность сложнее доктрины: «Хотя церковь, — замечает Бомануар, — дает [однозначное] определение законному браку, в светском суде приходится разбирать споры о наследовании фьефов, которые вчиняют законные наследники бастардам... Приходится поэтому и светским судьям вмешиваться в выяснение того, что же такое незаконное рождение» (В, 578; см. также: В, 586). Различие в светской и церковной модели брака — и притом в коренном вопросе о моногамии — сохраняется, как видим, и в конце XIII в. Ср.: *Duby G. Le chevalier, la femme et le prêtre: Le mariage dans la France féodale* (P., 1981), где автор подчеркивает формирование к началу XIII в. некоей единой компромиссной модели брака.
- ³⁰ AL, I, 26. Конкретизируя некоторые из этих установлений, Алес Лилльский в другом месте замечает: «Если холостяк, не имеющий жены, сожрет блуд с женщиной, пусть постится на хлебе и воде 20 дней, если с собственной рабыней — столько же» (AL, II, 110; см. также: AL, II, 112–113, 120). За 200 лет до Алена, Бурхард Вормсский назначал за аналогичный грех 10 дней поста. См.: *Burchardus Wormacensis. Decretum* // PL. T. 140, XIX, 5. P. 957–958. Подробнее об этом, а также о достоверности пенитенциалия Алена Лилльского см.: *Бессмертный Ю. Л. К изучению матримониального поведения во Франции XII–XIII вв.* // Одиссей, 1989. М., 1989.
- ³¹ Ср.: AL, I, 32: «Принять во внимание... что прелюбодеяние (*adulterium*) хуже простого блуда (*fornicatio*)...»
- ³² *Vitry J. Sermon aux gens mariés* // *Prêcher d'exemples / Récits de prédicateurs du Moyen Âge présentés par J.-Cl. Schmitt*. P., 1985. P. 59.
- ³³ См., например: *Средневековые французские фарсы*. М., 1981; «C'est dou pere qui son filz enseigne et dou filz qui au pere demande ce que il ne set» (далее: *Dialogue*) [année 1267] // *La vie en France au Moyen Âge*. P., 1928. P. 61; *Lorcin M.-T. Façons de sentir et de penser: Les fabliaux français*. P., 1979. P. 120 etc. См. также: *Duby G. Le chevalier...* P. 81, 277–278, 280.
- ³⁴ *Barthélemy D. Parenté* // *Histoire de la vie privée*. P., 1985. Vol. 2. P. 108–109, 152–153.
- ³⁵ *Vitry J. Op. cit.* P. 57.
- ³⁶ *Абелар П. История монашеских бедствий*. М., 1959.
- ³⁷ *Caesarii Heisterbacensis monachi Dialogus miraculorum* / Ed. J. Strangle. Köln; Bonn. 1851. III, 28–29: Цезарий различает здесь случаи сожительств клирика с *uxor legitima* с concubina, с filia; *Orderricus Vitalis. Historia ecclesiastica* / Ed. M. Chibnall. Oxford, 1978. L. 5. P. 120 («Non solum presbiteri sed etiam presules libere uterentur thoris concubinarum...»); см. также: *Dialogue...* P. 64 («Встречаются люди, которые говорят: „Я не откажусь от своей сожительницы (*meschine*), если кюре не откажется от своей...»); см. также: *Ibid.* P. 61.
- ³⁸ AL, II, 121–123; III, 40; II, 39; ср.: Burch., XIX, 104.
- ³⁹ Cart. S. Vanne de Verden, N 34. P. 440 (A. 1030); Cart. S. Corneil de Compiègne, t. I. Montdidier. 1904. N 31. P. 86. (A. 1112); Cart. S. Mihiel / Ed. A. P. Lesort. 1909–1912. N 115. P. 366 (A. 1178) etc.

- ¹⁰ *Derouet-Besson M.-Cl.* Inter duos scopulos // *Annales E. S. C.* 1981. N 5. P. 924, 936-938.
- ¹¹ *Cart. S. Corneille de Compiègne*, N 31, P. 66 (A. 1112) («De uxoris clericorum... ut presbiteri, diaconi, atque subdiaconi nullatenus deinceps uxores ducant vel concubinas habeant; ceteri vero cujuscumque ordinis clerici propter fornicationem licentiam habeant ducendi uxores»).
- ¹² *AL*, I, 15; II, 95-97.
- ¹³ См. например: *Lambert d'Ardres. Chronicon Chisnense et Ardense* / Ed. G. de Godefroy-Ménilglaize. P., 1855. Цит. по: *Duby G. Le chevalier...* P. 277; *Cart. S. Denis* / Ed. J. Tardif. P., 1866. P. 660 («Quicumque mancipiorum... sive masculus sive femina qualicumque pacto seu legitimo seu furtivo complexu prolem genuerit...»); *Cart. S. Etienne de Dijon* / Ed. E. Perard. P., 1664. P. 71, 80; *Cart. S. Trond* / Ed. Ch. Piot Bruxelles, 1870. T. 1, N 8, P. 13. О тайных браках см. также: *Vitry J. Op. cit.* P. 56; *Burch.*, XIX, 45.
- ¹⁴ *Le Roy Ladurie E.* Montaillou, village occitan de 1294 à 1324. P., 1975. P. 111, 242-276.
- ¹⁵ *Burch.*, XIX, 5, 41-43; 47, 113, 126; см. также: *Ibid.* 45: («Accepisti uxorem et non fecisti nuptias publice...»).
- ¹⁶ *Barthélemy D.* Op. cit. P. 134-136.
- ¹⁷ См. например: *Herlihy D.* Op. cit. P. 80-81; *Ennen E.* Frauen im Mittelalter. München, 1986. S. 96.
- ¹⁸ *Duby G. Le chevalier...* P. 182-183.
- ¹⁹ *Ibid.* P. 162-163; *Molin J. R., Mutembe P.* Le rituel du mariage en France du XII au XVI siècle. P., 1974.
- ²⁰ При объяснении длительности, которой отличался процесс освоения идей многобрачного церковного брака, приходится учитывать целый ряд реалий того периода. Среди них помимо живучести древних традиций matrimonialного поведения надо учитывать непривычность и сложность вновь вводимого церковного брачного ритуала, искусственность брачных запретов (ограничивавших круг брачащихся лицами, находившимся не ближе, чем в восьмой степени родства), а также экономические трудности создания «законной» семьи для многих младших сыновей (особенно в среде рыцарства). См. подробнее: *Бессмертный Ю. Л.* К изучению matrimonialного поведения. С. 104-106.
- ²¹ Кроме Ж. Дюби (см. выше, примеч. 29) эту концепцию в той или иной мере поддерживают: *Fossier R.* L'enfance... T. 2. P. 919 etc.; *Herlihy D.* Medieval households. P. 80-82; *Bresc H.* L'Europe des villes et des campagnes // *Histoire de la Famille*. P. 388, 400.
- ²² *Vitry J.* Sermon aux gens mariés... P. 56; *Viollet P.* Histoire du droit civil français. P., 1893. P. 116; *Le Bras G.* Institutions ecclésiastiques de la Chrétienté médiévale. P., 1959. P. 137.
- ²³ Эти сведения извлечены из завещаний и актов, подписанных самой Марией, а также из решений папской курии по поводу имевших место споров о наследстве Марии. См.: *Duhamel-Amado Cl.* Une forme historique de la domination masculine: Femme et mariage dans l'aristocratie languedocienne à la fin du XII s. // *Cahiers d'histoire de l'Institut de recherches marxistes*. 1981. N 6. P. 125-139.
- ²⁴ *Brooke Ch.* Marriage and society in the central Middle Ages // *Marriage and society*. N. Y., 1981. P. 19-20, 31.
- ²⁵ В. 544-545.
- ²⁶ В. 546.
- ²⁷ В. 536, 558.
- ²⁸ *Kohler E.* Sens et fonction du terme jeunesse dans la poésie des troubadours // *Mélanges offerts à R. Crozet*. Poitiers, 1966. P. 569-583.
- ²⁹ Цит. по: *Duby G. Le chevalier...* P. 153.
- ³⁰ *Herlihy D.* Op. cit. P. 104-105.

- ⁴¹ Guillaume de Lorris, Jehan de Meung. *Le Roman de la Rose* / Ed. D. Poirion. P., 1974. V. 357–358, 1014, 1257–1276.
- ⁴² Reich O. Beiträge zur Kenntnis des Bauernlebens im alten Frankreich auf Grund der zeitgenössischen Literatur. Göttingen, 1909. S. 5 etc.
- ⁴³ Le Roy Ladurie E. Op. cit. P. 255, 276.
- ⁴⁴ Burrow J. A. The ages of man: A study in medieval writing and thought. Oxford, 1986; Aries Ph. L'enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. P., 1973. P. 8–21.
- ⁴⁵ Philippe de Novare. Les quatre Âges de l'homme / Ed. par M. de Fréville. P., 1888. P. 103–104, § 191.
- ⁴⁶ AL, II, 91.
- ⁴⁷ Robert de Blois. Enseignement des Princes / Ed. J. Fox. P., 1950. V. 1051–1061.
- ⁴⁸ Herlihy D. Op. cit. P. 111; Histoire de la Famille. P., 1986. P. 382; Fossier R. Enfance... P. 102, 935; Klapisch-Zuber Ch. La famille médiévale // Histoire de la population. T. 1. P. 475; Chaunu P. Histoire quantitative, histoire serielle. P., 1978. P. 209–212.
- ⁴⁹ Hanawalt B. The ties that bound: Peasant families in medieval England. Cambridge (Mass.), 1986; Fossier R. Paysans d'Occident XIe–XIVe siècle. P., 1984. P. 34.
- ⁵⁰ Ср. серийные данные Ц. Раци по манору Хейлауен в Англии: в конце XIII в. юности и девушки впервые вступали в законные церковные браки между 18 и 22 годами; разрыв в брачном возрасте между ними не превышал 3–4 лет (Razi Z. Life, marriage and death in a medieval parish. Cambridge (Mass.), 1980. P. 50–57, 61, 63).
- ⁵¹ Мы, к сожалению, не располагаем данными о брачном возрасте во французском городе XI–XIII вв. Не исключено, что в нем действовала та же закономерность, которую Д. Херлихи и К. Клапш-Зубер выявили в Италии XIV–XV вв.: горожане женились здесь в общем позднее крестьян (Herlihy D., Klapisch-Zuber Ch. Les Toskans et leurs familles. P., 1978. P. 402, 405–410). Это было связано со сложностями – особенно для poorer слоев – в создании минимума хозяйственной обеспеченности. Случаи же, например, сюжет известного фанто о городском подмастерье, который из-за ранней женитьбы «от полного достатка дошел до крайней бедности»? См.: Lorcin M.-Th. Op. cit. P. 33–35.
- ⁵² Ордерик Виталий упоминает как об обычном явлении о пяти (!) заключавшихся друг за другом браках анжуйского графа Fulk le Rachin (конец XI в.). См.: HE. T. 4. P. 186; см. также: AL, II, 118; Le Roy Ladurie E. Op. cit. P. 293.
- ⁵³ Reginonis abbatis Prumiensis libri duo, II, 89 (PL. T. 132, col. 301); Burch., XVII, 54, 60 (PL. T. 140, col. 931, 934); XIX, 5, 159, 160 (PL. T. 140, col. 972, 1014); AL, II, 40–42; Noonan J. T. Contraception et mariage: Evolution et contradiction dans la pensée chrétienne. P., 1969.
- ⁵⁴ О конкретных фактах применения контрацептивов и о случаях абортов свидетельствуют хроники, инквизиционные расследования, медицинские инструкции. См.: Vercauteren F. Les médecins dans les principautés de la Belgique et du Nord de la France du VIIIe au XIIIe siècle // MA. Année 1951; Le Roy Ladurie. Op. cit. P. 246–248; Fossier D. Enfance... P. 941. О различиях в санкциях за использование контрацептивов и абортов см.: Burch., XIX, 159–160; AL, II, 41–42.
- ⁵⁵ Burch., XIX, 5 (PL. T. 140, col. 972); AL, II, 42. При этом Бурхардт предписывал наказывать за использование контрацептивов строже, чем за аборт (ср.: Burch., XVII, 54; XVII, 60). Ален Ляильский предписывает в обоих случаях равные санкции (AL, II, 40, 42).
- ⁵⁶ Flandrin J. L. Un temps pour embrasser. P., 1983. P. 56–57.
- ⁵⁷ Ibid. P. 58–68.

- ⁷⁸ Ibid. P. 29–30, 41, 70–71, 152–153.
- ⁷⁹ Ж. Фландрен основывает на смягчении в XI–XIII вв. церковной регламентации супружеских отношений весьма смелую гипотезу, согласно которой этот факт способствовал демографическому подъему. Никаких конкретных аргументов своей гипотезы он не приводит.
- ⁸⁰ Алес Лидльский увеличивает по сравнению с Бурхардом Вормским наказание за убийство ребенка матерью. Ср.: Burch., XVII, 55; XIX, 156; AL. II, 43–44. Некоторые проповедники обращают специальное внимание на необходимость оберегать беременных женщин от поднятия тяжестей и неосторожного поведения. См. об этом: Гуревич А. Я. Средневековый мир. М., 1990. С. 242.
- ⁸¹ Fougeres. V. 793–795.
- ⁸² Ibid. V. 1189–1196, 1205–1209. Аналогичные высказывания встречаются в записанных во Франции правоучительных «примерах» (Exempla). См.: Гуревич А. Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989. С. 268.
- ⁸³ Riots du Monde // Batany J. Regards sur l'enfance dans la littérature moralisante: Enfant et société. P., 1973. P. 125. См. аналогично: Абельяр П. Унаа. соч. С. 28 («Кто же, намереваясь посвятить себя богословским или философским размышлениям, может выносить плач детей?.. Кто в состоянии терпеливо смотреть на постоянную нечистоплотность маленьких детей?»).
- ⁸⁴ PN. § 3, 5, 6.
- ⁸⁵ Ariès Ph. L'enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime.
- ⁸⁶ См. об этом наш обзор: Бессмертный Ю. Л. Дети и общество в средние века // Идеология феодального общества в Западной Европе: Проблемы культуры и социально-культурных представлений средневековья в современной зарубежной историографии. М., 1980. С. 284–289.
- ⁸⁷ Pionzeau M. Vingt regards sur l'enfance // L'enfant au Moyen Age. Senefiance N 9. P., 1980. P. 1201–1219; Payen J. Ch. L'enfance occultée // Ibid. P. 177–200; Fossier R. Enfance... P. 926–927.
- ⁸⁸ B, 1632.
- ⁸⁹ B, 596–597.
- ⁹⁰ Autrand F. Naissance illégitime et service de l'Etat // RH. 1982. T. 542.
- ⁹¹ Цит. по: Herlihy D. Medieval households. Cambridge (Mass.): L., 1985. P. 126–127.
- ⁹² Флуар и Блавишефдор: Пер. с фр. А. Наймана. М., 1985. Аналогичные сцены описывает уже упоминавшийся Жак де Витри. См.: Гуревич А. Я. Культура... С. 268.
- ⁹³ PN. § 3. P. 3.
- ⁹⁴ Ibid. § 7. P. 5; § 10. P. 8; § 8–9. P. 6–7; § 11. P. 8–9.
- ⁹⁵ Le registre d'inquisition de Jacques Fournier / Ed. J. Duveracy. Toulouse, 1965. T. 1. P. 321.
- ⁹⁶ Это не означает, однако, что можно отрицать известную амбивалентность отношений к детству в целом, включавших помимо любых неоправданное осуждение некоторых непонятных для людей того времени форм поведения детей. См.: Batany J. Regards sur l'enfance dans la littérature moralisante. P. 123–127.
- ⁹⁷ Duby G. Le temps des cathédrales: L'art et société. P., 1976. P. 146 etc.
- ⁹⁸ Histoire de la famille. P. 369. Подтвердив недавно факт сокращения в XI–XIII вв. числа брошенных детей, американский исследователь Дж. Босуэлл (Boswell J. The kindness of strangers: The abandonment of children in Western Europe from late Antiquity to the Renaissance. N. Y., 1988) объясняет его преимущественно экономическим подъемом и относительной политической стабильностью. Признавая влияние этих явлений, нельзя, однако, забывать, что экономическая и политическая

- конъюнктура создает лишь предпосылки для изменения человеческого поведения; реализация же этих предпосылок непосредственно зависит от поведения самих людей, в данном случае — от изменений в структуре их эмоциональности.
- ⁹⁹ Histoire de la famille. P. 368.
- ¹⁰⁰ *Aries Ph. L'enfant et la vie...* P. 5–15.
- ¹⁰¹ *Ястребичная А. Л.* Западная Европа XI–XIII вв. М., 1978. С. 110–111.
- ¹⁰² PN, § 2.
- ¹⁰³ Ibid. § 7, ср.: § 27.
- ¹⁰⁴ Ibid. § 14–18, 27.
- ¹⁰⁵ *Lull R.* Op. cit. Ch. 91. P. 205–206. Почти теми же словами обличает бабство детей в семьях богачей Бертольд Регенсбургский. См.: *Гуревич А. Я.* Средневековый мир. С. 251.
- ¹⁰⁶ *Lull R.* Op. cit. P. 206.
- ¹⁰⁷ PN, § 3–4, 189.
- ¹⁰⁸ Ibid. § 6, 189.
- ¹⁰⁹ B, 1639.
- ¹¹⁰ B, 560, 558.
- ¹¹¹ B, 536, 558.
- ¹¹² AL, II, 91.
- ¹¹³ *Sigal P. A.* Le vocabulaire de l'enfance et de l'adolescence dans les recueils de miracles latins des XIIe et XIIIe siècles // *L'enfant au Moyen Age*. P. 146–150; *Robert de Blois.* Op. cit. V. 1051–1061.
- ¹¹⁴ Согласно иерусалимским ассизам, вонзавшим норму рыцарского поведения в их классически чистых формах, посвящение в рыцари предписывалось проводить в 15-летнем возрасте. См.: *Лучицкая С. И.* Историко-демографические данные Иерусалимских ассиз // Историческая демография докапиталистических обществ. М., 1988. С. 149.
- ¹¹⁵ *Kohler E.* Op. cit. P. 569–582.
- ¹¹⁶ *Le Roy Ladurie E.* Op. cit. P. 320.
- ¹¹⁷ *Artes Ph. L'enfant et la vie...* P. 15–21.
- ¹¹⁸ Существовал, видимо, и еще один возрастной рубеж — 18 лет: в этом возрасте крестьянские юноши полностью объединялись с людьми более старших возрастов (*Le Roy Ladurie E.* Op. cit. P. 324).
- ^{119–120} HE. Vol. II–VI.
- ¹²¹ HE. Vol. 3. P. 420.
- ¹²² Ibid. P. 230–232.
- ¹²³ Ibid. P. 174, 132.
- ¹²⁴ Ibid. Vol. 2. Appendix.
- ¹²⁵ *Chedeville A.* Op. cit. P. 100.
- ¹²⁶ *Bar M.* La formation du Comte de Champagne. Lille, 1977. P. 410–411, 454–455; *Genicot L.* L'économie rurale namuroise au Bas Moyen Age. Louvain, 1974. T. 1. P. 67; Louvain, 1975. T. 2. P. 87.
- ¹²⁷ *Paris M.* La noblesse lorraine. Lille, 1976. T. 1. P. 305–308.
- ¹²⁸ *Fossier R.* La noblesse picard au temps de Philippe le Bel // *La noblesse au Moyen Age*. P., 1976. P. 122–123.
- ¹²⁹ По данным А. Деборда для нескольких родов в области Шарант бездетные составляли в XI–XII вв. около 43% общего числа семей, а в XIII в. — 34%. См.: *Debord A.* La société laïque dans les pays de la Charente. P., 1984.
- ¹³⁰ *Габдраманов П. Ш.* О режиме демографического воспроизводства крестьянства Северной Франции в XI–XII вв.: (По данным крестьянских генеалогий) // Историческая демография докапиталистических обществ Западной Европы. М., 1988.
- ¹³¹ *Dubois H.* L'essor... P. 215–217; *Le Roy Ladurie E.* Op. cit. P. 301.
- ¹³² *Duby G.* Les «jeunes» dans la société aristocratique dans la France du

- Nord-Ouest au XII siècle // Annales E. S. C. 1964. P. 835-846 (см. нашу рецензию: ВП. 1965. № 7. С. 193-194); *Idem*. Le chevalier... P. 295; *Fossier R.* Contribution // La démographie médiévale. P. 44; *Fossier R.* Enfance... P. 106-107.
- ¹²³ Ср.: Детерминанты и последствия демографических процессов. ООН. Нью-Йорк, 1973. Т. 1, ч. 2. С. 218.
- ¹²⁴ *Rochette B.* Contribution // La démographie médiévale. P. 46.
- ¹²⁵ *Fossier R.* La terre... P. 277.
- ¹²⁶ См.: гл. 2, § 3, а также: *Flandrin J. L.* Un temps pour embrasser. P. 176; *Fossier R.* Enfance... P. 927; *Riché P.* Problèmes de démographie // ADH. 1966. P. 46.
- ¹²⁷ *Russell J.* Aspects démographiques des débuts de la féodalité // Annales E. S. C. 1965. P. 1122-1127. Ср.: PN, I, 2: о первом виде «естественной любви» и «понимания», которые свойственны младенцам, Филипп Наварский пишет следующее: «La première est que l'enfant aime et quenoist premiers la fame qui le norrit de son lait soit mere ou nourrice...»; *Gregorii episcopi Tironensis Miraculæ Sancti Martini*, III, LI. Цит. по: *Alduc-Le Bagousse A.* Un problème de paléodémographie // Recueil d'études dédiées à M. Boüard. P., 1982. P. 7.
- ¹²⁸ *Delort R.* Le Moyen Age: Histoire illustrée de la vie quotidienne. P., 1972. P. 51. Правда, у обеих этих дам до 15 лет дожила лишь половина детей. Мы, однако, не знаем, какое число детей выжило бы у них при отсутствии кормилиц.
- ¹²⁹ *Coleman E. R.* L'infanticide dans le Haut Moyen Age // Annales E. S. C. 1974. N 2. P. 335.
- ¹³⁰ *Herlihy D.* Land, family and women in continental Europe, 701-1200 // *Traditio*. 1962. Vol. 18; *Idem*. Life expectancies for women in medieval society // The role of women in the Middle Ages. Albany, 1975. P. 1-16; *Idem*. Medieval households. P. 68, 100-101.
- ¹³¹ *Fossier R.* Enfance... P. 928-995; *Idem*. Paysan... P. 40.
- ¹³² *Fossier R.* La femme dans les sociétés occidentales // La femme dans les civilisations des Xe-XIIIe siècles. Poitiers, 1977. P. 96-97; *Idem*. Peuplement... P. 74-75; *Idem*. L'ère féodale (XI-XIII siècle) // Histoire de la famille. P. 378-379. Раньше, в конце 60-х годов, анализируя пикардийские акты, Р. Фоссье констатировал почти полное численное равенство упоминаний людей разных полов в этих источниках. С.: *Fossier R.* La terre... P. 279, 284-285.
- ¹³³ *Fossier R.* La femme... P. 93.
- ¹³⁴ *Ennen E.* Op. cit. S. 94, 101, 134.
- ¹³⁵ *Duby G.* Le chevalier... P. 52, 72, 76, 80; *Idem*. Les trois ordres... P. 255-256 etc.
- ¹³⁶ *Габбразманов П. III.* Крестьянская семья в Северной Франции IX-XI вв. // ФЭ. 1985. М., 1987; *Ennen E.* Op. cit. S. 81, 86; *Duby G.* Le chevalier... P. 50, 117.
- ¹³⁷ *Menard P.* Les lais de Marie de France. P., 1979. P. 134-141.
- ¹³⁸ *Leclercq J.* Le mariage vu par les moines au XII siècle. P., 1983.
- ¹³⁹ *Metz R.* Le statut de la femme en droit canonique médiéval // La femme: Société Jean Bodin. Bruxelles, 1962. P. 74-75.
- ¹⁴⁰ *Dalarun J.* Robert d'Arbrissel et les femmes // Annales E. S. C. 1984. N 6. P. 1140-1156.
- ¹⁴¹ *Фридман Р. А.* «Кодекс» и «законы» куртуазного служения даме в любовной лирике трубадуров // Учен. зап. Казан. пед. ин-та. М., 1966. Т. 34. С. 16; *Le Goff J.* Le rituel symbolique de la vassalité // Le Goff J. Pour un autre Moyen Age. P., 1977. P. 382-383.
- ¹⁴² *Marchello-Nizia Ch.* Amour courtois, société masculine et figures du pouvoir // Annales E. S. C. 1981. N 6. P. 979-981.

- ¹⁵² Дюби Ж. Куртуазная любовь и перемены в положении женщины во Франции XII в. // Одиссей, 1990. М., 1990.
- ¹⁵³ Flori J. Sémantique et société médiévale: Le verbe adouber et son évolution au XII siècle // Annales E. S. C. 1978. N 5. P. 932, note 84.
- ¹⁵⁴ Dialogue [1287]. P. 55.
- ¹⁵⁵ Lull R. Op. cit. Ch. 28. P. 76.
- ¹⁵⁶ Robert de Blois. Enseignement de princes. V. 315 etc.
- ¹⁵⁷ Fossier R. Enfance... P. 932.
- ¹⁵⁸ Herlihy D. Medieval households. P. 119–120.
- ¹⁵⁹ This B. Le Père: Acte de naissance. P., 1980. P. 178.
- ¹⁶⁰ Le Goff J. Métiers licites et métiers illicites dans l'Occident médiéval // Le Goff J. Pour un autre Moyen Age. P. 102–104; Ennen E. Op. cit. S. 155, 161, 182.
- ¹⁶¹ Robert de Blois. Le chastement de dames / Ed. J. Fox. P., 1950. V. 97 etc.; 190, 301, 477 etc.; 505, 539.
- ¹⁶² PN, I, § 25, 31.
- ¹⁶³ Гуревич А. Я. Семья, секс, женщина, ребенок в проповеди XIII в. // Историческая демография докапиталистических обществ. С. 154–185.
- ¹⁶⁴ L'histoire de la famille. P. 373–374; Le Roy Ladurie E. Structures familiales en France // Annales E. S. C., 1972, N 4–5.
- ¹⁶⁵ B. 1633; Le Registre d'Inquisition de J. Fournier. T. I. P. 308 (сын «erat dominus domus»).
- ¹⁶⁶ В XIII в. переживает кризис и куртуазный культ дамы, все чаще становившийся объектом критики и иронии. См.: Payen J. Ch. La crise du mariage vers la fin du XIIIe siècle d'après la littérature française du temps // Famille et parenté dans l'Occident médiéval. Roma, 1977. P. 413–426. И одновременно расцветают такие литературные жанры, как фарсы и фавлю, где, по удачному выражению М. Т. Лорсен, женщина, в первую очередь горожанка, рисуется только двумя красками – черной или белой – и где ее природный ум, находчивость и широта как бы противопоставляются ее порокам. См.: Lorcin M. T. Façon de sentir et de penser: Les fabliaux français. P. 105–107, 173–180.
- ¹⁶⁷ В «Церковной истории» Ордерика Виталия знатные дамы упоминаются по нашим подсчетам реже знатных мужчин примерно в 5 раз. В просопографических материалах, собранных об участниках Четвертого крестового похода, их братья и сыновья упоминаются чаще их сестер и дочерей также в 4–5 раз (подсчитано по: Longnon J. Les compagnons de Villehardouin: Recherches sur les croisés de la quatrième croisade. Genève, 1976). В поминальные книги аббатства св. Петра в Солливьяке было внесено за период с конца XII и до начала XIV в. 2489 человек; женщины среди них – считанные единицы (Documents nécrologiques de l'abbaye S. Pierre de Solignac/Sous la dir. de P. Marot. P., 1984. P. 418).
- ¹⁶⁸ Об изучении этой темы см.: Гуревич А. Я. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в современной историографии // Одиссей, 1989. М., 1989; Autour de la mort // Annales E. S. C. 1976. N 1; La mort au Moyen Age. Strasbourg, 1977; Death in the Middle Ages / Ed. H. Bract, W. Verbeke // Mediaeval Lovaniensia. Leuven, 1983.
- ¹⁶⁹ Lull R. Op. cit. P. 88, 197.
- ¹⁷⁰ Enseignemens // Langlois Ch. La vie en France au Moyen Age. P., 1912. P. 35.
- ¹⁷¹ О высказываниях этого рода Бернара Клервосского см.: Minois G. Histoire de la vieillesse en Occident. P., 1987. P. 234–235. Характеристику соответствующих воззрений Фомы Аквината см.: Duby G. Le temps des cathédrales. P., 1976. P. 180–181. Как справедливо отмечает Ж. Дюби, игнорирование в церковной ортодоксии возрастных различий обуслови-

- вало отсутствие возрастных примет и в скульптурных изображениях людей во французских соборах XII—XIII вв. (Ibid. P. 182).
- ¹⁷³ Sprandel R. Alter und Todesfurcht nach der spätmittelalterlichen Bibeldarstellung // *Death...* P. 113.
- ¹⁷⁴ Ibid. P. 108—109.
- ¹⁷⁵ Les statuts synodaux français du XIIIe siècle. P., 1971. P. 138.
- ¹⁷⁶ Goussier Th. Les actes de la province ecclésiastique de Reims. Reims, 1842. P. 449.
- ¹⁷⁷ Huques de Saint Victor. De sacramentis, 15, 3. Цит. по: Avril J. La pastorale des malades et de mourants aux XIIe et XIIIe siècles // *Death...* P. 95.
- ¹⁷⁸ Le Goff J. La naissance du purgatoire. P., 1981. P. 305—307; Ariès Ph. Une conception ancienne de l'au-delà // *Death...* P. 84 etc. Гуревич А. Я. О соотношении народной и ученой традиций в средневековой культуре: (Заметки на полях книги Жана Ле Гоффа). // ФЕ, 1982. М., 1984. С. 214, сл.
- ¹⁷⁹ Payen J. L'homme viator et le croisé: La mort et le salut dans la tradition du douzain // *Death...* P. 208—209.
- ¹⁸⁰ Les congés d'Arras / Ed. P. Ruelle. P.; Bruxelles, 1965. V. 451—455.
- ¹⁸¹ Payen J. Op. cit. P. 215.
- ¹⁸² Ibid. P. 217.
- ¹⁸³ Thiry Cl. De la mort marâtre à la mort vaincue: Attitudes devant la mort dans la déploration funèbre française // *Death...* P. 246.
- ¹⁸⁴ См. об этом: Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. С. 180 и сл.; Blum C. La folie de la mort dans l'imaginaire collectif du Moyen Âge // *Death...* P. 272—273.
- ¹⁸⁵ Thiry Cl. Op. cit. P. 249—252.
- ¹⁸⁶ Blum C. Op. cit. P. 266—270.
- ¹⁸⁷ Ibid. P. 272.
- ¹⁸⁸ Chiffolleau J. Ce qui fait changer la mort dans la région d'Avignon à la fin du Moyen Âge // *Death...* P. 117.
- ¹⁸⁹ Ibid. P. 118.
- ¹⁹⁰ Ibid. P. 126—130.
- ¹⁹¹ Когда этот текст был уже в печати, мы смогли ознакомиться со статьей Ж. Ле Гоффа «С небес на землю: Перемены в системе ценностей ориентаций на христианском Западе в XII—XIII вв.», написанной для сб. «Одиссей. Человек в истории. 1991». Не можем не выразить удовлетворения в связи с почти полным совпадением наших идей о тенденции обмирщения в XII—XIII вв. высших христианских ценностей с основной идеей статьи Ж. Ле Гоффа.
- ¹⁹² Chiffolleau J. Ce qui fait... P. 126—130.
- ¹⁹³ Ariès Ph. Essais sur l'histoire de la mort en Occident du Moyen Âge à nos jours. P., 1975. Ср.: Vovelle M. L'histoire des hommes au miroir de la mort // *Death...* P. 4.
- ¹⁹⁴ Мы имеем здесь в виду именно борьбу за преодоление болезней, а не признание ценности физической силы и здоровья как такового, что с давних пор входило в систему массовых представлений.
- ¹⁹⁵ По мнению М. Блока (Bloch M. Les rois thaumaturges: Etude sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre. Préf. de J. Le Goff. P., 1961. P. 38), этот обряд практиковался во Франции уже с XI в. В исследованиях, появившихся после первой публикации книги Блока (1924 г.), этот факт был оспорен. См.: Le Goff J. Préface. P. XIV—XVI.
- ¹⁹⁶ Ibid. P. 79—81.
- ¹⁹⁷ Bloch M. Les rois... P. 79—81, 102 etc.
- ¹⁹⁸ См.: Fossier R. Enfance... P. 122; Le Roy Ladurie E. Op. cit. P. 330, среди опасных болезней крестьяне называли понос, апоплексический удар,

- сердечные боли, лихорадку, подагру, свищи, язвы, нарывы, гнойники и т. п.
- ¹⁹⁹ Chédeville A. Op. cit. P. 95–96; Sigal P. *Maladie, pèlerinage et guérison au XIIIe siècle* // *Annales E. S. C.* 1969. P. 1522; Fossier R. *Enfance...* P. 123.
- ²⁰⁰ См.: Садернский кодекс здоровья/Пер. с лат. Ю. Ф. Шульца, М., 1970. Гл. 87–91.
- ²⁰¹ Lull R. Op. cit. Ch. 78.
- ²⁰² В отличие от этого Вурхард Вормский в начале X в., говоря о больных, акцентировал внимание на *запретности* языческих гаданий о судьбе заболевшего и поддерживал наказуемость языческих приемов исцеления.
- ²⁰³ Rayen J. *L'homme viator et la croisé* // *Death...* P. 218.
- ²⁰⁴ Небезынтересно, что первым французским королем, который знал своего деда, был Людовик XI (1226–1270 гг.).
- ²⁰⁵ PN, § 37–38.
- ²⁰⁶ Ibid. § 36.
- ²⁰⁷ Minois G. Op. cit. P. 230–231.
- ²⁰⁸ Andrae Capellani Regii Francorum de Amore Libres tres/Ed. E. Tröjel. Copenhagen, 1892. P. 11–12.
- ²⁰⁹ Lull R. Op. cit. P. 131.
- ²¹⁰ По данным Минуа, из 40 допрошенных на процессе 1307 г. членов ордена Тамплиеров моложе 40 было лишь 12 человек, старше 60 – 10. В числе 216 свидетелей канонизации св. Ива в 1330 г., происходившей в присутствии ангулемского и лиможского епископов, 87 человек (40%) было старше 50 лет (в том числе 20 человек – 9,2% – старше 65). См. Minois G. Op. cit. P. 240–260.
- ²¹¹ Forst de Battaglia O. *Traité de généalogie*. Lausanne, 1949.
- ²¹² Fossier R. *Enfance...* P. 105. Средний возраст Плавтагенетов составлял 53 года, Штауфенов – 52 года.
- ²¹³ Longnon J. *Les compagnons de Villehardouin...* Ch. I–VIII.
- ²¹⁴ Ibid. P. 5.
- ²¹⁵ Поясним это на примере рыцаря Jean de Tournay. О нем известно, что он умер в 1220 г. В источниках он впервые упоминает в 1190 г. в документах аббатства Chémipon; См.: Longnon J. Op. cit. P. 76. Допустив, что в 1290 г. ему было лишь 15 лет, и приравняв соответственно продолжительность его жизни к 45 годам, мы даем ей явно заниженную оценку по сравнению с тем, что было бы сделано, если бы дата первого упоминания в источниках отождествлялась с возрастом старше 15 лет.
- ²¹⁶ Отличие этой цифры от средней продолжительности жизни всех учтенных рыцарей связано с тем, что она отражает длительность предстоящей жизни только для двадцатилетних. Небезынтересно, что эта цифра практически совпадает со средней длительностью предстоящей жизни для всех двадцатилетних (23 года), рассчитанной для Западной Европы XI–XIII вв. Дж. Расселом (Russel J. Op. cit. P. 130). Несмотря на крайнюю фрагментарность использованных Расселом данных и их географическую и социальную дифференцированность, они, видимо, по закону больших чисел могут иногда иметь познавательное значение. Особенно это касается данных о господствующем классе, члены которого широко присутствуют в выборке Дж. Рассела.
- ²¹⁷ Les statuts synodaux français du XIIIe siècle/Publ. O. Pontal. P., 1971. T. I. P. 184, cap. 68.
- ²¹⁸ Hasenohr G. *La vie quotidienne de la femme vue par l'Eglise* // *Frau und spätmittelalterlicher Alltag*. Wien, 1986. P. 75.
- ²¹⁹ PN, § 193–194. P. 104–105.
- ²²⁰ Le livre au roi // Les assises de Jerusalem/Publ. par A. Beugnot. P., 1841–1843. Ch. 47 («...Ce un chevalier home lige... ait passé aage de soissante ans... et il a fie de son cors... la raison... ait establi qu'il det aver son fié

- sans services»). См. также: Ibid. Ch. 48. Аналогичные распоряжения включены в ассизы Антиохии (Assises d'Antioche, I, 10) и Кипрской Романии (Assises de Romanie/Ed. G. Recora. P., 1930, 89).
- ²²¹ *Le Roy Ladurie E.* Op. cit. P. 317, 322; *Histoire de la famille.* P. 371. Аналогичные данные для Англии этого же времени см.: *Hanawalt B.* Op. cit. P. 228.
- ²²² *Fossier R.* La terre... P. 280.
- ²²³ *Delort R.* Op. cit. P. 55.
- ²²⁴ Средняя продолжительность жизни в развитых странах современного мира 75–80 лет (во Франции 80-х годов 75,9 лет). Лица старше 40 лет составляли во Франции в 1982 г. 40% населения, а старше 50 – около 28%.
- ²²⁵ См., например: *Polyphtique de l'évêché de Toul*/Publ. H. Olland // *Bulletin philologique et historique.* 1979. P. 1981. *Passim*; *Güter-Verzeichnis der Abtei S. Maximini.* *Passim*.
- ²²⁶ См., например: *Fossier R.* *Histoire sociale de la Moyen Âge.* P. 124–130.
- ²²⁷ *L'ancien coutumier inédit de Champagne*/Publ. P. Portejoie. Poitiers, 1956. *Passim*; *В.* *passim*.
- ²²⁸ *Histoire de la famille.* P. 365. В раннее средневековье обычная площадь так называемых «больших домов» в северозападных районах Европы достигала 450 кв. м (*Chapelot J., Fossier R.* *Le village et la maison au Moyen Âge.* P., 1980).
- ²²⁹ См.: *Бессмертный Ю. Л.* Французское крестьянство в X–XIII вв. // *История крестьянства в Европе.* Т. 2. Гл. 4.
- ²³⁰ *Fossier R.* *Paysans d'Occident...* P. 36–40.
- ²³¹ *Бессмертный Ю. Л.* *Феодалы и деревня...* С. 185, сл.
- ²³² Там же. С. 65 и след.; *Guerreau-Jalabert A.* *La désignation des relations et des groupes de parenté* // *Archivum Latinitatis Medii Aevi.* Bruxelles, 1988. Т. 46/47. P. 92 etc.
- ²³³ *В.* 556.
- ²³⁴ *AL.* II, 50.

ГЛАВА 4

Спад и восстановление XIV—XV вв.

1. Постановка вопроса

Динамика народонаселения во Франции XIV—XV вв. освещена в медиевистике еще подробнее, чем для XI—XIII вв. Удивляться этому не приходится. Демографические катастрофы, начавшиеся с середины XIV в., до такой степени поразили воображение современников, что они оставили о них гораздо больше свидетельств и притом в самых разных памятниках: фискальных, хроникальных, литературных и др. Немало сохранилось и количественных оценок, естественно привлечших особое внимание. Опираясь на них, медиевисты воспроизводят общий демографический тренд XIV—XV вв., его локальные особенности, краткосрочные демографические спады и подъемы. Число исследований такого рода весьма велико: только за последние 20—30 лет специалисты по истории Франции опубликовали добрую сотню книг и статей по этой тематике¹. Вместе с работами о так называемых «запустениях» и внутренних миграциях они составили внушительный корпус материалов, достаточных для характеристики демографической динамики едва ли не во всех основных французских провинциях. Основные результаты проделанных исследований обобщены в табл. 4.1.

Как видно из табл. 4.1 и схемы 4.2, демографические колебания были в разных областях не вполне одновременными. В Провансе максимум спада в XIV в. приходится на конец 40-х — начало 60-х годов, в XV в. — на его первое десятилетие. В Шампани первый спад происходит в начале 1370-х годов, второй —

Таблица 4.1

Убыль сельского населения во Франции XIV—XV вв.*
(начало 1348 г. = 100)

Провинция	Годы	Убыль, %	Апог. и спада в XIV в.	Ссылки
Иль-де-Франс	1349	20	1360-е годы	<i>Fourquin G.</i> Un siècle de calamités // Histoire de l'Île-de-France. P., 1971. P. 151—152; <i>Fossier R.</i> Peuplement de la France du Nord entre X ^e et XVI ^e siècles // ADH. 1979. P. 70.
	1365	25		
	1427	65		
Бургундия	1349	30	1360— 1380 гг.	<i>Le Roy Ladurie E.</i> Les masses profondes: La paysannerie // Histoire économique et sociale de la France. P., 1977. T. 1. P. 489—494; <i>Pesez J.-M.</i> Le village médiéval // Archéologie médiévale. - P., 1971. P. 307; <i>Dubois H.</i> L'histoire démographique... d'après les «cherches de feux» // La démographie médiévale: Sources et méthodes: Actes du congrès de l'Association des historiens médiévistes de l'Enseignement supérieur publique. Nice, 1972. P. 92—94.
	1380	70		
	1430	50		
Нормандия (восточная)	1357	30	Около 1374 г.	<i>Bois G.</i> Crise du féodalisme: Economie rurale et démographie en Normandie orientale du début du XIV ^e au milieu du XVI ^e siècle. P., 1976. P. 55, 307.
	1374	50		
	1450	75		
Шампань (южная)	1372	50	Около 1372 г.	<i>Belotte M.</i> La région de Barsur-Seine à la fin du Moyen Âge. Lille, 1973. P. 172 etc.; <i>Fossier R.</i> Remarques sur les mouvements de population en Champagne méridionale au XV ^e siècle // Bibliothèque de l'Ecole de chartes. P., 1964. P. 188; <i>Fossier R.</i> Intervention // La démographie médiévale... P. 109.
	1445	65		
Прованс **	Конец 1348 г.	50	1350— 1360-е годы	<i>Baratier E.</i> La démographie provençale du XIII ^e au XVI ^e s. P., 1961. P. 82; <i>Le Roy Ladurie E.</i> Op. cit. P. 487; <i>Guillemin M.</i> Intervention // La

Таблица 4.1 (окончание)

Провинция	Годы	Убыль, %	Апогей спада в XIV в.	Ссылки
Артуа **	1347—1386	Около 35—40	1380-е годы	démographie médiévale... P. 26; <i>Stouff L.</i> La ville d'Arles à la fin du Moyen Âge. Aix-en-Marseille, 1979. P. 115. <i>Bocquet A.</i> Recherches sur la population de l'Artois et du Boulonnais pendant la période bourguignonne. Arras, 1969. P. 38—39, 142.
Эно **	1365—1424	29	—	<i>Sivry G.</i> Structures agraires et vie rurale dans le Hainaut à la fin du Moyen Âge. Lille, 1973. P. 500 et s., 603 et s.; 663 et s.; 799 et s.
Бретань	1390—1450	25	—	<i>Le Roy Ladurie E.</i> Op. cit. P. 489—494.
Брабант **	1350—1500	19	—	Ibid.
Дофинэ	1377—1420	Около 30—50	—	<i>Baratier E.</i> Op. cit. P. 87.
Лангедок	Конец 1348 — начало XV в.	30	1348—1350 гг.	Histoire de Languedoc. Toulouse, 1970. P. 235—241.

* Собранные в табл. 4.1. данные сугубо приблизительны. Они характеризуют лишь примерный масштаб изменений в численности сельского населения. При расхождении данных разных исследователей учитываются наиболее надежные.

** Данные по этим провинциям, не входившим (как Брабант) или лишь частично входившим (как Эно) в состав Франции, приводятся для сравнения.

в 1430-х годах. В Нормандии вслед за пиком спада в начале 1370-х годов последовало частичное восстановление численности населения, вновь резко убывающего в 30—40-е годы XV в. В Иль-де-Франсе пики спада в 1349 и 1365 гг. разделены краткосрочным подъемом конца 50-х годов; новый подъем приходится здесь на конец XIV столетия, а максимум спада — на 20-е годы следующего века. В Бургундии пик спада в XIV в. приходится на двадцатилетие — 1360—1380 гг., в Артуа — на 1385 гг.

Не была одинаковой и длительность демографических спадов. Наиболее глубокими они были в Лангедоке, Провансе, Бургундии, где спад XIV в. удалось преодолеть полностью лишь в следующем столетии. В отличие от этого в Иль-де-Франсе и Нормандии спады в XIV в. перемежались не менее резкими подъемами в

численности населения. В некоторых провинциях — в Шампани, Бретани, Артуа — спад был менее резким, но и более длительным.

Эти различия между провинциями далеко не исчерпывают многообразия демографических колебаний: внутри каждой из них свою судьбу могли иметь отдельные районы и отдельные местности. Многие из этих особенностей имеют объяснение в «географии» Столетней войны, в расседоточенности главных очагов народных восстаний, в своеобразии путей распространения чумных эпидемий, наконец, в степени изолированности отдельных местностей.

Осмысливая подобные особенности, Э. Леруа Ладюри выделил в свое время в качестве наиболее пострадавших от демографического спада области к югу от Артуа и расположенные вдоль линии Бове—Монпелье². Ничуть не недооценивая эту локальную специфику, мы считали бы, однако, важным акцентировать здесь некоторые общие для всей Франции черты демографической динамики, и притом не только те, которые связаны с «Черной смертью».

Перелом в демодинамике наметился уже на рубеже XIII—XIV вв., когда тенденция роста стала в некоторых областях Франции уступать место стагнации населения³. Затем последовали два еще более всеобщих кризисных периода, первый — с 1348 г. по конец 70-х годов, второй — в 10—30-е годы XV в.

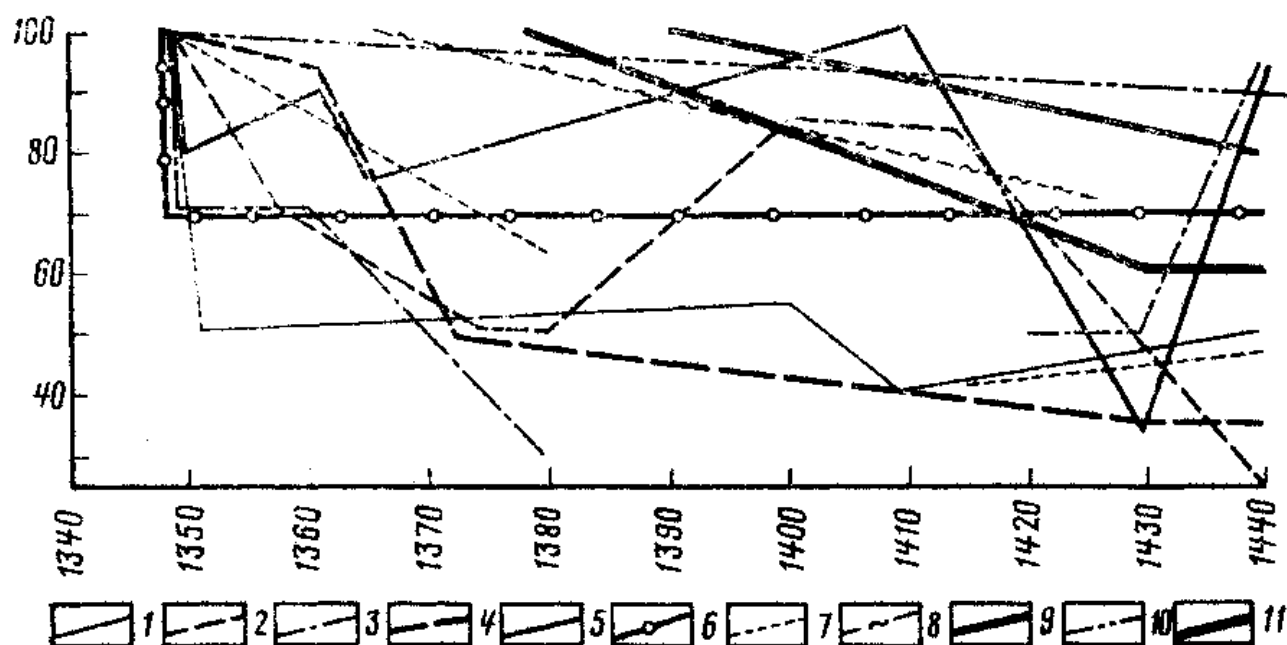

Схема 4.2

Изменение численности сельского населения во Франции
XIV—XV вв. (начало 1348 г. = 100)

- 1 — Иль-де-Франс; 2 — Восточная Нормандия; 3 — Бургундия; 4 — Южная Шампань;
5 — Прованс; 6 — Лангедок; 7 — Артуа; 8 — Эно; 9 — Бретань; 10 — Брабант;
11 — Дофинэ

За 70—80 лет начиная с 1348 г. Франция потеряла минимум 30—40% населения⁴. Фактически доля потерь была еще выше: как только что отмечалось, в ряде провинций часть убыли была восполнена в период между двумя спадами, второй из которых унес и восполненную после первого кризиса часть населения.

В любом, однако, случае тенденция к восполнению потерь действовала уже в XIV в. Она была особенно явной в Иль-де-Франсе и Нормандии (см. схему 4.2), но в той или иной мере присутствовала и в большинстве французских провинций. На схеме видно, что сокращение численности населения после конца 70-х годов XIV в. прекращается на 30—35 лет почти повсеместно, несмотря на продолжающиеся вспышки чумы, военные опустошения, неурожай и восстания. Такое было возможно лишь при условии интенсивного воспроизводственного процесса. Еще очевиднее становится этот процесс после 40-х годов XV в.⁵ Как выяснено исследователями, в начале XVI в. во Франции восстанавливается докризисная численность населения⁶. Иначе говоря, за 70—80 лет начиная с 40-х годов XV в. прирост обеспечил восполнение тех же 30—40% численности населения (или даже больше), которые были потеряны за предыдущие 70—80 лет. Какую бы из существующих оценок общей численности населения Франции в середине XIV в. мы ни избрали⁷, это предполагало ежегодный прирост около 5‰⁸, что по тем временам было далеко не заурядным явлением. В общем во Франции XIV—XV вв. действовали почти параллельно или по крайней мере попеременно две противоположные тенденции в динамике населения, одна — к убыли, другая — к приросту. Для понимания демографического развития этих столетий изучение второй из них ничуть не менее важно, чем первой⁹.

Более того, вторая тенденция представляется нам особенно интересной. В отличие от первой она почти целиком определялась внутренними факторами социально-демографического развития. Именно они обеспечили компенсацию громадной убыли населения. Это было возможным лишь при наличии обширных ресурсов воспроизводства населения. Где они были скрыты? Какие черты демографического поведения способствовали их созданию? Эти вопросы не привлекали до сих пор достаточного внимания исследователей. Нам же они представляются исключительно важными как с собственно демографической, так и с общесторической точек зрения. Анализируя демографическое развитие Франции в XIV—XV вв., нам хотелось бы, таким образом, перенести центр тяжести исследования с анализа истоков кризиса на изучение истоков его преодоления.

Но это лишь одно из отличий нашего подхода. Как и в предыдущих разделах, мы будем интересоваться не только результа-

тами демографических процессов, но и их внутренним содержанием. А для этого очень важно уразуметь взаимосвязь брачности, рождаемости, смертности и других элементов воспроизводительного процесса между собою и с социальной системой в целом. И как и в предыдущих разделах, мы будем идти к пониманию этих взаимосвязей через изучение массовых представлений о жизни и смерти, браке и деторождении, молодости и старости, здоровье и болезни и т. д.

Но прежде чем обратиться к этим главным объектам исследования, присмотримся внимательнее к некоторым особенностям демографических сдвигов во Франции XIV—XV вв., особенно наглядно подтверждающим интенсивность собственно воспроизводительных процессов. Выше уже упоминалось явление так называемых «запустений», лучше всего изученное на немецких материалах. В свое время В. Абель, Ф. Лютге, Е. Кельтер и др. выдвинули гипотезу, согласно которой катастрофический спад населения в Западной Европе XIV в. означал безвозвратное исчезновение значительной части древних деревень. В Германии Абель и его коллеги оценивали потери в одну четвертую — одну вторую массы поселений. В основе сельских «запустений», по мнению названных исследователей, лежал ряд экономических процессов — падение цен на хлеб (при росте цен на ремесленные товары), расширение более интенсивных отраслей сельского хозяйства (животноводства, виноградарства) и — в более широком плане — аграрный кризис, глобальная перестройка общества, «преодоление» средневековья в целом¹⁰.

Эта концепция не раз уже подвергалась критике по отношению к территории Франции. Полное исчезновение сельских поселений здесь в отличие от Германии встречалось очень редко. Из 30—35 тыс. деревень, существовавших во Франции (в ее современных границах) около 1300 г., за последующие 150 лет безвозвратно исчезло несколько более тысячи (по максимальным оценкам, 3 тыс.), т. е. 3—4% (максимум 10%)¹¹. В лучшие изученных развитых французских провинциях — Нормандии, Иль-де-Франсе, Гиени, Бордела — безвозвратно исчезли лишь немногие деревни (не более 2—3%), несмотря на то что именно эти провинции жесточайшим образом пострадали во время Столетней войны. Запустения вовсе не коснулись во Франции крупных деревень, насчитывавших более 50 «очагов»: они сравнительно быстро восстанавливались даже после самых страшных бедствий¹².

Такому восстановлению способствовали прежде всего внутренние миграции. Передко это были очень скромные по амплитуде перемещения — в пределах 10—20 км или несколько больше — в границах одной и той же провинции¹³. Они предполагали переселения из соседних деревень, почему-либо меньше задетых

Таблица 4.3

Направления крестьянских миграций во Франции XIV в.

Область иммиграции	Области эмиграции	Ссылки
Иль-де-Франс	Овернь, Бретань Нормандия, Бовези, Бри, Орлеанские, Пикардия	<i>Fourquin G.</i> Les campagnes de la région parisienne à la fin du Moyen Âge. P., 1964. P. 64; <i>Fossier R.</i> Peuplement de la France... P. 90. <i>Pesez J. M., Le Roy Ladurie E.</i> Le cas français: Vue d'ensemble // Villages désertés et l'histoire économique, XI ^e —XVIII ^e siècles. P., 1965. P. 190; <i>Fossier R.</i> Peuplement de la France..., note 97; <i>Glénisson J., Mitraki J.</i> Désertion rurale dans la France médiévale // Villages désertés... P. 285.
Бордос	Нуату, Бретань	<i>Fossier R.</i> Peuplement de la France... P. 90; <i>Boutruche R.</i> La crise d'une société: Seigneurs et paysans en Bordelais pendant la guerre de Cent ans. P., 1947. P. 188 etc.
Бургундия	Ангумуа, Сентонж, Перигор, Гасконь, Бери, область Пиренеев	<i>Pesez J., Le Roy Ladurie E.</i> Op. cit. P. 186; <i>Glénisson J., Mitraki J.</i> Op. cit. P. 285.
Фландрия	Шампань, Лотарингия, Германия	<i>Histoire de la France rurale.</i> P., 1976. T. 2. P. 101—105; <i>Glénisson J., Mitraki J.</i> Op. cit. P. 278; <i>Legual A.</i> Intervention // La démographie médiévale... P. 109.
Нижний Прованс	Дюфинэ, Лионне, Бургундия, Италия, Перигор	<i>Boutruche R.</i> La dévastation des campagnes pendant la guerre de Cent ans // Mélanges (Publications de la fac. de lettres de Strasbourg), 1945. <i>Stouff L.</i> Op. cit. P. 128—142; <i>Higounet Ch.</i> Mouvements de population dans le Midi de la France // Annales E. S. C. 1953. N 1.
Лангедок	Дюфинэ, Овернь, Бретань, Гиень	<i>Higounet Ch.</i> Op. cit.; <i>Gramain M.</i> Un exemple de démographie méridionale: La viguerie de Béziers dans la première moitié du XIV siècle // La démographie médiévale. P. 41; <i>Wolff Ph.</i> Commerce et marchands de Toulouse. P., 1954. P. 79 etc.

Таблица 4.3 (окончание)

Область иммиграции	Области эмиграции	Ссылки
Керси	Руэрг, Центральный массив	<i>Pesetz J.-M., Le Roy Ladurie E.</i> Op. cit. P. 185; <i>Higounet Ch.</i> Op. cit. P. 23; <i>Glénisson J., Misraki J.</i> Op. cit. P. 284.
Бретань	Нормандия	<i>Grand R., Delatouche R.</i> L'agriculture au Moyen Âge. P., 1950. P. 679.
Гиень	Бретань, Овернь, Лимузен	<i>Higounet Ch.</i> Op. cit. P. 23 etc.

эпидемиями, войнами или сеньориальными насилиями. (Подчас близ расположенные деревни имели в этом отношении совершенно различную судьбу¹⁴.) Но довольно часто в пострадавшие районы мигрировали крестьяне из соседних провинций. Их переселение зафиксировано нотариальными сделками; о нем свидетельствуют некоторые судебные споры и поземельные грамоты; подчас о том же говорят хроники и другие нарративные памятники, констатирующие, что число переселенцев измерялось сотнями и даже тысячами; в некоторых местах мигранты селились столь компактно, что давали деревне новое имя; косвенным свидетельством массовых переселений служит также установление специальных палаточных льгот для тех, кто возвратится на прежнее местожительство¹⁵.

Эти крестьянские миграции заполняли бреши в городах и областях, опустошенных сильнее других, и притом в первую очередь там, где имелись лучшие хозяйственные перспективы (табл. 4.3). Для нас важнее всего уяснить, означали ли эти миграции восполнение потерь в одних местах за счет запустения провинций, из которых шла миграция, или же это было перераспределение реально существовавших «излишков» населения¹⁶. К сожалению, для развернутого ответа на этот вопрос недостает данных. Тем не менее самый перечень областей эмиграции, включавший такие «перенаселенные» провинции, как Бовези, Орлеан, Пикардия, Шампань, позволяет высказаться в пользу второй гипотезы. О сохранении в областях интенсивной эмиграции демографического «потенциала» говорят и некоторые конкретные исследования¹⁷. Это дополнительно подтверждает силу позитивной воспроизводственной тенденции во Франции XIV—XV вв. Обращаясь к рассмотрению возможных истоков этой тенденции, остановимся прежде всего на модели брака.

2. Модель брака и брачность. Статус женщины

Как отмечалось выше, даже в конце XIII в. и крестьяне, и горожане, и благородные, создавая супружеский союз, не всегда оформляли его в церкви. Это было возможно, в частности, потому, что нецерковные браки не рассматривались в обыденном сознании как нечто иное. В XIV и XV вв. положение во многом изменяется. Отметим прежде всего, что в светских юридических памятниках исчезают свидетельства терпимого отношения к нецерковным бракам. О них нет теперь и речи ни в записях обычного права, ни в судебной практике. В то же время престиж церковных бракосочетаний явно возрастает. Только они признаются теперь законными. Ради достижения церковного брака идут даже на преступления. Среди лангедокских грамот о помиловании в связи с церковными браками в хранилище хартий отложились в частности следующие. В грамоте 1395 г. помилуется оруженосец, *Piege d'Esraly*, пытавшийся обвенчать с выгодным женихом свою кузину, коей было лишь 11 лет. Грамота 1414 г. дарует помилование рыцарю *Guilhem Darlempde*; этот рыцарь, добываясь реализации обещанного его сыну законного брака с одной из дочерей *Guibert Gou*, участвовал в ее похищении. В 1452 г. были помилованы братья *Cariz*, убившие каталонца, обвинявшего их в том, что они помешали его церковному бракосочетанию. В 1492 г. объявляется помилование оруженосцу *Hugues de la Baillue*, допустившему в своих владениях совершение церковного брака по принуждению¹⁸. Факты подобного рода не представляют чего бы то ни было исключительного. Они в изобилии встречаются и во многих других областях. Ясно, что во всех таких случаях церковный брак представлялся людям исключительной формой супружеского союза.

Пожалуй, еще существеннее, что изменение отношения к церковному браку обнаруживается в XIV—XV вв. не только в праве. Об этом свидетельствует анализ некоторых народных обычаев, в частности так называемых шаривари. Первое конкретное описание шаривари во Франции относится к началу XIV в. Оно содержится в интерполяции 1316 г., внесенной Раулем Шею в «Роман о Фовеле» (автор — Жерве Дюбу). В тот самый момент, когда злодей и притворщик Фовель собирался отпраздновать свадьбу с Тщеславием, он, согласно тексту 1316 г., был остановлен шумной толпой в карнавальных костюмах и масках; все это действо названо в тексте *chalival* и проиллюстрировано миниатюрой¹⁹. В толпе громко кричали, били в сковороды, ударили пестиками в ступки, непристойно жестикулировали, явно не желая допустить этого брака. О том, что подобные действия

стали в XIV в. атрибутом реальной жизни, свидетельствуют постановления французских провинциальных соборов. Соборы в Лионе (1324—1326 гг.), Реймсе (1328—1330 гг.), Авиньоне (1337 г.), Мо (1365 г.), Трегье (1365 г.), Бурже (1368 г.), Труа (1399 г.), Лангре (1404, 1481 гг.), раз за разом возвращаются к этому обычаю, осуждают его и предписывают отлучать участников шаривари от церкви или же наказывать специальными штрафами²⁰.

Как видно из церковных документов, в XIV—XV вв. шаривари были направлены почти исключительно против повторных браков²¹. Они происходили преимущественно в городах, но со временем распространились и в деревне²². Участники шаривари либо вторгались в церковь во время бракосочетания и мешали совершению брачного обряда, либо окружали дом новобрачных, загораживали его окна трупами дохлых животных, учиняли драки; порой дело доходило и до убийств²³. Церковные запреты шаривари успеха не имели. Единственное, что их порой предотвращало, — это выкуп, уплачивавшийся новобрачными. Не будучи способны искоренить этот обычай, церковные власти соглашались в XV в. разрешать «мирные» шаривари при условии предварительной договоренности и за уплату специальных пощлин. Происходит как бы «социализация» шаривари. Разрешая их, власти исходят, видимо, из того, что, как замечал по другому поводу известный сорбоннский теолог Жан Жерсон, следует «помогать народу освободиться от глупостей», поступая так же, как поступают, когда бродит молодое вино: «чтобы бочка с таким вином не взорвалась, нужно вовремя выпустить из нее скопившиеся газы...»²⁴.

В чем внутренний смысл шаривари? Рассматривая этот обычай, культурологи не раз исследовали его генезис; на этой основе была выдвинута гипотеза о связи шаривари с древней традицией борьбы против нарушения брачных моделей и еще более архаичными представлениями о необходимости магических действий для поддержания установленного порядка жизни в целом. Так, по мнению Н. Э. Дэвис, К. Гинзбурга, М. Грибберга, Ж. Шифолё и др.²⁵, шаривари были своеобразной реакцией молодежи той или иной местности на попытки «чужаков» (или вдовцов) ущемить ее приоритетные matrimoniaльные притязания на юных невест либо же реакцией той же молодежи на любые «печесивые» браки, например на браки девиц легкого поведения или браки известных «донжуанов», забеременевших женщин и т. п. В действиях молодежи видят при этом осуществление воли умерших предков, требующих (и магически помогающих) восстановить должествующий «порядок вещей».

Более конкретная характеристика роли шаривари во Фран-

ция стала возможной после сплошного анализа всех случаев бытования этого обычая в XIV—XVIII вв. Такое изучение обнаружило неоднородность функций шаривари в периоды до и после XVI в. Выяснилось, в частности, что отождествление участников шаривари преимущественно с молодежью оправданно лишь начиная с XVII в.²⁶ До этого и особенно в XIV—XV вв. упоминания молодежи в связи с шаривари редки. Они вовсе отсутствуют в текстах соборных постановлений XIV—XV вв. В последних при характеристике шаривари используются весьма широкие обозначения: «*vicini et alii*»²⁷, «*omnes et singulos parochianos vestros cujuscumque conditionis*»²⁸, «*tam clericis quam laicis*»²⁹. Лишь в отдельных грамотах того времени о помиловании вина за шаривари возлагается на «*jeunes compaignons*»³⁰. Видимо, прав А. Бюргер, замечающий, что «вопреки излюбленному тезису фольклористов» молодежь нельзя считать главным участником шаривари в период, предшествующий XVII в.³¹

Для XIV—XV вв. не подтверждается и направленность шаривари специально против браков с чужаками: осуждения подвергался тогда любой повторный брак³². Наконец, представляется невозможным подобно К. Гинзбургу или Ж. Шифолё видеть в этом обычае следствия демографического спада и общей «нехватки» женщин³³. И дело не только в том, что, как отмечалось выше, шаривари получили распространение уже в первой половине XIV в. и именно в тех провинциях (Лионне, Лангедок, Прованс), где сохранялось демографическое «переполнение». Ведь если целью участников шаривари было в то время предотвращение любых повторных браков, то данный обычай объективно вообще не увязывается с демографическим спадом, когда браки стараются поощрять, а не ограничивать. Шаривари же препятствовали увеличению числа повторных церковных браков. Как отмечалось в постановлении турецкого провинциального собора 1431 г., «многие вдовцы и вдовы предпочитают жить в конкубинате, не вступая в законный брак из-за страха шаривари»³⁴. Ясно, что это ограничивало и брачную рождаемость. Как видим, однозначно связывать распространение этого обычая в XIV—XV вв. с «нехваткой» невест для молодежи было бы по меньшей мере неосторожным.

В функционировании шаривари, на наш взгляд, важнее иной аспект. Выступая против любых повторных браков, в том числе и тех, которые разрешала церковь³⁵, участники шаривари — как молодежь, так и все взрослое население — объективно защищали идеальный канон моногамного христианского брака. В соблюдении этого канона они шли дальше официальных богословов, оказываясь гораздо нетерпимее к отклонениям от него. Такое было возможно лишь при условии, что сам этот канон во всех

своих элементах был глубоко усвоен в обыденном сознании. В этом смысле самое распространение шаривари во Франции XIV—XV вв. косвенно подтверждает общепринятость церковного брака как единственной законной формы супружеского союза. Церковный брак стал абсолютным идеалом не только для верхов, но и для низов общества, как для молодых людей, так и для людей зрелого возраста.

Не случайно утопический «Орден страстей господних» Филиппа де Мезьера, который должен был бы охватить членов всех сословий: аристократов, духовенство, крестьян, имел в отличие от обычных монашеских обетов и обет церковного брака³⁶. Таковой брак в его идеальном воплощении выступал, по Мезьеру, приемлемым даже для клириков.

Всеобщее принятие церковной модели брака подразумевало, разумеется, строжайший запрет разводов и исключение повторных браков при жизни супругов. Какие бы то ни было индивидуальные склонности при выборе брачной партии (или же попытке отказа от нее) игнорировались и правом и практикой. При этом осуждались любые мезальясы, с той лишь разницей, что одни из них — между членами разных сословий — чаще запрещались, а другие — в рамках одного и того же сословия (например, браки более знатных дворян с менее знатными, более именитых горожан с менее именитыми и т. п.) — лишь не рекомендовались³⁷. Превращение церковного брака в повсеместно признаваемую форму не предполагало, как видим, «либерализации» условий его заключения и расторжения и с этой точки зрения не оппортило роста брачности.

Было бы, однако, неверным думать, что идеал церковного брака определял все поведенческие стереотипы. Разрыв между идеалом и действительностью — обычное явление средневековья. Он обнаруживается во всех сферах жизни, и matrimonialное поведение отнюдь не составляет в этом смысле исключения. Остановимся на этом подробнее.

В полном соответствии с каноном многоамного брака и в праве, и в массовом сознании очень резко осуждались любые формы супружеской измены. Женщине, совершившей прелюбодеяние, в XIV—XV вв. грозила смерть. Если ее застигал на месте преступления муж, он мог тут же убить ее; суд в таких случаях обычно освобождал мужа от наказания³⁸. Допускалась также выдача виновной для осуществления казни ее же роду³⁹. Женщина, уличенная в адюльтере светским судом, могла быть повешена⁴⁰. Случаи судебного преследования мужчин за прелюбодеяния встречались гораздо реже и, видимо, лишь тогда, когда их статус существенно уступал статусу оскорбленного мужа⁴¹. Тем не менее местные власти, и в том числе городские магистраты,

резко выступали против любых супружеских измен. В городах существовала своего рода «полиция нравов». Ее действия нередко пользовались поддержкой населения. Возглавленные молодежными братствами жители подвергали осмеянию, с одной стороны, прелюбодеев, с другой — обманутых мужей, которых именно в то время стали называть обидными кличками: «нозами» (букв.: «наш друг»), «рогоносцы», «голубые» (в противовес «желтым» — завязатым развратникам) ⁴².

Столь же единодушно — и со стороны властей, и в общественном мнении — осуждаются в XIV—XV вв. разводы или же попытки мужей и жен проживать отдельно друг от друга. Именно такое обособление бывших жен служило нередко поводом для групповых изнасилований. Случалось, что невозможность добиться развода толкала кого-либо из отчаявшихся супругов на убийство ⁴³. А в то же время формально признавалась обязательной полная доверительность в отношениях между супругами ⁴⁴.

Не менее показательно и отношение к конкубинату. Право предписывало наказывать его тюрьмой ⁴⁵, допускался и самосуд (вплоть до убийства виновных). Местные власти обыскивали дома подозреваемых, особенно клириков. Последние лишались своих должностей. Уличенных в конкубинате женщин заставляли носить платья особого цвета ⁴⁶. Толпа предавала их осмеянию ⁴⁷. Их попытки совершить аборт наказывались по суду ⁴⁸. Доведенные до безумия различными преследования эти женщины решались на детоубийство, грозившее им казнь ⁴⁹.

Еще определеннее совпадение позиций властей и населения по отношению к случаям изнасилования. Несмотря на то что судебные иски по таким казусам из-за боязни отласки представлялись пострадавшими лишь изредка, число соответствующих судебных дел во Франции — особенно после 40-х годов XV в. — было весьма велико ⁵⁰. По подсчетам Ж. Росио, в Дижоне (типичном французском городе) в 1436—1486 гг. в среднем каждый второй мужчина в возрасте от 18 до 24 лет хоть раз участвовал в изнасиловании ⁵¹. Среди участников насилия здесь преобладали холостяки (из 450 идентифицированных мужчин холостыми были 214, женатыми — 18); большинство их были ремесленниками (ткачи, вальяльщики, мясники, ювелиры), поденщиками или клириками. В 80% случаев изнасилования бывали групповыми (в них участвовало от 2 до 15 человек) и совершались обычно ночью. Под предлогом сторожевого «обхода» или без всякого предлога участники насилия врываются в дом, где находилась одинокая женщина, вдова или оставшаяся одной на время отлучки мужа молодая женщина. Иногда насилия совершались в присутствии запуганных родичей жертвы. Сами жертвы чаще всего принадлежали к низшим (или средним) слоям общества ⁵².

Виновные в изнасиловании наказывались по суду, хотя и не слишком сурово; им грозили несколько месяцев (или недель) тюрьмы, либо штраф, либо розги. Более строго в судах преследовались только насилия над девочками до 14 лет и над почтенными матронами⁵³. Страшнее была угроза мести со стороны родственников опозоренной женщины. Самосуд и убийство насильников случались, видимо, не очень редко: в актах помилования в Лангедоке не раз упоминаются убийства насильников родственниками пострадавших⁵⁴. Несмотря на это, в середине и конце XV в. индивидуальные и групповые изнасилования женщин стали обычным явлением, особенно в городах. Для молодых мужчин участие в них нередко превращалось как бы в «пропуск» в среду сверстников или в молодежный союз⁵⁵. Поучительна относительная либеральность светских и церковных властей: о ней свидетельствует не только мягкость наказания (в частности, редкость в числе санкций изгнания из общины), но и частота случаев, в которых местный епископ или герцог вовсе амнистировали виновных⁵⁶. Создается впечатление, что в середине XV в. к изнасилованиям как бы притерпелись и стали воспринимать гораздо спокойнее, чем еще столетие назад⁵⁷.

Сходная непоследовательность обнаруживается и в отношении к некоторым другим отклонениям от канона брачно-семейной жизни. Наиболее очевидно это в применении к повторному браку. Так, уже упоминавшийся Э. Дешан называл тех, кто вступал второй раз в брак, «дважды сумасшедшими» и «несчастнейшими» людьми⁵⁸, но в то же время констатировал, что ему известны многие случаи, когда после смерти одного из супругов брак заключался и в третий, и в четвертый, и даже в пятый раз⁵⁹.

СOLIDНЫЙ парижский буржуа, безымянный автор «Трактата о домашнем хозяйстве и семейной морали» (начало 90-х годов XIV в.), взялся за перо, когда в весьма пожилом возрасте женился повторным браком на 15-летней девушке из знатного дома. Целью своего труда он считал не только предотвращение ошибок в поведении молодой жены; его особенно беспокоило, как сложится ее жизнь в будущем, после его смерти, когда она, как он не сомневался, выйдет снова замуж и обретет детей от нового супруга⁶⁰; этот следующий муж может оказаться грубым и несправедливым; обиды с его стороны автор трактата советует переносить со смирением: «Не сетуй на судьбу; уйди к себе, плачь, пожалуйся Богу»⁶¹. Повторный выход замуж фигурирует в этом трактате как нечто само собой разумеющееся и в более общем плане. «Когда женщина теряет своего первого мужа,— говорится в трактате,— она находит обычно второго, чтобы не быть долго в состоянии, при котором ее никто не охраняет и не

подает ей совета; и это тем более необходимо и оправданно в случае, если она потеряет и второго мужа»⁶².

Не следует, конечно, думать, что многократные браки были абсолютно общим явлением. По наблюдениям Р. Фоссе, в южно-шампанской деревне первой половины XV в. средняя длительность брака достигала 20 лет, что сокращало возможность повторных браков⁶³. Тем не менее, по подсчетам Ж. Росио, в Дижоне 30—80-х годов XV в. браки молодых мужчин с богатыми вдовами составляли не менее 15%⁶⁴. Особенно учащались повторные браки после демографических кризисов, связанных с эпидемиями или военными бедствиями, когда, как, например, в Меце в 1484 г., многие богатые женщины выходили замуж, по словам хрониста Jehan Aubriou, «по-дикому» (*sauvagement*), т. е. за чужаков, бедняков и безродных, и вдова, которая «стоила» 25 тыс. франков, брала в мужья того, кто не имел за душой ничего⁶⁵.

Не приходится, однако, забывать, что повторный брак в случае смерти одного из супругов, хотя и осуждался общественным мнением, не встречал формальных препятствий со стороны светских и церковных властей. В отличие от этого конкубинат, как мы видели, дружно порицался и в праве и в обыденной практике. Тем любопытнее терпимость по отношению к нему в повседневной жизни.

Распространенность конкубината во Франции XIV—XV вв. была весьма значительна. Некоторые из ряда вон выходящие случаи конкубината конкретно описаны. Так, богатый горожанин Тулузы J. Sudre вовсе не имел законной супруги и многие годы жил с конкубиной Кларой⁶⁶. Сына шателена Trapani связывала, по словам современника, с 15-летней Garita de Manfreda «взаимная и честная любовь», и он относился к своей сожительнице как если бы она была его законная супруга⁶⁷. В ряде случаев существование конкубината подтверждается налоговыми списками, в которых в качестве особой категории налогоплательщиков фигурируют бастарды⁶⁸, а также материалами завещаний. Например, в Лионне XIV—XV вв. в среднем в каждом 18-м мужском завещании имеются распоряжения о прижитых в конкубинате незаконных детях; в среде рыцарства такие распоряжения еще чаще: они встречаются в каждом седьмом завещании⁶⁹. Как уже отмечалось, весьма частыми были конкубины у клириков: в Дижоне XV в. от некоторых из таких конкубин власти потребовали поселения в публичных домах и соответствующей регистрации⁷⁰. Однако, судя по сицилийским материалам XIV в., из 100 мужчин, признававших наличие бастардов, лишь 32 были клириками, а 50 — отцами семейств и 14 — холостяками. Среди их конкубин половину составляли служанки, 25% — рабыни и 10% — замужние матроны⁷¹.

Уже из этих данных очевидно, насколько обычными — несмотря на всеобщее осуждение — были тогда конкубинат и адюльтер. Фарсы, правоучительные и другие литературные произведения XIV в. буквально перенасыщены их описанием⁷². По мнению Анри Бреа, мужчины видели в этом некое молодечество, на которое их супруги смотрели сквозь пальцы⁷³.

Но особенно глубокий разрыв между общепризнанным идеалом и повседневностью обнаруживается при знакомстве с таким явлением, как проституция. Несовместимость ее с каноном моногамного христианского брака, принятым, как отмечалось, на всех общественных уровнях, совершенно очевидна. Недаром, однако, говорят о своеобразии средневековой ментальности. Исключая друг друга с позиций нашей логики, представление о моногамии и представление об оправданности (или даже необходимости) проституции вполне сочетались в сознании людей того времени.

Это сочетание отнюдь не было особенностью «простецов». Оно обнаруживается в картине мира, присущей любому социальному слою. Так и королевские ордонансы, и городское право, и общественное мнение рассматривали публичные дома как оправданное явление, необходимое, чтобы «забождать худшего». Как говорилось, например, в постановлении от 1487 г. магистрата города Романа (к югу от Лиона) об открытии (на общественные средства) еще одного публичного дома, он был создан «ради общественной пользы» (*pro servicio reipublicae eiusdem villae*)⁷⁴.

За год до этого в Дижоне должностные лица, арестовавшие содержанок, которых имели местные священники, были отлучены местным епископом от церкви⁷⁵. По мнению епископа, эти женщины делали лужное дело. Виновные в «плохом обращении» с женщинами легкого поведения или их незаконном изгнании из городов наказывались и светскими судами⁷⁶. Даже богословы признавали уже с конца XII в. законность получения проституткой платы за свой «труд», хотя и осуждали его как таковой⁷⁷. Владельцами публичных домов выступали то общины в целом, то отдельные епископы или аббаты, то знатные фамилии, то некоторые купцы или королевские чиновники. Сами публичные дома размещались открыто, в лучших местах города, нередко вблизи от здания суда или магистрата⁷⁸. Общее расширение проституции и снятие преград в создании публичных домов относятся к рубежу XIII—XIV вв. Первое упоминание «славных домов» в городских статутах относится к 1252 г. (город Ант). В судебных документах папской курии в Авиньоне о них систематически говорится с 1326 г.

Особенно многочисленными были проститутки на юге Франции. Их можно было там встретить и в городе и в деревне. (Как утверждает Ж. Шифолё, в Провансе XIV в. не было ни

одного села без борделя⁷⁹.) В Дижоне середины XV в. было зарегистрировано более 100 публичных женщин, столько же в Авиньоне, в Лионе — не менее 70—80, в Реймсе — около 60, в Амьене — около 50, в Апте не менее 30, в сравнительно небольшом Тарасконе — не меньше 12, иными словами, в некоторых местах (в частности, в Дижоне и Тарасконе) на каждые 100—200 жителей приходилось по проститутке⁸⁰. Часть этих женщин жила в специальных публичных домах, другая обслуживала бани, третьи содержались в небольших «домах терпимости», принадлежавших сутенерам, четвертые имели собственные жилища и принимали «на дому»⁸¹. Запрет существования публичных домов и проституции относится во Франции лишь ко второй половине XVI в. (Амбуазский эдикт 1560 г.).

Среди посетителей публичных домов, судя по судебным разбирательствам, которые предпринимались при нарушении в них порядка, встречались мужчины всех возрастов (от 18 до 40 лет) и всех социальных классов (ремесленники, поденщики, купцы). Особенно много было молодых холостяков, иммигрантов и клириков⁸². Опираясь на сохранившиеся свидетельские показания, Ж. Росно утверждает, что для неженатых мужчин среднего класса посещение публичных домов представляло в середине XV в. обычное (а не постыдное или хотя бы требующее сокрытия) дело. И сверстники, и даже нотабли видели в нем признак физического здоровья и делового и морального благополучия. Наоборот, молодого мужчину, не появлявшегося в публичном доме, начинали подозревать в том, что он болен, либо имеет постоянную конкубину (что неприличнее), либо слишком стеснен в средствах⁸³. С женатых, застигнутых у проституток, полагалось взимать штраф, хотя соблюдалось это далеко не всегда и они также входили в число завсегдатаев публичных домов. Посещать их было в обычае и у вельможных особ. По словам Г. Шателена, Филипп Добрый повелел включить в счета его герцогских расходов, предпринятых по случаю пребывания в Валансьене английского посольства, траты на посещение членами этого посольства, как и сопровождавших их родственников, публичных бань города; при этом подчеркивалось, что в ожидании высоких гостей в банях должно быть все устроено «сообразно с тем, что потребно будет в служении Венере, и все пусть будет напотворнейшее»⁸⁴. Й. Хейзинга, ссылаясь на Базена, замечает даже, что в ту пору благопристойность считалась «неподобающей» члену княжеского рода⁸⁵.

Среди проституток абсолютно преобладали дочери бедных крестьян и ремесленников в возрасте от 15—17 до 30 лет. Примерно половина из них — жертвы насилий, которым они подверглись в ранней молодости, и им приходилось либо находиться на

содержании, либо же искать прибежища в публичном доме⁸⁶. После 30 лет многие из проституток добивались удачного замужества: раскаяние считалось достаточным для «очищения» от грехов прошлого⁸⁷.

Было бы упрощением видеть в широком распространении публичных домов во Франции XIV—XV вв. лишь проявление обычной дихотомии должествующего и существующего; столь же неоправданно сводить дело к двуличию христианских иерархов и светских властителей, «говоривших» одно, а «делавших» противоположное⁸⁸. Перед нами более сложное явление средневековой культуры. В нем выражается свойственное тому времени убеждение в неизбежном несовершенстве человеческой натуры. Будучи изначально грешен, человек может духовно усовершенствоваться лишь ценой напряженнейших интеллектуальных и физических усилий. Мир наполнен соблазнами, частью дьявольскими, частью ниспосланными богом во испытание чистоты праведников, над которыми ведь тоже висит угроза греха. Сложна иерархия этих соблазнов: перед одними способны устоять лишь самые совершенные, преодолеть другие по силам и простецам. Как известно, последнее представление пронизывало учения ряда еретических сект и нищенствующих орденов XIII—XV вв. — от катаров до францисканцев и доминиканцев. Оно же в той или иной мере присутствовало и во всеобщей картине мира, создавая базу для иерархии идеалов и норм поведения. Высшие из этих идеалов предполагали недостижимое для рядового мирянина (или даже клирика) исполнение всех горних заветов, другие — менее возвышенные — допускали (или даже извиняли) следование соблазнам грешной плоти. Если при этом удавалось *«избежать худшего»*, не допустить *«смертного греха»* или тем более *«сократить»* масштабы греховного поведения, это уже было *«достижением»*, *«оправдывающим соответствующие поступки»*. С точки зрения этой логики отступление от идеала моногамного церковного брака, характерные для значительной (если не основной) массы населения, казались, во всяком случае, естественными. В зависимости от «точки отсчета» в них можно было видеть не только прегрешения, но и, наоборот, свидетельства преодоления худших соблазнов и, следовательно, моральное достижение.

Но для понимания распространенности во Франции XIV—XV вв. проституции (как и изнасилований, и конкубината) сказанного, конечно, недостаточно. Какие другие реалии питали тогда это явление? Остановимся вначале на своеобразии положения женщины.

Говоря в предыдущей главе о статусе женщины в XI—XIII вв., мы уже отмечали, что известное укрепление престижа женщины внутри семьи (в связи с успехами моногамного брака) не пред-

отвратило в тот период общей социальной приниженности женщины. Как изменилась эта ситуация во Франции XIV—XV вв.? Не претендуя на сколько-нибудь полное обозрение статуса женщины в это время, отметим лишь наиболее очевидные тенденции.

Судя по ученой светской литературе, кризис куртуазных ценностей и рыцарского культа дамы, наметившийся уже в конце XIII в., в XIV—XV вв. достиг своего апогея. Одно из ярких свидетельств этого — полемика вокруг идей Жана де Мена. Напомним, что написанную им вторую часть «Романа о Розе» провозглашает идея превосходства плотской любви над любовью куртуазной; рыцарский культ дамы предается осмеянию, девственность — проклинается, целомудрие изображается как обветшалое и нелепое понятие, противоречащее заповедям «Природы». Неслучайно в качестве постоянных союзников Амура Жан де Мен выводит Притворство (*Faux-Semblant*) и Скрытность (*Bien-Celer*). Фигурирующая в романе мать Амура Венера считает недопустимым, чтобы жены хранили верность мужьям (как, впрочем, и мужья — женам). В XIV—XV вв. эти идеи Жана де Мена не раз подвергались критике. Против них выступали, с одной стороны, богословы⁸⁹, с другой — светские писатели⁹⁰. Тенденции подчеркивать неизбежную порочность желской природы противодействовало и усиление культа Богоматери⁹¹.

Тем не менее антифеминистские и антиматримониальные воззрения формулировались в это время очень резко. Вот что писал, например, Э. Дешан. «Я хорошо знаю, — писал он, — что сердце ни льва, ни леопарда, ни иного хищника, ни самого религиозного из людей, не так верно себе, как верна себе женщина. (Она извечно творит одно и то же.) Женщиной были погублены и царь Соломон, и первый человек, и весь род людской. И нет такого в мире, чего не смогла бы погубить женщина. Ею были преданы и могущественнейший Самсон, и неистовый Геракл, и царь Давид. Она же довела до могилы Мерлина. Никто не смог спастись от женского злоязычия... И многих смелых и достойных людей погубили либо любовь, либо брак...»⁹² В соответствии с этим взглядом на женщину Дешан всячески порицает брачный союз с ней, сравнивая всякий брак с сумасшествием, с самоубийством, с серважем, рабством и тому подобными бедствиями⁹³. В большинстве случаев Дешан обращается с призывом к мужчинам воздерживаться от брака. При этом он замечает, что свобода от брачных уз ничуть не мешает мужчине обрести женщину, когда он «возжаждет»⁹⁴. Но в некоторых балладах Дешан советует избегать брака и женщинам⁹⁵. В общем его идеалом оказывается холостое состояние, не исключающее при этом внебрачных связей, особенно для мужчин. Именно мужчина — главное действующее лицо в лирике Э. Дешана. Женщина — лишь

объект мужских страстей. В качестве такового она может быть и предметом мужского поклонения, и источником мужских страданий, вызванных неудовлетворенной страстью. Но это — до брака. Брачные узы — погибель и для мужчины, и для женщины. Противостоит же браку, с точки зрения Э. Дешана, свободная любовь.

Нетрудно понять, что в рамках этого взгляда оправданы и конкубины, и содержанки, и даже проститутки. Вероятно, Дешан сознавал нереалистичность своих призывов ко всеобщему безбрачию. Самая решительность его призывов объяснялась, думается, отчасти тем, что поэт сознавал относительную неуязвимость церковного брака как общепризнанного института. И все же не пройдем мимо того факта, что Дешан, писавший в конце XIV — начале XV в., т. е. во времена, которые были периодом острой нехватки человеческих ресурсов, ничуть не задумывался над проблемой умножения браков. Это тем более заслуживает внимания, что воззрения Дешана не представляли во Франции XIV—XV вв. чего-то исключительного.

Широко распространенный сборник новелл «15 радостей брака» (рубеж XIV—XV вв.) представлял еще более острую, чем у Дешана, сатиру на этот институт. В этом сборнике на конкретных примерах рассматривались все мыслимые варианты брака — по любви, по расчету, при мезальянсах, без них, когда муж старше жены, когда жена старше мужа и т. п. И все они рано или поздно сводились, как свидетельствует автор, к обману, к супружеской измене, к моральным, физическим и материальным невагодам, от которых нет спасения. Виною всему опять-таки — женщина, ее легкомыслие, жадность, эгоистичность, похотливость⁹⁶.

Против подобных обвинений в адрес женщин резко выступала Кристина Пизанская, писавшая, что «мужчины ополчаются против женщин из-за собственных пороков и телесных изъянов, из зависти или даже из удовольствия, которое они получают от клеветы»⁹⁷. Но и Кристина оценивала брачные узы в высшей степени критически: «Для многих женщин из-за грубости мужей безрадостная жизнь в браке намного тяжелее, чем жизнь рабынь у сарацинов»⁹⁸. Расходясь в объяснении невагод супружества, писатели XIV — начала XV в. сходились, как видим, в признании неравноправия супругов, в констатации сугубо подчиненного положения женщины в семье. Анонимному автору «Трактата о домашнем хозяйстве и семейной морали» или же шевалье Делатур Лапдри безропотная покорность жены мужу казалась необходимым условием супружеского счастья⁹⁹. Кристина Пизанская видела в этом вопиющую несправедливость. Но самый факт бессорного верховенства мужчины в семье никто не оспаривал.

Значит ли это, что статус женщины в семье ухудшился по сравнению с предыдущим столетием? На этот вопрос трудно ответить однозначно. Ни одно из приводившихся выше свидетельств женской приниженности не содержит данных, на основании которых его можно было бы квалифицировать как характеризующее некое новое явление; все, о чем идет речь, явно существовало и в XIII в. Изменилось, видимо, лишь восприятие женского неравноправия. В XII—XIII вв. необходимость для жены подчиняться мужу не вызывала сомнений, казалась бесспорной. В XIV—XV вв. такое подчинение, видимо, перестало представляться само собой разумеющимся. Развернулась полемика об истоках и оправданности такого подчинения. Его масштабы, вероятно, не увеличились. Но осознание ущербности женского статуса — по крайней мере у тех, кто задумывался над этим сюжетом — не могло не наложить негативный отпечаток на восприятие женщиной ее положения.

К тому же приниженность женщины в семье осложнялась сохранением сложившейся в прошлом ущербности ее социальных и правовых возможностей. Анализируя многочисленные завещания, составлявшиеся в XIV—XV вв. жителями Лиониз, М. Т. Лорсен выявила громадные различия между мужьями и женами при реализации принадлежавших им имущественных прав. Величина денежного богатства, которое передавали своим наследникам мужчины, составляла в среднем у рыцарей 535 ливров, у неблагородных 40 ливров. В завещаниях женщин эти цифры были равны соответственно 137 и 28 ливрам. В общей массе завещаний мужчинам принадлежало (в тех же группах) 65—75% завещаний, женщинам — лишь 10—28%¹⁰⁰. Другую форму женской приниженности выявил по авиньонским завещаниям того же времени Ж. Шифолё. Он обнаружил существенное различие в волеизъявлениях жен и мужей. Мужья в четверти всех исследованных Шифолё текстов завещали похоронить себя в родовых склепах, *отдельно* от жены. Лишь в 7% завещаний они распоряжались в пользу совместного с женою захоронения. В женских завещаниях соотношение распоряжений было почти прямо противоположным: в четверти случаев предполагалось захоронение вместе с супругом; правда, желание быть захороненной там же, где и родители, обнаруживается почти столь же часто, как и у мужчин, — в 20% случаев¹⁰¹. Тем не менее различие жен и мужей в степени «растворения» в семье выступает здесь достаточно ярко.

В XIV—XV вв. женщины вовсе не встречались в числе слушательниц западноевропейских университетов¹⁰². Не участвовали они и в молодежных объединениях¹⁰³. Поучительно семантическое различие термина «*joueux*» в применении к молодым муж-

чинам и женщинам. *Hommes joyeux* — престижное обозначение молодых мужчин, участвовавших в городских или деревенских молодежных союзах. *Filles joyeuses* — уничижительный термин, которым именовались уличные девки. В общем в характеристике женского статуса во Франции XIV—XV вв. оденка, идущая от Хейзинги и подчеркивающая в нем черты ущербности, представляется нам гораздо более обоснованной, чем некоторые последующие суждения, в которых предлагалось признать его заметное улучшение.

Особенно это касается женщины из низов. Часто цитируемое высказывание Кристины Пизанской, по словам которой простая крестьянка или горожанка, несмотря на свой тяжкий труд и грубую пищу, чувствовала себя в жизни «более уверенно» и была «более обеспеченной», чем некоторые высокопоставленные дамы¹⁰⁴, представляло, конечно, лишь литературный образ; Кристине он был нужен, чтобы привлечь внимание к неравноправию мужчин и женщин в высших классах. В большинстве же случаев светская литература XIV в., по традиции, игнорировала жизненные реалии бедных крестьянок и горожанок. В отличие от этого документальные данные ясно свидетельствуют об их бедственном положении, особенно тех из них, кто были холостыми или вдовыми. Труд таких женщин по найму оплачивался вдвое ниже мужского¹⁰⁵. Их доля среди низших слоев городского населения была неизмеримо выше их доли среди имущих¹⁰⁶. Овдовение почти всегда означало для женщины и обеднение¹⁰⁷, тем более что пользоваться имуществом, нажитым вместе с умершим мужем, вдова могла обычно лишь при отказе от повторного брака. Эта социальная и экономическая припиченность женщины вообще и женщины из низов в частности, несомненно, способствовала практике конкубината и распространению проституции и насилований.

Определенную роль в бытовании этих явлений играла, видимо, и специфика сексуальных норм в обществе того времени. Говоря о ней, И. Хейзинга писал: «В основном... отношение к любви даже среди людей высших сословий оставалось весьма грубым. Повседневные обычаи все еще отличались простодушным бесстыдством, которое в более поздние времена уже не встречается...»¹⁰⁸ Но вся эта грубость вовсе не есть пренебрежение к идеалу. Так же как и возвышенная любовь, распушенность имеет свой собственный стиль, и к тому же достаточпо древний. Этот стиль может быть назван эпиталамическим¹⁰⁹. Раскрывая данное понятие, Хейзинга акцентирует внимание на отсутствии табу на «непристойности» в словах и делах, на терпимости к проявлениям эротической страстности и на возможности публичного осмеяния идеалов целомудрия.

По отношению к высшим сословиям эта характеристика сохраняет свое значение и сегодня. Иначе обстоит дело с суждениями Й. Хейзинги, касающимися сексуального поведения простолюдинов. «Для низших сословий,—пишет он,—обуздание потребности возлагалось на церковь, которая делала это с большим или меньшим успехом»¹¹⁰. В свете вновь собранных данных вряд ли можно удовлетвориться столь лаконичной формулой, тем более что она, пожалуй, упрощает реальную ситуацию. С одной стороны, народными массами — как, впрочем, и высшими сословиями — был освоен (и усвоен) идеал моногамного церковного брака. Однако, с другой стороны, в сознании и тех, и других существовало представление (или даже убеждение) в допустимости, по крайней мере для мужчин определенных возрастов, широкой сексуальной свободы¹¹¹. Это представление сохранялось в XIV—XV вв. независимо от «большого или меньшего успеха» в деятельности церкви. Оно было элементом общей картины мира и как таковое сказывалось в повседневной практике.

В результате всего этого сексуальное поведение, допускавшее (или даже поощрявшее) конкубинат, проституцию, изнасилования, оказывалось своеобразным конкурентом законного брака¹¹². Это была совсем иная «конкуренция», чем та, с какой можно было столкнуться 200—300 лет назад. Тогда сосуществовали (хотя и не «на равных») две альтернативные формы брачно-семейного поведения, каждая из которых обладала (в неравной мере) атрибутом нормативности. Ныне норму воспроизводила только модель церковного брака. Конкурирующие с ней формы поведения были заведомо маргинальными, нормативно отвергнутыми. Тем не менее формальная отвергнутость не только не исключала их, но даже обеспечивала им определенный *modus vivendi*. Они воплощали собой греховную линию человеческого поведения, которую надлежало преодолевать, но которая в той или иной мере неизбежна для всякого смертного. Поскольку же эти формы поведения единодушно признавались греховными, они не подрывали, но, наоборот, укрепляли престиж церковного брака как *единственной «праведной»* формы брачно-сексуальных отношений. И лишь те, кого судьба против их воли обрекала постоянно жить в этом грехе, могли испытывать чувство ущербности.

Учитывая, что конкубинат, проституция, изнасилования были столь широко распространены в XIV—XV вв. — в кризисный период французской истории, — естественно задаться вопросом об их связи с экономическими, политическими и демографическими кризисами. К сожалению, уяснить сколько-нибудь точно меру взаимной коррелированности всех этих явлений не позволяет отсутствие необходимых серийных данных. Если же привлечь

те грубые наблюдения, которыми мы располагаем, то придется констатировать, что о прямой зависимости между альтернативными церковному браку формами сексуальной жизни и отмеченными кризисными явлениями говорить трудно. В самом деле, проституция и насилие над женщинами достигают, как отмечалось, апогея в середине и во второй половине XV в. Это было время успешного для Франции завершения Столетней войны, время политической стабилизации и экономического и демографического подъема. Если допустить, что именно этот подъем благоприятствовал отмеченным явлениям, то как быть с тем фактом, что начало их широкого распространения (середина XIV в. для проституции, начало XV в. для изнасилований) приходится, наоборот, на пики кризиса? Очевидно, однозначной связи между демографическим и социально-экономическим положением, с одной стороны, и альтернативными церковному браку формами, с другой — в XIV—XV вв. не существовало.

Зато, на наш взгляд, распространение этих форм в определенной мере зависело от относительной численности холостяков. Следуя представлению о сравнительно высоком возрасте вступления мужчин в первый брак в XII—XIII вв., специалисты нередко пишут об известном снижении этого возраста в XIV—XV вв. (особенно в послечумный период), что предполагает и сокращение доли холостяков¹¹³. Между тем, как отмечалось в предыдущей главе, во Франции XII—XIII вв. первый брак отнюдь не был поздним: девушки выходили замуж около 15 лет, мужчины вступали в церковный брак обычно между 18 и 21 годом. Если же учесть существование в XII—XIII вв. параллельного с церковным неофициального брака, то станет ясно, что доля холостых не могла тогда быть значительной. Что изменилось в этом отношении в XIV—XV вв.?

К сожалению, данные о возрасте первого брака во Франции этого времени очень немногочисленны и носят преимущественно казуальный характер. Тем не менее они дают некоторое представление о принятых нормах. Изучив обширную серию налоговых и генеалогических документов Перигора за XIV—XV вв., А. Игуне-Надаль констатировала, что уже в дочумный период XIV в. мужчины женились чаще всего после 25 лет. При браках после 25 лет (видимо, этот возрастной рубеж считался переломным) возраст жениха могли в нотариальных записях и опустить, ибо брак мужчины после 25 лет воспринимался как нормальное явление. В тех же случаях, когда жених был моложе, подчеркивалось, что он «не достиг еще и 25 лет», т. е. вступает в брак необычно рано. После чумы 1348 г., по данным А. Игуне-Надаль, возраст женихов в Перигоре ненадолго понизился, но к концу XIV в. он вновь превышает 25 лет. Возраст невесты в пери-

горских архивах указывался реже; однако, по косвенным данным, девушки выходили здесь замуж начиная с 15 лет и, как правило, задолго до 25 лет¹¹⁴. Более конкретно обычный возраст невест удалось выяснить Л. Штуфу: судя по арльских архивам, на протяжении XIV—XV вв. в Арле выходили замуж обычно около 15 лет¹¹⁵. Этот же возраст — 15—16 лет — преобладал у невест в Реймсе XV в.¹¹⁶ В Дижоне второй половины XV в. возраст в 15 лет также считался обычным для первого замужества, но средний возраст невест составлял там 21,5 года и постепенно повышался (до 22,5 года в 1550 г.)¹¹⁷. В среде городской верхушки Лиможа девушки выходили замуж около 20 лет¹¹⁸, в Аррасе — между 16 и 21 годом. Сходные суждения находим на рубеже XIV—XV вв. у Э. Дешана: типичная *jeune femme* имеет от роду 15 лет. Видимо, именно с этого возраста девицы считались «на выданье»¹¹⁹. Примерно те же оценки встречаем и у анонимного автора трактата «О домашнем хозяйстве...» (90-е годы XIV в.)¹²⁰. В общем по сравнению с XII—XIII вв. обычный возраст первого брака у женщин несколько повысился, но в целом он оставался относительно низким (15—21 год).

По-иному обстоит дело с возрастом первого брака у мужчин. Данные А. Игуне-Надаль по Перигору (женитьба около 25 лет) подтверждаются материалами Дижона: в 1440—1500 гг. для 300 мужчин моложе 30 лет, принадлежавших к «среднему классу», возраст первого брака составлял в среднем 26,8 года; в эти же примерно годы в 241 семье, где возраст супругов известен, в 85,5% случаев муж был старше жены на 7,9 года; в целом же за 100 лет — с 1450 по 1550 г. — средний возраст первого брака у мужчин оставался в Дижоне почти неизменным — около 24—26 лет¹²¹. Примерно в этом же возрасте (или еще позднее) заключали в XV в. свои первые браки мужчины в Реймсе и в Лиможе¹²².

С учетом исчезновения реликтов гражданского брака это означает, что доля мужской молодежи, оставшейся в XIV—XV вв. в холостом состоянии, резко выросла по сравнению с двумя предшествующими столетиями. Тогда вне брака оставалась лишь часть тех, кто не достиг 18—21 года. Ныне холостяками были не только они, но и основная масса мужчин 22—24 лет. Внебрачное состояние длилось для них по 10—12 лет после наступления половой зрелости. Следовательно, по отношению к XIV—XV вв. надо говорить не о сокращении доли холостых мужчин, но, наоборот, об ее значительном увеличении. Если исходить из обычного допущения, согласно которому доли детей и молодежи до 25 лет составляла примерно половину всего средневекового населения, а доля подростков от 15 до 25 лет — примерно чет-

верть населения, то окажется, что едва ли не 20—25% всех молодых мужчин оставались в XIV—XV вв. холостыми.

Что касается доли холостых мужчин во всех возрастных классах, то нельзя исключить, что она была сопоставима с долей холостых мужчин во Флоренции начала XV в. — около трети лиц мужского пола старше 14 лет¹²³. Все это не идет в сравнение с тем, что считается типичным для последующих трех столетий — XVI—XVIII в., — в течение которых преобладал очень поздний брак и у мужчин, и у женщин, и очень высокая доля холостяков (см. ниже, гл. 5). Тем не менее преуменьшать значение резкого роста доли холостых мужчин не приходится. Именно с этим феноменом были, на наш взгляд, связаны многие особенности брачно-сексуального поведения во Франции XIV—XV вв., и он же имеет немалое значение для понимания демографического тренда этого времени.

Касаясь первого из названных аспектов, отметим непосредственное воздействие, которое не могло не оказывать обилие холостых мужчин на распространение конкубината, домов терпимости и насилий над женщинами. Лишь в этих формах удавалось холостякам найти хоть какую-то замену браку. Только таким образом могли они употребить свою сексуальную энергию¹²⁴. Чем заметнее увеличивалась доля холостяков, тем острее становилась проблема их «умиротворения». Конкубинат, проституция, насилие объективно превращались в своеобразный «предохранительный клапан», использование которого позволяло обществу защищать законный брак от агрессивных поползновений со стороны холостяков. Отчасти отсюда рождалась терпимость ко всем маргинальным формам половых отношений. С помощью них надеялись обеспечить стабильность, устойчивость законного брака для основной части населения. Удавалось это, естественно, не всегда. Адюльтер и насилие над замужними ясно об этом свидетельствуют. Тем не менее главной тенденцией оставалось укрепление моногамного брака, чему маргинальные формы объективно лишь содействовали.

Переходя теперь ко второму аспекту, касающемуся демографических последствий обилия холостяков, отметим прежде всего наиболее очевидное. Холостой статус значительной части молодежи во Франции XIV—XV вв. означал заметное ограничение роста населения. Как известно, повышение возраста первого брака — наиболее часто встречающееся в традиционных обществах средство регулирования рождаемости. Сколь бы терпимо не относились к бастардам, число детей, появлявшихся на свет в союзах, не признававшихся законными, бывало всегда меньше обычного. Поэтому с повышением принятого возраста первого брака рождаемость неизбежно сокращалась. Ги Буа, придававший возрасту

первого брака значение не только регулятора рождаемости, но и важнейшего показателя демодинамики, утверждал даже, что в традиционных аграрных обществах увеличение этого возраста свидетельствует о росте средней длительности предстоящей жизни и сокращения числа мест для хозяйственного устройства молодых семей¹²⁵.

Парадоксальность демографической ситуации во Франции XIV—XV вв. состоит, однако, в том, что хотя повторяющиеся социально-политические и демографические кризисы, несомненно, могли создавать немало таких «свободных мест», вновь принятый в это время возраст первого брака не поощрял, но, наоборот, ограничивал возможность образования новых семей и соответствующий прирост населения. Можно, конечно, допустить, что военные и чумные опустошения создавали немалые трудности в хозяйственном использовании освободившихся земель. Тем не менее почти невероятно, чтобы только эти трудности смогли предотвратить рост новых хозяйств (в частности, животноводческого профиля)¹²⁶ до такой степени, чтобы это сказалось на повышении возраста брака. Видимо, дело в гораздо более сложных особенностях всей социально-демографической системы, почему-то нацеленной в эти столетия на ограничение доли состоящих в браке и сокращение рождаемости. (Напомним, что мы сталкивались с такими ограничениями и в условиях заключения и расторжения брака, и в обстоятельствах вступления в повторный брак.)

Осмысливая эти особенности, необходимо, конечно, учитывать хронологическую и локальную специфику. Нельзя забывать, что, как отмечалось выше, непосредственно после острых демографических спадов возраст первого брака временно понижался, обеспечивая некоторую компенсацию потерь в численности населения¹²⁷. Однако впоследствии он вновь возвращался к принятым цифрам, демонстрируя их устойчивость в масштабе всего периода. По-видимому, черты социальной и демографической системы, заставлявшие сдерживать рост брачности и рождаемости, были во Франции XIV—XV вв. не конъюнктурными, но структурными, вызванными к жизни взаимодействием всех элементов этих систем. Чтобы проверить это предположение и объяснить, почему в период войн, эпидемий и хозяйственных кризисов демографический механизм Франции был ориентирован на сдерживание роста населения, обратимся к изучению численности детей и средней длительности жизни.

3. Численность детей

Прямые данные о численности детей во Франции XIV—XV вв. остаются почти столь же разрозненными, что и одним-двумя столетиями раньше. Чтобы избежать абсолютизации отдельных случаев, попытаемся сравнить свидетельства о числе выживших детей для отдельных периодов XIV—XV вв. с сопоставимыми данными предшествующего времени. Благоприятную возможность такого сопоставления представляет анализ генеалогических материалов о семьях, история которых известна как для XIV—XV, так и для XII—XIII вв. Материалы этого рода собраны в первую очередь для аристократических семей.

Одно из таких собраний—вышедшее в 1976 г. просопографическое издание Э. Перруа «Знатные семьи Фореза в XIII в.»¹²⁸. Отправляясь от состава форезской знати в XIII в., Э. Перруа проследил историю каждой семьи и в предшествующее, и в последующее время. Всего исследованием охвачено 210 родов. Каждый из родов представлен несколькими, иногда 10—13 отпрысками (вместе с их семьями), так что общее число лиц, охваченных Э. Перруа, составляет несколько тысяч человек. Во многих случаях дворянский род сохранялся в Форезе по одно столетие. Его отпрыски могли функционировать начиная с XII в. вплоть до XVII в. Но чаще знатные семьи Фореза известны лишь на протяжении 100—200 лет или даже еще более короткого срока в пределах периода с конца XII до начала XV в. В любом случае включение семьи в генеалогический ряд предполагало выяснение ее состава и ее родственных связей. Иначе говоря, на каком бы хронологическом отрезке ни функционировала семья, для Э. Перруа было необходимым выявить всех ее потомков (т. е. всех выживших детей), а также братьев и сестер главы семьи. Именно это обстоятельство делает сопоставимыми просопографические данные о детях, братьях и сестрах форезской знати, относящиеся к разным столетиям.

Разумеется, можно заподозрить, что сведения, касающиеся более поздних периодов, сохранились лучше. Этому, казалось бы, естественному возражению против сопоставимости материала, относящегося к разным столетиям, в нашем случае можно не придавать большого значения, так как генеалогические данные о форезских дворянах XIII в. весьма подробны и, по-видимому, мало уступают более поздним (табл. 4.4). Что же касается принципов письменной фиксации вассально-ленных связей (яли имущественных сделок), то они в Форезе, входившем в пределы «страны писавого права», были в XII—XIII вв. почти теми же, что и одним-двумя столетиями позднее. Все это и позволяет сравнивать просопографические сведения о детях, братьях и

сестрах, относящиеся, с одной стороны, к XII—XIII вв., а с другой стороны, к XIV—XV вв., которые фигурируют в генеалогиях типа форезской. Такое сравнение не может, конечно, претендовать на выяснение каких бы то ни было абсолютных чисел, например, числа детей, братьев и сестер, в тот или иной отрезок времени. Но соотношение этих чисел имеет, на наш взгляд, несомненное познавательное значение.

Это соотношение мы и проанализировали для двух названных периодов. Хронологической гранью между ними были избранны переломные годы чумной эпидемии в середине XIV в. (1348—1349 гг.). Первый из сопоставляемых периодов охватывает соответственно время с конца XII в. (наиболее ранние просопографические данные Э. Перруа относятся, как правило, к 1180-м годам) до 1348—1349 гг., т. е. примерно 150—170 лет. Второй (равный по длительности) период — 1350—1500 гг. Внутри его выделим условно в качестве рубежа 1420 г., после которого в Форезе (как и в соседнем Лионне) более определенно обозначилась тенденция к преодолению демографического спада¹²⁸.

Прежде чем охарактеризовать результаты подсчетов, уточним некоторые их условия и состав отраженной в просопографической сводке Э. Перруа форезской аристократии. Назвав свой труд «Знатные семьи Фореза», французский исследователь отнюдь не ограничился описанием высшей знати. Большинство — семьи рядовых рыцарей — «chevalier», «donzeau», «escuier». Встречаются также капоники и монахи. Лишь небольшая часть — семьи шателенов, графов, аббатов. В целом перед нами просопография довольно расплывчатого по своим рамкам правящего класса Фореза, включающего и светских, и духовных лиц, и высшую знать, и средний слой дворянства.

Прослеживая историю отдельных родов, Перруа концентрирует внимание прежде всего на главах семей. В абсолютном большинстве случаев ими были мужчины (женщины фигурировали в этом качестве лишь в 6—7% семей). Именно их сыновья и дочери, а также братья и сестры выявляются в просопографии. При этом сохранившиеся данные позволяют чаще выявить потомков (и боковых родичей) мужского пола, чем женского. Тем не менее подучет в генеалогии дочерей и сестер, число которых в 2—3 раза уступает числу сыновей и братьев (см. табл. 4.4), имел, в общем, меньшие масштабы, чем в исследованных выше просопографиях XI—XIII вв., где даже дочери (не говоря уже о сестрах) фиксировались в 5—6 раз реже сыновей. В связи с этим мы не считали в данном случае возможным прибегать при определении общего числа детей к удвоению числа сыновей (как это делалось выше). Сознвая, что наши данные будут отражать заведомо неполное число дочерей и сестер, мы определяем его на

Таблица 4.4
Изменение численности детей у фюрерских дворян в XIII—XV вв.

Период	Учтено супружес- ких семей	В том числе семей с детьми		Учтено холос- тящих семей	В % к числу супру- жеских семей	В супружеских семьях			В среднем на семью де- тей обо- его по- ла	Наимено- вание среднего числа де- тей на семью в XIV— XV вв. *	Общее число учтенных семей **	
		абсо- лютное число	в % к числу супру- жеских семей			супру- жеских семей	всего детей обо- его по- ла	супру- жеских семей				всего детей обо- его по- ла
1170—1348 гг.	221	155	70,1	113	51	259	122	2,4	1	334		
1349—1500 гг.	108	73	67,5	45	41	155	72	3,1	1,3	153		
В том числе:												
1349—1420 гг.	83	53	63,8	39	46,9	117	47	3,09	1,3	122		
1420—1500 гг.	25	20	80,0	6	24	38	25	3,15	1,3	31		

* За единицу принимается среднее число детей в 1170—1348 гг.

** Имеются в виду в супружеские, и холостяцкие семьи.

* За единицу принимается среднее число детей в 1170—1348 гг.

** Имеются в виду в супружеские, и холостяцкие семьи.

Таблица 4.5

Изменение численности братьев и сестер фюрерских дворян в XIII—XV вв.

Период	Общее число учтенных семей *	Всего семей, где есть братья и сестры	В % к общему числу учтенных семей	В том числе имеющих		Общее число братьев и сестер в данный период	Среднее число братьев и сестер на одну семью	Изменение среднего чис- ла братьев и сестер на семью в XIV - XV вв. **
				братьев	сестер			
1170—1348 гг.	334	165	49	265	94	359	2,17	1
1349—1500 гг.	153	91	59	162	112	274	3,01	1,38
В том числе:								
1349—1420 гг.	122	63	51	115	73	188	2,98	1,37
1420—1500 гг.	31	28	90	47	39	86	3,07	1,41

* Супружеских и холостяцких вместе.

** За единицу принимается среднее число братьев и сестер на семью в 1170—1348 гг.

основе непосредственных указаний источников. Ясно, что в целом наши подсчеты отразят не столько реальное количество потомков (и других родичей) в тот или иной период, сколько ориентировочную оценку изменений в этом количестве со временем.

Как следует из табл. 4.4 (стб. 11, строка 3), среднее число детей на детную семью в послечумный период (1350—1420 гг.) оказывается — вопреки ожиданиям — в 1,3 раза выше, чем в предшествующее время (конец XII — первая половина XIV в.). Таково же соотношение для периода 1350—1500 гг. в целом (стб. 11, строка 2). Эти цифры тем более доказательны, что доля детных семей в 1350—1500 гг. в наших материалах практически та же, что и в предшествующие столетия (67,5% против 70,1% — см. табл. 4.4, стб. 3 и 4). Не менее заметна разница в числе братьев и сестер: их среднее число на семью в 1350—1500 гг. выше, чем до 1350 г. в 1,4 раза (табл. 4.5, стб. 9). Иными словами, не только в поколении детей, но и в поколении родителей среднее число потомков на детную семью имело в 1350—1500 гг. явную тенденцию к росту. При этом доля детных семей в поколении родителей в период до 1350 г. и в 1350—1420 гг. (для которых мы располагаем более надежной статистикой) также почти одинакова — 49 и 51% (см. табл. 4.5, стб. 4).

Важно отметить, что в наших материалах, как правило, учитываются отнюдь не малолетние дети. Таковые могли попасть в генеалогические данные с несравнимо меньшей вероятностью, чем взрослые отпрыски; именно последние участвовали в домашних до нас вассально-ленных договорах, брачных контрактах или частно-правовых актах, которые только и могли быть базой для составления генеалогии. Следовательно, наши данные свидетельствуют о том, что в форезском дворянстве среднее число выживших взрослых детей на семью в 1350—1500 гг. в общем было в 1,3—1,4 раза выше, чем в предшествующий период.

На первый взгляд это заключение представляется парадоксальным: эпоха тяжелейшего демографического спада — время роста среднего числа выживших детей?! Однако парадоксальность данного вывода несколько снизится, если учесть, что наша статистика выявляет лишь общий полуторазековый или — когда идет речь о периоде 1350—1420 гг. — по крайней мере семидесятилетний тренд. Все колебания внутри этих огромных периодов в приведенных итоговых цифрах смазаны¹³⁰. Но ведь нас больше всего интересует как раз конечный результат!

Оценивая форезские материалы, не приходится, конечно, забывать, что они характеризуют хотя и стабильную, но неизвестную нам по абсолютной величине часть дворянских семей. Долю семей, потерявших всех своих детей (или же вовсе не имевших

их), как и долю холостых, учесть в данном случае не удастся. Соответственно не удастся учесть абсолютное число (да и долю) умерших детей. Так, нельзя исключить, что в условиях гигантской младенческой смертности, достигавшей во Франции XIV—XV вв. подчас 600‰ и более¹³¹, интергенетический интервал мог заметно сокращаться¹³². А более частые роды означали увеличение общего числа деторождений. При том же или даже большем, чем раньше, числе выживших детей это число могло в 1350—1500 гг. составлять и меньшую долю всех появлявшихся на свет детей, чем, например, в XIII в. Нельзя также забывать, что мы имеем дело с дворянскими семьями, в которых условия выхаживания детей всегда были более благоприятными, чем в среде трудящегося населения.

И тем не менее не приходится недооценивать полученные свидетельства роста среднего числа выживших (взрослых) детей. В определенной мере они характеризуют возможности воспроизводства населения в XIV—XV вв. По всей видимости, эти возможности были намного выше, чем это казалось до сих пор. Они-то и обеспечивали живучесть многих родов форецкого дворянства даже в самые трудные времена.

Но не представляла ли демографическая организация форецкой аристократии какого-либо исключения? Ряд данных свидетельствует против такого предположения. Приведем прежде всего материалы, позволяющие сопоставить естественный прирост в среде знати Фореза и Лионне с естественным приростом в других слоях населения этих же географических областей.

От периода 1300—1500 гг. в Лионне и Форезе сохранилось относительно большое число завещаний — свыше 5 тыс. Большую часть завещателей составляют горожане, а также средние и зажиточные крестьяне. М. Т. Лорсен проанализировала 2062 завещания представителей этих двух социальных классов, а также 341 дворянских завещания и выявила число детей, в отношении которых были сделаны те или иные завещательные распоряжения¹³³. Исно, что и в данном случае речь идет почти исключительно о выживших (взрослых) детях, уцелевших к моменту составления завещания.

Согласно подсчетам М. Т. Лорсен, в Лионне и Форезе число таких детей в детских семьях уже в первой половине XV в. (1420—1460 гг.) в целом превышает среднее число детей на семью в первой половине XIV в. (1300—1340 гг.), а в 1460—1500 гг. это превышение становится более чем двукратным: среднее число детей в Форезе и Лионне, вместе взятых, составляет в 1460—1500 гг. около 4 против менее 2 в 1300—1340 гг. В 1460—1500 гг. 30,4% детей крестьян и горожан входили в состав семей, где было по восемь и более детей. Одновременно со-

кращается доля бездетных семей: в 1300—1340 гг. она составляла около половины всех семей, в 1420—1460 гг. она уменьшилась вдвое, в 1460—1500 гг. опустилась до 20% ¹³⁴. Только в 1340—1380 гг. средняя численность детей снижалась примерно до одного ребенка на семью (включая и детные, и бездетные семьи), но уже в конце XIV — начале XV в. (до 1410 г.) она достигает в городах Фореза от 1,3 до 2,2 ребенка ¹³⁵.

Тенденция роста по-разному проявлялась в разных классах. По абсолютной величине среднее число выживших детей на семью у дворян долгое время (до 1460 г.) было примерно на единицу выше, чем у крестьян и горожан. После же 1460 г. ситуация становится обратной: среднее число детей в детных семьях завещателей из крестьян и горожан достигает 5,3, тогда как у дворян оно сокращается до 3,7 ¹³⁶. Это было результатом того, что одновременно у крестьян и горожан в 2,4 раза сокращается доля бездетных семей (с 50,2% в 1300—1340 гг. до 20,8% в 1460—1500) и в 1,6 раза увеличивается среднее число детей на детную семью (с 3,2 до 5,3). Доля семей, имевших к моменту смерти завещателя четверо и более детей, достигла в этих классах в 1420—1460 гг. трети, а в 1460—1500 гг. стала приближаться к двум третям (59,1%). В эти годы 87,7% детей крестьян и горожан Фореза и Лионне проживали в семьях, где было четверо и более детей. Именно многодетность оказывается здесь важнейшим фактором общего демографического роста.

Высокая численность взрослых детей в дворянских семьях (особенно в Форезе), характерная почти для всего 150-летнего периода 1350—1500 гг., не представляла, как видим, чего-либо исключительного. Семейный коэффициент в Лионне и Форезе в середине XV в. составлял у дворян 6,2—6,4, у крестьян и горожан — 6,5, а в конце этого века соответственно 5,7 и 7,3 ¹³⁷.

К сходным наблюдениям пришла А. Игуне-Надаль по генеалогическим материалам Перигора: в конце XV в. среднее число детей на детную семью достигло здесь у горожан и крестьян 4,86, средний семейный коэффициент составлял 6,86. Долю многодетных семей в Перигоре оказалось трудным исследовать конкретно и все же удалось выяснить, что доля семей с четырьмя и более выжившими детьми и после 1350 г. не опускалась ниже 16—17% ¹³⁸.

Те же завещания, а также описи позволили другой исследовательнице, М. Зернер, детально проследить состав семьи в небольшом провансальском городке Valréas в 1419—1420 гг. Это был период демографического спада, вызванный очередной чумной эпидемией. Тем не менее среднее число детей составило 2,79 ¹³⁹. Автор солидаризируется с выводом Р. Ботье о том, что, если тенденция к сокращению населения в период неурожая,

эпидемий, войн проявлялась в уменьшении общего числа «очагов», то обратная тенденция после окончания таких периодов (или даже во время них) сказывалась прежде всего на увеличении средней численности «очага»¹⁴⁰. Видимо, разруха и другие бедствия были особенно губительны для малых и бедных семей. Более зажиточные и крупные по размеру домохозяйства переносили их легче, при благоприятных обстоятельствах они первыми разрастались и обеспечивали естественный прирост.

Высокий семейный коэффициент и высокое среднее число детей на семью в XV в. прослеживается и для некоторых северо-французских областей. Так, в Шампани в 1460 г. у сервов (наиболее приниженной социальной категории) приходилось в среднем на детную семью по 3,3—4 ребенка¹⁴¹. В Восточной Нормандии второй половины XV в. среднее число выживших детей было настолько значительным, что, по мнению Ги Буа, общий прирост населения был здесь существенно выше 1% в год¹⁴². И даже в расхожих литературных примерах, использовавшихся в литературных сочинениях того времени, считалось обычным, чтобы семья, просуществовавшая десяток лет (или около того), имела 4 или 6 детей¹⁴³.

Все сказанное дает, думается, основания полагать, что в обеспечении того минимально необходимого ежегодного прироста населения в 5%, без которого Франция не смогла бы компенсировать понесенные ею в XIV—XV вв. людские потери, высокая численность выживавших детей сыграла весьма и весьма важную роль.

Особенно показательна тенденция к росту числа выживших (взрослых) детей. Парадоксальность такого роста в кризисный период XIV—XV вв., казалось бы, усугубляется тем обстоятельством, что, как мы видели, среднее число детей на семью увеличивалось (как, например, в Лионне и Форезе) в низах общества быстрее, чем в верхах, т. е. в обратной зависимости от социального статуса семьи. Заметим, однако, что представление о парадоксальности подобных соотношений сохраняется лишь до тех пор, пока мы исходим из представления о прямой подчиненности демографических феноменов экономическим и социальным процессам. Между тем, если бы такая прямая зависимость действительно существовала, всякий социально-экономический кризис автоматически сопровождался всеобщим демографическим спадом, наиболее заметным в низах общества, а социально-экономический подъем — столь же всеобщим демографическим ростом. Достаточно ясно сформулировать эту мысль (которой — осознанно или неосознанно — руководствуются некоторые исследователи¹⁴⁴), чтобы уяснить ее неоправданность. Если же отказаться от однозначного подчинения демографической эволюции социально-эко-

номической, отмеченные выше факты увеличения в 1350—1500 гг. общего числа выживших (взрослых) детей (как и большего числа выживших детей у крестьян и горожан по сравнению с числом выживших детей из знати) перестанут казаться невыносимыми парадоксами. Они найдут свое объяснение в комплексе социально-демографических условий, включая уже упоминавшуюся выше обширность потенциальных ресурсов воспроизводства населения.

Это, разумеется, не исключает того, что в известных пределах и сословный, и имущественный статус семьи влияли на возможности воспроизводства. Так же как и в XIII—начале XIV в., в конце XIV—XV в. более зажиточные семьи, например, крестьян или горожан, как уже говорилось, могли иметь больше выживших детей, чем менее зажиточные крестьянские или городские семьи. Но уже в среде дворянства эта зависимость не действовала: в младших и менее высокопоставленных ветвях дворянских родов число детей было выше, чем у высшей знати, особенно упорно стремившейся предотвратить дробление наследственных владений¹⁴⁵.

Объясняя тенденцию к общему росту числа выживших детей в конце XIV—XV в., следует учесть и возможное влияние изменений в заботах родителей о своем потомстве. В предыдущей главе было показано, что уже в XII—XIII вв. материнская и отцовская любовь получила достаточно ясное воплощение и сыграла свою роль в известном улучшении выхаживания детей. По отношению к XIV и особенно к XV в. изменение в родительских чувствах — факт достаточно общепризнанный. Недавно он был вновь отмечен И. С. Колом со ссылкой на работы Ф. Арпеса, Ж. Фландрена, Ф. Лебрена, Э. Вадинтера и др.¹⁴⁶ И хотя ни один из названных ученых не занимался конкретным исследованием Франции XIV—XV вв., тенденция в изменении родительских эмоций намечена здесь верно. Вопрос лишь в том, как и в чем повлияло это на численность выживших детей. Присмотримся к тому поводу, что обнаруживается в восприятии ребенка во Франции XIV—XV вв.

Одним из наиболее ярких выразителей церковной доктрины был в конце XIV — начале XV в. канцлер Сорбонны Жан Жерсон. Проблемы отношения к детям затрагиваются во многих его трудах, в том числе в проповедях, обращенных к достаточно широкой аудитории и произносившихся по-французски. Касааясь задач и методов воспитания ребенка, Жерсон не раз вспоминает собственное детство, которое он — выходец из крестьянской среды — провел в шампанской деревне. На первом плане у Жерсона, разумеется, воспитание благочестия и веры во всемогущество всевышнего. «Мои благочестивые родители побуждали меня ста-

повиться на колени и, сложив руки, молить Бога о том, чего бы мне хотелось, например, о яблоке или орехе; и как только я возносил мою просьбу к небесам, мои родители роняли передо мной объект моих желаний... приговаривая: вот, сын дражайший, как хорошо просить Бога, чей промысел вознаграждает нас благодарениями, как только мы об этом попросим»¹⁴⁷. И в этом, и в других примерах Жерсон проповедует подчеркнуто уважительный тон взаимоотношений родителей с детьми. Как он отмечает в одном месте, «родители должны быть достаточно добры к детям, избегая излишней суровости, но и не допуская излишнего баловства», ибо дети должны чувствовать себя любимыми¹⁴⁸. Целью родителей должно быть и духовное, и физическое здоровье ребенка, и потому матери еще во время беременности надлежит призвать на помощь Бога и святых. Мольбы к ним нужно продолжать и после рождения ребенка; но и сама мать должна делать все возможное, чтобы выходить младенца, выкормить его собственным молоком¹⁴⁹.

Заботиться о детях, на взгляд Жерсона, надлежит не только их собственным родителям. Канцлер Сорбонны обращается к светским властям и всем, кто связан с воспитанием подрастающего поколения, с призывом защитить детей и всю молодежь от недостойных сочинений и иных форм дурного влияния¹⁵⁰. Он считает, что всякий философ или пастырь, сколь бы ни было высоко его положение, не должен гнушаться непосредственного участия в воспитании детей. Ибо в век схизмы именно дети, по мысли Жерсона, смогут осуществить реформу церкви, в них — будущее¹⁵¹.

В этой концепции Жерсона, помимо традиционной для церкви заботы о благочестивом воспитании подрастающего поколения и помимо звучавшего уже, например у Филиппа Новаррского и Рамона Луллия, признания важности для судьбы детей того, чему и как будут их учить, есть и некоторые новые моменты. Отметим прежде всего подчеркивание общественной значимости детского воспитания и его влияния на судьбы мира. Не случайно, как отмечает Франсуаза Боввей, отзвук идей Жерсона слышится в социально-педагогической доктрине иезуитов¹⁵². Пожалуй, еще важнее, что Жерсон фактически отказывается видеть в детских пороках или физических недостатках детей следствие грехов их предков. Вместо этого у него на первый план выдвигается мысль об ответственности воспитателей, от которых зависят и физические, и моральные достоинства детей.

Не переоценивая ни теоретического, ни практического влияния подобных взглядов, нельзя тем не менее не видеть в них некоего движения мысли. И поскольку Жерсон адресовался к достаточно многоликой пастве, можно предполагать, что его вос-

читательная концессия отражала — по принципу «обратной связи» — довольно глубокое идейное течение.

В пользу этого предположения говорят и некоторые другие факты церковной практики. Так в XIV—XV вв. становится общеприпятим возникший в середине XIII в. порядок крещения детей сразу же после их рождения¹⁵³. Еще автор трактата 1267 г. говорил об этом порядке как о нововведении. Ныне он не вызывает удивления. А это предполагает определенное изменение подхода к ребенку: не только дитя, уже вышедшее из стадии раннего младенчества (и лишь после этого подвергнутое крещению), но и только что родившийся и сразу же окрещенный младенец признается ныне существом, за судьбу которого церковь и родители несут ответственность перед Богом. Более того, даже мертворожденные младенцы не остаются теперь вне внимания церкви. Жития святых рассказывают о чудесных «оживлениях» таких младенцев, над которыми успевали совершить обряд крещения, прежде чем они вновь умирали¹⁵⁴. Церкви, где случалось подобное чудо, приобретают особую известность, их именуют «алтари отсроченные (*sanctuaires à répit*)»¹⁵⁵.

Изменение отношения к детям видно и по некоторым похоронным обрядам. С XIV в. по Франции возрождается обычай совместных семейных захоронений. И хотя этот обычай побеждает, как уже отмечалось, далеко не сразу, весьма поучительно, что уже в XIV в. на некоторых семейных надгробиях вновь появляется фигура ребенка, отсутствовавшая на них почти тысячу лет¹⁵⁶.

Все это указывает на определенное изменение подхода к ребенку в церковной доктрине: в ней усиливается акцент на ответственности самой церкви, общества в целом и особенно родителей ребенка за его земную судьбу. Не случайно, традиционное для раннесредневекового христианства истолкование библейской заповеди о почитании детьми родителей как завета, не предполагающего каких бы то ни было обязательств самих родителей перед детьми, также начинает видоизменяться. В осмыслении богословами этой заповеди появляется идея взаимных обязанностей родителей и детей друг перед другом¹⁵⁷. Все эти доктринальные изменения вряд ли могли складываться вне взаимосвязи с переменами в обыденном сознании паствы.

Еще более определенно, чем в церковной теории и практике, формулируется идея ответственности родителей за здоровье и воспитание ребенка в светской литературе конца XIV—XV вв. Так, Э. Депап в обширном «Зерцале брака» вкладывает в уста «доброй жены» такое наставление для «юных дев»: «Если бы вы только знали, каково это [в заботе о детях] не спать с мужем... Ведь детей надо кормить грудью и неотступно следить за ними...

Их надо нежненько запеленать, убаюкать, подмыть, убажить, носить их [на руках], петь им песенки и развлекать... И позаботиться о хорошей кормилице... Если бы вы знали, каково мне, когда я вижу ребенка больным, когда у него болит животик и мучает понос, и никто не может ему помочь. И какая боль пронзает мне сердце, когда он страдает от того, что у него режутся зубки... Решительно никого из смертных не может мать любить сильнее, чем своего ребенка»¹⁵⁵.

Рассказ о материнских эмоциях периода младенчества детей продолжается в «Зерцале брака» перечнем «страхов», которые приходится испытывать матери, когда ребенок начинает ходить. Ведь надо уследить, «как бы дети не упали в воду, не ударились, падая на землю, не попали в огонь». Отдельная забота, чтобы дети «научились хорошо говорить». А если дети окажутся в городе, их поджидают «сто тысяч опасностей со стороны свиней, лошадей, зверей, повозок, карет. И так до 7 лет»¹⁵⁶. Столь же подробно описываются в «Зерцале брака» и других сочинениях Дешана родительские заботы о старших детях. Либо поупу, либо специально поэт упоминает о том, что именно приходится делать родителям, чтобы обеспечить физическое здоровье и должное воспитание своим отпрыскам. Надо «содержать большое хозяйство», чтобы кормить детей хлебом, виноградом, молоком, сыром, мясом; надо топить комнаты углем, иметь кровати, покрывала и простыни. «Когда же дети подрастут, их надо учить и воспитывать, обучать обычаям, наукам и искусствам»¹⁵⁷. Ведь никто из знати не должен в молодости уклоняться от изучения семи свободных искусств, а также древнееврейского, греческого, латыни. Только после этого можно думать о приобретении рыцарского звания¹⁵⁸.

Отдельная задача родителей — обеспечить дочерей и сыновей необходимым имуществом, в частности, деньгами, обстановкой, владениями в городе и деревне¹⁵⁹.

Судя по стихам Дешана, ни его самого, ни его читателей никак нельзя заподозрить в «равнодушии» к детям или же непонимании ответственности родителей за жизнь и здоровье детей. Особенно конкретно воспроизводит Дешан материнскую любовь и материнские заботы. В некоторых пассажах заметен намек и на то, что, на взгляд матерей, отцы должны больше беспокоиться о здоровье своих детей, особенно малышей, чем это обычно бывает. «Они [опасности, грозящие детям] не трогают наших мужей. И даже, когда дети заболевают, если я попрошу мужа отнести ребенка к св. Фульхерию или св. Христофору ради его спасения и излечения, муж будет лишь недоволен мною и велит мне не приставать к нему»¹⁶⁰. В общем родительские заботы обрисованы Дешаном столь реалистично, что сомневаться в их

соответствии жизненной практике невозможно. Видимо, современники Дешана и в самом деле тратили на выхаживание и воспитание детей большие усилия. Могло ли это не сказаться на мере выживания детей, по крайней мере в «нормальные» годы?..

Думается, не случайно именно от XV в. дошли до нас сочинения, в которых впервые во французской литературе воспоминания о детстве окрашены в радужные тона¹⁶⁴. (Этот оттенок отсутствует еще и в XIII в., например у Филиппа Новаррского.) Не наметился ли именно в конце XIV — начале XV в. — в пору массовых эпидемий и бедствий — перелом во взглядах на ребенка, позволивший почувствовать его самоценность?¹⁶⁵

Все это, конечно, не дает оснований думать, что люди XIV—XV вв. уяснили психологическую специфику детства и отрочества или же что дети стали для них тем эпицентром в жизни родителей, в какой они превратились в новое время. Традиция так называемого воспитательства, предполагающая, что подростки рано отдаются на «воспитание» и обучение в чужую семью — к боковым родственникам или соседям — продолжала соблюдаться во Франции того времени. Дети, как правило, не знали жизни в коллективе сверстников, где они могли бы свободнее выразить себя, не вызывая непонимания окружающих. Более того, именно в XIV—XV вв. в ряде французских провинций заметно повышается возраст полной юридической дееспособности юности, с наступлением которого он вправе освободиться от родительской опеки.

Этот сдвиг обнаруживается почти во всех классах. Так, обычный возраст посвящения в рыцари, каковым в XII—XIII вв. считали обычно 15 лет, ныне повышается до 20-ти¹⁶⁶. Еще дольше — до 25 лет, не имели права выхода из-под власти отца или иного опекуна сыновья перигорских горожан (считавшиеся совершеннолетними и облагавшиеся налогами уже с 14 лет)¹⁶⁷. Тот же возраст считался минимальным для хозяйственной дееспособности в Провансе XV в.¹⁶⁸ В некоторых случаях даже жепитьба, происходившая, как отмечалось выше, обычно около 25 лет, не освобождала сына из-под власти отца¹⁶⁹.

Повышение возраста правовой эмансипации молодежи, тесно связанное с повышением возраста первого брака, вновь обнаруживает уже констатировавшуюся выше тенденцию к искусственному ограничению прокреативной деятельности. Однако в то же время удлинение сроков родительской опеки объективно означало усиление ответственности семьи за детей и подростков, которые дольше оставались в ее лоне. Это, разумеется, не спасало младшее поколение от чумных эпидемий или опасностей, связанных с военными действиями. Но в нормальные годы родительские заботы могли сокращать смертность детей и подростков. А ведь только

в эти годы и осуществлялось восстановление демографического потенциала.

Во вступительном разделе этой главы было высказано предположение о существовании во Франции XIV—XV вв. весьма обширных ресурсов воспроизводства населения. Одной из наших задач мы считали поиск тех особенностей демографического механизма, которые могли бы обеспечить сравнительно быструю компенсацию огромных людских потерь этого периода. Рост числа выживших детей в детных семьях относится к числу именно этих демографических особенностей, создававших важные предпосылки естественного прироста¹⁷⁰. Исясю, однако, что реализация этих предпосылок во многом зависела от средней продолжительности жизни и уровня общей смертности; их исследование и составит нашу очередную задачу.

4. Смерть, смертность, продолжительность жизни

Общие масштабы демографического спада, поразившего Францию в XIV — начале XV в., были охарактеризованы выше. После изучения брачной модели и принятых норм деторождения яснее вырисовывается механизм этого спада. В определенной мере ему могла способствовать уже тенденция откладывать вступление мужчин в первый брак (т. е. увеличение доли молодых холостяков).

Такая тенденция сдерживала естественный прирост независимо от всех кризисных явлений и задолго до них. С нею вполне могла быть связана стагнация населения, наблюдавшаяся в некоторых французских провинциях с конца XIII в. Нельзя, однако, упускать из виду, что демографический гомеостазис осуществлялся во Франции того времени сугубо спонтанно. Поэтому самое появление ограничительных изменений в брачной модели косвенно свидетельствовало об относительной обширности имевшихся воспроизводственных возможностей.

С началом «Черной смерти» многие из этих возможностей были утрачены. Повторяющиеся через каждые 11—12 лет массовые чумные эпидемии дополнялись еще более частыми местными вспышками чумы, эпидемиями тифа, скарлатины, туберкулеза, заболеваниями пищеварительного тракта (дизентерия), дыхательных путей (в частности, коклюш) и т. п.¹⁷¹ Губительности этих заболеваний способствовал ряд обстоятельств. Длительное отсутствие чумы в Западной Европе (с конца VIII в.) предопределило отсутствие иммунитета к ней. Высокая вирулентность бактериальных штаммов бубонной чумы, занесенных в 1347—1348 гг. во Францию, обусловила очень высокую смертность от этого вида

болезни, передававшегося через паразитов («чумных блох»). Еще страшнее была легочная форма чумы, вирусы которой распространялись воздушным путем — при кашле, чихании или даже крике¹⁷². К концу XIV в. вирулентность чумных бактерий снизилась, а доля лиц, переболевших чумой и приобретших иммунитет к ней, увеличилась. Однако параллельно усиливалась угроза со стороны других заболеваний, получивших особое распространение в XIV в., в частности, в связи с неблагоприятными климатическими изменениями (увлажнение климата, уменьшение числа солнечных дней и т. п.)

Не менее, если не более опасным было то, что чумные и иные эпидемии сочетались, как известно, с губительными военными опустошениями, с педородами, дороговизной, общей разрухой, с глубоким социальным и социально-политическим кризисом французского общества. Длительная психологическая напряженность, систематическое недоедание подрывали сопротивляемость людей болезням, и сами по себе увеличивали смертность и сокращали продолжительность жизни.

Определение конкретных изменений в уровне смертности и продолжительности жизни во Франции того времени затрудняется отсутствием прямых данных. Использование косвенных свидетельств по этому вопросу прошло в послевоенные десятилетия через несколько этапов. В 50—60-е годы специалисты ограничивались преимущественно анализом динамики населения в той или иной местности¹⁷³. Почти одновременно развернулись исследования по истории отдельных групп населения, в первую очередь из среды правящего класса — епископов, членов парижского парламента, членов королевского тайного совета, чиновников палаты счетов, балли, сенешалов и т. п. Зная даты назначения (и смерти) лиц, исполнявших эти должности, и приближенные возрастные рамки, в которых производилось назначение на ту или иную должность, исследователи пытались хотя бы ориентировочно наметить уровень смертности в соответствующих возрастных категориях правящего класса. Кроме того, сопоставление масштабов смертности в чумные и «нормальные» годы позволяло в самых общих чертах определить последствия эпидемий, а также оценить продолжительность жизни в XIV в.¹⁷⁴

Ограниченное значение этих данных, касавшихся лишь господствующих слоев, побудило к более внимательному анализу судеб простолюдинов. Были собраны свидетельства современников, подчеркивавших особо высокие потери в среде трудящихся; Жан де Венет, Фруассар, Жиль де Мюиз, Сион де Куэн, льежские хронисты начала XIV в. и многие другие прямо подчеркивали несоразмерность жертв простого народа и господствующих классов¹⁷⁵. Это подтверждал и анализ налоговых документов,

выявивший исчезновение в первую очередь менее зажиточных хозяйств и большую устойчивость старожильческого населения (по сравнению с недавними иммигрантами) в городах¹⁷⁸.

При всей важности этих наблюдений оставался неясным перестроенный с демографической точки зрения вопрос о том, какие именно возрасты населения сильнее всего пострадали в то время и как это сказалось на продолжительности жизни. На первый взгляд очевидно, что в смутное и трудное время эпидемий, недородов, войн и восстаний особенно большие потери должны были бы понести дети, женщины и старики — извечные жертвы любых катастроф. Некоторые свидетельства хронистов прямо подтверждают подобное предположение и оно не раз высказывалось в исследованиях, публиковавшихся в 60–70 гг. и в начале 80-х годов¹⁷⁹. Однако с середины 70-х годов, после работ Ж. Бирабена, стала складываться иная историографическая тенденция; она получила наиболее последовательное выражение в опубликованной в 1987 г. работе Ж. Миуа по истории старости.

Основной тезис Ж. Миуа — укрепление в XIV–XV вв. во всех социальных классах позиций стариков за счет резкого увеличения их численности. Это стало, по мнению Ж. Миуа, возможным из-за того, что эпидемии XIV–XV вв., и особенно чума, губили в первую очередь детей и «молодых взрослых»¹⁸⁰. В подтверждение этой концепции Миуа приводит широкий круг данных. Рассмотрим их конкретнее.

Цитируя исследование А. Игуне-Надаль по Перигору, Миуа ссылается на анализ ею возраста 465 человек в период с 1325 по 1499 г. и констатирует, что 217 из них, т. е. 46%, были старше 60 лет¹⁸¹. По мысли Миуа этот факт подтверждает, что чума губила главным образом детей и молодых взрослых, сохраняя жизнь старикам. Миуа не использует, однако, результаты более детального анализа возраста смерти, сделанного А. Игуне-Надаль. Между тем из этого анализа выясняется, во-первых, что реже всего в Перигоре умирали между 20 и 30 годами (т. е. как раз те, кого надо считать молодыми взрослыми), во-вторых, что смерти учащаются с 40 лет и достигают максимума между 55 и 65 годами (т. е. в возрасте, несомненно, относящемся к числу старших возрастов, которые Миуа считает в это время особенно жизнестойкими), в-третьих, что, по данным исследовательницы, в чуму 1348 г. уровень смертности был наиболее велик между 40 и 59 годами (а отнюдь не в среде молодых взрослых)¹⁸². Если ко всему этому добавить, что выборка А. Игуне-Надаль, как подчеркивает сама исследовательница, охватывает лишь более зажиточную часть населения (в частности, купцов и *laboureurs*), то неоправданность использования Ж. Миуа этих данных для

Кормление младенца.

Миниатюра XIV в.

Париж.

Национальная библиотека.

*Второй ребенок на руках у
отца ждет, когда его по-
кормят.*

Рождение ребенка.

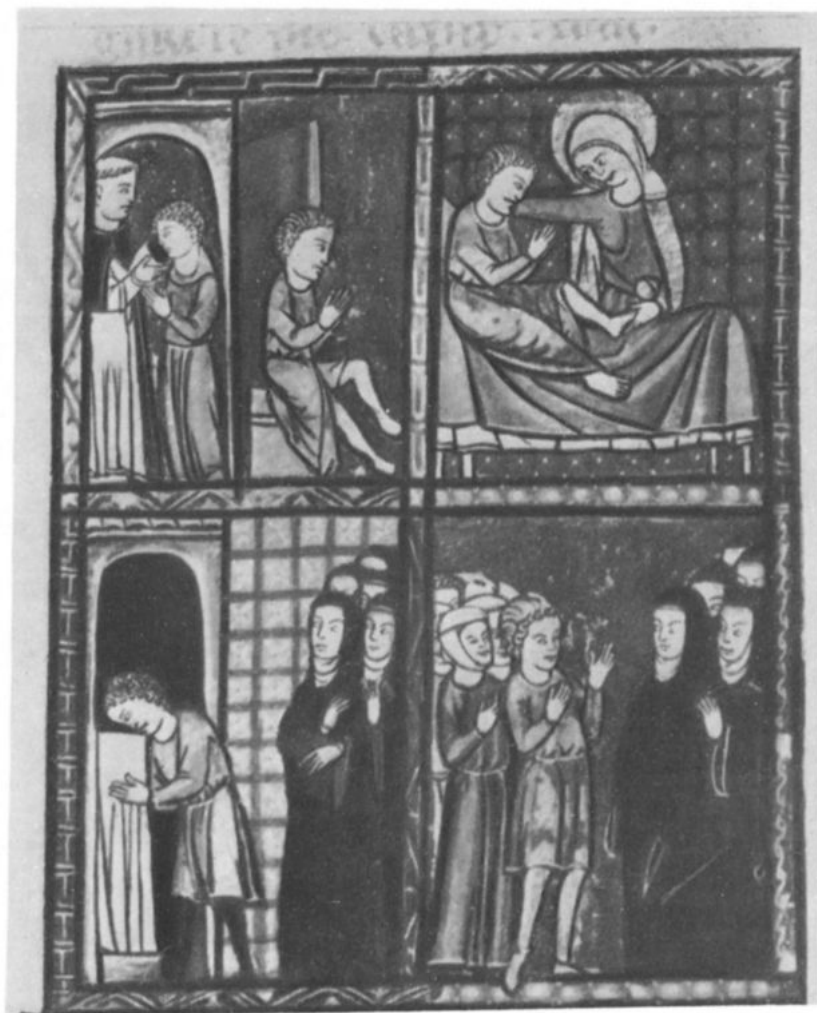
Резьба по дереву.

XV в. Дрезден.

*Купание младенца.
Резьба по меди.
XV в. Дрезден.*

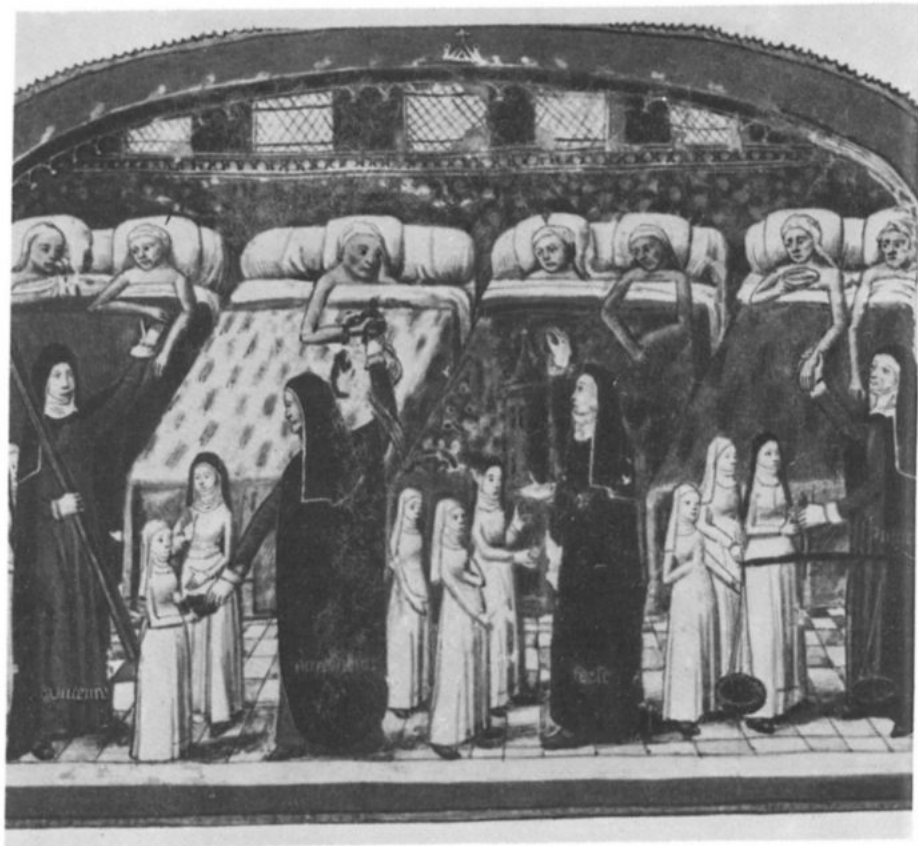
*Материнские заботы.
Эстамп XVIII в.*

Чудодейственное излечение

Миниатюра из рукописи XIII в.: Gautier de Coinci. *La vie...* (Л. 206 об.).
Ленинград, ГПБ.

У Робера де Жуи возникла язва на ноге, издававшая такое зловоние, что он был удален даже из храма (слева вверху). Никто не мог его излечить, пока его не спасла Богомать (справа вверху). Всех прихожан поразило чудодейственное исцеление (справа внизу). Робер де Жуи возносит благодарственные молитвы (слева внизу)

*Больничная палата в парижском приюте Отель-дье.
XVIII в. Париж. Библиотека прикладных искусств.*

*Врачебная помощь.
Гравюра XVI в. Париж. Национальная библиотека.*

Больной пьет отвар из гуаяччо, считавшийся средством излечения сифилиса. Горящая свеча у слуги и ароматная шишка в руках врача — для предотвращения заражения.
На картине справа — бордель

*Врачебная помощь.
Рисунок XV в. Париж.
Национальная библиотека.*

*Хирургическая операция.
Рисунок XV в. Париж.
Национальная библиотека.*

*В лачуге.
Рисунок XVIII в. Париж. Национальная библиотека.*

*Купание в богатом доме.
Париж. Национальная библиотека.*

Смерть

Смерть.
Изображение на игральном картан XIV в.
Париж. Национальная библиотека.

*Умирающий.
Рукопись 1418 г. Париж.
Национальная библиотека.
Смерть ждет у постели
больного*

*Массовое погребение.
Рукопись 1418 г.
Париж. Национальная библиотека.
Последнее благословение. Облачение в
саван. Придание земле*

Муки голода.

Гравюра конца XVI в. Париж. Библиотека прикладного искусства.

Эпидемия.

Гравюра XVI в. Париж. Музей истории медицины.

Смерть,
потещающая ребенка.
Гольбейн.
Пляски смерти.
XVI в.
Париж.
Библиотека
прикладного искусства.

Последнее причастие.
Пикар.
Гравюра 1724 г.
Париж.
Национальная библиотека.

Семья

Семейные заботы.

Рукопись XV в.

Париж.

Национальная библиотека.

Гроза прялкой, жена заставляет мужа взять на себя все заботы по хозяйству

Деревенские танцы.

Часослов

Карла Ангулемского.

Рукопись XV в.

Париж.

Национальная библиотека.

*Крестьянская семья в XVII в.
Гравюра Боннара. Начало XVII в. Париж. Национальная библиотека.
Семья охватывает два поколения взрослых и многочисленное потомство*

*Зажиточная городская семья в XVIII в.
С картины Ламбрехта «Семейная трапеза». Бурж.*

В семье лишь один ребенок

*Нищая многодетная семья конца XVIII в.
Ж.-Б. Грёц. 1763 г. Шантийи. Музей Кондэ.*

безоговорочного подтверждения своих тезисов станет довольно очевидной.

Далее Ж. Минуа ссылается на исследование П. Депортом возрастной пирамиды в двух приходах Реймса в 1422 г. и отмечает, что, поскольку после эпидемий в начале XV в. число лиц в возрасте до 10 лет было здесь меньше числа лиц между 35 и 45 годами, это подготавливало диспропорцию в пользу стариков в последующие 30 лет¹⁸¹. Нетрудно заметить, что цитируемые у Минуа реймские данные, во-первых, говорят лишь о возможности численного преобладания одного-двух старших возрастов в будущем — возможности, которая могла бы быть подорвана последующим развитием. Во-вторых, реймские данные 1422 г. абсолютно не соответствуют тезису Ж. Минуа о высокой численности старших возрастов: 59% населения составляли лица в возрасте от 15 до 45 лет; 60-летних и старше было лишь 6,5%¹⁸². В-третьих, отсутствие в Реймсе накануне переписи 1422 г. чумных эпидемий делает имеющиеся данные вообще неприменимыми для проверки тезиса Ж. Минуа об особой губительности чумы для молодых взрослых.

Ж. Минуа приводит в подтверждение своих тезисов также материалы Шалона-на-Соне, исследованные А. Дюбуа. По утверждению Ж. Минуа, А. Дюбуа показал, что уровень смертности в этом городе в 1380—1400 гг. «совершенно определенно» сокращался с возрастом¹⁸³. Между тем в заключении к своему исследованию А. Дюбуа специально подчеркивает, что в силу недостатка данных о возрасте, а также о мобильности жителей Шалона, изученные им поочажные расследования «не позволяют отождествлять сведения об уменьшении числа очагов с данными о смертности»¹⁸⁴.

Более убедительны ссылки Ж. Минуа на работу М. Берта о деревенском населении в королевстве Новарра, где в XIV—XV вв. наблюдалась явная диспропорция в численности стариков и молодых¹⁸⁵. Однако, как констатирует Ж. Минуа вслед за М. Бертом, из этого горного района шла интенсивная эмиграция; она, естественно, «вымывала» в первую очередь молодых взрослых¹⁸⁶; их отсутствие нельзя, следовательно, рассматривать как результат более высокой смертности в этом возрастном классе. Ж. Минуа приводит также результаты собственного исследования по Бретани XV в., где на территории епископства Третье доля 70-летних несколько превышала 5% населения и многие главы семей достигали 70—80 лет¹⁸⁷. Этот факт, разумеется, заслуживает внимания, но он явно недостаточен ни для доказательства общего увеличения доли стариков по сравнению с предшествующим временем (какового сравнения Минуа не предпринимает),

ни для подтверждения мысли об особо высокой смертности «молодых взрослых».

Не подтверждают этот последний тезис и некоторые другие французские материалы XV в., приводимые Ж. Минуа, в частности свидетельства автора дневника парижского буржуа за 1418 г.¹⁸⁸ или же соотношение «молодых» и «старых» («борода-тых») в миниатюрах часослова герцога Беррийского¹⁸⁹. В еще меньшей мере годятся для этого ссылки Ж. Минуа на то, что, судя по более поздним цифровым данным начала XVII в. для одного из приходов Лондона, молодежь и взрослые среднего возраста уступали по численности старикам¹⁹⁰.

Все это не значит, что исследуемый Ж. Минуа вопрос о соотношении в XIV—XV вв. старших возрастов с более молодыми не заслуживает пристального внимания. Остроту этого вопроса справедливо отметил за несколько лет до Ж. Минуа известный французский медиевист Бернар Генэ¹⁹¹. Он напомнил сформулированную некогда М. Блоком и долгое время господствовавшую среди медиевистов точку зрения: жизнь средневекового человека была коротка; старость начиналась очень рано — в возрасте, который мы относим к периоду зрелости; миром правили молодые¹⁹².

Отправляясь от результатов нескольких просопографических исследований, Б. Генэ высказывается за пересмотр тезисов М. Блока. По мнению Б. Генэ, сколь бы ни были приблизительны сведения о возрасте, которые сообщают о себе люди, жившие в XIV—XV вв., есть достаточно оснований констатировать в то время обилие пожилых и среди политических деятелей, и в среде военной элиты, и среди писателей и историков: в свитах грандов это были люди от 40 до 50 лет, среди военных — от 50 до 60, а среди сочинителей — от 60 до 80 лет¹⁹³.

Предпринятые Б. Генэ зондажи сами по себе не вызывают сомнений, несмотря на то что их источниковая база не слишком велика: 22 участника посольств в Авиньоне 1395 г.; 56 участников битвы при Азинкуре (1415 г.) и 40 историков, писавших свои сочинения с конца XIII до конца XV в. Во всяком случае, материалы Б. Генэ достаточны, чтобы поставить под сомнение тезис, согласно которому миром «правили» тогда только «молодые»¹⁹⁴.

Как было показано выше, Ж. Минуа идет гораздо дальше Б. Генэ. Не ограничиваясь констатацией относительной многочисленности пожилых, он настаивает на идее увеличения в XIV—XV вв. их численности за счет «вымывания» молодых взрослых¹⁹⁵. Однако подтвердить этот тезис можно лишь путем сопоставления доли этих возрастов в XIV—XV вв. с их же долей в предшествующий период. Без такого сопоставления говорить об изменениях в соотношении возрастных классов и в уровнях

смертности в каждом из них нельзя. К сожалению, ни сам Ж. Минуа, ни его предшественники подобного сопоставления не предпринимали. Осуществить его при нынешнем состоянии источников, конечно, очень трудно. Тем не менее некоторые попытки в этом направлении возможны.

Выше мы уже отмечали продуктивность привлечения для демографического анализа просопографических материалов. Там, где они охватывают длительный период, их можно использовать и для сравнения численности некоторых возрастов. Это, в частности, касается данных, собранных Э. Перруа о форезском дворянстве. Возраст дворян сообщается в них довольно редко¹⁹⁶. Да и там, где он указывается, заметно предпочтение к некоторым «переломным» возрастам — 12 лет, 25 лет, 70 лет, что побуждает предполагать сугубую приблизительность соответствующих указаний. Еще реже сообщается о дате рождения¹⁹⁷. Зато дату смерти Э. Перруа удается установить примерно для одной трети дворян¹⁹⁸. Но и для них возраст смерти можно сколько-нибудь точно определить лишь в тех редких случаях, когда параллельно известна дата рождения.

Иное дело — оценка минимально возможной продолжительности жизни взрослых или же оценка максимальной частоты смерти взрослых в том или ином возрастном классе. Наметить эти оценки позволяет конкретное изучение упоминаний о том или ином форезском дворянине, собранных в изданиях Э. Перруа. Рассматривая данные источников об имущественных сделках отдельных дворян, о спорах между ними, о принесении ими клятвы верности тому или иному суверену, об их выступлениях в качестве свидетелей, поручителей, завещателей и т. п., нетрудно выделить основополагающие вехи их *curriculum vitae*. В первую очередь для нас важны сведения об обстоятельствах их первого и последнего появления в источниках. Анализируя семейное положение, социальный статус, характер документа, в котором впервые упоминается тот или другой из индивидов, фигурирующих в генеалогической сводке Э. Перруа, можно даже при отсутствии указаний на время его рождения приблизительно оценить его минимальный возраст. Определить время смерти при отсутствии прямых упоминаний о ней невозможно. Однако, если ограничиться поиском минимальной продолжительности жизни (или же максимальной частоты смерти), можно условно удовлетвориться датой последнего упоминания того или иного дворянина в источниках.

Соответственно сказанному условимся, что (подобно тому, как оценивался выше возраст участников Четвертого крестового похода) в случаях, когда при первом упоминании форезский дворянин фигурирует в качестве рядового участника (или свидете-

ля) имущественной сделки, его возраст — 15 лет; аналогичным образом будем считать лицо, названное при первом упоминании «рыцарем», имеющим от роду 15 лет, если дело происходит до 1350 г. и 20 лет — после 1350 г.; женатый дворянин до 1350 г. считается при первом упоминании 20-летним, после 1350 г. — 24-летним; замужняя женщина признается при первом упоминании 15-летней, вдова (при первом упоминании) — 20-летней; епископ, аббат, приор, шателен, дуайен, прево при первом упоминании считается 25-летним, священник или же приближенный графа — 20-летним, «ребенок» — 5-летним. Все эти условные определения возраста первого упоминания в общем «омолаживают» фигурирующих в генеалогии дворян: ведь далеко не все они начинали участвовать в сделках и выступать свидетелями сразу же после наступления совершеннолетия, не все вступали в брак (или получали рыцарское звание) сразу же после наступления принятого для этого возраста, не все епископы, аббаты, шателены имели при первом упоминании лишь 25 лет и т. д. Кроме того, вполне возможно, что известные нам «первые» упоминания в источниках в действительности были далеко не первыми.

Сознательно «омолаживая» форецских дворян, мы избегаем наиболее опасного для нас искусственного завышения продолжительности их жизни. Этому же помогает то обстоятельство, что в тех случаях, когда дата реальной смерти дворян остается неизвестной, мы считаем таковой дату их последнего упоминания в источнике, хотя, несомненно, многие из них, особенно более молодые, могли жить еще достаточно долго¹⁸⁹. В результате мы неизбежно преувеличиваем частоту смерти в более молодых возрастах; преувеличиваем мы ее и для старших возрастов, хотя, видимо, менее существенно. В любом случае наши данные будут характеризовать заведомо преуменьшенную продолжительность жизни и заведомо преувеличенную частоту смертей.

Для определения абсолютной продолжительности жизни и абсолютного уровня смертности вся эта методика непригодна. Зато она позволяет решить другую немаловажную задачу: сопоставить эти показатели для разных исторических периодов — до конца XII до середины XIV в. — и для кризисного — с середины XIV в. до конца XV в. Тем самым создается возможность уяснить тенденцию в изменении возраста смертности в течение этих двух периодов.

Результаты подсчетов обобщены в табл. 4.6. Судя по ним, частота смерти в разных возрастах изменяется весьма значительно. До середины XIV в. смерть после 40 лет составляла немногим более половины всех случаев смерти взрослых (55,7%), а смерть взрослых в более молодом возрасте, соответственно, составляла несколько менее половины всех случаев. В сле-

Таблица 4.6

Частота смерти флоресских дворян в разных возрастах

Период	Всего учтено случаев смерти (100%)	В возрасте							
		До 40 лет		от 40 лет и старше					
				Всего		старше 60		старше 70	
		абсолютное число	%	абсолютное число	%	абсолютное число	%	абсолютное число	%
1170—1349 гг.	305	135	44,3	170	55,7	19	6,2	4	1,3
1350—1500 гг.	152	42	27,6	110	72,4	37	24,3	11	7,3

дующем периоде картина оказывается обратной: смерти молодых (до 40 лет) составляют около четверти всех смертей взрослых (27,6%), тогда как смерть в старших возрастах (после 40 лет) достигает трех четвертей от общего числа. Нетрудно заметить, что эти данные решительно противоречат тезисам Ж. Минуа о большей уязвимости «молодых взрослых» в период чумных эпидемий во второй половине XIV и XV вв. и об изменении их численного соотношения со стариками в пользу этих последних²⁰⁰. Несмотря на то что наши подсчеты показывают заведомо преувеличенную частоту смерти в возрасте до 40 лет, она оказывается несравненно меньшей, чем в старших возрастах. Идея «вымывания» молодых взрослых в XIV—XV вв. флоресскими данными опровергается.

Иначе обстоит дело с тезисом Б. Гена, поддержанным Ж. Минуа, А. Дюбуа и др., об обширности слоя пожилых людей. Существенное увеличение в 1350—1500 гг. частоты смертей в старших возрастах по сравнению с предшествующим периодом (особенно после 60 лет — см. табл. 4.6., стб. 8) говорит не только об уязвимости этих возрастных категорий. Оно в то же время косвенно свидетельствует об увеличении их относительной численности. Стариков стало действительно больше.

Смерть постоянно «прореживала» их ряды. Однако, если раньше лишь очень немногие доживали до 60 или, тем более, до 70—80 лет, то теперь доля таковых явно выросла. Определить величину этой доли в возрастной пирамиде или тем более надежно рассчитать по флоресским данным длительность предстоящей жизни, скажем, в 40- или 50-летнем возрасте не удастся²⁰¹. Но констатировать тенденцию к увеличению в XIV—XV вв. доли 50- и 60-летних есть немало оснований. Рост этой доли, видимо, не был настолько значительным, чтобы кардинально сократить

долю более молодых²⁰². Тем не менее игнорировать его не приходится.

Он подтверждается не только данными Минуа или судьбами форезских дворян. В 1422 г. в поголовной переписи всего населения Реймса, включившей даже временно проживавших крестьян из округи, данные по приходу Сен-Пьер сохранили сведения о возрасте 1311 человек (из 1365 переписанных). В их числе, как уже отмечалось, 59% были в возрасте от 15 до 45 лет. Но и лица более старшего возраста охватывали 15,8% населения, в том числе 50-летние, 60-летние и старше — 12,9%, 60-летние и старше — 6,5%²⁰³. Сходной была доля 50-летних в деревне Сопаз (Нижний Лангедок) в конце 30-х годов XIV в.: судя по повторным крестьянским «декларациям», из числа 150 взрослых мужчин 16,6% имели здесь по 50 лет и более²⁰⁴. В деревне Пурьер (Нижний Прованс) материалы описи позволили установить, что примерно четверть взрослых крестьян были в конце XIV — начале XV в. старше 50 лет²⁰⁵. В местечке Valreas в Провансе 50-летнего возраста достигла треть взрослых, фигурирующих в кадастре 1451 г., а 60 лет 20% взрослых²⁰⁶. В Перигоре во время судебного расследования в начале XIV в. среди 26 привлеченных свидетелей ни одному не было менее 60 лет²⁰⁷. И хотя возраст многих свидетелей, как это нередко случалось в то время, назывался, видимо, достаточно произвольно и порою не столько в реальной, сколько в мифологической форме (один из свидетелей был назван 100-летним, другой — 140-летним), тот факт, что современники допускали существование в своей среде столь глубоких стариков, способных выступать в суде, достаточно поучителен²⁰⁸. В этом же смысле поучительны собранные Б. Генэ, Р. Казелем, Ф. Отран, М. Вовелем и Ж. Минуа данные о весьма продвинутом возрасте ряда военных, политических и церковных деятелей, также как писателей и художников XIV—XV вв.

Быть может, об общей тенденции к росту продолжительности жизни взрослых говорит и некоторое отличие представлений о возрасте наступления старости в XIV—XV вв. Как отмечалось выше, в XIII в. переломным возрастом иногда считали уже 40 лет. В XIV—XV вв. эту оценку теснят иные. Так, в поэме неизвестного автора середины XIV в. «Двенадцать месяцев жизни» серединой жизни — «июлем» — называются 42 года. В этом возрасте «осыпаются цветы» и годы начинают клониться к упадку; но только после 54 лет человек по-настоящему начинает «сдавать» и «в его жизни наступает осень»²⁰⁹. Э. Дешан признает в конце XIV в., что он казался себе Роландом лишь в 20 лет. Уже через 16 лет и тем более после 40 он начал чувствовать себя слабым (nices), глупым (foulz), тупедушным (chetis) и несчастным²¹⁰. Но действительным возрастным рубежом Дешану представляется

50-летие. Именно с этого времени люди заслуживают, по его мнению, уважения по возрасту; насмешки над теми, кому минуло 50 лет, неуместны²¹¹. Значение, которое Дешан придавал именно 50-летнему рубежу, видно и из другого его сочинения: «Приходите на мой юбилей, мне исполнилось пятьдесят; мое время ушло навсегда, мое тело увяло вконец; адё, вспоминайте меня»²¹². При всей осторожности, которой, естественно, требует историко-демографическое использование поэтического наследия, можно предполагать, что настойчивое подчеркивание Дешаном 50-летней грани было не совсем случайным.

Это подтверждается и суждениями некоторых других писателей XV в. Так, Оливье де Ламарш (1426—1502 гг.), весьма реалистично описывая старость своих современниц — женщин, называл в качестве весьма «продвинутого» возраста — даже для тех, кто живет в согласии с «требованиями природы» — 60 лет: в эту пору женская красота превращается в свою противоположность, на смену здоровью приходят неизлечимые болезни²¹³. Филипп де Коммин, родившийся в 1447 г., называл себя «очень старым» (*fort ancien*), когда ему исполнилось 58 лет²¹⁴. Jacobus Pares de Valencia, испанский августинец, опубликовал в 1500 г. в Париже комментарий на псалом 54.24, где констатировал, что ныне и «дурные люди живут свыше половины [установленного срока], т. е. больше 40 лет»²¹⁵. Судя по ряду законодательных предписаний, известный уже в XIII в. предельный возраст военной службы — 60 лет — становится в XIV в., видимо, широко принятым²¹⁶; его применяют и в качестве предельного возраста палогового обложения в городах²¹⁷. В общем, хотя приведенные оценки и не вполне единодушны, в ряде из них заметен известный сдвиг в сторону повышения возраста старости. По-видимому, дожить до 50—70 лет в XIV и особенно в XV в. людям удавалось чаще, чем раньше. Длительность предстоящей жизни взрослых имела, таким образом, тенденцию к увеличению²¹⁸.

Объяснить этот факт не просто. Показательно, что Ж. Минуа ограничивается на этот счет лишь ссылками на иммунитет к чуме, который приобретали люди, выжившие после эпидемии²¹⁹. Но разве в XIV—XV вв. единственной болезнью, угрожавшей человеку, была чума? И разве кроме болезней не было для него других смертельных опасностей? Ставя эти вопросы, мы вовсе не хотим преуменьшить роль иммунитета к тем или иным болезням, спасавшего жизнь и тем, кто выжил после заболевания, и тем, кто приобрел иммунитет «с молоком матери» (в буквальном смысле этого слова). Однако объяснить рассматриваемый феномен только этим нельзя.

Для социальной верхушки некоторое значение могло иметь то обстоятельство, что материальное благосостояние спасало их от

педоедания и физического ослабления во время недородов; то же благосостояние позволяло этим людям укрываться от всеобщего разбоя, позволяло быстро покинуть зараженную эпидемией местность и т. п. Это могло повышать долю старших возрастов в более высоких сословно-имущественных категориях. Но подобная взаимосвязь благосостояния и старости существовала всегда. Какие специфические обстоятельства XIV—XV вв. благоприятствовали росту в это время численности старших возрастных категорий?

Известную роль могла, на наш взгляд, сыграть дальнейшая активизация самосохранительного поведения. Чтобы уяснить эту возможность, необходимо учесть известные изменения в общей картине мира. Смещения в ней в пользу внимания ко всему земному, непосредственно связанному с человеческим существованием, мы констатировали уже в XIII в. В XIV—XV вв. эта тенденция — несмотря на жесточайшие испытания (а может быть, благодаря ним!) — явным образом усиливается. Констатируя силу этой тенденции, Хейзинга именно ей посвятил две первые главы своей «Осени средневековья». В них подчеркивается, что, несмотря на всеобщее «отчаяние и разочарование», люди XIV—XV вв. были полны «жадности к жизни», «страстно жезали» насладиться ею, в них «пылала» «алчная страсть» вкушать во наиболее «сочные» плоды. В этих и других главах Хейзинга убедительно обрисовал «опьяняющую тягу» ко всему земному, неотступное желание избежать смерти, отодвинуть ее, сохранить возможность пользоваться радостями земного существования. Мастерский анализ этой специфики XIV—XV вв. у Хейзинги сохраняет свое научное значение и сегодня. Мы ограничимся поэтому здесь немногими штрихами, подтверждающими интенсификацию витального поведения в ряде слоев французского общества XIV—XV вв.

Отметим прежде всего известное переосмысление в XIV—XV вв. воззрений на некоторые основные ценности человеческой жизни. Среди этих ценностей во все периоды средневековья одно из первых мест занимали физическая сила, неутомимость, телесная мощь. Ныне эти достоинства получают новое истолкование. Из трех важнейших благ мира, пишет Э. Дешан, имущественного достатка, разума и здоровья (*suffisance, sens, santé*) человеку достаточно хотя бы двух — здоровья и разума. Конкретизируя затем эту мысль, поэт уделяет особое внимание именно здоровью: подлинны бедняки не те, кто бедны имуществом, но те, кто больны; обладающие же здоровьем — воистину могущественны²²⁰. Чего стоят все блага мира, восклицает Дешан в другом месте, если нет здоровья, если человек чахнет!²²¹ Кто здоров, тот и весел²²².

Видеть в этих формулах лишь случайные поэтические образы, не связанные с реальностью, мешает их настойчивое повторение в самых разных памятниках. Они характерны, например, для таких склонных к реалистическому воспроизведению действительности писателей, как составители фавлю.

Та же идея присутствует и в произведениях графики и живописи. Не выражая ее, естественно, эксплицитно, художники оказываются фактически верны ей, когда уделяют подчеркнутое внимание бытовым подробностям ухода за кожей, за волосами, за телом; сценам купания, мытья, лечения больных и т. п.²²³

Любопытно и своеобразное изменение аргументации, которую используют ныне и проповедники, и поэты для обоснования преимуществ праведной жизни. В подтверждение ее ценности они ссылаются не только на перспективу посмертного душевного спасения, но и на возможность избежать болезней и ранней смерти. Так, в ехемпра, составленных в монастыре св. Максимиана в Провансе в первой половине XIV в., утверждается, что «как это совершенно очевидно, те, кто чаще предаются земным наслаждениям, умирают раньше и чаще болеют»; поэтому, например, добывающая хлеб в поте лица своего бедная труженица проживет дольше и будет здоровее, чем богатая и растолстевшая аббатиса²²⁴. Посому и Э. Дешан не видит ничего удивительного в том, что скромно живущий крестьянин может пережить четырех королей²²⁵.

Рост забот о здоровье, в частности о здоровье старых людей, виден и по расширению мер призревания. О специальных приютах для стариков упоминается в документах, относящихся к Лиону и Парижу, такие же приюты предусматриваются уставом рыцарского ордена Звезды²²⁶. Старики «привязываются» к жизни, не хотят с ней расставаться, не думают о смерти, сетует декан теологического факультета Сорбонны Жан Эсден (1360 г.)²²⁷. Все это прямо или косвенно свидетельствует об определенной активизации самосохранительного поведения. Ни в коей мере не переоценивая его роли, отметим, тем не менее, возможность его влияния на некоторое увеличение численности старших возрастов.

Старики, конечно же, не были застрахованы ни от тяжких болезней, ни от старческой немощи. Литература XIV—XV вв. буквально пронизана жалобами на невзгоды старости и старческие недуги. Жалкий образ немощного старика или старухи один из типичных для этого времени²²⁸. Косвенно подтверждая относительную многочисленность людей старших возрастов, этот факт в то же время свидетельствует о повышенном внимании к проблемам старости, болезни, смерти.

Последняя волнует, конечно, не только стариков, но и молодых. Однако связало это отнюдь не с повышенной угрозой именно их жизни, но с гораздо более глубокими социально-психологическими сдвигами. На наш взгляд, они выражают внутренний кризис общества, остро переживавшийся современниками.

Исследователи уже более 30 лет спорят о корнях, проявлениях и сути этого кризиса, поразившего и Францию, и ряд других западноевропейских стран. Многообразие его проявлений — от экономики до идеологии — побуждало порою на разделение его на ряд отдельных «кризисов» в земледелии, сеньориальном строе, денежном хозяйстве, политическом развитии, церкви, идеологии, демографической эволюции и т. д. Думается, однако, что помимо кризисных явлений в разных сферах жизни, действительно обусловленных теми или иными конкретными обстоятельствами, существовала и более глубокая подоснова общественной ломки. Не раз уже было показано, что эту ломку трудно свести к «кризису феодализма как формации». Не уместается она и в рамки «болезни роста», якобы предваряющей «расцвет» феодализма. По своей основе это был, как мы пытались в свое время показать, перелом, в ходе которого определялись пути и темпы разложения средневекового строя²²⁰. Процесс такого разложения был очень длителен и очень мучителен: он продолжался во Франции два-три столетия, если не дольше, ибо корпоративной феодальной структуре удавалось здесь долгое время приспосабливаться к менявшимся историческим условиям. В XIV—XV вв., когда острота назревающей ломки впервые дала себя знать, социально-психологическая реакция на нее оказалась чрезвычайно острой. Колебания в устоях жизни, растущая неуверенность в будущем отразились в обыденном сознании трагическими сдвигами, которые ярче всего выразились в умонастроениях, насыщенных ожиданием конца света.

Неразрывная связь этих умонастроений с усилившимся страхом смерти подчеркивалась в ряде исследований последнего времени²²¹. В них было показано, как открытая еще Хейзингой «алчная страсть» к жизни оборачивается в это трудное и страшное время ростом пессимизма, отчаяния, трагическим осмыслением неотвратимой смерти. Противоречивое сочетание этих настроений обнаруживается не только в среде элиты. Ощущение безысходности сквозит и в массовых самобичеваниях флагеллантов, в «плясках смерти» (с участием и взрослых, и детей), длявшихся целыми днями, в пышных и многочисленных похоронных процессиях, в усложнившихся похоронных обрядах и т. п. Страх смерти был в это время отражением не только (или даже не столько) роста смертности, но гораздо более многоплановой и сложной общественной и социально-культурной перестройки. Ви-

деть в нем лишь следствие повышенной смертности какого-либо одного возрастного класса, на наш взгляд, неоправданно.

Отдельный аспект в изучении смертности представляет анализ ее различий у мужчин и женщин. Как уже отмечалось, на пути такого анализа — ряд трудностей. Одна из них — в социально-культурной дискриминации женщины, вследствие которой составители дошедших до нас памятников нередко вовсе игнорировали женщин. Особенно это касается генеалогических и налоговых документов, частно-правовых грамот, нотариальных записей, т. е. всех тех материалов, в которых прямо или косвенно могли отразиться различия в жизненных судьбах мужчины и женщины. Например, в генеалогическом издании Э. Перруа доля женщин во всех возрастных классах крайне незначительна — 7% в период до 1349 г., 10,5% в период между 1350 и 1500 г. Явная случайность этих упоминаний делает анализ возрастных данных о женщинах и тем более сопоставление их с возрастными данными о мужчинах ненадежными. Как мы видели, и при описании сестер или дочерей форецских дворян сохранившиеся сведения скупы и ненадежны. Отметим лишь, что общее число упоминаний всех лиц женского пола во второй половине XIV и в XV в. становится в форецских материалах несколько более частым, чем в XIII — первой половине XIV в. Сколько-нибудь подробные данные о женщинах отсутствуют и в нотариальном архиве Перигора: А. Игуне-Надаль удалось собрать в нем подробные сведения о 460 мужчинах и только о 5 женщинах²³¹.

Среди обстоятельств, затрудняющих анализ половозрастных различий в смертности, следует назвать также неравномерность мужской и женской эмиграции. По крайней мере, в ряде случаев мужчины мигрировали в XIV—XV вв. чаще, чем женщины. А это означало, что даже там, где в налоговых описях зафиксированы и женщины, диспропорция в их соотношении с мужчинами могла быть обусловлена различиями не только в продолжительности жизни и смертности, но и в территориальной мобильности. Приходится учитывать и такие особенности полов, как неодинаковость возможностей для заключения повторных браков. Вдовцы вступали в них обычно легче, чем вдовы, если только последние не принадлежали к числу богатых наследниц или очень молодых женщин. В результате соотношение числа вдов и вдовцов также не является однозначным показателем частоты смерти у мужчин и женщин. Все эти трудности легко объясняют ограниченность исследовательских результатов по данному вопросу, так же как известную их противоречивость.

На протяжении последних десятилетий не раз высказывалась мысль, что на XIV в. приходится перелом в общем соотношении мужчин и женщин в Западной Европе в целом и во Франции

в частности: на смену нехватке женщин приходит их избыток. Этот тезис обосновывался преимущественно увеличением с XIV в. числа вдов²³³, что само по себе, как уже отмечалось, не всегда может служить достаточным доказательством. Более надежными данными можно считать материалы сплошного анализа числа живых (или умерших) мужчин и женщин той или иной местности. Так, в описи 1422 г. в Реймсе среди 3175 учтенных жителей индекс пола (т. е. число мужчин на 100 женщин) среди взрослых составлял в одном приходе 90,9, а в другом — 91,7²³⁴. Сходные цифры известны в первой половине XV в. для ряда немецких городов — Фрейбурга в 1444—1448 гг. (81,9), Нюрнберга в 1449 г. (82—85), Франкфурта-на-Майне в 1440 г. (85)²³⁵. К сожалению, не всегда ясно, в какой мере избыток женщин во всех этих случаях можно считать несомненным фактом, как в Реймсе, где учету подлежали даже временно проживавшие «чужаки» (*forains*) из подгородних сел, а в какой — следствием временных сдвигов или недоучета низших имущественных категорий.

Рассматривая возможные причины женского перевеса в XIV—XV вв., исследователи отмечали более высокую смертность мужчин. Ее связывали с их гибелью в войнах и восстаниях, а также в ходе чумных эпидемий. Так, Ж. Бирабен обратил внимание на данные по аббатству Сен-Жермен Локеруа (Иль-де-Франс) о захоронениях мужчин и женщин, умерших во время чумы 1349 г. Судя по счетам похоронных расходов и завещаниям, здесь было погребено 219 мужчин и 163 женщины²³⁶. Очевидно, однако, что в этих цифрах можно видеть подтверждение большей смертности мужчин, только если быть уверенным в примерном равенстве их численности с женщинами накануне «Черной смерти». Есть и другие сведения о большей уязвимости мужчин, чем женщин, в период эпидемий в XIV в. Ее констатирует, например, Жан де Венет в 1361 г.²³⁷, она подтверждается некоторым историко-сравнительными параллелями, хотя и не всеми²³⁷.

Наряду с мнением о переломе с XIV в. в соотношении мужчин и женщин в пользу этих последних, в современной историографии встречаются и иные высказывания. Особенно убедительно возражают против однозначного признания женского перевеса в это время исследователи флорентийского кадастра — Д. Херлихи и К. Клаппин-Зубер. Судя по данным этого уникального памятника, как и ряда предшествующих и последующих ему описей, в Тоскане в XIV—XV вв. не существовало единой тенденции в эволюции соотношения полов. Это соотношение варьировало и во времени (женский перевес в XIV в., мужской перевес в течение первых двух третей XV в.), и в пространстве (в частности, в городах мужской перевес был определеннее), и в зависимости

от социальной принадлежности индивида²³⁸. Лишь на рубеже XV—XVI вв. в Тоскане складывается устойчивый перевес женщин в ряде возрастов.

Против признания единой тенденции к женскому перевесу в XIV—XV вв. выступила также Э. Эннен, ограничиваясь, однако, приведением отдельных фрагментарных свидетельств²³⁹. В этом же духе высказался А. Брез, полагающий, что нехватка женщин в XIV—XV вв., в частности во Франции, была столь значительной, что становилась причиной мужского безбрачия²⁴⁰. Нехватку женщин постулировали, как отмечалось выше, и некоторые исследователи обычая шаривари — Ж. Шифолё, К. Гипзбург. Сохранение мужского перевеса в Керси после Столетней войны отмечал Ж. Нартито²⁴¹.

Преодолеть существующие по данному вопросу разногласия и получить более адекватные представления о половой структуре в XIV—XV вв. можно было бы, на наш взгляд, при условии более дифференцированного социального и географического анализа. Соотношение мужчин и женщин и продолжительность жизни тех и других не могли не варьировать в зависимости от их сословно-имущественной принадлежности, места их жительства (деревня, небольшое местечко, крупный город и т. п.), давности их поселения, численности семьи, возрастного класса, к которому они относятся, и т. д. К сожалению, в применении к рассматриваемому периоду сделать это по недостатку данных чрезвычайно трудно. Однако иной исследовательский путь явно неправомерен. Первые опыты его использования уже известны. Так, собрав данные о 570 жителях Перигора в XIV—XV вв. и выявив различия в их возрастной смертности, А. Игуве-Надаль обнаружила и некоторые отличия женщин. Говорить о них следует наза особенностей источников «с осторожностью», подчеркивает исследовательница. Тем не менее можно предположить, что в целом женщины Перигора умирали на несколько лет раньше мужчин, максимум смертей которых падает на десятилетие между 55 и 65 годами; особенно заметно женская смертность превышала мужскую в возрасте около 30 лет, т. е. в наиболее активный период деторождения²⁴².

Еще конкретнее наблюдения М. Т. Лорсен. По лионским и форезским завещаниям она констатирует довольно глубокое различие в среде простолюдинов (точнее — более закрытых слоев крестьян и горожан), с одной стороны, и знати, с другой. У первых в XIV в. наблюдалось заметное превышение числа мужчин над числом женщин (до 129 мужчин на 100 женщин в 1340—1380 гг.). Мужчин становится меньше, чем женщин, лишь после 1460 г. (86,1 мужчин на 100 женщин). В дворянской среде на всем протяжении XIV—XV вв. мужчин было, наоборот, меньше,

чем женщин (индекс пола составлял в 1300—1350 гг. — 70,5; в 1350—1400 гг. — 98,3; в 1400—1450 гг. — 85,6; в 1450—1500 гг. — 81,8) ²⁴³.

Как показал специальный анализ, в среде простолюдинов Лиониз и Фореза равно учитывались дети обоих полов (не говоря уже о взрослых). Это же касается и дворян. М. Т. Лорсен связывает различие половой структуры крестьян и горожан, с одной стороны, и дворян, с другой, с повышенной смертностью дворян-мужчин в вооруженных столкновениях XIV—XV вв. и, кроме того, с менее тщательным выхаживанием новорожденных девочек в среде простолюдинов ²⁴⁴. На наш взгляд, в собранных М. Т. Лорсен данных наиболее интересна общая тенденция: к концу XV в. во всех социальных классах, кроме бедноты (не отраженной в источниках), доля женщин поднимается выше доли мужчин. Совпадая с некоторыми приводившимися выше данными, это дает повод думать, что к концу рассматриваемого периода в южнофранцузских областях, отличавшихся в это время особенно быстрым приростом населения, последний хотя бы отчасти обеспечивался за счет сокращения женской смертности при родах и связанного с этим удлинения детородного периода. Эта гипотеза правомерна, по крайней мере для имущих прослоек города и деревни. В XV в. можно, следовательно, предполагать тенденцию к росту продолжительности жизни женщин.

5. Об изменениях в структуре семьи

Гибель миллионов разрушила сотни тысяч семейных ячеек. Резко возросла доля неполных семей, в которых потерявший партнера супруг (чаще всего — женщина) жил с малыми детьми или вовсе в одиночку. В Реймсе 1422 г. «семьи» из одного человека составляли около 10%, семьи из двух человек — около 20% от числа семей (хотя и те и другие, вместе взятые, охватывали сравнительно небольшую долю всего населения — 13—14%) ²⁴⁵. В Ипре в 1412 г. семьи из одинокх составляли 20—22% всех очагов ²⁴⁶. В Лиониз, судя по завещаниям, около трети вдов и в деревне, и в городе не имели при себе детей ²⁴⁷. В Шалопе-на-Соне между 1360 и 1381 г. число очагов, возглавлявшихся мужчинами, сократилось на 93%, что означало резкое сокращение средней величины семьи ²⁴⁸. Аналогичные факты отмечены и в других местах — как в городе, так и в деревне, как во Франции, так и за ее пределами ²⁴⁹.

Однако факты подобного рода выражали хотя и важную, но все же временную тенденцию. По мере восполнения демографических потерь восстаивалось преобладание полных семей. Этому способствовал, в частности, высокий престиж церковного

брака, стимулировавшего воссоздание нормальных супружеских семей.

Со второй половины XV в. величина таких семей имела явную тенденцию к росту. Как видно из приводившихся данных, в это время возрастает средний семейный коэффициент (в Форезе и Лионне он поднимается у дворян примерно до 6, а у зажиточных крестьян и горожан до 7; такой же средней величины достигает он и в Перпюре)²⁵⁰. Одной из причин этого было, как мы видели, увеличение числа выживших детей, другой — удлинение срока родительской опеки над сыновьями, дольше остававшимися в рамках отчей семьи, третьей — рост продолжительности жизни взрослых. Подчас овдовевшие отец или мать или же холостые дядья и тетки также включались в супружескую семью. В этом последнем случае изменялся и тип семьи: из простой она превращалась в так называемую расширенную.

Расширенные, а также сложные (многоячейные) семейные структуры формировались и до периода демографического восстановления. Тенденция к увеличению их числа была особенно заметна в ряде районов Франции как раз в эпоху спада. Объяснялось это в первую очередь демографическим и хозяйственным кризисом, в рамках которого осколки родственных семей (или даже соседи) стремились объединиться, чтобы совместными усилиями сохранить хозяйство, преодолеть разруху, запустения. Эта общеевропейская тенденция укрупнения семейных ячеек была особенно характерна для южной половины Франции. Здесь издавна существовали условия, благоприятствовавшие сохранению (или воссозданию) многоячейных домохозяйств. В гористых областях им благоприятствовали экономические обстоятельства²⁵¹. В равнинных районах и городах такие домохозяйства консервировались за счет романских традиций в праве, позволявших главе семьи не разрешать раздела семейной собственности, а также за счет налогообложения: «реальная» (а не «персональная») талья создавала фискальные льготы для неразделенных «очагов»²⁵². Чаще всего домовая община охватывала две-три семьи из числа родственников или соседей. Случалось, однако, что подобные «очаги» объединяли под одной «фискальной крышей» до десяти семей и до 70 человек (как, например, в одном из бургов бальяжа Кама в 1484 г.). Очевидно, что далеко не все такие «очаги» представляли подлинно единые домохозяйства. Многие из них были конгломератом обособленных малых семей.

После сказанного нетрудно уяснить подлинный смысл того сочетания простых и сложных семей, которое было характерно для Франции в XIV—XV вв. Тенденция укрупнения семейных структур, видимо, далеко не всегда отражалась на автономии супружеских ячеек. Последние могли оставаться самостоятельными

даже в тех случаях, когда над ними надстраивались более сложные формы. Малые (нуклеарные) семьи сохраняли, таким образом, главенствующую роль.

Это определяло многие черты внутрисемейного психологического климата во Франции XIV—XV вв. Социальная и экономическая автономия семьи повышала чувство ответственности каждого из ее членов и всех их, вместе взятых, за семейное благополучие. Упрочивались психологические установки на выхаживание новорожденных, на заботу о подростках, на оказание помощи больным и старым. Важная роль, которую играла в осуществлении подобных функций женщина, повышала ее престиж в семье, побуждала к рефлексии по поводу ее общественного статуса в целом. Как видим, структурные особенности семейной ячейки способствовали известному переосмыслению демографических представлений и — косвенно — изменению поведенческих стереотипов в этой области.

6. Вид воспроизводства населения в XIV—XV вв.

Рассматривая общественную систему XIV—XV вв. в целом, исследователи, естественно, задаются вопросом, в какой сфере следует искать «исходный импульс» (*prime mover*) ее внутреннего изменения и в какой мере ответственны за это демографические сдвиги. Обсуждение этой проблематики, в том числе и по отношению к Франции, достигло апогея в 50—60-е годы нашего века, когда было опубликовано много специальных работ, включая и ряд исследований советских и зарубежных авторов. Неоднократный анализ этой литературы в нашей печати избавляет от необходимости возвращаться к ней ²⁵³.

Отметим лишь, что, несмотря на интенсивный поиск путей взаимодействия социальных и демографических процессов во Франции XIV—XV вв., мы не располагаем пока достаточно аргументированными представлениями о механизме, способах и конкретных путях этого взаимодействия. О нем приходится говорить лишь в общем плане, преимущественно с точки зрения того, что в социальных условиях *могло способствовать* видоизменению тех или иных элементов демографического поведения, а в чем сами эти элементы могли оказать «обратное» влияние на социально-культурные или же социально-экономические отношения. Конкретному исследованию взаимодействия этих сфер может, как уже отмечалось, помочь совершенствование понятийного аппарата, применяемого при таком анализе. Историк ведь не имеет иных средств к более глубокому постижению интересующих его взаимосвязей кроме использования при осмыслении фактического

материала понятийных категорий большей, чем у предшественников, эвристической силы. В этом смысле использование новых понятий — путь к более глубокому проникновению в суть исторических процессов.

Уже упоминавшаяся категория ТВН явно недостаточна для перехода от социологического уровня понимания взаимодействия между социальными и демографическими процессами (т. е. от понимания главным образом того, что могло способствовать или препятствовать такому взаимодействию) к уровню конкретно-историческому, при котором исследователь способен конкретно описать формы и проявления имевшего место взаимодействия. Для такого описания явно недостаточно и понятие РВН, ограничивающееся осмыслением только демографических феноменов. «Срединную» роль могло бы играть понятие вида воспроизводства населения (ВВН), которое, как уже отмечалось, объединяет в себе характеристику режима воспроизводства населения с обеспечивающими этот РВН социальными отношениями.

С учетом этих моментов можно констатировать, что ВВН, свойственный Франции в XIV—XV вв., заметно отличался от ВВН, типичного для предыдущего этапа. Эти отличия охватывали, как мы видели, и социальную сферу (экономику, социальный строй, «картину мира»), и сферу демографическую (демографические представления, демографическое поведение, движение народонаселения).

По ряду своих параметров ВВН во Франции в XIV—XV вв. включал черты прежнего. В социальной сфере это проявлялось в сохранении ряда важнейших социально-экономических и социально-политических отношений, присущих одновременно и первому (XI—XIII вв.) и второму (XIV—XV вв.) этапам развития феодализма во Франции²⁵⁴. Существенными в ВВН XIV—XV вв. были и признаки демографической общности с ВВН XI—XIII вв. По-прежнему очень заметную роль в демографической регуляции играли брачные модели. Одновременно с ними на демографический тренд оказывали большое влияние усилившиеся по сравнению с прошлым установки на выхаживание младенцев, на преодоление старческих недугов, так же как и рост практических навыков выхаживания детей, стариков, больных. Опирающиеся на представления о самоценности земной жизни, эти установки в нормальные годы способствовали некоторому сокращению смертности, увеличению продолжительности жизни, быстрейшему восполнению демографических потерь.

Однако абсолютный рост населения купировался в XIV — начале XV в. не только эпидемиями, войнами и недородами. Ему противодействовали и некоторые вновь сложившиеся в XIV—XV вв. особенности демографического поведения. Так, вновь при-

нятый более поздний возраст вступления в первый брак мужчин, рост холостячества в их среде сокращали долю состоящих в браке, понижали общую рождаемость. В этом смысле потенции демографического роста реализовывались во Франции того времени — если только исключить периоды, непосредственно следовавшие за демографическими спадами, — далеко не полностью. (Особенно это касается XV в.)

Вид воспроизводства населения, присущий Франции рассматриваемого периода, обладал, таким образом, чертами не только общими с ВВН предшествующего времени, но и немаловажными отличиями. Он содержал как «крещенные», так и «ограничительные» элементы.

Читатель мог бы, естественно, возразить, что введение понятия ВВН для Франции XIV—XV вв. само по себе не раскрывает конкретный механизм взаимосвязей демографических и социальных процессов этого времени. Но подобного «автоматизма» в познавательном процессе вообще не бывает. В то же время нельзя не видеть, что применение данного понятия придает изучению указанных взаимосвязей большую целеустремленность. Исследование непосредственно нацеливается на сопоставление социально-демографических взаимосвязей разных периодов. Вместо аморфного понятия «традиционного ТВН» в распоряжении исследователя оказываются гораздо более определенные по своему познавательному смыслу ВВН, каждый из которых олицетворяет некий целостный этап. Это стимулирует углубленное изучение социально-демографического взаимодействия на разных этапах и расширяет возможности уяснения его механизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Один из первых импульсов к разработке демографических проблем XIV—XV вв. был дан на IX Международном конгрессе исторических наук в Париже коллективным докладом М. Постапа, Ф. Вольфа, Ж. Донда и К. Чиполы (см.: IXe Congrès International des Sciences Historiques. I. Rapports: Démographie. P., 1950. P. 55—75). Эта же проблема привлекала затем специальное внимание на X конгрессе в Риме (см.: Косминский Е. А. Были ли XIV и XV вв. временем упадка европейской экономики? // СВ. М., 1957. Вып. 10. С. 257—271) и на XI конгрессе в Стокгольме (см.: Glenisson J. Essai de recensement et d'interprétation des sources de l'histoire démographique en France au XIVe siècle // Résumés des communications/XIe Congrès International des Sciences Historiques. Stockholm, 1960. P. 44—46). Библиографию демографических исследований по Франции XIV—XV вв. см.: Higonnet-Nadal A. Périgueux aux XIVe et XVe siècle: Etudes de démographie historique. Bordeaux, 1978; Histoire de la population française. P., 1988. T. 1. P. 364—367, 415—420.

² Le Roy Ladurie E. Les masses profondes: La paysannerie // Histoire économique et sociale de la France. P., 1977. T. 1. P. 493.

³ Duby G. L'économie rurale et la vie des campagnes dans l'Occident médiéval. P., 1962. P. 542—555; Fossier R. Peuplement de la France du Nord entre

- X^e et XVIe siècles // ADH. 1979. P. 68–73; *Fourquin G.* Au seuil du XIVe siècle // Histoire de la France rurale. P., 1975. T. 1. P. 593–601; *Bois G.* Crise du féodalisme: Economie rurale et démographie en Normandie orientale du début du XIVe au milieu du XVIe siècle. P., 1976. P. 51–54.
- ⁴ Бессмертный Ю. Л. Демографические и социальные процессы во французской деревне XIV в. // ФЭ. 1981. М., 1984. С. 130.
- ⁵ *Dubois H.* La dépression... // Histoire de la population... T. 1. P. 337–346.
- ⁶ *Fossier R.* Peuplement... P. 96–97; *Baratier E.* La démographie provençale du XIIIe au XVIe s. P., 1981. P. 87 etc.; *Bocquet A.* Recherches sur la population de l'Artois et du Boulonnais pendant la période bourguignonne. Arras, 1969. P. 46–57, 84–85, 143 etc.; *Le Roy Ladurie E.* Postface // Histoire de la population... T. 1. P. 515–517.
- ⁷ Население Франции в канун «Черной смерти» оценивают обычно на основе данных описи 1328 г. Выше уже отмечался значительный разброс в этих оценках – от 10 до 20 млн человек (гл. 3, примеч. 12).
- ⁸ Допустим, например, что численность населения в 1328 г. составляла 10 млн. Потери в 30–40% составили бы тогда 3–4 млн человек. Для их восполнения в течение 70–80 лет потребовался бы средний ежегодный прирост в 0,43–0,5%. Если принять за исходную численность населения в 1328 г. 20 млн, то потери в 30–40% составили бы 6–8 млн человек. Для их последующего восполнения в течение 70–80 лет понадобился бы тот же ежегодный прирост 0,43–0,5%.
- ⁹ Между тем в историографии, касающейся Западной Европы XIV–XV вв. в целом и Франции в частности, заметен крен в анализе демографических, экономических и политических кризисов этого времени, тогда как демографический механизм и условия восполнения людских потерь менее разработаны. Так, констатируя быстрый рост населения во Франции второй половины XV в., А. Игуне-Надаль ограничивается перечислением возможных источников этого роста, иллюстрируя свои предположения отдельными примерами (*Higounet-Nadal A.* Le relèvement // Histoire de la population... T. 1. P. 371–372).
- ¹⁰ См. подробнее: Бессмертный Ю. Л. К изучению социального перелома во французской деревне XIV в.: Демографический аспект // Феодалная рента и крестьянские движения в Западной Европе XIII–XV вв. М., 1985. С. 313–315.
- ¹¹ *Le Roy Ladurie E.* Les masses profondes... P. 503.
- ¹² *Fossier R.* Peuplement... P. 89. Но и исчезновение мелких поселений отнюдь не обязательно означало прекращение хозяйственного использования земли: территория заброшенных деревень нередко продолжала эксплуатироваться жителями близлежащего поселения, среди которых были и переселенцы из оставленной деревни. В этих случаях речь шла фактически не о запустении в собственном смысле слова, но лишь о концентрации населения или же изменении способа использования земли, в частности о превращении заброшенного поля в пастбище или луг (*Fossier R.* Peuplement... P. 83–84, 89; *Duby G.* Démographie et villages désertés... P. 14–16). Эта последняя форма была особенно характерна для Прованса (где получило развитие отгонное скотоводство) и Эльзаса.
- ¹³ *Fossier R.* Remarques sur les mouvements de population en Champagne méridionale au XVe siècle // Bibliothèque de l'École de chartes. P., 1964. P. 185; *Glénisson J., Misraki J.* Désertion rurale dans la France médiévale // Villages désertés... P. 268–276; *Stouff L.* La ville d'Arles à la fin du Moyen Âge. P. 128–142.
- ¹⁴ *Fourquin G.* Un siècle de calamités. P. 15; *Biraben J. N.* Les hommes et la peste en France et dans pays européens. P., 1975. P. 155.
- ¹⁵ *Pesez J.-M., Le Roy Ladurie E.* La cas français: Vue d'ensemble // Villages désertés... P. 185–186, 277–278, 286.

- ¹⁶ Высвобождение части рабочих рук могло быть связано и с переходом в XIV в. ряда хозяйств от хлебопашества и животноводству, рыболовному или лесному промыслу в связи с изменением рыночной конъюнктуры (*Bois G. Op. cit. P. 188; Stéry G. Structures agraires et vie rurale dans le Hainaut à la fin du Moyen Âge. Lille, 1973. P. 608; Guérin J. La vie rurale en Sologne au XIV et XV siècles. P., 1960. P. 131 etc.*), а также вследствие климатической эволюции (см.: *Бессмертный Ю. Л. Климат и сельское хозяйство во Франции (800–1800 гг.) // Природа и общество. М., 1981*).
- ¹⁷ *Pesch J.-M., Le Roy Ladurie E. Op. cit. P. 186–189.*
- ¹⁸ *Le Languedoc et le Rouergue dans le Trésor des Chartes/Ed. Y. Dossat, A. M. Lamasson, Ph. Wolff. P., 1983. N 2987 (a. 1395), N 3519 (a. 1414), N 3756 (a. 1452), N 4404 (a. 1482).*
- ¹⁹ *Ginzburg C. Charivari, associations juvéniles, chasse sauvage // Le Charivari: Actes de la table ronde organisée à Paris 25–27 avril 1977. P.: La Haye; New York, 1981. P. 133.*
- ²⁰ См. сводку постановлений провинциальных соборов Франции по этому вопросу: *Lebrun F. Le charivari à travers les condamnations des autorités ecclésiastiques en France du XIVe au XVIIIe siècle // Le Charivari... P. 226–228.*
- ²¹ *Ibid. P. 223; Burgière A. Pratique du charivari et repression religieuse dans la France d'ancien régime // Le Charivari... P. 186.*
- ²² *Burgière A. Pratique... P. 183.*
- ²³ *Chiffolleau J. Les justices du pape: Delinquance et criminalité dans region d'Avignon aux XIV siècle. P., 1984. P. 272–275.*
- ²⁴ Цит. по: *Caignebet G., Florenti M. Le Carnaval. P., 1974. P. 44.*
- ²⁵ См. цитированные работы этих авторов, особенно К. Гинзбурга.
- ²⁶ *Burgière A. Pratique... P. 183–184.*
- ²⁷ *Thesaurus novus anecdotorum/Ed. Martene. P., 1717. T. 4. Col. 1118 (Treguier, a. 1365).*
- ²⁸ *Ibid. Col. 578 (Avignon, a. 1437); аналогичная формула употреблена в постановлениях Собора в Компьене в 1329–1330 гг.*
- ²⁹ Собор турецкого архиепископства в Нанте (апрель 1431 г.). Цит. по: *Lebrun F. Op. cit. ... P. 224.*
- ³⁰ Исследователь этих грамот М. Гринберг подчеркивает, однако, что такие случаи в XIV–XV вв. исключительно редки (*Grinberg M. Op. cit. ... P. 141–142*).
- ³¹ *Burgière A. Op. cit. P. 183.*
- ³² *Lebrun F. Op. cit. P. 223.*
- ³³ *Ginzburg C. Op. cit. P. 139; Chiffolleau J. Op. cit. ... P. 274; против такой трактовки справедливо, на наш взгляд, высказывается К. Клаппиш-Зубер (Klapisch-Zuber Ch. La «matinata» médiévale d'Italie // Le Charivari... P. 163).*
- ³⁴ *Lebrun F. Op. cit. P. 225.*
- ³⁵ В том же постановлении турецкого провинциального собора 1431 г. о шаривари, которое цитировалось выше, подчеркивалось, что «и божественные и земные законы» разрешают после смерти одного из супругов заключение повторного брака (*Ibid.*).
- ³⁶ *Хейдаинга Й. Осень средневековья. М., 1988. С. 91.*
- ³⁷ Даже герцогу не дано было нарушить сословные границы при заключении брака: попытка Филиппа Доброго женить своего придворного на дочери богатого лилльского пивовара вызвало возмущение, заставившее расторгнуть брачный контракт (*Bresc H. L'Europe des villes et des campagnes XIIIe–XVe siècle // Histoire de la famille. P., 1986*). Как писал французский поэт конца XIV – начала XV в. Э. Дешан, «тот, кто хочет спокойно жить в браке, не должен смотреть ни слишком высоко, ни

- слишком низко» и не искать невесты ни в очень высоком, ни в очень богатом роде (*Deschamps E. Oeuvres complètes publ. par Queux de Saint-Hilaire. T. 5. P. 248*). Браки между сервом и благородной дамой или же между дворянином и служанкой Э. Дешан называет «безобразными» (*Ibid. P. 78–79*). В книге назиданий дочерям рыцарь Жоффруа Делатур Ландри (70-е годы XIV в.) вкладывает в уста своей жены такую сентенцию: «Как мать я запрещаю своим дочерям, чтобы они пытали какую-либо склонность или любовь к кому-то, кто ниже их, или же к кому-то, кто заведомо недостижим для них по своему положению. Ведь великие мира сего не для того будут иметь с ними дело, чтобы взять в жены, но будут относиться к ним как к лошади или уздачке, будут вводить их в грех и блуд, выставляя их на посмешище» (*La livre de chevalier de La Tour Landry pour l'enseignement de ses filles/Ed. A. de Montaiglon. P. 1854. Ch. XXIV*).
- ³² См., например: Chartes... N 1891, а. 1363; N 2111, а. 1367; N 3301, а. 1404; N 3516, а. 1414; N 3723, а. 1449; N 3864, а. 1456; N 3884, а. 1454–1455; N 3891, а. 1455; N 3913, а. 1461; N 3922, а. 1466; Chartes... Rouergue, N 454, а. 1460.
- ³³ *Brissaud J. L'infanticide à la fin du Moyen Âge // Revue historique de droit français et étranger. 1972. N 50.*
- ³⁴ Chartes... N 1941, а. 1363. За период между 1328 и 1416 годами в напской курии в Авиньоне были рассмотрены 50 дел по обвинению в адюльтере (*Chiffolleau J. Op. cit. ... P. 175*).
- ³⁵ Chartes... N 3296, а. 1404 (грамота о помиловании сержанта, арестованного за прелюбодеяние).
- ³⁶ На миниатюре из рукописи «*Livre juratoire*», находящейся в муниципальной библиотеке Ажена, изображена сцена публичного осмеяния прелюбодеи, которых под стражей и в сопровождении трубачей водят в раздетом виде по улицам города.
- ³⁷ *Bresc H. Op. cit. P. 409.*
- ³⁸ *Le ménager de Paris. P. 1846. T. 1. P. 177.*
- ³⁹ Chartes... N 4036 (конец XV в.); Chartes... Rouergue... N 490, а. 1463.
- ⁴⁰ *Bresc H. Op. cit. P. 408.*
- ⁴¹ *Rosslaud J. Prostitution, jeunesse et société dans les villes du Sud-Est au XVe siècle // Annales E. S. C. 1976. P. 318.*
- ⁴² Chartes... N 4110, а. 1468.
- ⁴³ *Ibid. N 3694, а. 1447. Мать-детоубийцу право предписывало утопить в мешке вместе с каким-либо животным (Brissaud J. B. L'infanticide... P. 229–256).*
- ⁴⁴ В судебных архивах Лангедона за 43 года – с 1450 по 1493 г. – только актов о помиловании лиц, виновных в индивидуальных или групповых изнасилованиях, сохранилось 12 (см.: Chartes... N 3733, 3748, 3783, 3844, 3978, 3911, 3928, 4057, 4074, 4050, 4359, 4431); в Дижоне за 50 лет с 1436 по 1486 г. зарегистрировано 125 судебных исков по поводу изнасилования (*Rosslaud J. Op. cit. P. 293*), резкое учащение в конце XV в. изнасилований в городах на Роне констатирует Ж. Шифолё (*Chiffolleau J. Op. cit. P. 183*).
- ⁴⁵ *Rosslaud J. Op. cit. P. 298.*
- ⁴⁶ *Ibid. P. 293–298.*
- ⁴⁷ *Ibid. P. 300.*
- ⁴⁸ Chartes... N 3619, а. 1441; N 3632, а. 1442; N 3844, а. 1459; N 3911, а. 1461; N 3928, а. 1467; N 4322, а. 1488.
- ⁴⁹ *Rosslaud J. Op. cit. P. 297.*
- ⁵⁰ *Ibid. P. 318–319.*
- ⁵¹ *Chiffolleau J. Op. cit. P. 183.*
- ⁵² *Dechamps E. T. 4. P. 343. Op. 823.*

- ⁴⁹ Ibid. T. 1. P. 262; ср.: P. 381.
- ⁵⁰ *Le ménagier...* T. 1. P. 3.
- ⁵¹ Ibid. T. 2. P. 59.
- ⁵² Ibid. T. 1. P. 168.
- ⁵³ *Fossier R. Remarques...* P. 184.
- ⁵⁴ *Rossiaud J. Op. cit.* P. 300.
- ⁵⁵ Цит. по: *Bresc H. Op. cit.* P. 402.
- ⁵⁶ *Wolf Ph. Famille et mariage en Toulousain // Regards sur le midi médiéval.* Toulouse, 1978.
- ⁵⁷ *Bresc H. Op. cit.* P. 408.
- ⁵⁸ *Bois G. Op. cit.* P. 35.
- ⁵⁹ *Lorcin M.-T. Vivre et mourir en Lyonnais à la fin du Moyen Âge.* P., 1981. P. 97.
- ⁶⁰ *Rossiaud J. Op. cit.* P. 318.
- ⁶¹ *Bresc H. L'Europe...* P. 408; примерно такой же состав конкубин констатирует Ж. Шифоле по авиньонским данным (*Chiffolleau J. Op. cit.* P. 175).
- ⁶² Жюффра Делатур Ландри рассказывает, в частности, о судьбе своей тетушки. Она была замужем за рыцарем Лангилье. Муж ее «всегда держал в доме одну или двух женщин для утоления своих страстей. И частенько он вставал с постели от жены, чтобы отправиться к этим сумасбродкам». Когда он возвращался, жена ничего ему не говорила, только просила помыть руки... Ни его, ни кого другого она не упрекала». И лишь однажды, оставшись наедине с ним, она сказала: «Господин мой, я хорошо знаю о Ваших похождениях. Но никогда, если будет то угодно Богу, я не выкажу своего отношения к этим связям... поскольку... другого лекарства, кроме смирения, я не знаю...» (*De La Tour Landry... Ch. XVII*). Видимо, подобные связи были тогда столь обычным явлением, что, по мысли писателя, не оставалось ничего другого, кроме как мириться с ними.
- ⁶³ *Bresc H. Op. cit.* P. 408.
- ⁶⁴ *Chevalier U. Annales de Romans.* Valence, 1897. P. 69.
- ⁶⁵ *Rossiaud J. Op. cit.* P. 292. К сожалению, нам остались недоступными работы: *Rossiaud J. La prostitution médiévale.* P., 1987; *Rossiaud J. Dame Venus: Prostitution im Mittelalter.* München, 1969.
- ⁶⁶ *Chartes...* N 3627, а. 1442; N 4364, а. 1490; N 3758, а. 1453.
- ⁶⁷ *Le Goff J. Pour un autre Moyen Âge.* P. 102–103.
- ⁶⁸ *Rossiaud J. Op. cit.* P. 291. Согласно городским статутам, клиентам домов терпимости разрешалось проводить в них не более одной ночи подряд (чтобы избежать превращения борделей в разбойничьи притоны); внутри публичного дома разрешалось иметь «ресторацию» и залу для танцев, но запрещалось играть в азартные игры; на время эпидемий (а также основных церковных праздников) дом закрывался; оплата проституток за «раз» (около получаса) равнялась однократной оплате женщины при работе в винограднике, танса за «ночь» — в несколько раз превышала такую дневную плату.
- ⁶⁹ *Chiffolleau J. Op. cit.* P. 183–189.
- ⁷⁰ Ibid. P. 272; *Rossiaud J. Op. cit.* P. 292, 315. Для сравнения укажем, что после официального запрета публичных домов (в XVI в.), например, в Риме приходилось по 7–8 проституток на тысячу жителей (*Cippola C. M. Storia economica...* P. 129).
- ⁷¹ *Geremek B. Ludzie marginesu w średniowiecznym Paryżu.* Wrocław; W-wa, 1971. Rozdział VII.
- ⁷² *Chiffolleau J. Op. cit.* P. 184–188.
- ⁷³ *Rossiaud J. Op. cit.* P. 305.
- ⁷⁴ *Chastellain G. Oeuvres/Ed. Kervyn de Lettenhove.* Bruxelles, 1864. Vol. IV. P. 165. Цит. по: *Хейзинга Н. Указ. соч.* С. 119.

- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ В книге назиданий Жоффруа Ландатур Ландри отмечается: «Потаскуха в борделе грешит лишь от бедности или оттого, что втянута в это ремесло обманом подлых людей» (*De La Tour Landry... Ch. CXXIV*).
- ⁸⁵ *Rossiaud J. Op. cit. P. 303, 321, 406.*
- ⁸⁶ Ср.: Хейзинга Я. Указ. соч. С. 79, 81, 101 и др.
- ⁸⁷ Особенно были известны во Франции полемические сочинения Жана Жерсона, специально направленные против автора второй части «Романа о Розе». См.: Хейзинга Я. Указ. соч. С. 127–129.
- ⁸⁸ Наиболее активной защитницей идеалов целомудренной любви и женской добродетели была во Франции Кристина Пизанская (1365–1430).
- ⁸⁹ Впрочем, у некоторых писателей даже достоинства деви Марии превратились в антифеминистский аргумент; так, по мнению Жана Дюпона, нравственная чистота богородицы и близких к ней женщин-святых в принципе несовместима с принадлежностью к женскому полу, так что этих женщин не следует относить к «подлиным» женщинам...
- ⁹⁰ *Dechamps E. Oeuvres... T. 2. P. 36–37.*
- ⁹¹ *Ibid. T. 2. P. 116; T. 5. P. 138; P. 140.* См. также: *Ibid. T. 9; «Miroir de la mariages», passim.*
- ⁹² *Ibid. T. 2. P. 116.*
- ⁹³ *Ibid. T. 5. P. 138.*
- ⁹⁴ *Les quinze joies de mariage/éd. A. Pauphilet//Poètes et romanciers du Moyen Âge. P., 1967. Рус. пер.: Пятнадцать радостей брака. М., 1991.*
- ⁹⁵ *Christine de Pizan. Le livre de la Cité des Dames /Ed. E. Hicks. P., 1986. Liv. 1, ch. 8.*
- ⁹⁶ *Ibid. Liv. 2, ch. 13.*
- ⁹⁷ *Le ménagier... T. 1. P. 98.* Добрая жена должна быть столь же предана мужу, как может быть предан «вышколенный пес» или «домашняя птица». Как и они, жена должна беспрекословно выполнять любые мужнины приказания или желания, независимо от того, приятно ей это или нет. По велению мужа жена должна быть готова даже отдаться другому мужчине (*Ibid. P. 136–138*). В то же время жене надлежит терпеливо и безропотно сносить длительные отлучки мужа. См. также: *De La Tour Landry. Ch. 18* («Разумно и законно, когда муж повышест голос, женщине же приличествует смиренно слушать и не перечить мужу; наоборот, жене, даже если она права, позорно спорить с мужем»).
- ⁹⁸ *Lorcin M.-Th. Vivre et mourir en Lyonnais à la fin du Moyen Âge. P., 1981. P. 34–35, 43.*
- ⁹⁹ *Chiffolleau J. La comptabilité de l'au-delà. Les hommes, la mort et la religion dans la région d'Avignon à la fin du Moyen Âge. Rome, 1980.*
- ¹⁰⁰ *Ennen E. Frauen im Mittelalter. München, 1986. S. 193.*
- ¹⁰¹ *Rossiaud J. Op. cit. P. 299.*
- ¹⁰² *Christine de Pisan. The treasure of the city of ladies. Harmondsworth, 1985. P. 176.*
- ¹⁰³ *Ennen E. Op. cit. S. 182.*
- ¹⁰⁴ Об этом свидетельствуют налоговые списки. Например, в Шалопе 1381 г. доля «очагов», возглавлявшихся женщинами, составила среди мужчин лишь 10%, тогда как среди малолетних, освобожденных от бедности от налогообложения (*leux misérables*), — около 61% (См.: *Dubois H. L'histoire démographique de Chalon-sur-Saône...//La démographie médiévale: Sources et méthodes. Nice, 1972. P. 96–100*).
- ¹⁰⁵ Такого рода вывод подтверждается, помимо налоговых документов, например, списками лиц, обеспечивавших в Провансе XIV–XV вв. благотворительной помощью (*Brege H. Op. cit. P. 405*).
- ¹⁰⁶ Так, полагалось публично укладывать новобрачных в постель, наутро

- после брачной ночи выставляли на всеобщее обозрение их постельное белье; после крика лишенной девственности новобрачной приносить подкрепляющее питье мужу («chaudeau») и т. п. (см.: *Histoire de la vie privée/Sous la dir. Ph. Ariès, G. Duby. P., 1975. T. 2. P. 581*).
- 109 Хейзинга Н. Указ. соч. С. 119.
- 110 Там же. С. 118.
- 111 Выше отмечалось, например, что посещение холостыми мужчинами публичных домов не осуждалось; подчас большие подозрения вызывало уклонение от встреч с проститутками; к насилию над женщинами, если они не касались близких, проявляли известную терпимость; бастарды имелись у широкого круга лиц и т. д.
- 112 А. Брещ справедливо констатировал «неполное совпадение» «ареалов брака и секса» в рассматриваемое время (*Bress H. Op. cit. P. 406*). Он не обратил, однако, должного внимания на противоречащее взаимодействие этих двух «ареалов», и исключавших, и подкреплявших друг друга.
- 113 Bois G. Op. cit. P. 317; *Higounet-Nadal A. Périgieux aux XIVe et XVe siècles. Bordeaux, 1978. P. 282, 295; Bress H. Op. cit. P. 401, 419.*
- 114 *Higounet-Nadal A. Op. cit. P. 282.* Благодаря раннему выходу замуж некоторым женщинам доводилось после смерти мужа оставаться во вдовстве по 25–45 лет (*Ibid. P. 282–295*).
- 115 *Stouff L. Op. cit. P. 121.*
- 116 *Desport P. Op. cit. P. 501.*
- 117 *Rossiaud J. Op. cit. P. 295.*
- 118 *Biget J.-L., Tricard J. Livres de raison et démographie familiale en Limousin au XVe siècle//ADH. 1981. P. 327–330; Delmaire B. Le livre de famille des les Borgne//Revue du Nord. 1983. P. 301–326.*
- 119 *Deschamps E. Oeuvres... T. 4. P. 72; T. 5. P. 63–64.*
- 120 *Le ménagier... T. 1. P. 135, note 1.*
- 121 *Rossiaud J. Op. cit. P. 295.*
- 122 *Desport P. Op. cit. P. 501; Biget J.-L., Tricard J. Op. cit. P. 327–330.*
- 123 *Herlihy D., Klapisch-Zuber Ch. Les Toscans et leurs familles. P., 1978. P. 402.* Средний возраст первого брака во Флоренции 1427–1430 гг. у мужчин 27,8; у женщин 18,8; средний возраст первого брака в сельских областях Тосканы 1427–1430 гг. у мужчин 23,8; у женщин 19,3 (*Ibid. P. 396–397*).
- 124 Эта же картина характерна и для Тосканы XV в. См.: *Herlihy D., Klapisch-Zuber Ch. Op. cit. P. 414.*
- 125 *Bois G. Op. cit. P. 317, note 20.*
- 126 Именно этот тип хозяйств отличался в конце XIV и в XV в. большей доходностью и он же переживал тогда период роста. См.: *Бессмертный Ю. Л. Французское крестьянство в XIV–XV вв.//История крестьянства в Европе. М., 1976. Т. 2.*
- 127 Так, например, после окончания очередной эпидемии (или серии годовых лет) супруги, потерявшие брачного партнера, могли вступать в новые браки с более молодыми людьми, поскольку в условиях демографического спада принятые нормы брачного возраста временно переставали соблюдаться. Такое «омоложение» брака благоприятствовало росту рождаемости, особенно в первые годы после спада. В эти же годы возрастала рождаемость и в семьях, переживших эпидемию (или голод): по мере восстановления нормальных условий существования прекращалась иммиграция, которая возникала у многих женщин во время кризисов из-за голода и психологических потрясений (ср.: *Histoire de la population... T. 2. P. 428–430*).
- 128 *Les familles nobles du Forez en XIIIe siècle/Ed. par E. Perroy. P., 1976.*
- 129 *Lorcin M.-Th. Vivre... P. 13–19; Les campagnes de la région Lyonnaise aux XIVe et XVe siècles. Lyon, 1974. P. 220. etc.*

- ¹³⁰ О масштабах этих колебаний можно судить по ряду данных. Так, в Лионне в 1340–1510 гг. среднее число детей на сельскую семью колебалось от 0,8 до 3,31 (*Lorcin M.-Th. Les campagnes... P. 220*); в Перигоре, судя по 18 завещаниям за 1377–1415 гг., среднее число детей на семью составляло лишь 1,45, а в конце XV в. – 4,8; в деревне Pougnières в Нижнем Провансе в те же годы 34% семей не имело живых детей, большинство остальных семей включало лишь одного отпрыска (*Higouinet-Nadal A. Périgieux... P. 159–290*). В Арле и округе завещания за 1437–1439 гг. показывают среднее число детей на семью у зажиточных селян – 2,0 (при обычной средней численности детей на семью в этом слое 2,5), у дворян – 1,8 (при обычном числе – 2,14), у купцов – 1,8 (при обычной цифре – 2,6), у батраков и пастухов – 0,98–0,89 (при обычном числе – 1,8). См.: *Stouff L. Op. cit. P. 124, ann. 18*.
- ¹³¹ В сравнительно благоприятные годы (1470–1511 гг.) в Montarchet-en-Foréz из 214 крещеных детей умерло до года 66% (*Bresc H. Op. cit. P. 411*); в Реймсе в начале XV в. детская смертность составляла 500‰. *Desport P. Op. cit. P. 499*. По подсчетам М. Зернер, для городка Вальреа (Прованс) в период эпидемии 1420 г. смертность среди детей достигала 700‰ (не считая младенцев). См.: *Zerner M. Une crise de mortalité au XVe siècle. A travers les testaments et les rôles d'imposition // Annales E.S.C. 1975, P. 572*. Судя по «Le Livre de raison...» у Этьена Бенуа из Лиможа (начало XV в.) из его 14 детей умерло 11, в том числе 5 в возрасте до года. См.: *Guibert L. Le livre de raison d'Etienne Benoist. Limoges, 1982*.
- ¹³² По словам Жана де Венета (середина XIV в.), женщины в его время, несмотря на гибель многих мужчин, столь часто беременели, что порой казалось, будто им удается зачать детей в одиночку. См.: *Continuation de Guillaume de Nangis/Ed. H. Gérard. P., 1847. T. 2. P. 180 («...muliera quam solito abundancius concipiebant»); Fourquin G. Les campagnes de la région parisienne. P., 1964. P. 191*. Вероятно, это было связано с тем, что после окончания очередного демографического кризиса сокращалось число женщин, страдавших от аменореи, и, кроме того, происходило временное «омоложение» брака. Интергенетический интервал в эти годы мог заметно сократиться. Ср.: в Реймсе начала XV в. из 86 случаев, в которых известны интергенетические интервалы, рождения детей были ежегодными у 16% женщин, раз в 2 года – у 28%, раз в 3 года – у 17% (*Desport P. Op. cit. P. 502*).
- ¹³³ *Lorcin M.-Th. Vivre... P. 18*.
- ¹³⁴ *Ibid. P. 16; Ann. 6. P. 195*.
- ¹³⁵ *Fournial E. Les villes et l'économie d'échanges en Foréz aux XIIIe et XIVe siècles. P., 1967. P. 348*. В Арле в 1391–1395 гг. среднее число детей на семью – 1,75 (*Stouff L. Op. cit... P. 118*); в Реймсе 1422 г. – 1,7–1,9 (*Desport P. Op. cit. P. 487*).
- ¹³⁶ *Lorcin M.-Th. Vivre... P. 18*.
- ¹³⁷ *Ibid. P. 13–19*. Форезские завещания, к сожалению, не содержат материалов по XII–XIII вв., что не позволяет провести по ним сопоставления численности детей в XII–XV вв., предпринятого нами выше по демографическим данным Э. Перруа.
- ¹³⁸ *Higouinet-Nadal A. Op. cit. P. 159, 287–290*.
- ¹³⁹ *Zerner M. Une crise... P. 567*.
- ¹⁴⁰ *Bautier R. H. Feux, population et structure sociale au milieu du XV siècle: l'exemple de Carpentras // Annales E. S. C. 1959. N 2. P. 255–269*. По подсчетам Р. Ботье, средний семейный коэффициент достигал в среде христианского населения исследуемого им района 5,2.
- ¹⁴¹ *Patault A. M. Hommes et femmes de corps en Champagne méridionale à la fin du Moyen Age. Nancy, 1978*. На рубеже XIV–XV вв. в семьях сервов бывало по 11 детей (*Fossier H. Remarques... P. 195*).

- ¹⁴² Bois G. Crise... P. 330.
- ¹⁴³ Quinze joies de mariage. P. 34.
- ¹⁴⁴ См. об этом: *Bessmering You. L.* La démographie historique de l'Europe occidentale: L'état des recherches en URSS // ADH. 1990.
- ¹⁴⁵ *Genicot L.* Naissance, fonction et richesse dans l'ordonnance de la société médiévale: Le cas de la noblesse du Nord-Ouest du continent // Problèmes de stratification sociale. Louvain-Gand, 1968. P. 98.
- ¹⁴⁶ *Нон Н. С.* Ребенок и общество. М., 1988. С. 221.
- ¹⁴⁷ *Gerson J.* Opera Omnia/Trad. par E. Du Pin. Anvers, 1706. T. 3. Col. 463. Цит. по: *Bonney F.* Jean Gerson: Un nouveau regard sur l'enfance: Enfant et société // ADH. 1973. P. 138-139.
- ¹⁴⁸ Ibid. Col. 285.
- ¹⁴⁹ *Gerson J.* Oeuvres complètes/Ed. par P. Glorieux. T. 5. P. 135.
- ¹⁵⁰ Ibid. T. 2. P. 75-76; *Gerson J.* Opera Omnia. T. 3. Col. 29.
- ¹⁵¹ Ibid. Col. 285; *Gerson J.* Oeuvres complètes. T. 5. P. 135.
- ¹⁵² *Bonney F.* Op. cit. P. 144-142.
- ¹⁵³ *Ariès Ph.* L'enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. P., 1973. P. XI-XII.
- ¹⁵⁴ *Toussaert J.* Le sentiment religieux en Flandre à la fin du Moyen Âge. P., 1963; *Delumeau J.* Le péché et la peur: La culpabilisation en Occident (XIIIe-XVIIIe siècles). P., 1983.
- ¹⁵⁵ *Bernos M.* Réflexion sur un miracle // Annales du Midi. 1970. N 82; *Bresc H.* Op. cit. P. 412.
- ¹⁵⁶ *Ariès Ph.* L'enfant et la vie familiale... P. XIII-XIV; *Vovelle M.* La mort et l'Occident de 1300 à nos jours. P., 1983. P. 163.
- ¹⁵⁷ Впрочем, в полной мере идея взаимности в отношениях детей и родителей распространяется уже после Тридентского собора в середине XVI в. (Анализ этого вопроса по руководствам для исповедников до и после этого собора см.: *Flandrin J.* Familles. Parenté, maison, sexualité dans l'ancienne société. P., 1976. P. 135-136).
- ¹⁵⁸ *Deschamps E.* Oeuvres... T. 9: La miroir de mariage, ch. 33. P. 100.
- ¹⁵⁹ Ibid. P. 101.
- ¹⁶⁰ Ibid. T. 5. P. 259-260. В цитированной балладе перечень родительских обязанностей не раз прерывается рефреном: «Счастливы те, у кого нет детей». Его не следует понимать буквально. Фактически, в нем звучит сознание ответственности родителей за благополучие их детей.
- ¹⁶¹ Ibid. T. 3. P. 187.
- ¹⁶² Ibid. T. 5. P. 260.
- ¹⁶³ Ibid. T. 9. P. 101.
- ¹⁶⁴ *Butany J.* Regards sur l'enfance dans la littérature moralisante // Enfant et société... P. 126.
- ¹⁶⁵ Анализ переписки Салютати и дневников Дж. Морелли привел А. Тененти к выводу, что постоянная угроза в XIV в. жизни детей обострила у многих родителей чувства беспокойства и страха за их судьбу и способствовала углублению родительских эмоций. См.: *Tenenti A.* Témoignages Toscani sur la mort des enfants autour de 1400 // Enfant et société... P. 133-134. Эмоциональная связь между отцом и сыном становится в это время своеобразным мералом родственных отношений. Так, по сообщению А. Бреца, в сицилийских материалах первых лет XV в. (около 1410 г.) отношения между тестем и зятем рассматриваются как сопоставимые с отношениями отца и сына, которые обычно вместе «едят и пьют за одним столом и спят в одной постели». См.: *Bresc H.* Op. cit. P. 413-414.
- ¹⁶⁶ *Deschamps E.* Oeuvres... T. 3. P. 187.
- ¹⁶⁷ *Higounet-Nadal A.* Périgieux... P. 300, 305, 314.

- ¹⁸⁶ Zerner M. Une crise... P. 577.
- ¹⁸⁹ Bress H. Op. cit. P. 399.
- ¹⁷⁰ Что касается констатированной выше тенденции к сдерживанию общего роста брачности, то, видимо, при достигнутом уровне рождаемости для воспроизводства населения не было нужды в использовании прокреативной деятельности всех лиц брачного возраста. Более того, нелimited-рованная брачность, вероятно, выходила за рамки объективно необходимого социально-демографического баланса.
- ¹⁷¹ Fourquin G. Les campagnes... P. 227; Biraben J.-N. Les hommes et la peste en France et dans les pays européens et méditerranéens. P., 1975-1976. T. 1-2. P. 7 etc.; Vovelle M. La mort et l'Occident de 1300 à nos jours. P., 1983. P. 30-31, 94, 94; Dubois H. La dépression, XIVe et XVe siècles // Histoire de la population... T. 1, P. 313 et s.
- ¹⁷² По словам хронистов, заболеваемость этим видом чумы бывала меньше на «широких» улицах, чем на «узких» (Cazelles R. La peste de 1348-1349 en langue d'oïl, épidémie prolétarienne et infantile // Bulletin philologique et historique de Comité des travaux historiques, Année 1962. P., 1965. P. 299).
- ¹⁷³ Классический пример работ этого типа: Barotier E. La démographie provinciale du XIIIe au XVIe siècles. P., 1961.
- ¹⁷⁴ Исследования этого рода были предприняты Д. Расселом, Д. Розенталем и др. для Англии, Р. Казелем, Ф. Отран для Франции; о работах этого типа по другим странам см.: Vovelle M. La mort... P. 93.
- ¹⁷⁵ Fourquin G. Un siècle de calamités. P. 152; Cazelles R. La peste... P. 295-305; Helin E. Les recherches sur la mortalité dans la région liégeoise // Actes du Colloque internationale de démographie historique. Liège, 1963. P. 173.
- ¹⁷⁶ Dubois H. L'histoire démographique de Chalon-sur-Saône... P. 100-104; Bocoquet A. Recherches sur la population rurale de l'Artois et du Boulonnais pendant la période bourguignonne. Arras, 1969. P. 16-39.
- ¹⁷⁷ Помимо уже упоминавшихся суждений Г. Фуркена, Р. Казеля, А. Дюбуа, А. Бокэ, отметим, что этот же тезис формулировался Л. Штуфом (Stouff L. Op. cit. P. 113, note 263), а также Д. Херлихи и К. Кланш-Зубер в их известном исследовании по Тоскане (Herlihy D., Klapish-Zuber Ch. Op. cit. P. 378-380). Та же точка зрения была сформулирована в нашей статье «Демографические и социальные процессы во французской деревне XIV в.» Ниже будет показана необходимость коррективов к этому тезису.
- ¹⁷⁸ Minois G. Histoire de la vieillesse: De l'Antiquité à la Renaissance. P., 1987. P. 288 et s.; 337.
- ¹⁷⁹ Ibid. P. 295.
- ¹⁸⁰ Higounet-Nadal A. Périgieux... P. 298-316.
- ¹⁸¹ Minois G. Op. cit. P. 295.
- ¹⁸² Desportes P. La population... P. 499.
- ¹⁸³ Minois G. Op. cit. P. 289.
- ¹⁸⁴ Dubois H. L'histoire démographique... P. 102.
- ¹⁸⁵ Berthe M. Famines et épidémies dans les campagnes navarraises à la fin du Moyen Âge. P., 1984. P. 417, 552.
- ¹⁸⁶ Minois G. Op. cit. P. 290.
- ¹⁸⁷ Ibid. P. 286.
- ¹⁸⁸ Journal d'un bourgeois de Paris (1405-1449)/Ed. A. Tuetey. P., 1881. Пол 1418 г. автор дневника отмечает, что эпидемия чумы была особенно губительной для jeunes gens et les enfants; однако под jeunes gens в этом контексте вполне могли подразумеваться не «молодые взрослые», но подростки. Ср.: Minois G. Op. cit. P. 288.
- ¹⁸⁹ Минюа сопоставляет преобладание «бородатых» стариков в миниатюрах,

- выполняемых до 1413 г. братьями Лимбургскими, с преобладанием молодых лиц в миндаторах, включенных в тот же часослов Жаном Колломбом в 1485–1489 гг. (см.: Ibid. P. 297). Думается, однако, что подобные различия могли зависеть от самых разных обстоятельств (включая возраст самих художников).
- ¹⁹³ Ж. Минуа (Op. cit. P. 291) ссылается на работу: *Hollingsworth M. F., Hollingsworth J. M. Plague Mortality Rate by Age and Sex in the Parish of St. Botolph // Population Studies. 1971. T. 25, 1.* Однако судя по данным Холлинговортов, наибольшая смертность в 1603 г. была характерна для детей от 5 до 14 лет, а не для «молодых взрослых», среди которых она была умеренной (хотя и более высокой, чем у стариков).
- ¹⁹⁴ *Guenée B. L'âge des personnes authentiques; ceux qui comtent dans la société médiévale sont-ils jeunes ou vieux? // Prosopographie et histoire de l'Etat. Table ronde. P., 1986. P. 249–279.*
- ¹⁹⁵ *Bloch M. La société féodale: La formation des liens de dépendence. P., 1939. T. 1. P. 117.*
- ¹⁹⁶ *Guenée B. Op. cit. P. 262–275.*
- ¹⁹⁷ Напомним, что, как было показано выше, даже среди крестоносцев 40-летние и старше составляли до половины участников (см.: табл. 3.2).
- ¹⁹⁸ Этот тезис Жоржа Минуа встречает поддержку у А. Дюбуа в «История французского населения» (*Dubois H. La dépression... P. 363.*)
- ¹⁹⁹ *Les familles nobles... P. 167: Simon de Caisieu в 1220 г. имел от роду 25 лет; P. 184: Louis Chalencon de Rochebaron имел в 1434 г. 12 лет от роду; P. 196: Dinot Chantois de Malmont в 1310 г. имел 25 лет от роду; P. 210: Guillaume Charsale de Saint-Priest II в 1379 г. имел 60 лет от роду; P. 271: Renaud Damas II умирает в 1302 г. в возрасте 70 лет и т. д.*
- ²⁰⁰ *Les familles nobles... P. 179 (Bertrand de Chalencon Polignac III); P. 248 (Giraud Cordeil de Chagnon I); P. 312 (Guillaume d'Ecotay); P. 487 (Fancone de Magnau); P. 498 (Pierre de Marcilly); P. 502 (Antoine de Marcilly); P. 514–515 (Jean Mareschal d'Apinac).*
- ²⁰¹ *Les familles nobles... P. 55 (Pierre d'Angérien de Saint-Bonnet); P. 56 (Geoffroy d'Angérie de Saint-Bonnet); P. 64 (Raymond d'Antraigue); P. 69–70 (Guillaume Arnaud); P. 70 (Simon Arnaud); P. 73 (Huges Arand de Montrand I); P. 75–76 (Marguerite Arand de Chagnon); P. 82 (Jocerand de l'Aubepin et Girin de l'Aubepin); P. 86 (Isabelle d'Aubigny de Chalain); P. 90 (Pierre d'Augerolles); P. 91 (Guillaume d'Augerolles) etc.*
- ²⁰² Например, Гийом де Шаленсон Полignyк (см.: *Les familles nobles... P. 184*) впервые появляется в источниках в 1452 г. в связи с получением наследства, а последний раз — в 1464 г. (в парламентском приговоре). В соответствии с принятыми условиями мы считаем его умершим в возрасте 24 лет (т. к. правом получить наследство можно было пользоваться с 12 лет). Ясно, что наша оценка возраста смерти минимальна. Жосеран Шантуа де Мальмонт впервые появляется в источниках в качестве «малолетнего» (т. е. условно 5-летнего) в 1399 г., а последний раз в 1415 г. — в качестве «законного наследника» (Ibid. P. 197–198). Мы оцениваем возраст его смерти в 21 год, хотя очевидно, что он мог еще жить достаточно долго. Гуго де Лашанель получил рыцарское звание в 1316 г., а умер около 1357 г. Возраст его смерти по нашей оценке — 56 лет, т. к. мы относим срок посвящения в рыцари в период до 1350 г. к 15 годам. Ясно, однако, что это посвящение могло произойти и в более позднем возрасте, так что принятая нами продолжительность его жизни является заниженной и т. д.
- ²⁰³ Судя по материалам XVII в., мера уязвимости людей разных возрастных классов во время эпидемий изменялась в зависимости от характера заболевания (*Histoire de la population... T. 2. P. 189.*)
- ²⁰⁴ В отличие от сведений, которыми мы располагали по отношению к

- участникам Четвертого крестового похода, фореаские данные касаются гораздо более растянутого хронологического периода.
- ²⁰² Судя по исследованию флорентийского кадастра 1427 г., в Тоскане доля молодых возрастов возрастала по мере подъема по имущественной и социальной лестнице: численность подростков и молодежи была ниже в менее обеспеченных прослойках (см.: *Herlihy D., Klapisch-Zuber Ch. Op. cit.* ... P. 384–385). Можно предполагать, что и французская аристократия отличалась от менее высокопоставленных слоев большим удельным весом молодежи.
- ²⁰³ *Desport P. La population...* P. 495–499. Для сравнения укажем, что в 1740 г. доля лиц старше 60 лет составляла во Франции 8,3%, в 1987 г. – 18,3% (см.: *Histoire de la population...* T. 2. P. 69).
- ²⁰⁴ *Gramain M. Un exemple de démographie...* P. 35.
- ²⁰⁵ *Coulet N. Population et société à Pourriers, 1368–1440 // Etudes rurales.* 1973, Fasc. 2. P. 85–111.
- ²⁰⁶ *Zerner M. Une crise...* P. 578.
- ²⁰⁷ *Higouet-Nadal A. Périguenx...* P. 299.
- ²⁰⁸ Увеличение доли старых людей, достигших 60 лет или даже переваливших за 65 лет, констатируют и исследователи Флорентийского кадастра 1427 г. (см.: *Herlihy D., Klapisch-Zuber Ch. Op. cit.* P. 370–385). Сравнение этой описи с предшествующими и последующими обнаруживает, что на всем протяжении XV в. и в городах, и в деревнях Тосканы шестидесятилетние (вместе с людьми более старших возрастов) составляли (за редкими исключениями) около 10% населения и более (tab. N 56). Это отнюдь не означало, однако, какого бы то ни было вымывания «молодых взрослых», доля которых оставалась более или менее стабильной или даже возрастала.
- ²⁰⁹ *Les douze mois figurez...* Vers 48–50, 68–70. P. 356–359.
- ²¹⁰ *Dechamps E. Oeuvres...* T. 3. P. 156.
- ²¹¹ *Ibid.* T. 2. P. 67.
- ²¹² *Ibid.* T. 4. P. 116; см. также: *Ibid.* T. 9. P. 25, 69, 81, 109.
- ²¹³ Цит. по: *Minois G. La vieillesse...* P. 315.
- ²¹⁴ *Vovelle M. La mort...* P. 99.
- ²¹⁵ *Sprandel R. Alter und Todesfurcht...* S. 109.
- ²¹⁶ В 1355 г. Иоанн Добрый созвал по праву бана и арьер-бана на военную службу всех мужчин от 13 до 60 лет (*Ordonances des Rois français de la 3^e race.* T. IX. P. 429–430).
- ²¹⁷ *Herlihy D., Klapisch-Zuber Ch. Op. cit.* P. 445.
- ²¹⁸ По мнению М. Вовеля, именно в эти столетия средняя длительность предстоящей жизни достигла «потолка», который сохранялся до XVII или даже до конца XVIII в. См.: *Vovelle M. La mort...* P. 30.
- ²¹⁹ *Minois G. Op. cit.* P. 290; См. аналогично: *Berthe M. Famines...* P. 552; *Histoire de la France urbaine.* P., 1980. T. 2. P. 485. Сходное, хотя и более разработанное объяснение предлагают Д. Херлихи и Р. Кляппиш-Зубер. Они также склонны придавать большое значение роли иммунитета у выживших после чумы. Однако, с их точки зрения, не менее важна демографическая «ниша», образующаяся после каждой эпидемии в среде детей и подростков. Именно эти категории (а не «молодые взрослые», как думает Ж. Минья) сильнее всего «прорежались» в чуму, обуславливая тем самым относительное уменьшение в дальнейшем удельного веса более молодых поколений и возрастание доли стариков (*Herlihy D., Klapisch-Zuber Ch. Op. cit.* P. 379–381).
- ²²⁰ *Dechamps E. Oeuvres...* T. 2. P. 4.
- ²²¹ *Ibid.* T. 4. P. 34.
- ²²² *Ibid.* P. 24.
- ²²³ *Histoire de la vie privée.* T. 2. P. 589–592.

- 224 Prêcher d'exemples... P. 130-131.
- 225 *Dechamps E. Oeuvres...* T. 1. P. 320.
- 226 *Minot G. Op. cit.* P. 333-334.
- 227 *Sprandel R. Alter und Todesfurcht...* S. 111, 115.
- 228 См. например: *Dechamps E. Oeuvres...* T. 5. P. 43-44, ballade 865 «О старости»: «Не быть мне больше командиром... Не ходить в военные походы, не разбивать шатра в чистом поле, не иметь здоровых зубов... Отныне должен я рано ложиться спать, хорошенько укрываться, поздно вставать, есть только мягкое мясо, хороший хлеб и хорошее вино... Женщины мне больше не нужны, так как тело мое немощно. Я всегда знаю теперь, когда пойдет снег или дождь...» Еще резче высказывается 30-летний Ф. Вийон, по словам которого, стариков «повсюду презирают»; если старик молчит, чтобы «не сердить» молодых, его принимают за выжившего из ума; если же он открывает рот, ему велят замолкнуть; «даже лебедь, когда состарится, всегда неприятен» (*Villon Fr. Le testament/Ed. de la Pléiade*. P. 1158).
- 229 Бессмертный Ю. Л. Сеньория и крестьянско-сеньориальные отношения в Западной Европе (XI-XV вв.) // Экономическая история: Проблемы и исследования. М., 1987. С. 85-86; см. там же библиографию по этой теме.
- 230 *Aries Ph. Essai sur l'histoire de la mort en Occident du Moyen Age à nos jours*. P., 1975; *Delumeau J. La Peur en Occident (XIVe-XVIIIe siècles)*. P., 1978; *Death in the Middle Ages/Ed. by H. Bract, W. Verbeke. Leuven, 1983*; *Vovelle M. La mort et l'Occident de 1300...* etc.
- 231 *Higounet-Nadal A. Périgueux...* P. 316.
- 232 *Fossier R. L'homme et la terre...* P. 278; *Idem. Remarques...* P. 184; *Idem. Peuplement...* P. 75; *Delort R. Le Moyen Age...* P. 114; *Dubois H. L'histoire démographique...* P. 93-100; *Bocquet A. Recherches sur la population...* P. 171 etc.
- 233 *Desport P. La population...* P. 486.
- 234 *Buomberger F. Bevölkerungs- und Vermögensstatistik in der Stadt und Landschaft Freiburg um die Mitte des 15. Jh.* Berne, 1900; *Bäcker K. Die Bevölkerung von Frankfurt-am-Main in 14. und 15. Jh.* Tübingen, 1886; *Ennen E. Frau im Mittelalter...* S. 142-144.
- 235 *Biraben J. N. Les hommes...* P. 173. Любопытно, что, когда в начале XVII в. французские статистические данные о смертности во время чумных эпидемий становятся более систематичными, в них обнаруживается аналогичная диспропорция (см.: *Ibid.* P. 225).
- 236 *Jean de Venette. Continuation de Guillaume de Nangis*. T. II. P. 325: «В 1361 г. ...был сильный мор среди людей парижских, особенно среди детей (puerorum) обоего пола и молодежи (juvenum) и, как это ни удивительно, — больше среди мужчин, чем среди женщин».
- 237 Дж. Рассел (см.: *Russell J. C. British mediaeval population*. Albuquerque, 1948. P. 216) утверждал, что в Англии мужчины после 50 лет умирали от чумы чаще, чем их сверстницы. Против столь категоричного суждения выступал Дж. Шрусбери. См.: *Shrewsbury J. F. A History of Bubonic plague in the British Isles*. Cambridge, 1970. P. 51-53. Д. Херлихи и К. Клаппин-Зубер приводят свидетельства Марсалио Фичино, полагавшего, что в Италии первой половины XVI в., наоборот, женщины умирали от чумы чаще мужчин (*Herlihy D., Klappsch-Zuber Ch. Les Toscans...* P. 341, note 59).
- 238 *Ibid.* P. 340-349.
- 239 *Ennen E. Op. cit.* S. 141 ff.
- 240 *Bresc H. Op. cit.* P. 410.
- 241 *Lartigault J. Les campagnes du Quercy après la guerre de Cent Ans*. Toulouse, 1978.
- 242 *Higounet-Nadal A. Périgueux...* P. 332. Аналогичны некоторые англий-

- ские данные... См.: *Cipolla C. M., Borchardt K. Bevölkerungsgeschichte Europas. München, 1971. S. 30, 44* (женская смертность выше мужской в возрасте между 20 и 40 годами, мужская смертность превышает женскую между 40 и 60 годами).
- ²⁴³ *Lorcin M.-T. Vivre... P. 20-21.*
- ²⁴⁴ *Ibid.*
- ²⁴⁵ *Desport P. La population... P. 482-484.*
- ²⁴⁶ *Pirenne H. Les dénombrements de la population d'Ypres au XV siècle // Histoire économique de l'Occident médiévale. Bruges, 1951. P. 458-489; Mols R. Introduction à la démographie... T. 2. P. 125.*
- ²⁴⁷ *Lorcin M.-T. La famille dans les testaments foréziens // ADH. 1981. P. 210.*
- ²⁴⁸ *Dubois H. L'histoire démographique... P. 96.*
- ²⁴⁹ *Klapisch-Zuber Ch. Déclin démographique et structure du ménage // Famille et parenté dans l'Occident médiéval. Roma, 1977. P. 255 etc.; Ennen E. Op. cit. S. 134 ff.*
- ²⁵⁰ *Zerner M. Une crise... P. 569-570; Gramain M. Un exemple... P. 35-36; Higounet-Nadal A. Périgieux... P. 159.*
- ²⁵¹ *Berthe M. Famines... P. 150 etc.; Minois G. Op. cit. P. 298; Bresc H. Op. cit. P. 386.*
- ²⁵² *Le Roy Ladurie E. Les paysans du Languedoc. P., 1966; Flandrin J.-P. Familles... P. 59, 82-85, 242 etc.; Heers J. Le clan familial au Moyen Âge. P., 1974. P. 17-19, 21-57; Bautier R. H. Valeur démographique du feu // Bulletin philologique et historique du Comité des travaux historiques, Année 1962. P. 230-245; Minois G. Op. cit. P. 298-301.*
- ²⁵³ См.: *Бессмертный Ю. Л. Демографические и социальные процессы... С. 127; Барс М. А., Авдеева К. Д. Еще раз о переходе от феодализма к капитализму // Экономическая история: Проблемы и исследования. С. 90-91.*
- ²⁵⁴ О двух этапах развитого феодализма во Франции XI-XV вв., их отличительных (и общих) чертах и их датировке см.: *История крестьянства в Европе. М., 1986. Т. 2. С. 12, 301, 630-632.*

ГЛАВА 5

Демографические процессы в XVI—XVIII вв.

Три столетия, непосредственно предшествующие Великой французской революции, рассматриваются обычно как некий особый период в истории Франции и Западной Европы в целом. В самом общем плане эта периодизация вполне оправдана. Это были столетия, когда рушились устои феодального строя и совершался переход к капитализму. В то же время у специалистов не вызывает сомнений своеобразие отдельных этапов внутри этого периода с точки зрения их социально-экономического, политического и историко-культурного содержания.

Примерно то же самое можно сказать о периодизации демографического развития Франции в XVI—XVIII вв.: известные черты общности для всей трехсотлетней эпохи сочетались со значительной спецификой отдельных периодов.

Одна из общих черт, особенно важная как раз для демографического анализа этих трех столетий, — невиданное ранее богатство источниковой базы. Будучи памятниками новой эпохи, документы XVI в. и в еще большей мере XVII—XVIII вв. донесли до нас сведения, которые для более ранних периодов просто не могли существовать. Даты заключения браков, возраст брачащихся, даты крещения детей того или иного пола, время похорон каждого из членов семьи, ее состав и численность — все это стали регулярно фиксировать лишь с XVI—XVII вв.

Тому способствовал ряд обстоятельств. Процедура церковного брака стала подчеркнута публичной. Она предусматривала письменную регистрацию и самого бракосочетания, и рождавшихся детей. Абсолютистская монархия придала регистрации церковью

браков, рождений и смертей обязательный характер (ордонанс августа 1539 г.). Одновременно, абсолютистские короли реформировали в фискальных целях учет населения: стали проводиться более или менее всеобщие описи населенных пунктов, числа «очагов» в них; регулярнее стали составляться списки налогоплательщиков. Учету живых и умерших стали меньше противиться и сами французы; сдвиги в менталитете изменили отношение к письменной фиксации самих людей и их действий.

Благодаря особенностям источников оказалось возможным принципиально расширить по отношению к XVI—XVIII вв. круг изучаемых демографических проблем, придать их анализу гораздо большую всеобщность и систематичность, сблизить исследовательскую методику с той, что характерна для современной демографии. Историческая демография, анализирующая XVI и особенно XVII—XVIII вв., отличается, таким образом, от исторической демографии достатистической эры и по проблематике, и по методике, и по понятийному аппарату.

Как уже отмечалось выше, именно XVII—XVIII вв., а также XVI в. наиболее интенсивно изучались в западноевропейской исторической демографии последних десятилетий. Накопленный здесь научный материал огромен. Именно на его базе в 80-е годы были созданы широкие обобщающие труды, в том числе и во Франции; второй том многократно цитировавшейся выше «Истории французского населения» целиком посвящен этим трем столетиям. Нам нет поэтому нужды предпринимать развернутое изучение демографических явлений данного периода. Мы ограничимся здесь рассмотрением преимущественно одного сюжета — преемственности между демографическим развитием Франции в XVI—XVIII вв. и в предшествующие столетия.

До сих пор при изучении этой преемственности главное внимание уделялось, так сказать, ее «внешним» аспектам: пределам колебаний численности населения в XVI—XVIII вв. (по сравнению с XIV—XV вв.), мере стабильности в эти столетия рождаемости и смертности, сходству и различию плотности населения отдельных провинций и т. п.¹ Нам хотелось бы перенести центр тяжести исследования на другой аспект проблемы. Мы будем интересоваться не столько «внешней», сколько «внутренней» стороной преемственности в демографическом развитии. Под ней мы подразумеваем прежде всего степень близости поведенческих стереотипов и способов мировосприятия, характерных для людей того времени в интересующей нас сфере. Демографическая история «изнутри» — вот главный ракурс нашего анализа. Рассмотрим с этой точки зрения некоторые особенности модели брака, отношения к детям, структуры семьи и сексуальной практики во Франции XVI—XVIII вв.

Первое, что отмечают все исследователи брачной модели XVI—XVIII вв., — неуклонное повышение принятого возраста первого брака. Особенно резким было оно у женщин. В ряде французских областей средний возраст вступления девушек в брак увеличился за каких-нибудь 50—60 лет — с последних десятилетий XVI до 20—30-х годов XVII в. — на 3—4 года и достиг примерно 23 лет. Во второй половине XVII и в XVIII в. он продолжал расти, достигнув в сельских районах 25—26 лет, а в городах — 27 лет. Увеличивался, хотя не так интенсивно, и средний возраст первого брака молодых мужчин — до 28—29 лет. Разрыв в возрасте супругов сократился. Исключения составляли аристократы, дочери которых заключали первые браки по-прежнему в 19—20 лет с мужчинами 25—29-летнего возраста. Существовали, кроме того, локальные особенности: например, в Лимузене девушки выходили замуж относительно рано — до 21 года. Но общая тенденция повышения в XVI—XVIII вв. брачного возраста не вызывает никаких сомнений². Сопоставляя ее с тем, что было выяснено выше об изменении возраста первого брака в предыдущие столетия, есть все основания констатировать явную преемственность в тенденциях развития³.

Как и раньше, повышение брачного возраста было тесно связано с трудностью обустройства и хозяйственного обособления новой семьи. Вот, например, как магистрат Амьена характеризовал в 1573 г. брачные обычаи в городе: «Ежедневно можно видеть, как бедные люди умоляют священников обвенчать их детей — сыновей в 16—18 лет, дочерей в 13—14; через 4—5 лет эти молодые люди обзаводятся кучей детей, вымалывающих кусок хлеба; из-за этого и их родители вынуждены нищенствовать. Чтобы впредь не было ничего подобного, пусть все, особенно бедняки, не вступают в брак, пока не достигнут юности 24—25 лет, девушки 17—18 лет»⁴. Как видим, регламентация брачного возраста не всегда возникала спонтанно. Она могла и декретироваться «сверху», лишь затем укоренилась в сознании. Но в любом случае она — как и в предшествующие столетия — была неразрывно связана с регуляцией численности населения, со стремлением предотвратить его рост.

Самым молодым людям, особенно из среды бедняков, эта регламентация браков pesла немало жизненных осложнений. Хотя поженатыми до конца жизни осталось не более 10% населения, доля холостых и незамужних среди молодежи до 25 лет составляла около 50%⁵. Всем им приходилось либо надолго откладывать браки, не соответствовавшие матримониальной стратегии их родителей, либо вовсе отказываться от них. Свои сексуальные потребности они могли удовлетворять лишь во внебрачных связях. А так как внебрачные беременности по-прежнему счита-

лись постыдными (не случайно, они оставались крайне редкими, не превышая 1—2% от общего числа беременностей⁴), неизбежно укоренилась та форма сексуального поведения, которая предполагала обособление соития от зачатия⁵. Ставшее привычным в добрачный период разделение этих двух актов естественно сохранялось и в дальнейшем, в собственно супружеских отношениях. Тем самым подготавливалась база для внутрисемейного «планирования рождаемости». Нетрудно заметить, что и в этом отношении сексуальная практика XVI—XVIII вв. представляла до некоторой степени продолжение той, что зародилась еще в предшествующие два столетия, когда холостяки удовлетворяли свои сексуальные потребности в общении с конкубинами или проститутками. Преемственно связанным с прошлым было и самое понимание брака. В XVI—XVIII вв. он в еще большей мере, чем раньше, выступал в качестве полового союза по расчету. Не случайно, в назидательных сочинениях того времени с особенной прямотой подчеркивается, что жена не должна быть для мужа ни «любовницей», ни даже «другом», но лишь матерью его детей; сексуальные радости с браком несовместимы; любовь между мужем и женой — плод брака, а не его предпосылка; мезальянсы исключаются так же, как и разводы⁶.

Неудивительно, что на протяжении всего периода идет борьба против некоторых элементов церковного канона брака. Неудовлетворенные им молодые люди изыскивали самые разные способы обойти установленные правила, чтобы сочетаться браком по любви, пренебрегая расчетами родителей. Тайные браки превращаются чуть ли не в поветрие. Между тем церковь — при активной поддержке абсолютистского государства — продолжала ужесточать правила оформления брака, стремясь исключить тайные венчания⁷. Возможность выбора брачной партии на основе личных склонностей все более затрудняется. Распространенность браков по расчету достигает апогея⁸.

Вместе с дальнейшим закреплением нерасторжимого моногамного брака закрепляется и понимание семьи как домохозяйственной ячейки, объединяющей супругов, их детей и холостых родичей. «Семья» (*famille*) в этом смысле сливается с понятием домохозяйство, дом, очаг (*ménage*). Фактически в этот момент завершается становление семьи в ее новоевропейском понимании. Но формы семьи не унифицируются. На трех четвертях территории Северной Франции полностью побуждает нуклеарная семья, включающая лишь родителей с неженатыми детьми. На Юге же продолжали преобладать более сложные структуры, включавшие, кроме самих родителей, семью женатого старшего сына (или замужней дочери), а также их неженатых детей. В обоих этих случаях преемственность тенденций развития с предшествующими столетиями не вызывала сомнений⁹.

Явные черты преемственности с прошлым обнаруживаются в XVI—XVIII вв. и в сфере родительских забот о детях. Среднее число выживших детей на семью было до середины XVIII в. довольно высоким, достигая в большинстве сельских районов 5—6, а в городах — даже 6—7 детей¹². Резкое повышение брачного возраста не сказалось, следовательно, на сокращении потомства. (Напомним, что во второй половине XV в. среднее число детей несколько уступало приведенным цифрам.) Это могло случиться лишь при условии уменьшения детской смертности. Она, действительно, снижается, особенно в XVIII в., опускаясь до 450—500‰ для детей, доживших до 10 лет, и до 240‰ для детей от года до четырех¹³. Характерно, что младенческая смертность (среди детей до одного года) была в то время сходной во всех социальных классах. (Бороться с болезнями младенческого возраста не умел никто.) Смертность же детей от года до 10 лет уменьшалась с повышением социального статуса родителей (не считая, однако, горожан, дети которых из-за менее благоприятной эпидемиологической обстановки умирали в целом чаще, чем в деревне). Вряд ли можно сомневаться, что это объяснялось различиями в выхаживании детей в разных классах. Улучшение такого выхаживания, особенно в более зажиточных семьях, подтверждается свидетельствами о расширении родительских забот, а также успехами педиатрии. Источники прямо говорят о горячей любви многих родителей к своим детям, любви, которая занимает все более заметное место в эмоциональной жизни семьи в целом¹⁴.

Тем парадоксальнее выглядит, на первый взгляд, явное сокращение среднего числа детей со второй половины XVIII в. Оно прослеживается, в первую очередь, на северо-западе Франции (т. е. в наиболее развитых областях страны) и во всех социальных группах. Сильнее всего заметно оно в среде высшей знати, где выхаживание детей было, несомненно, более тщательным¹⁵. Этот факт — при неизменном или даже снижающемся уровне детской смертности — заставляет думать, что сокращение среднего числа детей было связано не с чем иным, как с сознательными усилиями родителей ограничить деторождение. Такое внутрисемейное планирование реализовалось либо за счет резкого увеличения интергенетических интервалов, либо в результате полного прекращения беременностей после рождения определенного числа детей¹⁶. В любом, однако, случае побудить к внутрисемейному планированию рождаемости могли лишь достаточно мощные психологические импульсы.

Среди них некоторые исследователи называют стремление избежать дробления домохозяйства между большим числом наследников¹⁷. Хотя это и не исключено, думается, что авторы такого

предположения исходят из маловероятной, на наш взгляд, гиперпредусмотрительности родителей. Ведь при данном допущении 25—30-летние люди должны были бы в своей интимной жизни руководствоваться соображениями о том, что может произойти после их смерти — через 30—40 лет. Более вероятной представляется нам связь планирования рождаемости с заботой родителей о физическом здоровье и воспитании уже имеющих детей. В самом деле, по мере сокращения детской смертности отцы и матери могли меньше опасаться, что усилия, предпринимаемые ими для выхаживания и воспитания детей, пропадут впустую. В результате могла складываться установка на обеспечение каждому ребенку условий для физического здоровья и надлежащего обучения. Такие условия трудно было создать сразу для многих. При ограниченности же числа наличных детей все они могли быть выхожены и обучены. Если согласиться с такой трактовкой, то в сокращении во второй половине XVIII в. среднего числа деторождений следовало бы видеть результат не ослабления, но, наоборот, усиления заботы о детях, результат превращения такой заботы в важный стимул семейной политики.

С этой точки зрения планирование рождаемости отражало немаловажный этап в процессе развития личности. Человек обретал власть над той стороной своей жизнедеятельности, которая испокон веков считалась «подведомственной» лишь Богу. Максима «Бог дал, Бог взял» утрачивала свою абсолютность. Откалываясь полагаться лишь на волю Бога, человек выступал фактически за приоритет своих земных забот и планов перед заботами о душевном спасении — возможном ведь лишь при припадении Бога наивысшим авторитетом. Судьба детей волновала, видимо, больше, чем судьба души, — такова была, по крайней мере, тенденция перестройки сознания, проявляющаяся в распространении практики внутрисемейного планирования рождаемости.

Как видим, конкретные психологические установки, которыми руководствовались люди XVIII в. в своем отношении к детям, резко отличались от прежних. Но в своих глубинных импульсах, и прежде всего в нацеленности на улучшение условий для сохранения жизни имеющих детей, эти установки были преемственно связаны с теми, что укоренялись в данной сфере с давних пор. Исходным пунктом их развития было переосмысление земных и небесных ценностей, переосмысление, начавшееся еще в XII—XIII вв. и отражавшее изменения в общей модели мира¹⁴.

Видимо, сходные импульсы способствовали усилению борьбы против болезней и преждевременной смерти взрослых. В XVI и особенно в XVIII в. средний возраст смерти по сравнению с предшествующими столетиями заметно повышается. (Речь идет, разумеется, лишь о «нормальных» годах.) Так, у родив-

шихся в XVII в. представителей светской и церковной аристократии средняя длительность предстоящей жизни в 40-летнем возрасте составляла 24—28 лет (т. е. они умирали в возрасте 64—68 лет), а у тех, кто дожил до 60 лет — 11—15 лет. Во второй половине XVIII в. только за полстолетия (1740—1789 гг.) среди людей между 20 и 60 годами смертность уменьшилась с 40,1% до 35,5%. Как констатируют авторы «Истории французского населения», «при Старом порядке редко умирали молодые, чаще всего смерть постигала либо детей, либо стариков»¹⁹.

В разных социальных классах средняя продолжительность жизни была, конечно, не одинаковой, более обеспеченные умирали позднее²⁰. Однако весьма показательна, что увеличение длительности предстоящей жизни в XVII—XVIII вв. наблюдалось и в наиболее высокопоставленных слоях²¹, о недостаточной материальной обеспеченности которых в предшествующий период говорить не приходится. Следовательно, удлинение жизни трудно объяснить лишь экономическим прогрессом и подъемом материального благосостояния. Нельзя также считать единственной причиной повышения возраста смерти успехи гигиены и медицины: до начала вакцинации в XIX в. их влияние оставалось сравнительно скромным. Вполне возможно, что рост продолжительности жизни взрослых (как и детей) в XVI—XVIII вв. был, хотя бы частично, результатом интенсификации витального поведения²².

Все это, конечно, не исключает ни сравнительно высокой общей смертности (даже в «нормальные» годы она достигала 35—40%, т. е. превышала смертность в современной Франции примерно в 3,5—4 раза), ни тем более огромной смертности в периоды так называемых демографических кризисов XVI—XVIII вв. Такие кризисы, выражавшиеся прежде всего в катастрофическом росте смертности (в 4—5 и более раз по сравнению с «нормальными» годами), повторялись в эти столетия многократно. Один из них был узкорегionalными, другие — общепольскими, третьи — всеевропейскими. Определение их числа зависит от критериев, которые признаются достаточными для их констатации. Но даже если учитывать только наиболее массовые кризисы, за 220 лет — с 1564 г. до начала Великой французской революции — их было не менее 13—14. Естественно, что они привлекали внимание современников, пытавшихся уяснить их истоки и меры их предотвращения.

Среди многочисленных попыток этого рода заметно выделяется та, которую в конце XVIII в. предпринял Томас Роберт Мальтус. В советской — и не только советской — литературе взгляды Мальтуса столько раз все вновь и вновь подвергались острейшей критике, что один только этот факт — неистовое обращение к трудам Мальтуса — достаточен, чтобы усомниться в оправдании

сти односторонне-негативного отношения к его научному наследию. Здесь нет возможности подробно обсуждать концепцию Т. Мальтуса. Отметим лишь одну особенность его общего подхода. Опираясь на выводы предпешественников, еще до него заметивших самый факт демографического гомеостаза в человеческом обществе, Т. Мальтус был первым, кто не удовлетворился констатацией связи между численностью населения и наличной массой продуктов питания. Он задался целью понять самый механизм взаимодействия между демографическим и социальным развитием. Этот механизм действовал, по мнению Т. Мальтуса, не только через сферу материального производства, но и через сферу сознания. Не исключал демографического роста, данный механизм регулировал его таким образом, что самый этот рост становился одним из импульсов движения общества.

Сегодня ясно, что конкретные представления Т. Мальтуса о механизме демографической регуляции неприемлемы. В них игнорируется его историческая изменчивость, недооцениваются возможности агрикультурного прогресса, гипертрофируются масштабы демографического роста, абсолютизируется «полюсовая страсть» и ее воздействие на индивидуальное поведение, предаются забвению роль стереотипов массового поведения и т. д. и т. п. Однако не найдя удовлетворительного решения проблемы, именно Т. Мальтус сумел ее остро поставить и притом как раз тогда, когда она приобрела особую актуальность²³. Неудивительно, что имя этого ученого оказывается на авансцене исторической науки всякий раз, как на ее очередном витке возникает необходимость углубить понимание взаимосвязи демографического и социального развития. Такая необходимость возникла, в частности, в 50-е годы нашего столетия, когда развернулись поиски истоков демографических кризисов XVII—XVIII вв. С тех пор вопрос об исторической обусловленности демографических кризисов при Старом порядке и общих закономерностях демографической динамики не сходит со страниц специальных исследований. Остановимся на этом подробнее.

Выведенный в конце 40-х годов Ж. Мевре тезис о непосредственной зависимости демографических кризисов XVII в. от периодически повторявшихся неурожаев ныне мало кто разделяет. В нем видят реминисценции самого примитивного варианта мальтузианской трактовки, когда единственным фактором демографической регуляции признавалось повышение смертности²⁴. Опираясь на многочисленные исследования последних десятилетий, авторы «Истории французского населения» предлагают ныне совершенно иную и несравненно более глубокую концепцию.

Один из главных ее создателей Ж. Дюпакье считает неудовлетворительной точку зрения ряда исследователей (разделявшую

ся в частности Ф. Броделем, а в прошлом и самим Ж. Дюпакье), согласно которой стагнация сельскохозяйственного производства в XVI—XVIII вв. непосредственно предопределяла стагнацию численности населения²⁵. Вытекающий отсюда вывод о том, что любое повышение достигнутой численности населения (или любой бедород) влекли повышение смертности, Ж. Дюпакье называет «искусственным» и «механистичным». По его мысли, рост населения в XVI—XVIII вв. мог вызывать рост смертности не столько из-за прямой нехватки продуктов, сколько из-за неизбежного усиления скученности населения (в первую очередь в городах). Такое усиление скученности в условиях антисанитарии создавало предпосылки эпидемий. Распространению эпидемий благоприятствовало и усиление миграций ремесленников, виноградарей и людей иных профессий, нуждавшихся в покупке продуктов питания и потому особенно страдавших от повышения цен в период роста населения. Ослабленные недоеданием эти слои становились и первыми жертвами эпидемий, и их разносчиками. Что касается самого повышения смертности, то его последствия были, по мнению Ж. Дюпакье, особенно губительны потому, что «вымывались» возрастные классы, способные к деторождению. Сокращение рождаемости обуславливалось также распадом многих семей или же менопаузой, наступавшей у замужних женщин в период недоедания и психологической напряженности, вызванной обстановкой кризиса. Параллельно становились более редкими браки, так как мало кто решался на создание семьи в условиях голода и эпидемий.

Подтверждение этой концепции можно найти в ряде конкретных исследований (Л. Дейона, Г. Фреша, Ж. Морисо, Ф. Леброна и др.), выявивших наиболее тесную связь бедородов и повышения цен с падением уровней брачности и рождаемости (а не с ростом смертности). Корреляционная зависимость между уровнем сельскохозяйственных цен, с одной стороны, и уровнем брачности и рождаемости, с другой, была вдвое-втрое сильнее, чем между уровнем цен и смертностью²⁶. Видимо, повышение цен и вообще ухудшение социально-экономической конъюнктуры наиболее непосредственно влияло не на смертность, но на брачное и прокреативное поведение. Все это побуждает считать главным звеном демографической регуляции в период спадов не смертность, но брачное и прокреативное поведение.

Они же определяли, по мнению сторонников этой концепции, модель выхода из демографического кризиса при Старом порядке: после прекращения недоедания и ослабления эпидемий спадает психологическая напряженность; замужние женщины вновь обретают способность к зачатию; оставшиеся вне семьи мужчины и женщины вступают в повторные браки, число которых на-

рывается лавинообразно; многие из новых брачных пар включают более молодых партнеров из среды холостяков; брачный возраст временно понижается; омоложение браков увеличивает рождаемость и помогает быстрее компенсировать понесенные потери²¹. Таким образом, в механизме демографического гомеостаза при Старом порядке решающую роль играл институт брака.

Этот институт, подчеркивает Ж. Дюпакье, объединял в себе демографические, религиозные и социальные функции с экономическими. По мысли Ж. Дюпакье, брачная ячейка возникала лишь тогда и постольку, когда и постольку было возможно создание новой хозяйственной ячейки. «Число семей — функция числа хозяйств, рабочих мест и жилищ, а не наоборот»²². Между тем, подчеркивает автор, число вновь возникавших жилищ и рабочих мест определялось во Франции сложившимся соотношением крупной и мелкой собственности. Это соотношение контролировалось и консервировалось правящими классами. Поддерживаемые ими аграрные структуры и производственные отношения еще в большей мере, чем консерватизм агрикультуры и сельского хозяйства, сдерживали возникновение новых рабочих мест, а вместе с тем и возникновение новых семей. «Демографический гомеостазис осуществлялся через регулирование числа самостоятельных хозяйств...»²³

Оригинальность и широта концепции, разработанной Ж. Дюпакье и его коллегами, не может не привлекать. В то же время, на наш взгляд, не все ее элементы равно доказаны. Наименее убедительными представляются нам соображения Ж. Дюпакье, касающиеся полной зависимости числа брачных пар от числа вновь возникавших рабочих мест. Для подтверждения этого тезиса необходимо сопоставление обоих этих чисел, которое пока что не предпринималось. Между тем некоторые конкретные исследования свидетельствуют о том, что даже в более ранний период и даже в деревне новые брачные пары возникали и при отсутствии новых хозяйственных мест²⁴. Тем более трудно исключить подобный процесс в условиях протопикуэтизации XVI-XVIII вв., когда новые семьи могли найти средства к жизни на мануфактурах или фермах, без того чтобы обрести самостоятельное хозяйство или жилище. Наконец, заметим, что тезис Ж. Дюпакье о решающей роли в демографической регуляции аграрных структур и производственных отношений плохо согласуется с его же (или его соавторов) заключениями, согласно которым с конца XVII — начала XVIII в. демографический рост *предшествует* экономической перестройке, аграрной революции и экономическому подъему²⁵.

Все это не значит, что объем экономических ресурсов и возможности создания новых хозяйств не влияли на демографиче-

ский тренд. Важно лишь не абсолютизировать их значения. Что же касается роли брака, который, по выражению Ж. Дюпакье, выступал в качестве «главного приводного ремня» в механизме демографической регуляции, то этот тезис представляется нам надежно доказанным. Как видим, представления о браке, модель брака и определяющийся ими уровень брачности оказывали на демографические процессы XVI—XVIII вв. почти столь же большое влияние, что и в предшествующие столетия.

Систематически повторявшиеся в XVI—XVIII вв. демографические кризисы обуславливали заметные колебания в численности французского населения. Его динамика, по образному выражению Э. Леруа-Ладюри, может быть уподоблена движению маятника. Согласно принятым авторами «Истории французского населения» оценкам, население Франции (в современных границах) составляло в середине XVI в. 19—20 млн человек. В конце XVI в. его численность несколько сократилась. В начале и середине XVII в. она вновь увеличилась — до 20—21 млн человек. В начале 90-х годов XVII в. наступило новое сокращение (примерно на 10—15%). К 1700 г. французское население вновь возросло, достигнув 22 млн человек. В дальнейшем — в течение всего XVIII в. — этот рост почти не прерывался: в 1720 г. — 22,6 млн человек, в 1740 г. — 24,6 млн, в 1790 г. — 28,1 млн, в 1815 — 30 млн человек³².

Как видим, «маятниковая» динамика XVI—XVII вв. сменяется в XVIII в. стабильным ростом. Эта особенность XVIII в. тем более заслуживает внимания, что как раз в этом столетии особенно заметно увеличивается принятый возраст первого брака. Счевидно, в новых условиях — при заметном сокращении детской и общей смертности — демографическая регуляция с помощью повышения возраста первого брака утрачивает эффективность. Возникает объективная необходимость выработки иных форм поддержания демографического гомеостаза. На сегодня остается не вполне ясным, каким образом эта объективная потребность была осознана французами. Вполне вероятно, что известную роль могли здесь сыграть те ограничения в формировании новых семей, о которых говорил по отношению к XVII в. Ж. Дюпакье. Однако только ли в этом было дело? Какие иные социальные и политические обстоятельства имели здесь значение? Насколько сказался растущий разрыв с традиционными родственными структурами? Как повлияло изменение идеологического и психологического климата, обострение психологической напряженности и неуверенности в будущем?

Пока что можно лишь констатировать, что во Франции XVIII в. (особенно после 1760 г.) распространяется новая форма демографической регуляции — внутрисемейное планирование

рождаемости. О масштабах и значении этого феномена уже говорилось. Здесь стоит лишь добавить, что по своему социальному и демографическому резонансу это был глубочайший поворот в системе воспроизводства населения. Со времен А. Ландри его принято именовать «демографической революцией» или более скромно — «демографическим переходом»²². В любом случае именно с этого времени (и только с этого времени) оправданно говорить о смене так называемого традиционного типа воспроизводства населения современным.

Особенности социального и демографического развития во Франции XVI—XVIII вв. побуждают вновь вернуться к вопросу о достаточности понятия «традиционный ТВН» для типологизации историко-демографического процесса в доиндустриальной Европе. Как мы видели, режим воспроизводства населения и его социальная обусловленность отличались в XVI—XVIII вв. существенным своеобразием. Причисление этого периода ко времени господства традиционного ТВН не раскрывает специфику данного этапа, а для Франции XVIII в. такое причисление в принципе неоправданно, поскольку игнорирует становление в этом столетии современного ТВН.

Соответственно в демографической истории Франции трех предреволюционных столетий следовало бы разграничивать две разные фазы. Первая из них охватывает XVI—XVII вв., когда увеличение численности населения купировалось резким повышением возраста первого брака и столь же резким увеличением доли холостых людей при относительно медленном снижении смертности. Для этой фазы были также характерны медленный и неравномерный экономический рост, базировавшийся на распространении мануфактуры и фермерства и господстве абсолютизма.

Вторая фаза охватывает XVIII в.; наиболее четко ее своеобразие выступает во второй половине столетия. Это было время заметного демографического подъема, сдержать который не могли ни дальнейшее увеличение возраста брака, ни возрастание доли холостых, ни даже некоторое сокращение рождаемости. Экономический подъем, укрепление капиталистического уклада, упадок абсолютизма благоприятствовали тогда дроблению земельной собственности, аккупации крестьянства, возникновению новых хозяйственных форм, так же как социокультурному прогрессу и развитию человеческой личности. Именно теперь оказывается возможным внутрисемейное планирование рождаемости, символизировавшее переход к современному ТВН. Есть, следовательно, достаточно оснований говорить о различии видов воспроизводства населения, характерных для Франции XVI—XVII вв., и отдельно — XVIII в.

- ¹ Именно эти параметры демографического развития были в центре внимания Э. Леруа-Ладюри, когда он выдвинул получившую широкую известность концепцию «неподвижной истории» Франции в XIV–XVII вв. (Э. Леруа-Ладюри имел в первую очередь в виду относительную тождественность этих параметров в начале и конце четырехсотлетнего периода). В дальнейшем он стал предпочитать термин «маятниковая» история. См.: *Le Roy Ladurie E. L'histoire immobile // Annales E. S. C. 1974. N 3; ср.: Idem. Postface: Démographie et histoire rurale en perspective // Histoire de la population française. P., 1988. T. 1. P. 515–516.*
- ² *Lebrun F. Amour et mariage // Histoire de la population... T. 2. P. 305.*
- ³ Фр. Леброн полагает, что определить, является ли это повышение возраста первого брака гововведением или же «возвратом к обычаям XIII в.» (?) не представляется возможным. См.: *Lebrun F. Op. cit. P. 305.*
- ⁴ Цит. по: *Geremek B. Truands et misérables. P., 1980. P. 147.*
- ⁵ *Henry L., Houdaille J. Célibat et âge au mariage aux XVIIIe et XIXe siècles en France // Population. P., 1978. P. 43–84; Dupâquier J. La population française aux XVIIe et XVIIIe siècles. P., 1979. P. 25; Hajnal J. European marriage patterns in perspective // Glass D., Eversley D. Population in history. L., 1965. P. 101–143.*
- ⁶ *Dupâquier J. La population... P. 25.*
- ⁷ Предупреждение беременности осуществлялось тогда за счет coitus interruptus, специальных тампонов, использования вневлагалищных видов соития. См.: *Chauni P. Postface // Histoire de la population... T. 2. P. 557.*
- ⁸ *Lebrun F. P. Op. cit. P. 294, 300–306, 311–312.*
- ⁹ Так, например в 1692 г. королевским эдиктом была введена так называемая формула Ламуаньона, согласно которой брак считался действительным лишь в том случае, когда местный, приходский кюре произносил: «Ego vos in matrimonium conjungo». См.: *Glasson E. Histoire du droit et des institutions de la France. P., 1903. T. 8. P. 440–443. См. также: Gaudemet J. Le mariage en Occident: Les mœurs et le droit. P., 1987. P. 286–311.*
- ¹⁰ Не этим ли отчасти объясняется то, что после смерти одного из супругов новый брак заключался обычно в течение нескольких, иногда лишь двух-трех, месяцев? См.: *Baulant M. La famille en miettes // Annales E. S. C. 1972. P. 959–968; Mariage et remariage dans les populations du passé. L., 1981.*
- ¹¹ *Flandrin J.-L. Familles: Parenté, maison, sexualité dans l'ancienne société. P., 1976; Dupâquier J. L'autorégulation de la population française // Histoire de la population... T. 2. P. 430–432.*
- ¹² *Bideau A., Bardet J.-P. La fécondité // Histoire de la population... T. 2. P. 367–378.*
- ¹³ *Bideau A., Dupâquier J., Gutierrez H. La mort quantifiée // Histoire de la population... T. 2. P. 224.*
- ¹⁴ *Biraben J. N., Gutton J.-P., Lebrun F. L'homme devant la maladie et la mort // Ibid. P. 286; Bideau A., Bardet J. P. La Fécondité // Ibid. P. 391–396.*
- ¹⁵ *Bideau A., Dupâquier J., Gutierrez H. Op. cit. P. 234.*
- ¹⁶ О методах определения способов внутрисемейного планирования рождаемости см.: *Моисеев Т. Л. Методы изучения внутрисемейного контроля над рождаемостью: Обзор // Демография западноевропейского средневековья в современной зарубежной историографии. М., 1984. С. 73–83.*
- ¹⁷ *Bideau A., Bardet J. P. Op. cit. P. 322–393.*
- ¹⁸ См. выше: гл. 2, § 4; см. также: *Ле Гофф Ж. С небес на землю: Перемены в системе ценностных ориентаций в Западной Европе XII–XIII вв. // Одиссей. 1991.*

- ¹⁹ Bideau A., Dupâquier J., Gutierrez H. Op. cit. P. 287.
- ²⁰ Так в XVII в. средняя продолжительность жизни женщин из буржуазных семей была на 17 лет больше, чем у женщин из семей рабочих. См.: Perrenoud A. Femmes // ADH. 1981. P. 89.
- ²¹ Houdaille J. La mortalité de la noblesse de robe à Paris aux XVIIe et XVIIIe siècles // Population. P., 1970, P. 637–641; *Idem*. Mortalité dans divers groupes de notables du XVIIe au XIXe siècle // Ibid. P. 966–967.
- ²² Необходимо однако иметь в виду, что сокращение смертности в XVI–XVIII вв. не было плавным процессом. Так, судя по ряду данных (*Rebando D.* Le mouvement annuel de la population française rurale de 1670 à 1740 // Population. P., 1979. P. 589–606; *Lebrun F.* Les crises démographiques en France aux XVIIe et XVIIIe siècles // Annales: E. S. C. P. 205–234), общая смертность во второй половине XVII в. (до 1690 г.) была во Франции (как и в ряде других стран) несколько выше, чем в предшествующие и последующие десятилетия. Объясняя этот факт, А. Перу выдвинул недавно гипотезу о благотворном влиянии на снижение смертности длительного похолодания климата, при котором уменьшается активность возбудителей инфекционных заболеваний. С этой точки зрения периоды длительного потепления, наоборот, оказывались менее благоприятными для сокращения смертности, несмотря на то, что они способствовали росту урожайности. См.: Perrenoud A. Atténuation des crises et déclin de la mortalité // ADH. 1989. P. 13–29.
- ²³ См.: Malthus hier et aujourd'hui/Ed. par A. Fauve-Chamoux. P., 1984; Dupâquier J. L'autorégulation. P. 414 etc.; *Бессмертный Ю. Л.* Историческая демография западноевропейского средневековья и начала нового времени: Характерные тенденции развития // Современная зарубежная неомарксистская историография. М., 1989. С. 269–283.
- ²⁴ См. подробнее: *Бессмертный Ю. Л.* Историко-демографические процессы в Западной Европе XVI–XVIII вв. в современной науке // Историческая демография: Проблемы, суждения, задачи. М., 1989. С. 133–149.
- ²⁵ Dupâquier J. L'autoregulation. P. 418 et s.
- ²⁶ См., например: Deyon P. Amiens, capitale provinciale, Etude sur la société urbaine au XVIIe siècle. P., 1967.
- ²⁷ Dupâquier J. L'autoregulation... P. 428 et s.
- ²⁸ Ibid. P. 431.
- ²⁹ Ibid. P. 432.
- ³⁰ Ruz' Z. Life, marriage and death in a medieval parish. Economy, society and demography in Halesoven, 1270–1400. Cambridge (Mass.), 1980.
- ³¹ Dupâquier J. Introduction // Histoire de la population... Т. 1. P. 5; *Idem*. Le peuplement // Ibid. P. 62; *Grenier J.-Y.* Croissance et déstabilisation // Ibid. Т. 2. P. 457–459.
- ³² Абсолютные цифры населения для XVI–XVIII вв. намного более надежны, чем для предшествующих столетий. Для нас, однако, общее их соотношение важнее каждой из них.
- ³³ См. подробнее: *Винниковский А. Г.* Демографическая революция. М., 1976.

Некоторые итоги

Увидеть в демографической динамике средневековья не только сухой баланс числа рождений и смертей, но и исполненное внутреннею драматизма борец иттенций живых людей — такова была одна из главных целей нашего анализа. Реализуя ее, мы уделяли особое внимание субъективному восприятию членами той или иной социальной группы окружающей их действительности, ибо именно это восприятие непосредственно определяло их поступки, включая и те из них, от которых зависел самый исход борьбы жизни и смерти.

Этот подход среди так называемому историко-антропологическому. Его последовательное использование меняет лицо демографии не в меньшей мере, чем лицо истории. Формирующаяся на его основе новая демографическая история, естественно, не ограничивается изучением демографических феноменов «извне». Она претендует на раскрытие их внутреннего, «человеческого» смысла и в первую очередь на уяснение мотивов человеческих поступков. Это требует не только расширения рамок демографической истории, но и изменения ее характера. Одной из важнейших ее задач становится выявление взаимосвязи демографических процессов с представлениями людей прошлого об окружающей их действительности.

Исследуя эту взаимосвязь, мы начинали всякий раз с брака, характер которого во многом определял исходные условия воспроизводства жизни.

Как было показано, представления о браке пережили в средневековой Франции глубокую метаморфозу. Вопреки распрост-

рашенным суждениям вплоть до конца XIII в. модель моногамного церковного брака не приобрела здесь монопольного положения. В умах людей сохранялось традиционное представление о возможности сосуществования разных видов супружеских союзов. Особенно глубоко эта концепция была укоренена в среде знати, но и другим социальным группам она не была чужда. Это накладывало глубокий отпечаток на матримониальное поведение.

Особенно специфичным было оно в каролингский период. Моногамный брак не был тогда общепринят. Противопоставление супружеских отношений, реализуемых в рамках церковного союза и вне их, еще не стало обычным. Супружеская жизнь начиналась сплошь да рядом вне и до церковного брака и во всяком случае не позднее 20 лет. Это обеспечивало высокую брачность, существенно превышавшую по своему уровню ту, которой соответствовала доля официальных церковных браков. Реальное число холостых людей брачного возраста даже среди мужчин имело своим верхним пределом 15—20% у крестьян и, по-видимому, было еще ниже у знати.

Естественным следствием этого было раннее начало детородного периода и очень высокая рождаемость. Однако до взрослого возраста доживала лишь часть детей: детская смертность даже в спокойные времена не опускалась ниже 55%. Объяснялось это не только материальными трудностями в жизни основной массы населения или же неразвитостью медицинских знаний. Не меньшее (если не большее) значение имело отсутствие в массовой картине мира установки на тщательное выхаживание детей. Небрежность в отношении к ним, парадоксальным образом уживаясь с материнской любовью, особенно губительно сказывалась на судьбе новорожденных. Типичное для людей нового времени представление о детях как об «эпицентре» семейной жизни отсутствовало тогда полностью, так же как и новоевропейская концепция семьи в целом.

Внутрисемейные связи еще не вполне возобладали над кровнородственными. Возникавшая в результате «разомкнутость» семьи мешала возникновению внутри нее эмоционального климата, способного стимулировать выхаживание больных, немощных или старых. Из-за высокой детской смертности, значительной смертности матерей при родах и краткости жизни взрослых доля бездетных семей не опускалась в каролингское время ниже 20—30%. В результате естественный прирост, видимо, не превышал 0,1% в год¹.

В период подъема французского феодализма — в XI—XIII вв. — ситуация изменяется к лучшему. Брачность остается весьма высокой, в частности, в связи с тем, что наряду с рас-

пространяющимся церковным браком сохраняются свободные формы супружества. Их живучесть не должна удивлять. Несмотря на включение брака в число основных христианских таинств, он еще не стал органическим элементом принятой картины мира, не превратился у мирян в непререкаемый внутренний императив. Соответственно, начало супружеской жизни оставалось в это время ранним, доля холостяков не увеличилась (особенно у крестьян). Численность же детей, как и их доля в населении в целом, заметно возрастает.

Связано это было не только с общим экономическим подъемом и улучшением материальных условий жизни. Рука об руку с этими явлениями изменялось и массовое видение мира. Во всех сферах жизни рос престиж земных ценностей. Именно ими все чаще определялись массовое восприятие и поведение. Это сказывалось, в частности, на отношении к семье, женщине и детям. Рыцарский культ Дамы был, конечно, сугубо элитарным явлением. Тем не менее он символизировал собой известное повышение престижа женщины в обществе в целом. Социальному подъему женщины способствовало и укрепление самостоятельности малой семьи, внутри которой функции хозяйки дома заметно расширялись. И хотя социальная дистанция, разделявшая в общественном сознании мужчину и женщину, в целом изменилась мало (так как одновременно возрастала и самооценка мужчины), известное упрочение статуса женщины в семье расширяло ее возможности в выхаживании детей, как и больных или немощных взрослых. На судьбах ребенка благоприятно сказался также некоторый прогресс в осмыслении психологических особенностей детей разного возраста.

В итоге доля бездетных семей в XII—XIII вв. редко превышает 30%. В детных семьях выживает обычно трое—четверо детей. Началом старости считают 40 лет. Средняя продолжительность жизни взрослых — даже в среде рыцарства, которое по долгу своего статуса постоянно рисковало жизнью, — достигала 43—48 лет. Старческая немощ считалась обычной для дворян-мужчин — в 60 лет, для крестьян-мужчин — в 50. Естественный прирост в ряде французских провинций поднялся до 0,6—0,7% в год².

Примерно с середины XIV в. во Франции начался новый период средневековой истории. Бедствия, связанные с чумой, частыми недородами и войнами, привели к гибели 30—40% населения и обострили внутрисемейный кризис общества. Разрыв в преемственности поколений облегчил изменение многих традиционных представлений. Именно к этому времени относится и перелом во взглядах на брак. Моногамный христианский брак становится единственной признанной в общественном сознании формой су-

пруджества. Все иные его формы, хотя и не исчезают, рассматриваются как отклонения, заслуживающие осуждения.

Резко изменяется отношение к человеческой жизни. В период, когда смерть от болезни или на войне подстерегала всех и каждого, одной из основных ценностей становится здоровье. Сохранение собственного здоровья, выхаживание детей, борьба со старческими недугами занимают все большее место в помыслах людей разного социального и имущественного статуса. В разгар эпидемий или войн такие заботы пропадали, конечно, впустую. Но после завершения в начале XV в. периода массовых бедствий (как и до этого — в так называемые нормальные годы, разделявшие вспышки эпидемий, войн и восстаний) интенсификация самосохранительного поведения и рост чувства ответственности за здоровье детей и близких давали свои плоды.

Доля бездетных семей сокращается во второй половине XV в. до 20%. Средняя численность выживших детей увеличивается даже по сравнению с докризисным XIII в. Многодетность становится обычной. Во всех социальных классах широко встречаются семьи с четырьмя и более детьми. По числу детей крестьяне и горожане начинают обгонять аристократию. В конце XV в. в их детных семьях выживает обычно четверо детей и более. Возрастная грань старости перемещается с 40-летия на 50-летие. Доля людей старше 50—60 лет увеличивается. Средняя продолжительность жизни взрослых приближается к 50 годам. В основных провинциях Франции естественный прирост во второй половине XV в. составлял не менее 0,5% в год, а в ряде мест превышал эту цифру. Не удивительно, что к началу XVI в. стали возможными не только полная компенсация людских потерь за период XIV — начала XV вв., но и превышение дочумной численности населения.

Подобный демографический рост шел несмотря на имевший «противоположный знак» изменения в брачных моделях. Так ужесточение форм церковного брака сужало возможность появления внебрачных детей. Еще резче ограничивало рождаемость увеличение в XIV—XV вв. возраста первого брака мужчин — до 25 лет. Видимо, комплекс поведенческих стереотипов, характерный для XV в. (и преемственно связанный с тем, который зародился еще в XII—XIII вв.), обеспечивал возможность интенсивного демографического роста, подчас даже не сбалансированного с общественными потребностями. Свести этот рост на нет могли катаклизмы того масштаба, которым характеризовались события во Франции во второй половине XIV в. При их отсутствии требовались иные «ограничители». Ими и стали увеличение возраста первого брака мужчин, увеличение доли холостяков (по меньшей мере до четверти численности молодых мужчин) и различные способы

предотвращения повторных браков. Объективно это представляло своего рода реакцию на избыточность воспроизводственных ресурсов³.

Эти же формы спонтанной демографической регуляции сохранялись и в XVI—XVII вв. — в переходный период между средневековьем и началом нового времени. Они даже стали еще резче: принятый возраст первого брака повысился и у мужчин (до 28—29 лет), и у женщин (до 23 лет в XVI—XVII вв., до 25—27 лет в XVIII в.). Огромная часть молодежи (около 50%) оставалась в наиболее благоприятные для рождения детей годы вне брака. Ясно, что это заметно снижало потенциал демографического роста. Тем не менее обычная численность детей в детных семьях была достаточно высокой (пять и более), превышая соответствующий показатель конца XV в. Это могло случиться лишь при условии дальнейшего улучшения выхаживания детей и снижения детской смертности. Сокращается и общая смертность (примерно до 40 человек на тысячу). Средняя продолжительность жизни взрослых переваливает за 50 лет. Резко возрастает число людей старших возрастов (60-ти и 70-летних). Неудивительно, что несмотря на повторяющиеся демографические кризисы, общая численность французского населения в XVI—XVII вв. не сокращалась и даже имела тенденцию увеличиваться (хотя и сравнительно медленно и не плавно)⁴.

Ситуация изменяется в XVIII в., когда несмотря на сохранение и ужесточение регламентации возраста вступления в брак население только за 100 лет увеличивается на 6—7 млн человек (средний ежегодный прирост был в XVIII в. в 5—6 раз выше, чем в течение двух предыдущих столетий). Видимо, на этом этапе регламентации численности населения с помощью повышения принятого возраста первого брака и увеличения доли холостых перестает действовать. Рост рождаемости и сокращение смертности с лихвой «перевешивают» влияние отсрочки браков.

На этом этапе возникает новая социокультурная норма — внутрисемейное планирование рождаемости. Эта форма демографической регуляции никак конкретно не предписывалась. Более того, церковь активно выступала против нее. Она возникала стихийно, на генерализации жизненного опыта отдельных индивидов или их групп. Становясь все более распространенным стереотипом поведения, внутрисемейное планирование в конечном счете обеспечило на новой основе необходимый демографический гомеостазис.

Пример средневековой Франции свидетельствует, таким образом, об огромном влиянии поведенческих стереотипов на ход воспроизводственного процесса. Его регулирование осуществлялось в это время за счет изменений в нормах демографического пове-

дення. Именно эти изменения сдерживали несбалансированный демографический рост.

Что касается самого этого роста, то его предпосылками в средневековой Франции были, конечно, не только поведенческие клише. Его обеспечивали и неуклонное расширение французской территории, и интенсификация освоения земли, и социально-экономический подъем, и политическая консолидация и т. п. Последствия же этого роста не всегда были однозначными. С завершением внутренней и внешней экспансии французского феодализма дальнейший демографический рост становился все более острой проблемой. Страна оказывалась перед угрозой перенаселения.

В отечественной историографии вопрос перенаселения в течение многих десятилетий решался упрощенно: всякое перенаселение считалось «относительным», обусловленным временными трудностями, преодоление которых связывалось исключительно с изменением «экономического базиса общества»¹. Пример Франции показывает, что избыток человеческих ресурсов ощущался здесь с очень раннего времени (в ряде областей уже с рубежа XIII—XIV вв.) и сохранялся (с перерывами на период стихийных бедствий) при разных вариантах «экономического базиса». Традиционное представление о хронической нехватке людей в эпоху средневековья — во многом миф. Уже в это время люди сталкивались с необходимостью противодействовать несбалансированному демографическому росту и общество находило способы его ограничивать. Недооценивая роль социокультурных регуляторов исторического процесса, исследователи долгое время не обращали должного внимания и на их роль в демографической регуляции.

Как мы видели, спонтанная регуляция этого типа возникла во Франции уже в XIV—XV вв. Она реализовывалась благодаря комплексу стереотипов демографического поведения, нацеленных на ограничение брачности и сокращение рождаемости у людей молодого возраста. Когда в XVIII в. эти поведенческие стереотипы утрачивают эффективность, на смену им приходит качественно новая форма саморегуляции с помощью внутрисемейного планирования. Это предполагало глубокое изменение и человеческой личности, и массовой картины мира. Именно в этот момент «традиционный» тип воспроизводства населения уступает место «современному». Совершается так называемая «демографическая революция» («демографический переход»).

Обзорные особенности воспроизводственного процесса в течение ряда столетий, предшествовавших этой «революции», позволяет обобщить наши наблюдения, касающиеся типологии разных его вариантов в средневековую эпоху. Как уже отмечалось,

отнесение всех этих вариантов к традиционному ТВН не помогает уяснению взаимосвязи социального и демографического развития. Более широкие возможности в этом смысле открывает использование категории вида воспроизводства населения (ВВН).

Напомним, что под ВВН мы подразумеваем системную общность черт воспроизводственного процесса, взятую во взаимосвязи и взаимодействии с современными ему социальными феноменами. Данная выше характеристика основных периодов демографического развития средневековой Франции позволяет достаточно отчетливо разграничить, по крайней мере, четыре ВВН. Ранний, преобладавший в каролингское время, можно было бы, исходя из сопоставления с последующим, условно назвать «умеренным»: он обеспечивал весьма небольшой рост населения в условиях постепенного завершения феодализации общества. Следующему этапу — XI—XIII вв. — был свойствен иной, так сказать, «крещенный» ВВН; в его структуре были заложены предпосылки интенсивного демографического подъема, ставшего возможным на базе общего подъема французского феодализма. ВВН, типичный для кризисного периода в истории Франции (XIV—XV вв.), сохраняет ряд черт предыдущего, но отличается зарождением ограничительных тенденций, хотя и относительно слабых. Его можно было бы обозначить как «ранний ограничительный ВВН», противопоставляя «позднеограничительному» ВВН XVI—XVII вв. На смену этому последнему в XVIII в. приходит, как отмечалось, современный ТВН.

Эти названия — сугубо условны. Их использование — как и использование категории ВВН вообще — имеет целью разграничение разных вариантов воспроизводственного процесса через различение их логических идеализаций. Главное, естественно, по в различии их названий, а в различии их содержания. При их сопоставлении со всей ясностью обнаруживается органическая сочлененность воспроизводственного процесса с системой *социокультурных представлений*, господствующих в данное время, в данном месте и в данном социальном классе. Именно эти представления непосредственно определяли демографическое поведение и — через него — подействовали на интенсивность воспроизводственного процесса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Учитывая ненадежность абсолютных цифровых данных по отношению к средневековью, мы не придаем слишком большого значения попыткам сколько-нибудь точно установить численность населения Франции в тот или иной период. Тем не менее в целях сравнения выше приводились принятые в литературе оценки. Минимальная для IX в. оценка численности населения Франции (в современных границах) — 3–5 млн человек.

² Минимальная оценка численности населения Франции (в современных

границах) на рубеже XIII–XIV вв. – 10 млн человек. Как отмечалось выше, ряд современных французских исследователей предлагают повысить эту оценку вдвое. В обоснование этого приводится тот факт, что в середине XVI в., когда были целиком восполнены потери кризисного периода второй половины XIV – начала XV в., население Франции составляло 19–20 млн человек (см. гл. 4, 1). Сторонники этой ретроспективной оценки численности населения Франции в канун «Черной смерти» не учитывают того, что в XV – начале XVI в. рост населения мог не только восполнить потери чумного времени, но и привести к существенно превышению дочумного уровня.

2 Демографическая регуляция осуществлялась здесь, так сказать, снизу. Об ограничении рождаемости «сверху» – с помощью государственной регуляции – говорить в это время не приходится. Даже если со стороны людей старшего поколения (или местных властей) давались рекомендации типа «не спешить с браком», в общепринятую норму поведения такие рекомендации могли превратиться лишь тогда, когда они были закреплены многолетней практикой и стали элементами расхожей морали. С этого момента представления о необходимости откладывать брак действовали неосознанно (или не вполне осознанно). Иными словами, демографическая регуляция в этой форме осуществлялась, как правило, стихийно, не на основе правовых предписаний, но преимущественно на базе социокультурных клише.

3 Согласно принятым в современной французской историографии оценкам, население Франции, составлявшее в середине XVI в. 19–20 млн человек, выросло к началу XVIII в. до 22 млн человек (см. гл. 5).

4 Это упрощение было тесно связано с гиперкритическим отношением к «демографическому фантозу» в истории. Мы ни в коей мере не разделяем детерминистских концепций о главенствующей роли на ранних этапах общественного развития демографического роста (см. подробнее в современных концепциях этого рода: *Бессмертный Ю. Л.* Историческая демография западноевропейского средневековья и начала нового времени // Современная немарксистская историография: Критический анализ. М., 1989. С. 277 и сл.). Тем не менее исходя, в частности, из материала проделанного исследования, мы видим в демографической динамике очень важный элемент социальной системы, обладающий к тому же известной самостоятельностью. Соответственно, несбалансированный рост населения, обгоняющий и потребности, и возможности общества, представляется нам в некоторые периоды средневековья вполне реальным феноменом.

Summary

For several years now prominent historians in the West, particularly in France, Germany and the USA, have been speaking (not without concern) of a certain crisis of historical knowledge. Assessments of the essence and the cause of the crisis may vary, but the principal point, where nearly all the scholars are at one, is recognition of serious cognitive problems historians are facing at present. As a result, historical studies are more and more widely branching off into different fields retaining little or no connection with each other. Absorption in specific, frequently exotic, subjects leads historians away from the quest of the whole. More and more often they speak of the impossibility to grasp and elucidate the relation and interrelation of various phenomena in history.

This concern, caused by the cognitive problems facing historians at present, is fully shared by Russian scholars, at least those of them who cherish the idea of developing historical knowledge unrestricted by ideological barriers.

The present writer supposes that the essence of the problems, in a nutshell, may be put as follows: it goes without saying that in the process of social development the effect of objective conditions in society, and that of subjective intentions and performances of the people living in it are inevitably interlocked. The historian, as a cognising subject belonging to an epoch completely different from the one under study, stumbles over great difficulties when he tries to follow the inter-action of these two sides of historical reality. Besides, the sources nearly never reveal subjective concepts of the people of the past in relation to the development of objective social processes of the period. Meantime, every sensible historian knows that choosing between different lines of behaviour, people make their choice conforming not so much to the reality as it is, as to their own vision of the reality. This makes understanding and elucidation of subjective concepts characteristic of an epoch under study an imperative condition of historical synthesis. A scholar, in search of the way to the synthesis, should first of all find a proper angle of analysis which could at the utmost enable him to embrace the both sides of historical reality, and second, choose the

way of research allowing the sources under study to reveal the information they carry on these two aspects of historical reality.

The approach chosen by the present writer is an analysis of demographic concepts, demographic behaviour and objective demographic processes in medieval France, in their interrelation. The «demographic concepts» will mean here French attitudes to marriage, family, childhood, old age, illness, life and death, and other key subjects of human existence, characteristic of various social groups in various medieval periods. By «demographic behaviour» the present writer means the aggregate stereotypes of behaviour which directly guided human performances in the demographic sphere, in different periods of the Middle Ages, while the performances themselves formed objective demographic processes developing in close interrelation with socio-economic, political and cultural processes in society as a whole.

The analysis of all these interlocked objective and subjective structures opens up a possibility to understand anew and more deeply the relation and interrelation of various phenomena in history. It seems the more interesting, as the demographic development in the medieval West as a whole, and in France in particular, has nearly never been studied in the way here suggested. One of the reasons of the lack of such studies is the laconism of medieval sources, which very seldom hold direct information on demographic phenomena. The researcher is therefore forced to focus his attention upon revealing indirect information carried by the sources. In this task he may be very efficiently assisted by a analysis of demographic concepts as a product of people's subjective perception of the objective processes in the society they lived in, and in the demographic sphere in particular.

In this sense the direct and indirect data on demographic concepts and the changes the concepts were undergoing, may be used for a mediate characterization of the very demographic processes. And vice versa, the data on some specific variants of demographic behaviour, appearing from time to time in the sources, may be used in order to find in them information on the demographic concepts of the time. Last but not least, elucidation of the system of demographic concepts in one or other period of the Middle Ages will help to form a balanced assessment of fragmentary evidence, scattered in the sources, of demographic processes as they were.

The complex character of the research required a great variety of sources to be used; among them were treatises on theology and morals, penitentiaries, chronicles, acts, coutumes, church council, statutes, polyptiques, censiers, hagiographic texts, genealogical materials, biographies, literary works.

The Carolingian epoch was chosen here as the initial point for

study, as that was the time of France's emergence as an independent state (Chapter 2). The subsequent chapters deal with the flourishing period of French feudalism (Chapter 3), its critical stage in the fourteenth and fifteenth centuries, the premise of the pending crisis of medieval society (Chapter 4), and the decline of feudalism and the genesis of capitalism in France in the period of the sixteenth to eighteenth centuries (Chapter 5). The intensive historio-demographic exploration of the latter period on-going in France allowed the present writer to restrict Chapter 5 to a generalization (in the main) of scientific data already accumulated, while the previous ones are based wholly on the author's own research. The first four chapters present a parallel elaboration of the methods of research and subjects under study, as without the specially elaborated methods of analyzing the sources, it would have been impossible to solve the posed problems.

All the chapters have a similar structure: they describe nuptial patterns and nuptiality; concepts of family and family models; attitudes to childhood and the number of children; attitudes to women and the number of women as related to the number of men; attitudes to old age, death and longevity; views on the ages of man and the age structure; the rate of population growth and demographic dynamics.

The demographic results proper given by the research are as follows: in the Carolingian period, the concept of marriage had not yet acquired a strict meaning. It embraced various nuptial models inherited, as a somewhat changed version, from the Romans and ancient Germans. The monogamic church marriage was but one of numerous nuptial patterns existing at that time. Therefore, the age at first marriage and the proportions marrying at that time should be assessed on the basis of all existent nuptial models. Most often, men married for the first time under twenty, girls even earlier than that. No more than 15% or 20% of peasants remained single; as to the nobles, the proportion was even smaller. Peasant families with children, in «peaceful» times, usually had two or three children who reached adulthood. And yet, the total number of the younger generation very little, and not everywhere, exceeded that of the older one. The high rate of infantile mortality, the mortality of mothers at childbirth and the shortness of adults' lives brought the proportion of childless families in the Carolingian epoch up to 30—45%. As a result, the natural growth evidently did not exceed 0.1% a year.

In the flourishing period of French feudalism, the eleventh to the thirteenth centuries, the situation in the country changed for the better. Nuptiality rate remained very high, which might be explained, in particular, by the existence of free nuptial models

along with the church marriage, which by that time had become predominant. The age at first marriage and proportions unmarried (peasants particularly) did not increase, while the number of children, and their proportion as to the whole population, grew considerably. And no wonder it was so, as inner colonization, urban growth and economic upsurge at that time went side by side with the changes in the conventional vision of the world. The increased prestige of worldly values found its expression specifically in intensified vital behaviour, in improvement of puericulture, as well as a better care of the old and ailing. The proportion of childless families in that period seldom exceeded 30%. Families having children had now no less than three or four children alive. Old age, in common view, began at forty. The average life duration of the adults was 43 to 48 years, and that even among the knights whose status required risking their lives constantly. Old age feebleness was considered natural at 60 for the nobles (males), and 50 for the peasants (males). The natural population growth in several French provinces amounted to 0.6—0.7% a year.

The new period of French demographic history which started about the mid-fourteenth century, was marked, as is well known, by a great decrease in population (30—40%). Nevertheless, contrary to some previous judgements, the mechanism of demographic growth formed in past centuries was not paralyzed either by external or by internal factors. Sustained by the deeprooted stereotypes of behaviour, it proved helpful not only in replacing the population in the fifteenth century, but also in creating a possibility to surpass the level of the thirteenth century in this respect. The phenomenon may be proved by a number of facts. By the end of the period, the proportion of childless families was reduced to 20%. The average number of living children in the late fifteenth century, as compared with the thirteenth century, increased. Families with four children and more became typical of all the social groups. At the end of the fifteenth century, the attitude to the initial stage of old age changed, now it was considered to be 50, not 40. The proportion of people over fifty, and even sixty, increased. The average duration of life of those over 20 was now about fifty years. In the main provinces of France, the natural growth amounted, in the late fifteenth century, to no less than 0.5% a year, and in some places even more than that.

All this was closely connected with certain deep social and mental changes. The demographic growth in the late fifteenth century was undoubtedly stimulated by the increased number of «vacancies» which had appeared in villages and towns as a result of the devastation of the previous decades. But it would be impossible to explain the rapid replacement and exceeding of the previous

numbers of the population by these factors only. Fear of death, so very characteristic of the sentiments of the time, was but the reverse side of the lust for life. The sense of the life's value told favourably on the attitude to children, to the weak, ailing and old. The stereotypes of behaviour, which had been formed in this sphere much earlier, were now given a new powerful incentive. The influence of these stereotypes was essential, though changes in nuptial models went in the opposite direction. The increasing rigidity of rules for church marriage reduced illegitimate childbirth. Birth-rate was even more reduced by the older age at first marriage for males (about 25 years of age), which became conventional in the fourteenth and fifteenth centuries. Evidently, the complex of stereotypes of behaviour, rooted back in the eleventh to thirteenth centuries, sustained and further developed in the fifteenth century, made possible an intensive demographic growth not always congruous with social needs. This growth could only be brought to nought by cataclisms equal to those which occurred in France in the mid-fourteenth century. Without such cataclisms, the role of arresting devices was played by the older age at first marriage (males), the growing proportions unmarried (up to about 25% in young males), various ways of preventing remarriages etc. Objectively, it came as a kind of reaction to the excessiveness of human reproductive resources.

Demographic regulation was here functioning «from below». If even the elders, or local authorities, should recommend postponing a marriage, recommendations like that could emerge as a conventional norm of behaviour only as a result of longstanding practice, when they became an integral part of the code of morals. Since that moment, the attitude to postponement of marriage as a necessity functioned subconsciously, or not quite consciously; or in other words, demographic regulation in this form was spontaneous as a rule, based upon socio-cultural clichés, not on any legal prescriptions.

The sixteenth and seventeenth centuries retained the same forms of spontaneous demographic regulation, which at that time provided for a relative stability of population numbers, having become even more vivid than before. The eighteenth century saw a change of the situation: though the spontaneous reglementation of the age at first marriage was still in action and even toughened, the period was marked by intensive demographic growth which ceased only in the nineteenth century, along with the spreading of a new socio-cultural standard of family birth control. The phenomenon of medieval France thus shows a great effect of stereotypes of behaviour on the character of reproductive process. It was regulated through changes within the system of mass socio-cultural concepts and stereotypes of demographic behaviour. These very changes checked the unbalanced demographic growth.

The interpretation of principal demographic features of each of the periods of French demographic history studied here, reveals both their specific character and succession. Treating of the various forms of expression of this succession, the author noted the existence, through nearly the whole millenium under study, of similar trends towards a greater toughening of marriage rules, a constant pushing up of the age at first marriage, intensification of vital behaviour, a constant improvement in puericulture, decrease in death-rate, etc. These similar trends of the evolution of demographic behaviour were deep-rooted. It would be hard not to see the commensurability of the evolution of demographic behaviour and the general tendency of the evolution of medieval society as a whole which, as is well known, was characterized by a gradual, though not uninterrupted, growth.

It has already been mentioned above, that the system of demographic conceptions was nevertheless an independent element of reality. What in the system itself made it relatively stable? What made the succession possible? Here we should keep in mind, first of all, that in human lives there could hardly exist stereotypes more permanently reproduced than those which determined nuptial, procreative or vital performances. They all constituted everyday practice, in the true sense of the word. Everyday practice naturally made traditional and conventional stereotypes especially stable, hardly changeable. Sexual moralities are not accidentally considered to be one of the most conservative and stable components of culture. Paradoxically, the very fact that the rules of this moral code were everywhere and everyday performed, made individual deviations more and more frequent. Such deviations could become more frequent also because demographic behaviour constitutes the most intimate sphere of human lives, where any social control would be practically impossible. Most often, the deviations occurred within the deep-rooted trends, and were not so much of a qualitative character, as a quantitative one: a further pushing up of the age at first marriage; a stricter fulfillment of marriage rules; a greater intensification of vital behaviour etc. The «freedom gap» some individuals retained regarding most conventional stereotypes of behaviour, was used most often in that way. It was very seldom that it could be used to create principally new forms of performance, and yet it was not impossible. The practice of voluntary regulation of fertility, scarce at its initial stages, but spreading more and more widely into daily routine, is only one example illustrating the phenomenon.

As to the demographic growth proper, which in medieval France was a stable feature of demographic development, it was preconditioned not only by clichés of behaviour. It was also stimulated

by the expansion of the territory of France, intensified cultivation of lands, social and economic upsurge, the state's political consolidation etc. Yet the consequences of the growth were not always monosemantic. As the internal and external expansion of the French feudalism was completed, the further demographic growth presented a more and more acute problem. The country faced the menace of overpopulation.

For many decades Soviet historiography treated the problem of overpopulation in a simplified way: any overpopulation was considered «relative», caused by temporary difficulties, which could be overcome only through changes in the «economic basis of society». The history of France shows that the excess of human resources had existed there very early, at least since the end of the thirteenth century, and kept through *different* variants of the «economic basis» (periods of calamity excluded). The traditional view that the Middle Ages constantly suffered from underpopulation, is in many respects mythical. Even in those early times, people were forced to resist unbalanced demographic growth, and found means to limit it. Underestimating the role of socio-cultural means of regulation of historical process, students of history had for a long time overlooked their role in demographic regulation as well.

To trace demographic processes in their relation to demographic concepts and demographic behaviour is one of the characteristic undertakings of new demographic history. Besides revelation of quantitative parameters of various demographic phenomena, it plunges into research of motives of human performances in the demographic sphere, and the sources of those motives. This does not only expand the territory of the demographic history of old, it also changes its very character. Converging with historio-cultural anthropology, the new demographic history contributes greatly to the creation of historical synthesis. This book is an attempt to help the new demographic history to mature.

Список сокращений

- ВИ – Вопросы истории
ВФ – Вопросы философии
СЭ – Советская этнография
ФЕ – Французский ежегодник
ADH – Annales de démographie historique
AL – Lille A. Liber poenitentialis. Louvain; Lille, 1965. T. 1–2
Annales E. S. C. – Annales: Economie. Sociétés. Civilisation
В – Beaumanoir Ph. Coutumes de Beauvaisis/Publ. par A. Salmon. P., 1899–1900. T. 1–2
Blois – Robert de Blois/Ed. par J. H. Fox. P., 1950
Burch. – Burchardus Wormacensis. Decretum // PL. T. 140
Carl. – Cartulaire
Chartes – Le Languedoc et le Rouergue dans le Trésor des Chartes/Ed. Y. Dos-
sat, A. Lamasson, Ph. Wolff. P., 1983
Dig. (D) – Iustiniani Digesta // Corpus iuris civilis. Institutiones, Digesta. Be-
rolini, 1928. T. 1.
Fougères – Estienne de Fougères. Livre des Manières: Rimarium, Grammatik,
Wörterbuch und neuer Textabdruck. Marburg, 1887
HE – Ordericus Vitalis. Historia Ecclesiastica/Ed. M. Chibnall. Oxford, 1978
Les douze mois figurez – les douze mois figurez/Ed. J. Morawski // Archivium
Romanicum. Nouva rivista di filologia romanza. Genève, 1926. Vol. X,
N 3–4
MA – Le Moyen Age
PL – Patrologae Cursus Completus. Ser. Latina
PN – Philippe de Novare. Des IV. tenz d'age d'ome/Ed. par M. de Fréville.
P., 1888
RH – Revue Historique

Оглавление

К читателю	3
Глава 1. Проблема и метод	7
Глава 2. Стагнация или рост? (каролингское время)	22
1. Общая характеристика социальной и демографической ситуации	22
2. Модель брака и брачность	29
3. Ребенок, женщина, половозрастная структура. Проблема прироста населения	41
4. Семья и демографические процессы	54
5. К типологии воспроизводительного процесса	61
Глава 3. Демографический рост XI—XIII вв.	72
1. Постановка вопроса	72
2. Модель брака и брачность	77
3. Ребенок, женщина, половозрастная структура. Масштабы прироста населения	87
4. Смерть и смертность, Продолжительность жизни	105
5. Несколько замечаний об эволюции семьи и виде воспроизводства населения	119
Глава 4. Спад и восстановление XIV—XV вв.	135
1. Постановка вопроса	135
2. Модель брака и брачность. Статус женщины	143
3. Численность детей	162
4. Смерть, смертность, продолжительность жизни	174
5. Об изменениях в структуре семьи	190
6. Вид воспроизводства населения в XIV—XV вв.	192
Глава 5. Демографические процессы в XVI—XVIII вв.	208
Некоторые итоги	222
Summary	230
Список сокращений	237

Contents

To the Reader	3
Chapter 1. The Problem and the Method	7
Chapter 2. Stagnation or Growth? (The Carolingian Times)	22
1. Social and Demographic Situation: General Features	22
2. Nuptial Patterns and Nuptiality	29
3. Child, Woman, Sex-and-Age Structure. The Problem of Population Growth	41
4. Family and Demographic Processes	54
5. Typology of Reproductive Process	61
Chapter 3. The Demographic Rise of the Eleventh to Thirteenth Centuries	72
1. Formulation of the Problem	72
2. Nuptial Patterns and Nuptiality	77
3. Child, Woman, Age-and-Sex Structure. Evolution of Population Growth Rate	87
4. Death and Death-Rate; Life Duration	105
5. A Few Remarks on the Evolution of Family and the Type of Reproduction	119
Chapter 4. The Slump and the Restoration of the Fourteenth and Fifteenth Centuries	135
1. Formulation of the Problem	135
2. Nuptial Patterns and Nuptiality. The Status of Woman	143
3. Numbers of Children	162
4. Death and Death-Rate; Life Duration	174
5. Changes in Family Structures	190
6. The Type of Reproduction in the Fourteenth and Fifteenth Centuries	192
Chapter 5. Demographic Processes in the Sixteenth to Eighteenth Centuries	208
A Few Conclusions	222
Summary	230
List of Abbreviations	237

Научное издание

Бессмертный Юрий Львович

Жизнь и смерть в средние века

Очерки
демографической истории
Франции

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
АН СССР

Заведующая редакцией

Л. С. Кручинина

Редактор издательства

О. Б. Константинова

Художники

Л. Н. Рабцев, В. С. Шумилина

Художественный редактор

Н. Н. Михайлова

Технический редактор

И. Н. Жмуркина

Корректоры

В. А. Алексина, Ф. Г. Сурина

ИБ № 47557

Сдано в набор 11.01.91

Подписано к печати 29.04.91

Формат 60×84 $\frac{1}{8}$

Бумага типографская № 1

Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 16,04. Усл. кр. отт. 17,2

Уч.-изд. л. 18,8

Тираж 5000 экз. Тип. зав. 1153

Цена 7 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва, В-483

Профсоюзная ул., 90.

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

